

МИХАИЛ
ДОМОГАЦКИХ

ЮЖНЕЕ
РЕКИ
БЕНХАЙ

МИХАИЛ
ДОМОГАЦКИХ

ЮЖНЕЕ
РЕКИ
БЕНХАЙ

МИХАИЛ
ДОМОГАЦКИХ

ЮЖНЕЕ
РЕКИ
БЕНХАЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОМАН

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1985

ББК 84.Р7
Д 66

Художник Василий Терещенко

Д 66 Домогацких М. Г.
Южнее реки Бенхай: Политический роман. —
М.: Сов. писатель, 1985. — 464 с.

В политическом романе «Южнее реки Бенхай» изображены события недавнего прошлого: эскалация американской агрессии во Вьетнаме во времена президента США Линдона Джонсона; героический отпор агрессору южновьетнамских патриотов.

Д $\frac{4702010200-400}{083(02)-85}$ КБ-3-25-84

ББК 84.Р7

© Издательство «Советский писатель», 1985 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Радист эсминца «Мэддокс», приписанного к 7-му флоту США, был в полной растерянности. Взглянув на часы, он еще раз убедился, что стрелки показывали около трех часов утра, 1 августа. Но шифрограмма требовала: «Вручить немедленно». Радист не мог нарушить приказа. Закрыв железный ящик с книгой для шифрованных телеграмм, он пододвинул к себе телефонный аппарат. Снял, а потом через несколько мгновений положил трубку. Потом взял банку кока-колы, рывком сорвал пробку и, не обращая внимания на хлынувшую пену, жадно сделал несколько больших глотков. Вновь поднял трубку и набрал комбинацию цифр. Трубка отозвалась прерывистыми гудками. Это продолжалось несколько минут, пока не раздался щелчок и сердитый сонный голос не спросил:

— Что у тебя случилось, Нат?

Командир эсминца сладко зевнул и, как почувствовал радист, готов был положить трубку.

— Вам сверхсрочная шифрограмма, сэр. Приказано вручить немедленно.

— Какого черта!.. Читай по телефону.

— Нет, сэр, после прочтения ее надо немедленно уничтожить.

— Боюсь, что тебе не приходилось вручать мне таких посланий, Нат? Не так ли?

— Так точно, сэр. Впервые. Что прикажете делать?

— Пока я приведу себя в порядок, ты поднимись ко мне, Нат. Здесь все и обсудим.

Радист тщательно закрыл рубку и не спеша направился в каюту командира.

Капитан первого ранга был в пижаме, но, судя по тому, что его курчавые волосы были влажными, успел умыться.

— Ну, давай, Нат, свою грозную бумагу. Что она нам сулит, а?

— Очень странная бумага, сэр,— ответил радист.

Командир внимательно посмотрел на растерянное лицо радиста, а потом впился глазами в радиограмму. «Утром 2 августа войдите в территориальные воды Северного Вьетнама в зоне Тонкинского залива. Приблизившись максимально к побережью, проведите визуальную разведку побережья. Попытку патрульных судов противника помешать вам выполнить задачу пресеките огнем артиллерии. Об исполнении доложить».

Дальше шел код командующего 7-м Тихоокеанским флотом адмирала Шарпа.

Командир эсминца еще и еще раз прочитал радиограмму, пытаясь найти какой-то скрытый смысл в тексте, но, так и не найдя ничего, положил листок на стол. Он сделал несколько шагов вдоль стола, остановился, с силой потер левой ладонью лоб, покрывшийся бисеринками пота, внимательно посмотрел на радиста.

— Ты что-нибудь понимаешь, Нат?

— Откровенно говоря, сэр, не понимаю. Они же,— радист махнул рукой за спину, где по его представлению находилось побережье,— тоже с пушками. Не хотел бы я влипнуть в эту историю, сэр, и попасть под снаряды. Отец рассказывал, что это чертовски неприятная вещь.

— Хорошо, Нат, ты иди. Мне, видимо, придется посоветоваться с самим собой, а потом и с помощниками.

— Я иду, сэр, но как быть с уничтожением радиограммы?

— Позже, торопиться с этим не будем, надо все хорошенько обдумать, по букровке разобрать весь текст. Ты в нем ничего не напутал?

— Что вы, сэр! — обиделся радист.

— Знаю, Нат, знаю,— положив на плечо руку радисту, сказал командир.— Боюсь, что никто нигде не напутал. Затевается что-то непонятное. Ладно, Нат, иди. Возможно, надо будет или отвечать, или просить уточнений.

Офицеры, созданные командиром эсминца в каюткомпанию, были не менее его ошеломлены радиограммой. Говорили о дьявольской шутке кого-нибудь из офицеров, но согласились, что шифр и подпись исключают злую выходку. Никто, как ни ломали голову, не мог дать объяснения полученному приказу. «Да,— говорили офицеры,— мы уже давно ходим вблизи территориальных вод Вьетнама, перехватываем некоторые радио-

граммы и переговоры, но это совсем не одно и то же, что вторгаться в эти воды. Что там делать? Хороший совет — дать отпор артиллерией, но ведь «Мэддокс» тоже обладает массой, в которую не так трудно влить снаряд».

Командир слушал, не вступая ни с кем в спор, а сам мучительно думал: как быть — готовиться к рискованному походу, не беспокоясь о последствиях, или запросить штаб флота дать разъяснения. В первом случае можешь прослать безголовым автоматом, не раздумывающим над задачей, а во втором, если попросить уточнения, можно вызвать неудовольствие иного плана — подумают, что ставишь под сомнение разумность полученного задания.

Командир понимал, что на его плечи возлагается огромная ответственность, потому что история знает, какую малую щепотку пороха надо бросить иногда на тлеющий огонек, чтобы вспыхнуло всепожирающее пламя. Выстрел в Сараеве вызвал первую мировую войну. Конечно, он мог и не произойти, тот роковой выстрел, тогда нашелся бы другой повод, чтобы начать войну. К ней все было готово. Запах пороха, как пишут в книгах по истории, висел в воздухе. Правда, когда он учился в академии, то слушателей убеждали, что причиной войны стало именно убийство австрийского престолонаследника. Однако позже, увлекшись историей, он стал изучать ее глубже, копаться в документах и понял, что убийство наследника старого австрийского императора — искорка, попавшая в бочку со взрывчаткой. В Вашингтоне сейчас с тревогой говорят о положении в мире, что-то не так в нем устроено, как хочется. А тут еще этот Вьетнам. Командующий 7-м флотом недавно на совещании офицеров говорил, что отсюда, из Вьетнама, надвигается угроза интересам Америки в Азии. Командир эсминца не знал всей информации, но думать он привык самостоятельно. А в полученной радиограмме было много неясного, рискованного, и он решил запросить штаб. Пусть отругают, но зато он будет уверен, что поступил разумно.

Ответная радиограмма пришла быстро: «Командиру эсминца «Мэддокс». Действуйте в соответствии с ранее полученным указанием. Напоминаем, необходимо приблизиться на минимальное расстояние от побережья в зоне Тонкинского залива и провести визуальную раз-

ведку. Ваши действия будет страховать авианосец «Тикондерога».

После этой радиограммы капитана «Мэддокса» вызвал по радио начальник оперативного управления штаба 7-го флота и спросил: все ли ему понятно, как надо действовать?

— А последствия? — спросил командир эсминца.

— Это компетенция офицеров другого ранга, — сухо ответил начальник управления.

В полночь 2 августа командир эсминца записал в бортовой журнал: «Распоряжением штаба флота эсминец направляется в район, прилегающий к территориальным водам Северного Вьетнама». Он еще не решился писать открыто, думал, что последует отмена приказа.

Связавшись по высокочастотной связи с командиром авианосца «Тикондерога», он узнал, что тот получил приказ поддержать «Мэддокс» огнем, если на него будет совершено нападение.

— Но ведь мы лезем в чужие воды?

— Я знаю не больше вашего.

— У меня такое впечатление, — сказал командир «Мэддокса», — что нас бросают в непонятную и опасную игру.

— За это нам платят деньги, дорогой мой, — отозвался командир авианосца.

— Может быть, вьетнамцы прячут от наших глаз что-то представляющее опасность для Америки? — спросил капитан «Мэддокса».

— По моим данным, в бухте южнее Хайфона, — в голосе собеседника командир «Мэддокса» уловил иронические нотки, — прячется вьетнамский флот из сотен боевых единиц. Суда уже изготовились, чтобы двинуться на позиции 7-го флота. Если вы помните, мы один раз прозевали, как японцы подготовили атаку на Пёрл-Харбор, второй раз не допустим.

Капитан «Мэддокса» улынулся шутке коллеги, но от нее не полегчало на душе.

После разговора в бортовой журнал легла новая запись: «Идем на выполнение боевого задания. Команда готова выполнить его».

Из района юго-западнее китайского острова Хайнань «Мэддокс» взял курс к берегам Вьетнама. В пределах видимости за ним следовал авианосец «Тикондерога».

Подойдя к территориальным водам Вьетнама, капи-

тан «Мэддокса» передал соседу, что застопорил машины: впереди уже рискованная зона. Он сообщил коллеге, что никаких вооруженных судов на горизонте не обнаружено и эсминец заходит в территориальные воды Вьетнама. Когда капитан кончил разговор, в каюту вошел радист с новой шифрограммой: «Капитану эсминца «Мэддокс». При встрече с судами противника открывайте огонь».

В трехмильной зоне от берега наблюдатели «Мэддокса» обнаружили патрульные суда вьетнамского флота, и эсминец открыл огонь из бортовых орудий. Вьетнамские суда, построившись в боевой порядок, пошли на сближение с нарушителем территориальных вод, хотя силы их были далеко не равными. По радио и сигнальными флажками они стали передавать, что американцы находятся в территориальных водах Вьетнама, и предлагали исправить возможную ошибку в ориентации. В ответ с «Мэддокса» снова раздались залпы. И только тогда вьетнамские моряки поняли, что американцы сознательно идут на нарушение суверенитета Вьетнама, открыли по кораблям огонь. И хотя пушки вьетнамцев не могли причинить серьезного ущерба бронированным громадам, американские корабли отступили в открытое море.

Командир группы вьетнамских патрульных судов сообщил командованию о происшедшем инциденте и просил указания, как вести себя в случае повторения ситуации. Ему было приказано повысить бдительность, но не выходить за пределы территориальных вод.

Министр обороны ДРВ генерал Во Нгуен Зиап после короткого обсуждения со своими заместителями создавшегося положения принял решение доложить обо всем президенту Хо Ши Мину, который созвал срочное заседание Политбюро.

— Это чистая провокация Вашингтона,— сказал на заседании Политбюро министр обороны,— за которой могут последовать серьезные акции Пентагона против нашей страны.

— Кажется,— добавил премьер-министр,— американо-сайгонское совещание в Гонолулу начинает давать о себе знать. Торопятся американцы, торопятся.

Президент Хо Ши Мин, выслушав мнение членов Политбюро, посуровел. Морщины глубже прорезали его лицо. Зрачки глаз сузились, взгляд стал пронзительно острым. В голосе появились твердые нотки.

— Да, товарищи, видимо, мы стоим накануне серьез-

ных испытаний. Давно уже наша страна вызывает в Вашингтоне раздражение и злобу, потому что она мешает им чувствовать себя безраздельными хозяевами в Азии. Разве могут они смириться с этим? Они много лет ищут повод, чтобы покончить с нами. Сначала они хотели разделиться с нами руками французов. После Дьенбьенфу они начали свою «особую войну» в Южном Вьетнаме и проиграли ее — и проигрыш связывают с нашим существованием. Что ж, правильно. Мы один народ, одна страна. Сейчас мы — тыл воюющего Южного Вьетнама, и мы будем им и впредь, чего бы ни предпринимала Америка. Думаю, что за инцидентом в заливе Бакбо¹ кроются серьезные намерения. У нас осталось немного времени, чтобы узнать истинные замыслы американцев. Они, видимо, не будут затягивать события. Поэтому уже на этом заседании мы должны принять решения, которые не застали бы страну и народ врасплох. Надо готовиться к суровым испытаниям.

Президент провел рукой по клинышку своей белой бороды, вставил сигарету в костяной мундштук, закурил. Пододвинув к себе томик Ленина с многочисленными закладами, положил на него руку и тихо, но так, что было слышно всем в этой маленькой комнатке над озером, сказал:

— Когда-то Ленин двумя словами выразил существо тяжелого момента для молодой Советской России: «Отечество в опасности!» Мы подошли сейчас к такому же моменту и тоже должны сказать партии и народу: «Отечество в опасности!» Надо делать все, чтобы быть готовыми отразить эту опасность, выстоять в суровых испытаниях. Если Америка начнет против нас войну, на нашей стороне будут наши близкие друзья, они помогут нам в борьбе. Но главное мы должны будем сделать сами: выстоять и победить.

Двенадцатью часами позже в Овальном кабинете президента США Джонсона министр обороны Макнамара и государственный секретарь Дин Раск выслушивали распоряжения хозяина Белого дома. Он говорил с пафосом и с искусственно нагнетаемым возмущением, хотя необходимости в этом не было: и тот и другой хорошо были осведомлены о давно разработанном плане.

— Вчера утром, как вы знаете из сообщений командования 7-го флота, вьетнамские военные суда напали

¹ Б а к б о — вьетнамское название Тонкинского залива.

на американские эсминец «Мэддокс» и авианосец «Тикондерога» и своим огнем нанесли им повреждения. Я отдал приказ авиации и кораблям 7-го флота начать массированную бомбардировку северовьетнамской территории. Мы не можем терпеть оскорбления, которые наносят нашей стране и нашему престижу. Мы будем вести бомбежку вьетнамской территории, военных объектов до тех пор, пока агрессор не попросит пощады.

Макнамара сам готовил текст телеграммы адмиралу Шарпу и послу в Сайгоне генералу Максвеллу Тэйлору о необходимости пустить в ход «силы возмездия», и ему было как-то неудобно второй раз, но уже из уст президента слушать собственные мысли.

— Господин президент,— сказал государственный секретарь,— в ближайшие дни нам, видимо, предстоит устроить встречу с журналистами, от них не так легко отделаться. Вопросы могут быть самые каверзные, отвечать на которые надо будет крайне осторожно, но и недвусмысленно.

— Прежде всего,— сказал президент,— чтобы в печать не просочилось ни одного слова из того, что мы обсуждали здесь в последние полгода. О твоём меморандуме, Боб,— обратился он к Макнамаре,— я даже не ставлю в известность всех своих помощников. Понимаю, вашему департаменту, Дин, придется выкручиваться, чтобы не сказать лишнего. У нас у всех должна быть единая твердая линия: мы пресекаем агрессию. Северный Вьетнам слишком далеко зашел в своих намерениях. Он мешает нормальной жизни Южного Вьетнама, он покушается на его территорию, вторгается своими войсками южнее 17-й параллели, творит бесчинства. За это он должен ответить. Мы не раз предупреждали Ханой через дипломатические каналы об этом, но он оставался глух к нашим словам. Нападение на военные суда Соединенных Штатов переполнило чашу нашего терпения. У нас нет другого пути и метода ответить на оскорбление, чем массированный удар по военным объектам Северного Вьетнама.

Как ни затягивал госдепартамент пресс-конференцию, связанную с событиями вокруг Вьетнама, он был вынужден ее устроить.

...Представитель государственного департамента по связи с прессой Пьер Браун стремительно вошел в зал для пресс-конференций. Вслед за ним степенной твердой

походкой следовали два офицера, занявшие место справа от представителя госдепартамента.

— Господа,— успокаивая зашумевший зал, произнес Браун,— мне поручено сообщить вам следующее.

Браун вынул из папки листок бумаги с гербом госдепартамента и, дождавшись тишины, начал читать:

— «Как уже неоднократно сообщалось, Северный Вьетнам ведет открытую агрессивную политику по отношению к Республике Вьетнам, нарушает ее суверенитет и безопасность. Вторжение крупных контингентов северовьетнамских войск вглубь от 17-й параллели создает опасность для мира на Индокитайском полуострове, угрожает самому существованию дружественного нам режима. Правительство Республики Вьетнам, отстаивая идеалы свободы и демократии, ведет упорную борьбу с коммунистическим проникновением. Соединенные Штаты, испытывая дружбу к народу Южного Вьетнама, оказывают ему помощь в сопротивлении агрессии. Однако противник наращивает свои удары, и теперь опасность стала еще большей. Несмотря на наши неоднократные серьезные предупреждения, Северный Вьетнам продолжает расширять агрессию. 2 августа правительство Северного Вьетнама фактически начало против Соединенных Штатов войну. Эсминец 7-го флота США «Мэддокс» и авианосец «Тикондерога», находившиеся в нейтральных водах, подверглись нападению военных судов Северного Вьетнама, были обстреляны из орудий крупного калибра и получили повреждения. Учитывая опасную обстановку как для Республики Вьетнам, так и для самих Соединенных Штатов, созданную властями Северного Вьетнама, президент отдал приказ о применении ответных санкций против агрессора. Уже несколько дней самолеты нашей авиации ведут бомбардировки возмездия, уничтожая цели, имеющие военный и экономический характер. Соединенные Штаты не остановятся ни перед чем, чтобы защитить интересы США и своих друзей».

Браун опустил листок на полированную поверхность стола, чуть наклонил к себе микрофон:

— Вот все, господа, что я вам могу сообщить.

«Сейчас начнется»,— подумал он, увидев поднявшегося корреспондента агентства Франс Пресс.

— Господин Браун,— вежливо начал корреспондент,— скажите, пожалуйста, не означают ли последние слова вашего заявления, что Америка начинает войну

на двух фронтах: воздушную против Северного Вьетнама и обычную в Южном Вьетнаме, которую она ведет уже несколько лет?

— У вас слишком большое воображение. Против Северного Вьетнама мы применяем акты возмездия, а в Южном Вьетнаме мы только помогаем друзьям отстаивать свободу и идеалы. Как вы знаете, в Южном Вьетнаме находятся только наши советники.

— Решения, принятые на последней встрече в Гонолулу, господин Браун, говорят о другом: Америка начинает расширять свое участие во вьетнамской войне. Я даже удивляюсь, почему акции против Северного Вьетнама так запоздали. Вероятно, нелегко было найти повод для нападения?

В зале раздался смех.

— Нападение осуществили вьетнамские коммунисты, мы выступаем в роли обороняющейся стороны,— не задумываясь, ответил представитель госдепартамента.

— Разве у Ханоя есть стратегические бомбардировщики? Они уже бомбят Пёрл-Харбор и штаб Седьмого флота?

Эти слова снова заглушил смех журналистов.

— Вы занимаетесь сейчас казуистикой, не хотите понять, что нападающая сторона — Северный Вьетнам,— сердито ответил Браун.

— Мой коллега, находящийся в Ханое, передает другую версию развернувшихся событий. Он пишет, что ваши военные корабли подошли вплотную к берегам Вьетнама и открыли огонь по патрульным судам вьетнамцев, которые ответили огнем своих легких пушек, чтобы отпугнуть американцев. Эти легкие пушки не представляли серьезной опасности для «Мэддокса». Что вы на это скажете?

— Я попрошу ответить на этот вопрос представителя министерства обороны подполковника Андерсона. Пожалуйста, сэр.

Андерсон, высокий, с темными, коротко подстриженными волосами и волевым лицом с квадратным подбородком, быстро, будто по команде, поднялся.

— Господа,— произнес он басовито,— у нас есть самые убедительные доказательства неспровоцированного нападения вьетнамцев на наши корабли.

— Какие? — долетел вопрос из зала.

— На эсминце «Мэддокс» имеются вмятины выше

ватерлинии, перебиты провода связи и повреждена антенна.

В зале раздался дружный хохот.

— Вовсе нечему смеяться, господа! — возмутился офицер. — Сделан прямой вызов Америке. Это оскорбление, которое мы можем удовлетворить...

— ...армадами стратегических бомбардировщиков? — спросили из зала.

— Да, — уже теряя выдержку, подтвердил офицер, — армадами бомбардировщиков. Это единственное, что может образумить коммунистов.

— А чем вы ответите в Южном Вьетнаме? А как насчет ввода американских вооруженных сил в Южный Вьетнам? В Гонолулу об этом говорилось почти открыто.

Офицер растерянно вертел головой, потому что вопросы сыпались со всех сторон, их едва успевал записывать его помощник.

Когда шум несколько смолк, подполковник, заглянув в бумажку с вопросами, начал отвечать:

— Вопрос о вводе наших войск в Южный Вьетнам будет решаться, если с такой просьбой к нам обратятся друзья. Мы их не оставим один на один с врагом.

— Это можно понимать так, что Америка собирается сделать вьетнамскую войну своей собственной?

— Я не сказал этого. Я говорю, что мы не оставим друзей в беде, если они попросят о помощи.

— Такие друзья обязательно попросят, если уже не сделали этого в Гонолулу. Вам не кажется, подполковник, что без американской помощи режим Сайгона давно бы потерпел поражение?

— Какие силы вы считаете достаточными, чтобы сокрушить Вьетконг?¹ Когда начнется их переброска? Какими средствами?

Подполковник растерялся. Он поднял руку и почти просительно произнес:

— Спокойно, господа. Я не уполномочен отвечать на вопросы высшей государственной политики.

— Раз представитель Пентагона ответить не уполномочен, — поднялся корреспондент Юнайтед Пресс Интернэшнл, — разрешите спросить вас, господин Браун, не

¹ Вьетконг — сокращенное название «Вьетнам конг шан» — вьетнамские коммунисты. Такой термин употребляли США и их союзники по отношению к силам национального освобождения.

считаете ли вы, что Америка подошла к крайне опасному рубежу в своих военных планах? Администрация не может не понимать, что ее шаги вызовут в мире самое серьезное осуждение. Как нам известно, правительство России сделало недвусмысленное предупреждение, назвав авантюрой акцию президента. Что вы на это скажете?

— Сфера межправительственных отношений не входит в мою компетенцию, Джек. И ты это знаешь.

— Значит, Пьер, ты не в состоянии сказать о реакции администрации на мировое общественное мнение?

— Да, не в состоянии. Но я думаю, что акция возмездия не вызовет осуждения.

— Пьер, ты считаешь нормальным, что вмятина на корпусе эсминца, сделанная неизвестно когда и неизвестно кем, порванные провода, о чем с такой убедительностью говорил представитель Пентагона, являются достаточным основанием для начала войны против Вьетнама? Не лучше ли и не дешевле ли попросить у вьетнамцев бригаду ремонтников или выдать 7-му флоту сотню долларов, чтобы исправить повреждение, чем начинать сразу бомбардировки стоимостью в миллионы и миллионы?

— Я не бухгалтер, Джек. Не мне подсчитывать, что дешевле Америке. Может быть, оскорбление, нанесенное нам, стоит не миллионы, а миллиарды.

— Судя по всему, Америка должна подготовиться платить эти миллиарды,— закончил корреспондент ЮПИ,— вместо того чтобы заставить Пентагон отремонтировать вмятину на «Мэддоксе».

— Есть вещи, которые мы должны ценить дороже денег,— назидательно заметил Браун.

— Господин Браун,— спросил корреспондент ТАСС,— по каким целям бьют американские бомбардировщики? В американской печати сообщалось, что Пентагон уже определил,— видимо, это было сделано еще до совещания в Гонолулу — девяносто с лишним целей. Не назовете ли вы хотя бы некоторые из них?

— Насколько мне известно, авиация бомбит только военные или жизненно важные экономические объекты, чтобы сломить сопротивление противника.

— А вот в сегодняшнем номере «Вашингтон пост» помещено сообщение агентства Рейтер о том, что в первые дни бомбардировок пострадали в основном жилые

районы, школы, больницы, небольшие рыболовные шхуны. Как вы объясните это?

— Я не могу объяснять безответственные писания...

— Простите, господин Браун,— прервал представителя госдепартамента корреспондент агентства Рейтер,— мой коллега сообщает, что он лично видел, какие объекты разрушают американские самолеты. Чтобы опровергнуть его, вы должны представить более веские доказательства, чем вы привели. Они есть у вас?

— У меня есть уверенность, что наши воздушные силы скрупулезно выполняют приказ президента. Других доказательств и не требуется.

— Но ведь это похоже на вмятину выше ватерлинии, о которой говорил подполковник. Вы не находите?

Браун вытер лицо платком. В зале становилось жарко.

— Как сообщалось в американских газетах некоторое время назад,— поднялся японский журналист,— военное командование США еще в феврале разработало «оперативный план 34-А». Это план открытой войны против Северного Вьетнама. А в мае были утверждены упоминавшиеся здесь 94 цели на его территории. Потом в Тонкинский залив вошли ваши корабли и начали обстрел Вьетнама с моря. Как вы объясните после этого, что будто Вьетнам напал на вас? Ну кто из вас ответит, пожалуйста?

Браун посмотрел на подполковника, будто приглашая дать ответ, но тот пожал плечами.

— Пока наступило замешательство в рядах наших хозяев,— начал под смех журналистов корреспондент французской газеты «Монд»,— я хотел бы задать вопрос такого характера. После событий у берегов Вьетнама конгресс принял так называемую «тонкинскую резолюцию», которая дает президенту как главнокомандующему право принять меры для отражения нападения любых вооруженных сил. За минувшие несколько дней, как сообщают американские, я подчеркиваю — американские, газеты, совершенно уже много боевых вылетов американских, я подчеркиваю — американских, самолетов. И каждый из них что-нибудь бомбил. Извините, господин подполковник, что я сделал такое долгое вступление. Я давал вам время прийти в себя после вопроса моего японского коллеги. Теперь мой вопрос: скажите, где, в каком районе, на какие цели сбрасывали бомбы самолеты... Ханоя? Ведь, как вы заявили,— до-

бавил корреспондент, с трудом пробиваясь сквозь смех и шум зала,— Северный Вьетнам — нападающая сторона.

Даже если бы кто-то попытался отвечать, услышать было бы невозможно. Зал бурлил. Кинокамеры беспрерывно снимали растерявшихся представителей госдепартамента и Пентагона, микрофоны на длинных шестах пытались поймать фразы, которыми они обменивались, блокноты заполнялись скорописью едких замечаний в адрес представителей двух ответственных ведомств Вашингтона.

Прошедшая пресс-конференция в большинстве газет была зло высмеяна. Как только не изощрялись журналисты, описывая смехотворные доводы американской администрации выставить себя потерпевшей стороной. Сколько карикатур было помещено на эту тему! В сенате выступил с речью Брайтсан: «Нет необходимости указывать сенату или американскому народу, какова была бы позиция США, если бы советские военные корабли или подлодки патрулировали в 5 или 10 милях от американского побережья. Наши обвинения Северного Вьетнама в агрессии будут встречены за границей смехом. И как бы этот смех не обернулся в будущем слезами для наших не очень дальновидных руководителей».

Снежный ком недовольства нарастал среди союзников Америки, обвинявших ее лидеров в рискованных шагах, способных привести мир к военному столкновению. «Решение президента было столь быстрым и необходимым, — с издевкой писала газета «Вашингтон пост», — что ему не хватило двух дней, чтобы проконсультроваться с союзниками по глобальному вопросу, который ставит мир перед лицом невиданных испытаний. Вероятно, именно это нанесет престижу Америки больший ущерб, чем фантастическое нападение вьетнамцев на корабли 7-го флота. Даже отец политики «с позиции силы» Дуайт Эйзенхауэр не доходил до таких акций, как нынешняя администрация. Айк говорил: «Я не могу представить себе большей трагедии, чем прямое участие Соединенных Штатов в настоящей войне в Индокитае». Неужели он меньше понимал в политике, чем техасский фермер Джонсон?»

Но военную лихорадку уже нельзя было остановить. Америка шла к президентским выборам, и Джонсон хотел показать тем, кто делает президентов, что он не пойдет на капитуляцию во вьетнамском вопросе. За месяц

до выборов, которые по традиции должны были состояться в первый вторник после первого понедельника ноября 1964 года, во Вьетнаме были применены отравляющие вещества против предполагаемой партизанской базы. Испытывались новые препараты концерна «Дуо кэмикл». На военно-воздушную базу «Таншоннят» перебазировались крупные авиационные соединения с базы Кларк-Филд на Филиппинах. Американские авианосцы «Вэллифорд» и «Констэлейшн» в сопровождении крупных соединений эсминцев снимались со своих стоянок и направлялись к берегам Вьетнама.

Не думая о последствиях, Америка вступила в войну, которую она с особым размахом стала готовить сразу, как только Линдон Джонсон, торопливо принявший присягу после убийства Джона Кеннеди, вступил в Белый дом в качестве 36-го президента Соединенных Штатов.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Линдон Джонсон вернулся из Гонолулу, где проходило совещание военных самого высокого ранга, решавших вопрос о том, как быть с Вьетнамом, сильно озабоченным. Положение в этой стране складывалось катастрофическое. Все, что предпринималось Белым домом и Пентагоном под названием «особая война», приносило чаще поражения. Ни помощь оружием, ни посылка военных советников — их общее количество уже превысило численный состав дивизии — не давали результатов. Сайгонский режим лихорадили внутренние распри, на остроту которых не могли не влиять все более успешные атаки сил Вьетконга. Поэтому в Гонолулу лидеры сайгонской администрации, приглашенные на совещание вроде бы как равноправные партнеры, чувствовали себя посторонними. Как выразился один бойкий на язык журналист, сайгонцы наблюдают собственные похороны: о них преувеличенно много говорят лестного, но их не принимают в расчет. В новых условиях американцы решили взять на себя всю ответственность за развитие событий.

Каким же сложным путем пришлось идти к нынешнему ясному решению, думал Джонсон, которого не могли найти ни Трумэн, ни Эйзенхауэр со своим всемогущим руководителем внешней политики Джоном Фостером Даллесом. Не справился с этим и Джон Кен-

неди. Джонсон вспомнил, что людей поколения Трумэна и Эйзенхауэра, а значит, и его самого, Кеннеди называл «уставшим поколением, которому недостает воли и воображения». А вот если бы клан Кеннеди чуточку больше прислушивался к его, Джонсона, советам и повнимательнее был к его политическому опыту, сколько бы острых углов удалось избежать! Но Кеннеди, думавший, что он-то уж сдвинет Америку с мертвой точки, был лишен размаха. Во Вьетнаме, как теперь стало ясно, нельзя было обходиться полумерами, оперировать ограниченными силами. А ведь были же обнадеживающие признаки правильного подхода к проблеме! Не хватало масштаба!

В 1961 году началось создание «специальных сил Пентагона» для Вьетнама. Предполагалось, что в них войдут несколько тысяч солдат, прошедших боевую школу в Корее и на Филиппинах, обученных воевать в джунглях, знающих азиатские условия. В первый отряд из четырехсот человек зачисляли людей, не только умеющих владеть всеми видами оружия и приемами борьбы, но и одним из двух самых трудных языков мира — русским и китайским. Никто толком не знал, зачем нужен, к примеру, русский язык в джунглях Вьетнама, но не возражали, принимая с добродушной улыбкой как издержку новых веяний.

В октябре того же года сотрудники военных атташе западных стран, аккредитованные при Пентагоне, были приглашены в учебный лагерь Форт-Брэгг, чтобы посмотреть, как солдаты готовятся для борьбы с партизанами. Пентагон устроил почти театральное представление, в котором солдаты «спецсил» разыграли сражение с «партизанами», создававшее впечатление, что трех тысяч таких суперсолдат хватит не только усмирить партизан в Южном Вьетнаме, но и вообще завоевать всю страну. Коронным номером была демонстрация недавно изобретенной новинки: солдаты, надев реактивные ранцы, по воздуху перепрыгивали через водную преграду.

Помощник военно-воздушного атташе Англии, взяв под руку своего французского коллегу, поделился своими мыслями:

— Что ни говорите, месье, а это впечатляет.

— Да, сэр, впечатляет. Забавно только одно: десять лет назад мы испробовали почти все подобные штуки во Вьетнаме. Но они не помогли,

Два дня спустя после этих учений на заседании Совета по национальной безопасности при президенте начальники штабов высказали мнение, что для победы во Вьетнаме потребуется сорок тысяч американских солдат. Председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Тэйлор, который только что прибыл из Вьетнама, чтобы через некоторое время вернуться туда уже в качестве американского посла, наделенного правами распоряжаться и военным контингентом, доложил президенту: «Отправка американских войск действительно необходима. Я не верю, что без этого наша программа по спасению Южного Вьетнама увенчается успехом».

Проанализировав складывающуюся во Вьетнаме ситуацию, министр обороны Роберт Макнамара в памятной записке на имя президента Кеннеди подчеркнул ту же мысль, но в более решительной форме: «Падение Южного Вьетнама повело бы к серьезному ухудшению положения во всей Юго-Восточной Азии, а этому едва ли можно помешать, если не послать наши войска».

Нагнетание обстановки, все более настойчивые и растущие требования о посылке американских войск во Вьетнам всерьез встревожили одного из авторитетных дипломатов, помощника государственного секретаря Джорджа Болла. Он попросил аудиенции у президента Кеннеди.

— Мы редко встречаемся,— приветливо встретил Кеннеди Болла,— но каждая наша встреча обогащает меня, Джордж.

— Спасибо, господин президент,— ответил тронутый вниманием дипломат.

Они обсудили несколько ничего не значащих вопросов, поговорили о новостях, посетовали на загруженность. Весь протокольный ритуал соблюден.

— Я думаю, Джордж,— сказал президент,— что ты пришел ко мне не затем, чтобы узнать мое мнение о погоде.

— Да, сэр, меньше всего меня интересуют прогнозы синоптиков. Пугают предсказания о погоде военной. Меня беспокоит, господин президент, что генералы, зараженные ложным оптимизмом, требуют слишком многого.

— Ты имеешь в виду восемь тысяч солдат, которые запросил генерал Тэйлор? Но это же мелочь, стоит ли беспокоиться?

— Не только восемь тысяч солдат Тэйлора, но и сорок тысяч, о которых говорит Макнамара. Это опасный шаг, сэр.

— Вряд ли мы дойдем до того, чтобы посылать во Вьетнам сорок тысяч человек,— сказал Кеннеди.— По моему, и восьми тысяч хватит, чтобы решить вопрос.

— Нет, господин президент,— возразил Болл,— если мы пошлем сейчас восемь тысяч, через несколько лет там будет уже триста тысяч человек¹.

— Джордж, да ты с ума сошел,— рассмеялся Кеннеди.— Не надо так мрачно смотреть на события.

В декабре Кеннеди все-таки решил довести «силы поддержки» во Вьетнаме до пятнадцати тысяч человек. Кеннеди думал, что берет в свои руки бразды правления американской политикой в отношении Вьетнама, а на самом деле толкал Америку в трясину «особой войны».

Генерал-лейтенант Поль Харкинс был назначен главой «военных советников США» во Вьетнаме. Сойдя с трапа самолета в Сайгоне, он, широко улыбаясь, сделал заявление окружившим его корреспондентам:

— Я оптимист и хочу видеть при себе только оптимистов.

Два с половиной года Харкинс слал в Вашингтон военные сводки, не отвечавшие действительности, но зато показывавшие «команду Харкинса» в самом лучшем свете. Он даже придумал постоянную рубрику для своих донесений: «Сообщения о продвижении вперед». Оптимизм Харкинса скоро стал костью в горле тем американским офицерам, отряды которых сидели не в кондиционированных кабинетах в Сайгоне, а вместе с сайгонскими частями воевали против сил национального освобождения. Через голову Харкинса и его штаба в Вашингтон стали поступать донесения о том, что делается на самом деле на военных полях Вьетнама. Специальная комиссия, занявшаяся проверкой этих донесений, пришла к выводу, что Поль Харкинс, мягко говоря, был необъективен в своих реляциях. Макнамара сказал по этому поводу более определенно:

— С самого начала было видно, что он не стоит ломаного гроша.

¹ Болл ошибся, через несколько лет во Вьетнаме была 540-тысячная армия США.

Но это будет значительно позже, тогда же, в шестьдесят первом, «особая война» только набирала силу, сулила, казалось, несомненную победу.

На совещании в Гонолулу, с которого только что вернулся Линдон Джонсон, он услышал беспощадную оценку тому, к счастью, думал он, закончившемуся бесславному периоду.

— Особая война пошла не так, как мы планировали, — сказал один из военных советников в Южном Вьетнаме, генерал Брайтон. — Наши друзья не смогли использовать все те преимущества, которые давало им сотрудничество с нами. Это, как известно, привело к поражению президента Нго Динь Зьема, о чем мы глубоко сожалеем. Нельзя сидеть между двух стульев в этой войне. Надо принимать резкие, безжалостные, но ведущие к победе решения. Вместе с нашими друзьями мы обсуждали ситуацию и пришли к выводу, что надо просить правительство Соединенных Штатов Америки послать свои войска во Вьетнам.

Два дня шло серьезное обсуждение самых жизненных вопросов американской политики во Вьетнаме, от которого зависела вся политика в Азии. Были представлены планы «строительства новых деревень», которые вместе с решительными мерами подавления сопротивления должны привести наконец к успокоению семнадцати миллионов южновьетнамских крестьян, умы и сердца которых пока завоевывает Вьетконг.

— Во Вьетнам, — говорил генерал Брайтон, — должны поехать умные головы из американских специальных служб, из экономических компаний и корпораций, идеологи антиповстанческого движения. Они помогут создать здоровое общество в этой части Индокитая. Пока они будут заняты этим делом, американские дивизии займутся сокрушением партизанских армий Вьетконга. Все хорошо просчитано, обдумано, выверено...

Линдон Джонсон, впервые в качестве президента США принимавший участие в решении таких жизненно важных вопросов, проникся к себе уважением. Он видел, с каким почтением обращались к нему известные генералы и адмиралы, как выслушивали его советы, и это возвышало его в собственных глазах. Джонсон испытывал удовлетворение оттого, что он, по примеру великих президентов Америки, практически с первых шагов стал автором «нового курса». Вьетнам, думал он, только начало смелой и динамичной политики. Потом

будут новые решения, новые шаги, которые с помощью бога сделают его имя бессмертным.

Сейчас президент готовился к неофициальному совещанию, на которое по совету министра обороны Макнамары были приглашены самые влиятельные люди, даже те, кто был в оппозиции к администрации Джонсона.

— Но ведь среди них,— сказал он сидящему рядом Макнамаре,— есть такие, которые могут не согласиться с нашими доводами. Что ты на это скажешь, Боб?

— С несогласными, господин президент, нам придется иметь дело и за стенами вашего кабинета, и в стенах конгресса. Они постараются сделать все, чтобы затруднить проведение в жизнь вашего курса. Это придется принимать как неприятную реальность.

Президент еще раз пробежал глазами список приглашенных. Помимо сенатора Брайтсана, которого Джонсон давно недолюбливал за строптивость и грубую прямолинейность в оценке его, Джонсона, действий, когда он был вице-президентом, еще несколько имен показались ему случайными, но спорить с Макнамарой было трудно.

— Начинаем большое дело, Боб,— сказал он, отодвигая листок в сторону.— Политика, рассчитанная на победу, не может кончиться крахом, потому что это будет не только наш с тобой проигрыш, Боб. Это будет проигрыш Америки. Правда, я верю в счастливую звезду, которая укажет путь к победе.

Макнамара знал, как любит Джонсон выпренные выражения, и, будучи человеком в высшей мере рациональным, в душе подсмеивался над ним, но в то же время сам использовал эту слабость президента, чтобы воздействовать на него. Более того, Макнамара, оперируя словами из лексикона Джонсона, умело подсовывал свои идеи, заставляя думать, что они родились в голове президента. У президента и министра обороны не было каких-либо расхождений, просто министр был за действия без лишних психологических анализов.

— Я согласен, господин президент,— сказал Макнамара,— и верю, что нам будет сопутствовать провидение в нашем нелегком выборе. Ваша твердость в проведении нового курса должна убедить всю нацию в том, что это единственно верная политика.

По сигналу, поданному Джонсоном, в кабинет стали входить участники совещания, вежливо здороваясь с президентом. Высокий, застывший, как изваяние, прези-

дент стоял у торцевой части стола, кивком отвечая на приветствия. Из-под густых с сединой бровей глядели внимательно и настороженно острые глаза, казавшиеся слишком маленькими на крупном лице.

— Мы собрались сегодня для того,— начал президент, когда закончилась неизбежная несколько суматошная процедура рассаживания вокруг большого стола,— чтобы поговорить и подумать об одной сложной проблеме, волнующей сейчас весь американский народ. Я имею в виду нашу политику во Вьетнаме. Недавнее совещание ответственных военных и гражданских лиц в Гонолулу показало, что эффективность нашей политики в этой стране резко снизилась. Причину можно искать и в неспособности прежнего президента Зьема покончить с хаосом в стране, и в нашей недостаточной активности. Совещательный характер нашей доверительной встречи не мешает быть ей очень важной для определения политики на будущее. Здесь, как видите, собрались люди, которые отвечают за нашу военную мощь и безопасность,— президент красноречиво повернул голову в сторону сидящего справа от него министра обороны,— и выдающиеся политики, от которых во многом зависит настроение общественного мнения Америки,— такой же красноречивый жест рукой в сторону сенатора Брайтсана.— Я рассчитываю на то, что каждый из вас мудро подойдет к оценке серьезной ситуации и поможет нам в поисках наиболее оптимального решения. Мы все несем ответственность за нашу страну. Пусть не одинаковую по возложенным на каждого из нас долгом и народом, но одинаковую перед богом. Я знаю, что есть люди, которые сомневаются в правильности наших действий и хотели бы видеть другой нашу политику по отношению к Вьетнаму. Говорят, что мы должны уйти оттуда и бросить таким образом своих друзей на произвол судьбы. Я повторяю, а после совещания в Гонолулу с еще большей уверенностью и твердостью, что, прими мы такие решения, мы нанесли бы величайший ущерб моральным принципам, на которых держится наша страна.

Оглядывая участников совещания, президент заметил полковника Юджина Смита, которому не так давно вручал медаль за мужество, и испытал приятное чувство удовлетворения, подумав о том, какие умные и храбрые офицеры стоят у истоков вьетнамской политики. Таким можно доверить любое дело, и они сделают все, что от них потребуется.

Полковник Смит, почувствовав на себе взгляд президента, испытал некоторое смущение, поскольку не смог объяснить себе причину приглашения на совещание такого ранга. Но распоряжение быть на нем он получил непосредственно от руководителя военной разведки министерства обороны. Полковник был польщен высоким доверием, согласившись в конце концов с тем, что оно оказано ему по заслугам,— позади полтора года упорной, без отдыха работы, наисекретнейшей по своему характеру. При неблагоприятном исходе событий оплатить провал можно было только собственной жизнью. Совершенно произвольно в голове прокрутились события совсем недавнего прошлого. Каждый поворотный эпизод, каждый документ возникли в памяти полковника Смита, будто освещенные глубинным светом. Они были связаны с именем Нго Динь Зьема, взлет и трагедия которого отражали сущность политических зигзагов, сделанных в тысячах и тысячах миль от Сайгона.

Когда в середине пятидесятых годов Франция, только что потерпевшая поражение в Северном Вьетнаме, хотела закрепиться на Юге, она обнаружила, что ее позиции очень сильно подорваны. К императору Бао Даю американцы уже приставили нового премьер-министра Нго Динь Зьема. Второе бюро — французская разведка — стало в срочном порядке, но тщательно подбирать досье на этого быстро набравшего силу человека, так быстро, что опытные специалисты только разводили руками. Найденный где-то в Калифорнии, Нго Динь Зьем числился в активе Джона Фостера Даллеса. Уже после исчезновения Зьема со сцены респектабельный и всезнающий журнал «Лук» напишет о нем: «Джон Фостер Даллес подобрал его, сенатор Майк Мэнсфилд одобрил его, вице-президент Никсон полюбил его, кардинал Спеллман похвалил его, а президент Эйзенхауэр дал ему о'кэй». Когда так много людей благосклонно отнеслись к Зьему, Америка поручила ему любыми путями сорвать Женевские соглашения 1954 года о проведении всеобщих выборов во Вьетнаме.

Получая широкую помощь, Зьем топит в крови выступления религиозных сект каодай, хоахао, биньксюен, требовавших создания коалиционного правительства. Он принимает закон, замаскированный цифрами 10/59, который вводил военно-полевые суды и смертную казнь для любого, кто выступает против режима. И все-таки Зьем не чувствовал, что прочно стоит на земле.

Чтобы получить покрепче опору, он просит новой и новой помощи, заявляя при этом, что «границы Соединенных Штатов простираются до 17-й параллели во Вьетнаме». Линдон Джонсон, будучи еще вице-президентом, подписал декларацию об увеличении военной помощи Зьему и назвал его лидером, борющимся за свободу «на периферии владений в Азии». Это было в мае 1961 года, а в октябре советники президента Кеннеди обосновали необходимость посылки крупного контингента американских войск во Вьетнам. В декабре Зьем шлет президенту Кеннеди телеграмму, составленную американским послом Нолтингом, в которой просит дополнительно помощь оружием и войсками, чтобы противостоять агрессии с Севера.

Но полковник Смит помнит телеграмму посла Кэбота Лоджа, посланную в Вашингтон двумя годами позже, в августе 1963 года: «При сохранении зьемовской администрации невозможно выиграть войну и еще менее возможно, чтобы Зьем или какой-либо другой член его семьи смог управлять страной так, чтобы добиться поддержки народа». Потом был подготовлен доклад, более тревожный по содержанию, чем телеграмма: «Зьем лавирует, колеблется. Есть опасность, что он пойдет на нейтрализацию Южного Вьетнама или даже на компромисс с Вьетконгом, если ему предложат удовлетворяющую его альтернативу». Указание послу из госдепартамента, помеченное 24 августа 1963 года, было предельно ясным: «Правительство Соединенных Штатов не может более терпеть такое положение, когда власть фактически находится в руках брата президента — Нго Динь Нью. Нго Динь Зьему нужно предоставить самому избавиться от Нью и его людей, заменить их лучшими, имеющимися в его распоряжении военными и политическими деятелями. Если, несмотря на все усилия, Нго Динь Зьем воспротивится и откажется, мы должны будем предусмотреть такую возможность, когда и сам Зьем не будет сохранен. Послу и его аппарату в стране надлежит немедленно изучить всех возможных лидеров и разработать детальный план осуществления замены Зьема на случай возникновения такой необходимости».

Совет по национальной безопасности дал указание послу Лоджу своей властью прекратить передачу помощи Зьему, связаться с военными, недовольными Зьемом, организовать их и добиться устранения последнего. Президент Кеннеди одобрил планы, разработанные Пента-

гоном и ЦРУ. Юджин Смит, совсем недавно вернувшийся в Вашингтон, снова был послан в Сайгон как способный и знающий разведчик для конкретной работы по подготовке заговора. На месте он узнал факты, вывод из которых мог быть только один — необходимо устранить Зьема, чтобы не пострадали интересы Америки.

Совсем некстати он вспомнил свою встречу с братом Нго Динь Зьема — Нго Динь Нью. Это было в президентской резиденции в Сайгоне, в уютной комнате, застланной коврами и украшенной слоновьими бивнями, разными фигурами, картинами, вытканными на шелке. Нго Динь Нью, связанный с американскими деловыми кругами и военными интендантами, стал раньше своего брата догадываться, куда подул ветер американской политики. Он первым ощутил, что земля под ногами зашаталась. Может быть, из информации своих агентов, может быть, душой бизнесмена Нью почувствовал, что занимающий скромную должность в аппарате американской военной миссии полковник Юджин Смит на самом деле — видная фигура зреющего заговора. Воспользовавшись каким-то незначительным предлогом, Нго Динь Нью пригласил Юджина Смита в президентский дворец на коктейль. Когда гости после выпитого уже не обращали ни на что внимание, он привел Юджина в ту памятную комнату, напоминающую то ли рабочий кабинет, то ли будуар красавицы легкого поведения.

Сначала разговор вертелся вокруг светских событий, потом перешел к положению в экономике, которую американцы уже начали перестраивать на свой лад — закрывая отрасли, считавшиеся невыгодными. Они говорили, что дешевле и перспективнее ввозить в Сайгон рис, хлопчатобумажные ткани из США и других стран, чем плодить партизан в сельских районах.

Беседа была долгой, крутилась как водоворот, в вихре которого Нго Динь Нью боялся нырнуть, а полковник, не желая бросать ему спасательного круга, отделывался словами в духе официальной политики.

Уже стала стихать вечеринка, видимо, гости расходились, когда Нго Динь Нью решился наконец идти напрямую.

— Господин полковник, — произнес он, приглушив голос, — сейчас мы вдвоем, нет никаких свидетелей. За ваш честный ответ вы будете щедро вознаграждены и навсегда останетесь нашим другом. Скажите, мы с братом уже стали для Америки кожурой банана, на кото-

рой она боится поскользнуться? Нам надо готовиться уступить место кому-то более подходящему? Кому? Может, можно поправить дело? У вас еще не было более преданных друзей, чем мы. Я понимаю, если мы не устраиваем вас, то пощады ждать нечего. Если можете, то ответьте честно. Или ничего не говорите.

Юджин Смит был слишком тесно связан с делом некогда всемогущих братьев, пришедших на смену императору Бао Даю, и потому, не имея права ответить честно, как просил собеседник, стал напускать риторический туман. Он говорил, что Соединенные Штаты всей душой и силами поддерживают президента Зьема, они планируют предоставить ему дополнительную помощь, чтобы сокрушить Вьетконг, объединить весь Вьетнам под рукой президента Зьема. Он нес еще какую-то чепуху, от которой было стыдно самому. Собеседник понял его.

— Ну что ж,— грустно сказал он, выпив последнюю рюмку апельсинового ликера,— может быть, вы когда-нибудь пожалеете — я имею в виду не вас лично, а Америку,— что сбросили нас со счетов. Спасибо вам, хотя я рассчитывал на откровенность. Будет время, мы еще побеседуем с вами на эту тему.

Встретиться им не пришлось. Через пять дней, 1 ноября 1963 года, президент Южного Вьетнама Нго Динь Зьем был убит. Его брат не избежал той же участи.

Юджин Смит не знал и не мог знать, как развивались события задолго до их трагического завершения. А предыстория носила любопытный характер.

25 мая 1962 года в одном из фешенебельных ресторанов Манхэттена встретились два человека влиятельного клуба избранной элиты Нью-Йорка — мультимиллиардер Джон Рокфеллер III и редактор газеты «Нью-Йорк таймс» Джон Оукс. Оба они носили звание «центурионов». Как обычно, люди такого положения собираются, чтобы провести приятно несколько часов в компании единомышленников. Вести во время обеда деловые разговоры считается признаком плохого тона. Но все знают, что именно для деловых разговоров приглашает один центурион другого. Поэтому Джон Оукс не был шокирован, когда Джон Рокфеллер познакомил его с письмом еще одного центуриона — Фредерика Нолтинга, бывшего тогда американским послом в Южном Вьетнаме. «Дорогой Джон,— писал посол,— я обращаюсь к тебе с дружеской просьбой. В последнее время уважаемая «Нью-Йорк таймс» усилила свои нападки на

режим президента Зьема. Она обвиняет его в неспособности руководить страной, в продажности, трусости и других грехах. Я не беру полностью под защиту Нго Динь Зьема, но открытое выступление против него не отвечает интересам Америки в Юго-Восточной Азии, усугубляет наши трудности, которые и так довольно велики, ставит под сомнение целесообразность нашего сотрудничества с администрацией Зьема. Я прошу тебя, дорогой Джон, поговори с нашим другом Оуксом и посоветуй ему пересмотреть позицию на освещение положения в Южном Вьетнаме».

— Ну, что вы скажете на это, дорогой друг? — спросил Рокфеллер, заметив, что письмо прочитано.

Оукс передал листок Рокфеллеру, поднял стакан с рейнским вином и, любуясь благородной жидкостью, пронизанной солнечным лучом, неожиданно для Рокфеллера произнес:

— Вот теперь мне совершенно ясно, что Южный Вьетнам надо быстрее извлечь и от Нго Динь Зьема, и от нашего друга Нолтинга. Ты, Джон,ходишь в Совет по международным отношениям. В Америке знают, что именно там, в вашем четырехэтажном особняке на углу 68-й улицы и Парк-авеню, вырабатываются рекомендации по долгосрочной политике и намечаются их стратегические решения. От этих рекомендаций, как мне известно, не отказываются ни в государственном департаменте, ни в Белом доме. Наша политика в Южном Вьетнаме, Джон, заходит в тупик. Ее надо менять. И менять людей, на которых мы возлагали надежды. Пропустите все факты через ваш генератор идей — Рокфеллеры, Форды и Морганы лучше, чем наш друг Нолтинг, разберутся в обстановке — и примите новую стратегию, пока мы не попали в еще более тяжелое положение.

Рокфеллер хорошо понял Оукса и предложил продолжить беседу на более приятные темы, чем внешняя политика. Обед закончился в полном согласии. После того как с письмом Нолтинга и беседой Оукса ознакомился брат Джона — Дэвид, возглавлявший Совет по международным отношениям, мозговой трест начал работу. В особняк на 68-й улице стали приходить секретные пакеты из государственного департамента, из сенатской комиссии, Пентагона, специальных служб. Когда все полученные документы были изучены, судьба южновьетнамского президента была решена окончательно. Значительно позже Юджин Смит понял, каким крошеч-

ным винтиком был он в машине, маховик которой вращался с неотвратимой беспощадностью.

Все это в какие-то секунды пронеслось в голове Юджина Смита. Нет, он не переживал из-за свержения Зьема. Если Америке было выгодно его уничтожить, значит, спастись у него не было шанса. Хотя тогда, после разговора с братом президентом, Юджин Смит, не зная всей суммы фактов, испытывал смутное недовольство и собой, и развитием событий. «Нго Динь Ню был прав,— думал Юджин Смит,— вряд ли в Южном Вьетнаме найдется более преданный слуга Америки, чем Зьем». По первому намеку американского посла он перетряхивал свое правительство, удаляя из него всех, кем было недовольно американское посольство. Двенадцать раз Зьем реорганизовывал свое правительство. Он уволил в отставку тридцать пять министров и треть генералов своей армии. Перед самым своим концом он сместил восемнадцать губернаторов и тридцать вице-губернаторов, которые также были неужодны американскому посольству и военной миссии за плохую организацию борьбы с Вьетконгом. «А тот, кто придет на смену обреченного президента,— думал полковник Смит,— разве он сам пойдет воевать с солдатами Вьетконга? Война во Вьетнаме все равно будет войной американской». В канун получения медали за мужество Юджин Смит почувствовал иголочный угол совести. «Зачем потребовалось Америке свергать императора Бао Дая, заменять его Нго Динь Зьемом, а потом убивать и этого, чтобы возводить на трон тех, у кого тоже нет сторонников?»

— Сейчас генерал Фрэнсис Райтсайд,— донесся до Смита голос президента,— кратко изложит предысторию — я повторяю — предысторию — нового курса, чтобы было яснее, чем диктуется его необходимость. Пожалуйста, генерал.

Генерал Фрэнсис Райтсайд поднялся, раскрыл папку и стал рассказывать о положении во Вьетнаме, изредка подходя к карте, висевшей сбоку от президента.

— Присутствующие здесь господа хорошо знают, какие обстоятельства заставили нас взять на себя ответственность за судьбы Вьетнама. Полностью провалившаяся, беззубая политика французов привела не к удушению заразы коммунизма, а к ее более широкому распространению. Она стала разливаться как река в половодье, и в ней тонули и французские амбиции владеть

Индокитаем, и наши расчеты не допустить проникновения в этот район земного шара советской идеологии, которая с победой коммунистов непременно стала бы здесь господствующей. Когда после поражения французской армии под Дьенбьенфу,—генерал ткнул указкой в едва приметную точку на огромной карте,—было решено созвать конференцию в Женеве, мы уже имели свой план. Мы считали тогда, как считаем и теперь, что Индокитай — это приз, стоящий большой игры. Капитан нашей сильной сборной бейсбольной команды — это слова президента Эйзенхауэра — покойный Джон Фостер Даллес поехал в Женеву, чтобы стать соглашения закрепить наши интересы в Индокитае. Однако расчеты не оправдались. Россия и Северный Вьетнам, поддержанные другими участниками совещания, сумели настоять на своем методе решения индокитайской проблемы. Правда, обнадеживающей была секретная встреча Джона Фостера Даллеса с министром иностранных дел красного Китая. Характер отношений с Пекином был таков, что нельзя было ожидать полного взаимопонимания и откровенности. Пекин искал, а скорее всего — прошупывал пути сближения с нами, но был осторожен. Мы же, если говорить откровенно, напоминали лошадь, глаза которой были прикрыты плотными шорами. Мы не придали значения намеку, сделанному министром иностранных дел Пекина, и опасались, что если вмешаемся во Вьетнам так же, как это было в Корее, то столкнемся с объединенным фронтом Вьетнама, Китая и России. А намек был брошен, между прочим, такой: «У Китайской Народной Республики слишком много забот по строительству нового Китая, чтобы после победоносно завершившейся революции втягиваться в военное противоборство с такой великой страной, как Америка. Но пусть у вас не будет иллюзий, мы не оставим в беде наших друзей во Вьетнаме». Мы тогда, повторяю, не поняли ситуации. Генерал Эйзенхауэр проводил свою очередную партию в гольф, когда ему доложили о телеграмме Джона Фостера Даллеса о положении в Женеве перед обсуждением индокитайского вопроса. Даллес сообщил, что Соединенные Штаты могут оказаться в крайне неудобной позиции и что решение о проведении всеобщих выборов во Вьетнаме все равно будет принято. Лучше, предлагал Даллес, мы возьмем дело в свои руки, которые не будут связаны нашими слишком определенными обязательствами. «Пе-

редайте Джону, — сказал тогда президент, — что мяч, лапта и рукавицы — наши. Мы их решили забрать домой, поэтому игра, которую нам хотят навязать, не состоится. Пусть Джон не задерживается в Женеве, там хороший климат, но я его жду на партию в гольф уже в этот уикэнд».

Фрэнсис Райтсайд перевернул в своей папке несколько листов, сделал глоток кока-колы и продолжал:

— Мы усилили свою работу в Южном Вьетнаме, направляя все внимание на то, чтобы не допустить всеобщих выборов, оставить страну разрезанной семнадцатой параллелью по реке Бенхай на длительное время, во всяком случае до тех пор, пока не появится возможность для ее объединения, но уже на наших условиях. И, как показали события, этот курс был наиболее правильным. Позже в своих воспоминаниях, которые вышли под названием «Мандат на перемены», президент Эйзенхауэр писал — я позволю привести дословно его высказывания: «Если бы в 1956 году, как это было предусмотрено Женевским соглашением, были проведены всеобщие выборы, то, возможно, восемьдесят процентов населения проголосовали бы за коммуниста Хо Ши Мина». Таким образом, этот раунд игры был за нами. После свержения императора Бао Дая, который слишком внимательно прислушивался и приглядывался к тому, что говорилось в Париже, к власти пришли более смелые люди. Впоследствии, правда, они не оправдали наших надежд, но на первых порах они действовали энергично. Они пригласили большую группу наших советников. Во Вьетнам отправилось не так много — тысяч двадцать наших солдат и офицеров, которые не только теоретически учили вьетнамцев воевать, но и показывали, как надо это практически делать. Наши солдаты проявили героизм в джунглях и болотах Вьетнама, показали, что их не связывают нормы ложно понимаемого милосердия, когда речь идет о сокрушении и уничтожении носителей враждебной коммунистической идеологии.

Полковник Юджин Смит заметил, как снова нервно задвигался на своем стуле сенатор Брайтсан, как поморщился помощник государственного секретаря Робертс. Но он заметил также недоброжелательный, мгновенно брошенный на сенатора взгляд президента Джонсона. А генерал между тем уже излагал план Стэйли-Тэйлора.

Директора Стэнфордского исследовательского института Юджина Стэйли полковник Смит знал довольно хорошо, он не раз приезжал во Вьетнам в ранге специального посла президента США. Сухой, отчего казался еще более высоким, подозрительно осматривающий каждого, кого встречал первый раз, Стэйли жил, кажется, одной идеей — идеей ненависти. Он ненавидел всех — в самой Америке или за ее пределами, — кто выражал несогласие с глобальными планами США или просто сомневался в их целесообразности. Смит хорошо помнит, как в американском посольстве на улице Тхонг-нят во время выступления Стэйли кто-то из дипломатов задал вопрос:

— Господин посол, а так уж важен для нас этот Южный Вьетнам, чтобы за него платить жизнью и кровью наших парней?

— Как ваша фамилия? — истерически крикнул Стэйли. — Скажите, как ваша фамилия, чтобы я знал человека, которому чужды интересы Соединенных Штатов? — И, не дожидаясь, а может, и не нуждаясь, чтобы фамилия была названа, Стэйли разразился грозной речью, в которой говорил, что Америка не зря ступила на эти берега, чтобы уходить, не добившись своей глобальной стратегической цели. Никто не знает, с каких рубежей может начаться война против коммунизма в будущем. Так будет лучше, если эти рубежи выдвинуть подальше вперед, создать дружественные Америке режимы в большем числе стран, поддержать всех, кто выступает вместе с Америкой. — Кто с нами — тот прав! — выкрикнул Стэйли. — Я не думал, что среди наших работников за рубежом есть люди со слабыми нервами, дрожащие, когда видят, как из порезанного пальца течет кровь. Нам ли бояться жертв, когда речь идет о том, чтобы прочным бастионом демократии укрепиться на всех материках? Колумб открыл Америку, а мы сделаем ее вершителем судеб мировой истории.

Стэйли, которого поддержал председатель объединенного комитета начальника штабов генерал Максуэл Тэйлор, разработал свой план победы над коммунистами во Вьетнаме.

— Почему коммунисты оказываются для нас неуловимыми? — задавал вопрос Стэйли, обращаясь к американским солдатам частей «особого назначения». — Я бы сравнил Вьетконг с бактерией, которая, попав в благоприятную питательную среду, начинает плодить себе по-

добных в неисчислимых количествах. Надо лишить его этой питательной среды, сделать так, чтобы коммунисты были окружены безлюдной зоной, чтобы, куда бы ни кинулись, они натыкались не на вьетнамских крестьян, а на пустыню, где каждый подозрительный может быть убит даже без предварительного окрика: «Стоять! Кто идет?»

— Но куда же деть народ из этих безлюдных зон? — удивленно спрашивали Стэйли.

Именно этого вопроса он ожидал, подводил, подталкивал к нему своих слушателей. И когда он возникал, Стэйли, как техасский ковбой, садился на своего мустанга и его было трудно остановить.

— В Южном Вьетнаме — а когда-нибудь этот план пригодится и на Севере, — убежденно предсказывал Стэйли, — сейчас его одобряют президент и высшее командование — мы создадим особую зону. Южнее реки Бенхай, то есть южнее 17-й параллели, вообще не будет ни одного коммуниста, будет только железо и колючая проволока. Они пресекут любое наступление врага. Мы выльем из кастрюли бульон, хорошо просушим ее, и пусть тогда микробы коммунизма попробуют найти себе пищу. «Стратегические деревни» отрежут все население Южного Вьетнама от партизан, потому что между ними будет лежать безлюдная зона, всегда открытая для свободной бомбардировки. Мы построим здесь дороги, — продолжал он, — и они перережут местность во всех направлениях. По ним специальные отряды будут добираться до самых отдаленных мест, чтобы проводить акции против упорствующих деревень. Мы сотрем их с лица земли. Мы пришли сюда не для того, чтобы искать безопасное место. Нам нужна тут только победа.

За основу своего плана Стэйли взял идею, разработанную еще советниками Нго Динь Зьема, которая фигурировала под названием «лагеря правого дела» и уже находила воплощение в создании укрепленных поселений, форпостов борьбы с Вьетконгом. Стэйли с профессорской скрупулезностью начертил на карте Вьетнама квадраты новых «стратегических деревень», разделив всю страну на желтые, красные и синие зоны. Желтым цветом обозначались территории, верные сайгонскому правительству и подпадающие под щедрую руку американской помощи всем — продовольствием, товарами, оружием, военными советниками. Синие районы вызывали у Стэйли сомнение. При благоприятном развитии

событий они могли оказаться под защитой Америки, а при неблагоприятном — стать объектом «умиротворения». Что касается красных районов, то тут разговор один — беспощадное уничтожение. Стэйли учел все в своем плане. Семнадцать тысяч деревень, хорошо укрепленных, окруженных колючей проволокой, станут деревнями образцового типа, где за каждым подозрительным человеком будут следить агенты. Жизнь поселенцев новых деревень будет регламентироваться четкими правилами. Своеобразным удостоверением личности станет их одежда. По ее цвету и форме можно определить пол, возраст, занятие человека. Крестьяне, добровольно переселившиеся в «стратегические деревни», получают компенсацию за то, что их дома сжигаются, а посевы обрабатываются ядохимикатами: нельзя же оставлять имущество Вьетконгу! Он должен получить выжженную землю.

— План Стэйли-Тэйлора, одобренный в свое время администрацией,— продолжал генерал Фрэнсис Райтсайд,— был очень хорошо продуман. Он дал бы свои результаты, если бы коммунисты не пустили в ход свои коварные планы. Они стали проводить тактику инфильтрации. И хотя мы успели создать тысячи «стратегических деревень», подавить движение Вьетконга не удалось. Мы должны признать, что все старые методы борьбы не оправдали себя. Вы знаете, что коммунисты проложили через горы и джунгли «тропу Хо Ши Мина», и по ней теперь в Южный Вьетнам идут регулярные подкрепления с Севера. Она стала петлей, которая занесена над престижем Америки. Нынешнее положение дел диктует поиск новых решений. Новая стратегия во Вьетнаме обсуждалась на встрече в Гонолулу. Президент Джонсон выдвинул идею ограниченной войны. Она предусматривает прямое участие вооруженных сил США во Вьетнаме, чтобы остановить коммунистическое проникновение, угрожающее интересам Америки. План президента суров, он может встретить кое у кого возражение, но это план спасения нашего престижа. Вот все, что я хотел доложить о предыстории нового курса во вьетнамском вопросе,— сказал Фрэнсис Райтсайд.

— Благодарю, генерал,— сказал Джонсон,— большое спасибо вам за обстоятельное объяснение ситуации. Сейчас, господа, я дам возможность министру обороны изложить перед вами в первоначальном варианте наш план, нашу политику во Вьетнаме на современном эта-

пе. Хочу подчеркнуть конфиденциальность того, что вы услышите. Это не может быть предметом дискуссий. Поскольку вопрос очень важный, имеющий для Америки жизненное значение, мы приняли решение обсудить его в этом узком кругу, чтобы, учтя ваши замечания и мнения, приступить затем к детальной разработке плана. Пожалуйста, Боб.

— Спасибо, господин президент,— сказал Макнамара.— Вопрос, который мне поручено поставить перед вами, господа, уже вышел за рамки какого-то одного ведомства или даже, извините, господин президент, за рамки возможностей правительства. Президент намерен обратиться к нации и получить поддержку своему плану.

Министр говорил медленно, с расстановкой, подчеркивая тем самым все значение того, что он скажет далее.

— Америка оказалась в тупике. Это звучит, может быть, резко, но мы сейчас на грани капитуляции, то есть на грани национального позора. Или мы предпримем самые крайние меры, или престижу Америки, ее интересам будет нанесен непоправимый ущерб. В своих собственных глазах, в глазах наших союзников и друзей во всем мире мы можем стать страной, которая уступает позиции в борьбе за идеалы демократии. Обстановка в Южном Вьетнаме вынуждает нас к пересмотру наших обязательств по отношению к этой стране, раздираемой гражданской войной, в которой наши друзья теряют одну позицию за другой.

Министр обороны умолк на некоторое время, чтобы дать участникам совещания острее прочувствовать сложившуюся ситуацию. Потом продолжил:

— Как многие из вас знают, мы оказали большую помощь Вьетнаму. К началу нынешнего года там было свыше 700 самолетов, два десятка военных кораблей, сотни автомобилей-амфибий, тысячи бронемашин и танков. Наши инженерные части построили большое число аэродромов. Прежней группе военных советников по оказанию помощи был придан статус командования по военной помощи. Мы рассчитывали гибкой стратегией, применяемой в надлежащее время и в разнообразных формах, без шумных военных акций добиться перелома, а затем и победы. Одновременно шла реализация плана Стэйли — Тэйлора о создании широкой сети «стратегических деревень». Я напому вам слова покойного пре-

зидента Кеннеди, сказанные после анализа докладов наших представителей во Вьетнаме.

Макнамара, не глядя, вынул из папки листок бумаги.

— Вот эти слова. Они были сказаны после того, как миновали 18 месяцев, отведенные планом Стэйли — Тэйлора на умиротворение Южного Вьетнама. «Мы встретили огромные трудности в партизанской войне в Южном Вьетнаме, мы втянулись в тоннель, из которого еще не видно выхода». Однако впереди были более худшие события. Второго января 1963 года началось крупное сражение при Апбаке. Это всего в сорока милях от Сайгона. В ходе четырнадцатичасового непрерывного боя мы и особенно наши союзники понесли серьезный ущерб и в технике, и в людях. «Сражающаяся деревня Апбак», как ее называли наши парни, показала: Америка должна принять более решительные меры, чтобы лишить противника инициативы. Мы усилили карательные акции с применением массированных технических и химических средств, но результаты были незначительны. В феврале нынешнего года партизаны атаковали нашу важнейшую военно-воздушную базу Таншоннят в трех-четырех милях от Сайгона, а в самом Сайгоне напали на кинотеатр. В результате взрыва погибло 130 наших парней.

Макнамара остановился, заметив жест президента.

— Настал момент,— глухо произнес Джонсон,— когда сама история требует, чтобы мы приняли решительные меры для защиты моральных ценностей, которым всегда была предана Америка. Извини, Боб, что прервал тебя. Продолжай, пожалуйста.

— Итак, президент в самом сжатом виде,— Макнамара задумался, будто подыскивая подходящие, наиболее точно выражающие смысл слова,— но предельно четко охарактеризовал обстановку. И она, эта обстановка, диктует выбор, который должен быть смелым, решительным, пусть даже рискованным. На переломных этапах истории не может быть половинчатых решений. Исходя из этого, президент отдал распоряжение начать подготовку к наращиванию нашего военного присутствия во Вьетнаме.

Макнамара умолк, и в наступившей тишине было заметно, как взволновано большинство участников совещания, оценивших, что они присутствуют, возможно, при рождении действительно нового курса в политике.

— Министерство обороны и комитет начальников штабов,— прервал тишину Макнамара,— считают, что если мы доведем наш экспедиционный корпус до нескольких сот тысяч человек с соответствующим военному времени количеством и качеством оружия, привлечем несколько дивизий наших союзников, создадим несколько стратегических по своему значению военных баз с мощными гарнизонами, способными перекрывать своими операциями всю зону военных действий, то разгром противника будет достигнут быстро.

— Но ведь это может вызвать настоящую мировую войну? — тревожно прозвучал вопрос сенатора Брайт-сана.

Линдон Джонсон поднялся. Его лицо снова покрылось красными пятнами.

— Вчера вечером, когда я коротко познакомил свою дочь с этим планом, она задала точно такой же вопрос. И знаете, что я ей ответил? — Джонсон замолчал и колочим взглядом обвел всех участников совещания.— Я сказал: дочка, возможно, твой отец войдет в историю как человек, который развязал третью мировую войну. Его, возможно, будут осуждать в самом начале, но победа, которую мы завоюем, реабилитирует его как политического деятеля, не остановившегося перед порогом самого трудного выбора. Так я сказал своей дочери, так же говорю я и вам, господа. Надеюсь, что вы правильно оцените и проблемы, стоящие перед страной, и выводы, сделанные мною.

Президент умолк. Теперь он хотел сказать самое главное. Миру потребуется дать объяснение, почему великая держава начинает войну против страны во много раз слабейшей, не отбрасывая при этом риска открыть кровавую страницу в мировой истории. У него были в памяти очень подходящие на этот случай фразы, но употребить их он не решался. А те, запретные, слова так и просились на язык, потому что отвечали нынешнему настроению президента. «Я дам пропагандистский повод для начала войны,— строчки, прочитанные только вчера вечером, стояли перед глазами президента,— неважно, будет ли он правдоподобен. Победителя никто никогда не спросит, говорил ли он правду. В начале и в ходе войны важно не право, а победа...»

Правда, с фашистского лидера, который говорил это, спросили бы сурово, думал Джонсон. Его наверняка повесили бы, как сделали с его коллегами, но он решил

уйти от ответа с помощью ампулы с ядом. Проигравший должен отвечать. В нашем варианте проигрыша не может быть. Америка обладает достаточной силой, чтобы сломить любое сопротивление. Жаль, что самоуверенный Джон — президент раздражался всякий раз, когда вспоминал убитого Джона Кеннеди, — был упрям и не обращал внимания на его советы, а то бы стычка вокруг Кубы могла превратиться в хорошую возможность проучить Россию и заставить ее сидеть потише, отбить у нее охоту участвовать в решении судеб мира. Сначала надо бы ударить по советским ракетам на Кубе, а потом и по самой России. И повода не надо было искать, он лежал на поверхности. Джон не учитывал, что время работает против него.

Много упущено, много упущено, думал Джонсон, но что мог он сделать с этим упрямым кланом Кеннеди. Раньше Джон вел себя так, будто вице-президент существует у него для пустого протокола, его даже не считали нужным ставить в известность по многим вопросам. Поговаривают уже, что на выборах 1968 года брат Джона — Роберт — готовится выставить свою кандидатуру на пост президента. Но до тех выборов еще надо дожить. Надо дожить...

— Я думаю, — прервал затянувшееся молчание Джонсон, — прежде чем начинать осуществление нового курса, правительство проведет глубокий анализ, государственный департамент изучит внешнеполитическую обстановку, Центральное разведывательное управление представит обстоятельный доклад о том, с какими силами противодействия мы можем столкнуться.

Джонсон боялся, что ему напомнят его собственные слова, когда он, зарабатывая авторитет, говорил в конгрессе: «Было бы ошибкой посылать американских солдат на кровавое веселье в болота Индокитая, чтобы увековечить колониализм и эксплуатацию Азии белыми». Это было незадолго до выборов, которые сделали Джонсона вице-президентом страны. Он мог бы стать и президентом, если бы Кеннеди не швырнул на чашу весов свои козыри. Как же! Образованнейший человек, да еще искалеченный на войне. Серой массе избирателей импонировало, что в президенты идет человек, знающий, что такое война. Он обещал мир и добрососедство с Россией, а Америка, не зная, что такое Россия, тем не менее питает уважение к ней. Еще бы, ведь она первая запустила в космос свой спутник! А для технически

мыслящей Америки это значило много. Потом, уже после выборов, в космос полетел этот улыбающийся парень — Юрий, а Америка проиграла Плайя-Хирон. «Ведь я говорил Джону, — думал Джонсон, — что не такими силами надо было высаживаться в заливе Кочинос. Фиделю надо было нанести смертельный удар, убрать заразу коммунизма из-под бока Америки».

Но Джонсону никто не напомнил о его словах. Америка, ее политические деятели умеют отличать рекламную шелуху от истинных намерений. Через полгода после того, став вице-президентом, он, именно он, — это Америка должна помнить — подписал с сайгонскими властями соглашение, по которому Соединенные Штаты обязались расширить военную помощь Зьему. Джонсон с теплой улыбкой вспоминал встречи с Зьемом: образованный, вежливый человек, воспитанный в уважении к Америке.

— Мы соберемся здесь еще раз, — сказал Линдон Джонсон, — когда все компоненты плана, во всех аспектах, о которых мы только что говорили, окажутся в наших руках. Тогда можно будет уже разрабатывать детально нашу политику во Вьетнаме. Сейчас, господа, закрывая это совещание, — Джонсон посмотрел на часы, — подумать только, совещание заняло более трех часов! — я прошу вас обдумать на досуге все, связанное с новым направлением, приготовить обоснования «за» и «против», помочь администрации в момент, когда она стоит перед трудным выбором. Когда вы будете решать: поддержать или отвергнуть новый курс, я прошу вас помнить не об авторитете президента и его администрации, не о престиже того или иного ведомства. Думайте и ставьте на первый план моральные ценности нашего общества, авторитет Америки, которой самим богом уготована роль борца за идеалы свободы и демократии. До свидания, господа. Желаю вам успеха.

Выйдя из кабинета, полковник Смит был в растерянности. Он понимал, что президент действительно стоит перед принятием решения, которое может стать бикфордовым шнуром большой войны. Но при чем здесь он, скромный чиновник, — таких полковников в министерстве обороны не сосчитать, — которому и знать-то о таком совещании не положено, не то что присутствовать на нем?! Полковник был согласен с президентом, что глобальные интересы Америки требуют решительных действий во Вьетнаме, раз уж волей судьбы она оказалась

втянутой в эту войну. Весь западный мир смотрит на Америку как на свой щит в борьбе с коммунизмом. Есть только один выход — победить во Вьетнаме, поставить у власти надежных, умных ребят — присматривать, конечно, за ними, — и пусть они там управляют, как им подсказывает совесть и их традиции. С другой стороны, его, как и многих других участников совещания, резанула мысль о возможности мировой войны. В разведывательном управлении и в министерстве обороны есть люди, которые хорошо знают, что мировая война при нынешнем оружии уже не минует самой Америки.

Еще будучи лейтенантом, Юджин сопровождал одну делегацию в Советский Союз, Польшу и Западную Германию. И русские, и поляки, и немцы показывали, какие разрушения оставила война в их странах. Он даже не представлял, что война была такой жестокой и разрушительной. Тогда у Юджина Смита возникла крамольная мысль, которую он не высказывал даже близким друзьям: а нашла бы в себе силы Америка для сопротивления, если бы ее города подвергались ежедневным бомбовым ударам, если бы они превратились в развалины. И еще он узнал в той поездке, что русские солдаты воевали порой на скудном пайке, а мирное население жило на таком рационе, которого американец и представить себе не может. В Ленинграде делегации рассказывали, что защитники города и его жители, получая четыре-пять унций хлеба, похожего на глину, из которой лепят горшки, отбивали бесчисленные атаки врага, а города все-таки не сдали. Кусочек хлеба, увиденный в музее, вызвал у Юджина воспоминания о другой войне.

Незадолго до памятной поездки в Европу Юджин Смит вместе с группой офицеров побывал на боевой практике в Корее. Там он первый раз увидел своих ровесников ранеными и убитыми. Отец Юджина был механиком на флоте, ходил на транспортах в Мурманск, тепло рассказывал о русских моряхах и летчиках. Был он и в печально известном караване PQ-17, который англичане, как говорил отец, предали и подставили немцам под разгром. Но танкер, на котором шел отец Юджина, остался цел, хотя его тоже здорово пощипали. Русские наградили отца медалью, на которой были выбиты гордые слова — «За отвагу». Она, наверное, и сейчас хранится в шкатулке с документами. Отец погиб после войны, когда Юджин уже кончил военное училище, погиб на американском китобойце, столкнувшемся с айсбер-

гом где-то у самой Антарктиды. Так что Юджин, попав в Корею, будто реставрировал в памяти из отдельных эпизодов, рассказанных отцом, целостную картину войны. В Корее, судя по всему, она была иной, чем в России. Другие были и солдаты. Если отец и парни его поколения сражались против фашизма, то в Корее шла война неизвестно за что. Не очень хорошо понимал тогда Юджин, почему Америка должна помогать одним корейцам убивать других. Но раз президент послал войска, значит, так и надо. Это не вызывало сомнений, даже если и было непонятно. Два месяца Юджин провел в составе стрелковой дивизии. Был под пулями, под артиллерийским обстрелом. Но когда он вспоминал рассказы отца, то видел, что война в Корее будто идет по другим законам. Солдаты вроде приехали в Корею не воевать, а зарабатывать деньги. Платили им много, кормили хорошо, а они все требовали большего. Он был свидетелем, когда рота отказалась идти в атаку, потому что на обед не подвезли мороженого, значащегося в меню, и апельсинового сока.

— Завтра все подвезут: и мороженое, и сок, и другое,— говорил командир.

— Тогда и атака подождет до завтра,— решила рота.

А что бы делала Америка, окажись она в положении русских осенью сорок первого года? Это был для него совсем не риторический вопрос. Он его мучил, хотелось найти ответ, а факты, которые Юджин узнал, подсказывали не те слова, какие он хотел бы услышать.

В звании майора Юджин Смит был приглашен работать в главное управление военной разведки. Романтика борьбы со шпионажем, обезвреживание врага внутри или за ее рубежами, окутанные тайной операции; после которых в разных странах исчезали президенты и премьер-министры, а вместо них появлялись новые люди, клявшиеся в верности нетленным ценностям Запада, американским принципам свободы и демократии, привлекали многих молодых послужить, как говорили, на передовых рубежах, раз уж им не досталось побывать в настоящих боях на фронте.

На долгих три года посадили Юджина за студенческую парту, учить французский и вьетнамский языки, совершенствоваться в законах тайной войны. Он был одним из лучших слушателей, и при окончании академии ему присвоили очередное воинское звание, что его

как бы еще прочнее связывало со службой в разведке. Не трудные вначале, потом все более сложные поручения опять в Корее, затем в Таиланде, где строились военно-воздушные базы, и, наконец, Вьетнам. Раз уж он почти три года изучал эту страну, ее язык, ее народ, города и горы, реки и береговую линию, религию и искусство, то командировка во Вьетнам в таком случае рассматривалась как награда за труд.

Сайгон он знал не хуже Вашингтона. С закрытыми глазами — это тоже результат тренировки — на чистом листе бумаги он мог нарисовать сетку городских улиц, не только в центре, такие, как Катинá, бульвар Ле Лоя, но даже улицы совсем, кажется, чуждого веселому Сайгону — китайского города Шолон.

Но, оказавшись в Сайгоне, Юджин был потрясен увиденным: как все-таки отличаются книжные знания от тех, которые приобретаешь в повседневной жизни. Сайгон оказался отнюдь не «Парижем Востока», как его называла реклама. Плотность почти в семьсот человек на один квадратный километр — а во вьетнамских гетто эта цифра возрастала в четыре раза — создавала неразрешимые хозяйственные и социальные проблемы. Его экономика отражала хаос, созданный американской войной. Инфляция невиданных размеров, спекуляция всем, что только имела на своих складах американская армия, появление профессиональных банд гангстеров по образцу американской мафии, торговля людьми в прямом и переносном смысле слова. Ураганный поток денег как бы оmyвает этот город, не принося ему облегчения. Город крутится, вертится, шумит, бесцельно суетится и не движется никуда. Миллионы людей, согнанные разными обстоятельствами на двадцать одну квадратную милю площади, заполнили пространство между независимыми в прошлом центрами Сайгона и Шолона, расползлись по некогда неприспособленным к жизни районам. Обложенный с трех сторон болотами и войной, запертый с четвертой собственной армией, Сайгон пировал во время чумы.

Американцы знали столицу Южного Вьетнама лишь по богатым торговым улицам обеих частей ее — Сайгона и Шолона. Они не бывали в кварталах, где люди пьют насыщенную вредными микробами, опасную для здоровья воду, живут среди полчищ крыс, питаются отбросами. Это за пределами сознания тех, кто планирует «зоны процветания». Когда находится кто-то, указываю-

щий на трагедию людей, полковники и капитаны, отвечающие за разные программы помощи, помня науку, которую они проходили в компаниях и банках, где остались вершить дела их родственники, обычно говорили: «Америка, как и господь бог, помогает тому, кто помогает сам себе». В Сайгоне Юджин увидел, что бог и Америка помогают совсем не тем, кто нуждается в помощи.

Чтобы лучше подготовиться к встрече с китайской колонией во Вьетнаме, лучше представлять, как живут — обособленно и по своим канонам — китайцы в Шолоне, Юджин пешком обошел чайна-тауны в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Нью-Йорке, изучил китайскую кухню, запомнил десятка три ходячих фраз, помогающих общению, научился, как настоящий китаец, держать куайцзы¹, чтобы ни кусочек жареного мяса, ни голубиное яйцо, ни скользкий увертливый трепанг не упали на стол раньше, чем донесешь их до рта. Если с палочек на стол будут падать кусочки пищи, китаец, с которым ты сидишь за одним столом, отзовется на это традиционно вежливым «мэй ю гуаньси, мэй ю гуаньси»², но в душе он тебя будет считать варваром. Впрочем, китаец, особенно мандаринского сословия, как успел сделать Юджин вывод по тысячам мелочей, все равно считает любого белого варваром, хотя бы за то, что он пользуется при еде ножом и вилкой, за то, что не знает грамоту грамот — иероглифы.

Вспоминая прошлое и обдумывая настоящее, Юджин Смит, без ложной скромности считавший себя одним из опытных офицеров разведывательной службы, замечал, что червь сомнения не дает ему покоя. Что-то мешало думать спокойно, беспрекословно принять все, что было предложено и генералом Райтсайдом, и министром обороны, и самим президентом. Каждый по отдельности из них изложил события в таком свете, что они хотя и не вызывали особого энтузиазма, тем не менее казались верными с точки зрения глобальных интересов Америки. Юджин, обладающий нынешними знаниями и опытом, мог бы поспорить с Фрэнсисом Райтсайдом по некоторым положениям его доклада, высказать свое несогласие с тактикой, которая привела к тому, что наиболее подготовленные, хорошо натренированные для выполнения самых сложных и дерзких замыс-

¹ Ку ай ц зы — палочки для еды (кит.).

² Ничего, ничего (кит.).

лов части морской пехоты завязли в позиционных боях с партизанами Вьетконга, потеряв свою мобильность, утратив все преимущества перед вьетнамскими крестьянами, которых Вьетконг призвал в свои ряды.

Юджину хорошо помнится разговор с командиром роты морской пехоты капитаном Алленом. Они случайно встретились в баре отеля «Рекс». Окна бара выходили на бульвар Ле Лоя, и в них была видна гостиница «Каравелла», рядом с которой красовалось театральным портиком здание Национального собрания. Юджин обратил внимание на то, что капитан очень уж стремительно опоражнивал стаканы с виски.

— Вам что-то не по себе, капитан? — дружелюбно спросил Юджин.

— Какого черта вы лезете туда, куда вас не просят? — грубо обрезал капитан. Юджин был в гражданской форме, и капитана нельзя было одернуть за оскорбление старшего по званию.

— Я хорошо знаю этот город, — не обращая внимания на грубость, произнес Юджин, — и мог бы показать места, где можно лучше и веселее провести время.

— Лучше? Веселее? — с усмешкой сказал капитан. — Это не для меня. Мое веселье кончилось два дня назад, а два дня спустя начнется снова, когда истечет срок неожиданно подвалившего счастья побывать в Сайгоне и увидеть, как живут за нашей спиной вашингтонские чиновники. Хорошо живут, — сделал он вывод. — А тонуть в болотах и умирать на рисовых полях — это участь моих парней и меня самого.

Юджину хотелось отключить приехавшего с боевого участка офицера от черных мыслей, подбодрить его, и он, несмотря на недружелюбие капитана, стал втягивать его в разговор. Капитан, видимо отвыкший от такого обращения, стал постепенно смягчаться, разговорился. Он рассказал, что его рота была в первом эшелоне американской пехоты, высадившейся во Вьетнаме.

— В Пентагоне думали, что отряды морской пехоты, как «чернильные кляксы» на бумаге, расплывутся по всему Вьетнаму и залиют его краской нашего цвета. Но я тебе скажу, Юджин, — они уже познакомились и выпили за дружбу, — что мы по уши увязли в этой дерьмовой войне. Поверь моему опыту, — я уже седьмой месяц здесь, — не выбраться нам отсюда. Только, когда меня не будет, обещаю выпить за меня хороший глоток, а лучше целую пинту вот из такой бутылки, с симпатич-

ным парнем на этикетке¹. Он-то,— капитан щелкнул ногтем по картинке,— может, и дойдет туда, куда отправился, а вот мне не дойти до цели, которая я не знаю где. Придется бедному Аллену остаться здесь, попомни мое слово.

— Ну, зачем же так мрачно, Юл? Все обойдется. Вот увидишь.

— Я ничего не увижу, Юджин. Даже в Сайгоне не удастся побывать еще разок, поверь мне. Я приезжал сюда, чтобы доказать ненужность нашей гибели, а мне сказали: «Есть люди, которые знают побольше твоего. Они и думают за тебя, хотя твои доводы доложим начальству». Не доложат. Или доложат, когда нас уже не будет.

Юджина поражала безысходность в словах своего нового знакомого. Он дал себе слово изучить положение роты капитана Аллена в районе города Кантхо и, если удастся, помочь ему чем-нибудь. Несколько дней после этой встречи Юджин был так занят, что забыл о существовании капитана. Когда он собрался заняться его судьбой, он узнал, что гроб с телом «геройски погибшего капитана Юла Аллена» уже отправлен на родину и по ходатайству командования будет похоронен на Арлингтонском кладбище в Вашингтоне. «Капитан беспредельно верил в нашу победу,— напыщенно сказал Юджину полковник хозяйственной службы, ведающий отправкой гробов в Штаты,— и проявил самый высокий дух героизма».

Вечером полковник Юджин Смит, закрывшись в своем номере в отеле «Мажестик», выпил почти бутылку «Джонни Уокера». Это было единственное, что он смог сделать в знак памяти о капитане Аллене, понимавшем обстановку лучше, чем американское командование в Сайгоне.

Вернувшись в свой кабинет в Пентагоне, Юджин стал просматривать собственную картотеку по Вьетнаму, чтобы попытаться найти, хотя бы для себя, определенную точку зрения на сегодняшнюю ситуацию. Он знал, что его конечно же никто не спросит, разве только шеф, что он думает по поводу услышанного. Но тогда зачем его приглашали на совещание? Перебирая картотеку, он встречал знакомые фамилии, названия улиц, географические и этнографические сведения, но ничто

¹ Виски марки «Джонни Уокер».

пока не останавливало его внимания. А в голове тем временем, как кинолента, протягиваемая в обратном направлении, возникали разрозненные факты, обрывки разговоров. Вдруг мысль, как уличный поток машин, застопорилась, будто наткнулась на красный фонарь светофора: сравнительно недавний вызов к шефу... Хотя, если говорить откровенно, Юджин уже сделал вывод, что разговор состоялся случайно. Видимо, шеф время от времени вызывает того или другого офицера как бы для профилактической беседы, не имея в виду ничего конкретного. И разговор — Юджин вспомнил его в деталях — носил больше ознакомительный, чем практический характер. Зацепиться было не за что. Только вызов на совещание у самого президента заставлял думать, что, видимо, ему отводится какая-то особая роль в большой игре. А что может сделать он, песчинка в водовороте огромных событий? И совсем некстати пришла в голову древняя восточная поговорка: «Нужен был — тигром сделали, нужда прошла — в мышь превратили».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Удобно расположившись за большим рабочим столом, президент Джонсон внимательно изучал материалы, подготовленные по его просьбе министерством обороны, Центральным разведывательным управлением и государственным департаментом по вопросам военно-дипломатических акций в отношении Вьетнама. Те проблемы, в которые раньше он по разным причинам не мог вникать достаточно глубоко, теперь стали для него самыми неотложными и первостепенными. Прежде чем участвовать в обсуждении и принимать решение по ним, он хотел знать все, что касалось их возникновения и развития.

Из документов, которые он уже успел просмотреть, он впервые со всей отчетливостью понял, что еще два года назад между американскими военными и Сайгоном, с одной стороны, и правительством США — с другой, возникли довольно острые разногласия. Военные настаивали на том, чтобы шире использовать для борьбы с партизанами напалм и дефолианты, распространить на большую территорию положение о «зонах свободной бомбардировки», заменить устаревшую винтовую авиацию реактивной. Генерал Харкинс доказывал, что напалм и ядохимикаты самым радикальным спосо-

бом воздействуют на психику Вьетконга, вселяют страх в его солдат перед неограниченными возможностями американской военной мощи. Однако что-то в этом вопросе пугало Кеннеди, он колебался. Правда, в конце концов он сдался перед мощным напором военных.

Джонсона удивляла несогласованность в оценке событий, которую давали глава военных советников генерал Харкинс и посол в Сайгоне Генри Кэбот Лодж. Харкинс продолжал слать победоносные донесения, а Лодж выражал крайний пессимизм по поводу развития военных действий. Вопрос об этом не раз обсуждался в узком окружении президента Кеннеди. Джонсона как вице-президента не всегда приглашали на подобные заседания, но на одном из них он присутствовал.

Президент откинулся на спинку кресла, стал вспоминать детали того разговора. Он ему запомнился потому, что уж очень резко проявились тогда разные подходы к оценке того, что происходило во Вьетнаме.

Генерал Виктор Крулак считался в Вашингтоне лучшим специалистом по партизанской войне. Может быть, он уступал в этом только генералу Лэнсдейлу. В начале 1963 года генерал Крулак и представитель госдепартамента Джозеф Менденхолл были посланы во Вьетнам для подготовки специального доклада для президента Кеннеди. Джонсон вспомнил, что генерал Крулак, высокий стройный человек с густыми темными волосами, чуть тронутыми сединой, уверенно, четко докладывал о том, что он увидел своими глазами, побывав на разных боевых участках. Он говорил, что война в сельской местности идет самым успешным образом. Офицерский корпус сайгонской армии — здоровый, его не волнуют политические проблемы, которые раздувают враждебные элементы, он верит в возможность сокрушения Вьетконга. Население, которое сайгонскому правительству удалось сплотить на odpor Вьетконгу, активно поддерживает воинские части и высоко отзывается о действиях немногочисленных еще тогда американских отрядов, называемых отрядами советников.

Не только на него, Джонсона, но на всех сидящих доклад Крулака произвел хорошее впечатление. Впрочем, оно сохранялось до тех пор, пока не начал говорить Джозеф Менденхолл. Что-то вроде шока почувствовали слушатели, когда Менденхолл нарисовал свою картину.

— По мнению, сложившемуся у меня, — сказал он, — среди гражданских чиновников в Южном Вьетнаме сни-

зу доверху господствует атмосфера страха и ненависти, их мораль стоит на крайне низком уровне. Они грызутся между собой и вместе подвергают сомнению способность лидеров что-то изменить в лучшую сторону. Сайгонскому правительству действительно удалось сплотить население, но только против самого себя. Боевые действия в сельской местности сейчас для него имеют второстепенное значение, правительство больше всего обеспокоено войной с оппозицией во всех слоях общества.

Когда Менденхолл закончил свой доклад, наступило неловкое молчание, которое Кеннеди прервал ядовитым вопросом докладчикам:

— И вы оба были в одной и той же стране, не так ли?

Потом выступил агент ЦРУ Руфис Филлис. Он еще больше усилил тон выступления представителя госдепартамента.

— Те факты, которыми мы располагаем,— сказал он,— говорят о неудаче нынешней американской программы. По меньшей мере две трети вьетнамцев считают, что правительство надо менять. Что касается мнения генерала Крулака о надежности офицерского корпуса, то я позволю сказать, что оно не соответствует действительности.

Филлис подверг сомнению сведения, которые поступают от военных из штаба в Сайгоне.

— В дельте Меконга, насколько мы осведомлены нашими представителями,— сказал он,— дело идет из рук вон плохо. И солдаты, и офицеры боятся вступать в бой с Вьетконгом. Части противника пополняются и за счет дезертиров, и особенно за счет местного населения.

Противоречие было обескураживающим. Кеннеди сказал, что докладчики могут быть свободны, к их услугам Совет по делам национальной безопасности может вернуться позже. Когда они удалились из кабинета, Кеннеди задал вопрос, ни к кому не обращаясь конкретно:

— И вы думаете, что мы еще что-либо знаем достоверно о происходящем во Вьетнаме?

Опять наступило неловкое молчание.

— Я думаю,— прервал его Кеннеди,— после услышанного мы не имеем права обсуждать что-либо.

Аверелл Гарриман, бывший тогда помощником государственного секретаря по дальневосточным вопросам, попросил разрешения у президента сказать несколько слов.

— Я знаю Крулака много лет. Но я не знаю, когда бы он был прав в своих высказываниях и планах. Обидно признавать, но я считаю Крулака просто дубиной, — и последние слова старого дипломата были встречены веселым оживлением. Даже Макнамара, хотя за миссию Крулака он нес ответственность, натянуто улыбнулся.

Президент Кеннеди сказал, что он немедленно вызовет посла Лоджа и по всей строгости спросит с него, кому в конце концов мы должны доверять, какую информацию считать достоверной, а какую, не читая, выбрасывать в корзину.

21 ноября, через несколько дней после этого неприятного события, Лодж вылетел из Сайгона в Вашингтон, чтобы доложить президенту о серьезно ухудшающемся военно-политическом положении в Южном Вьетнаме. Его самолет сделал посадку в Сан-Франциско, и там посол узнал об убийстве Кеннеди и о присяге нового президента Линдона Джонсона.

Джонсон вспомнил сейчас встречу с Лоджем. Она произошла после похорон Кеннеди. Лодж был глубоко опечален, сухо поздравил его с вступлением на самый высокий пост в государстве и пожелал успеха. Потом он докладывал все, что он хотел сказать Кеннеди. Доклад был мрачный, в нем не было проблесков на будущее, если все будет идти по-старому. Новый президент не был готов обсуждать столь сложную проблему без подготовки. Но он и сейчас помнил слова, которые сказал тогда Лоджу:

— Может быть, у нас действительно не все гладко с Вьетнамом. Но я хочу сказать тебе, Генри, что я ни при каких поворотах событий не намерен терять Вьетнам.

На этом они и расстались, а через некоторое время послом в Сайгон был назначен бывший председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Максуэл Тэйлор, с полномочиями взять в свои руки руководство и военной политикой.

Воспоминания отвлекли Джонсона от бумаг. Он поднялся из-за стола, прошел в просторный салон для отдыха, мельком бросил взгляд на большое зеркало, отразившее его крупную, но подтянутую для его лет фигуру. Серый двубортный костюм сидел элегантно. Вишневого цвета галстук оттенял ослепительную белизну рубашки, а массивные золотые запонки с большими жемчужинами были красивы, но не слишком бросались в глаза,

чтобы можно было сказать о безвкусице. Прямые длинные волосы, зачесанные назад без пробора, открывали лоб с поперечными морщинами, делавшими лицо мужественным, а выражение на нем несколько суровым. Правда, президент хорошо владел мимикой и мог легко скрыть свое истинное мнение о человеке за радушной улыбкой.

В последнее время, когда план расширения военного присутствия в Южном Вьетнаме стал приобретать все более конкретные очертания, а бомбардировки Северного Вьетнама носили уже постоянный характер, президенту приходилось все больше внимания уделять вопросам, имеющим важное значение как для международного, так и для внутреннего положения страны. Подражая своему великому предшественнику Франклину Рузвельту, провозгласившему как бы символом своего правления идею о проведении «нового курса», Джонсон тоже решил идти на предстоящие выборы с идеей построения «великого общества», единого своей сплоченностью, способного поднять могущество, престиж и влияние Америки.

Готовясь к выборам, он поручил своим советникам разработать в деталях идею «великого общества», учитывая, что новая американская политика по отношению Вьетнама будет одним из компонентов, цементирующих это общество.

— Вьетнамская политика, — говорил он, — должна поднять дух патриотизма, озабоченность каждого американца за судьбы демократии и свободы, которые — я твердо убежден — Америка будет насаждать и защищать всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, включая вооруженные.

Раздумывая о предстоящих военных шагах, президент понимал, что сейчас трудно с определенной точностью сказать, с какими проблемами ему придется столкнуться в будущем. «Думаю, что сам Макнамара, которого считают человеком, способным заменить электронно-вычислительную машину, не сможет предусмотреть все варианты на гигантской шахматной доске, какой является сегодняшний противоречивый мир», — рассуждал Джонсон. Если мы в ближайший год или полтора сумеем перебросить во Вьетнам двухсотпятидесятитысячный контингент войск, это сразу изменит обстановку на Индокитайском полуострове и повернет события в новое русло. Впервые после корейской войны Америка снова будет

прикована к далекому району земного шара. К нашим солдатам протянутся миллионы нитей, которые свяжут их с родными, близкими, друзьями, переживающими за их судьбу. Это будут самые прочные связи, какие только могут быть в природе. Америка будет следить за делами своих сыновей, тревожиться за них и гордиться ими.

Джонсон вошел в кабинет, подошел к карте мира, висящей на стене, и мысленно проложил маршрут транспортных кораблей и самолетов от портов Америки до вьетнамского побережья. Он нашел на карте пункты, где по плану Объединенного комитета начальников штабов будут высаживаться американские войска. «Вот порт Дананг,— рассуждал президент.— Макнамара говорил, что здесь есть и военно-морская и военно-воздушная базы. Совсем недалеко от 17-й параллели. Можно будет успешнее проводить бомбардировки севернее этой линии».

Его взгляд направился вниз карты.

— Так, так,— проговорил он, прикладывая к карте небольшую лупу,— вот и база Камрань. Неужели действительно ее можно сравнить с Кларк-Филд?

Джонсон был на филиппинской базе, и она показалась ему тогда образцом мощи, и когда Макнамара докладывал о Камране, президент усомнился в его утверждении. Но Боб цифрами доказал свое.

Идея, которая заложена в плане, получившем в официальных документах название «план Джонсона — Макнамары», исходит из того, чтобы сделать новые базы не только в Индокитае, но и в других странах Азии «передовыми рубежами» Америки. И если ей придется взять на себя миссию распространения принципов американской демократии в других районах мира, то эти опорные рубежи на Гавайях, Филиппинах, Окинаве, Тайване, Корейском полуострове дадут Соединенным Штатам огромное преимущество.

Ошибка англичан, подумал президент, может быть, и состояла в том, что они слишком слабо защищали свои позиции восточнее Суэца, поставили под удар взбунтовавшихся колоний оголенные и растянутые коммуникации. Их ошибку мы не повторим. Не повторим никогда! Но обдумать в тонкостях эту проблему совершенно необходимо.

Джонсон посмотрел на часы. Через десять минут придет Макнамара доложить о развитии военных событий.

Макнамара был точен до секунды. Он вошел в кабинет, как всегда, собранным, с сосредоточенным выражением на лице. «Жаль, — несколько смущенно подумал президент, — я забыл предупредить Боба, что пригласил на беседу директора ЦРУ Маккоуна и генерала Райтсайда».

Поздоровавшись, президент сказал об этом министру обороны.

— Это даже хорошо, господин президент, — сказал Макнамара, — я должен был сам предложить вам сделать это, но в спешке упустил из виду. Вы поправили мой недосмотр, господин президент. Тем более что нам предстоит сообщить важную новость генералу Фрэнсису.

Джонсон знал, что Макнамара не забывает даже мелочей, если они полезны для дела. Он был доволен, что министр обороны выразил согласие с его решением.

Через несколько минут Маккоун и Райтсайд появились вместе. Вчетвером они поговорили немного о последних новостях, пошутили, но не зло, по поводу недавно полученной телеграммы от южнокорейского президента Пак Чжон Хи. «Республика Корея, — писал президент, — будет верным и надежным боевым союзником Соединенных Штатов в их решимости защитить и укрепить идеалы свободного мира в Азии». Телеграмма была прислана в ответ на предложение направить несколько южнокорейских дивизий в Южный Вьетнам.

— Ну, Боб, — спросил президент, — надеюсь, вы пришли не с пустыми руками? Пентагон, думаю, успешно разложил свой пасьянс, — сказал он, имея в виду вопрос, сколько, когда и какие дивизии будут посланы во Вьетнам в первую очередь.

— Да, господин президент, — ответил Макнамара, — с этим пасьянсом мы справились.

— Тогда, Боб, тебе и карты в руки, в том числе и географические, — эта шутка вызвала у всех оживление, поскольку все знали, что министр обороны большой любитель популярной карточной игры бридж.

— Списочный состав дивизий, бригад, полков особого назначения, эскадрилий ВВС и военно-морских сил определен, господин президент. Я не буду загружать им вашего внимания сейчас, вы это можете посмотреть, когда выберете свободное время. Скажу только, что в основу положен принцип: перебрасывать в первую очередь подразделения, имеющие лучшую подготовку для

ведения боевых действий в сложных природных условиях. В первую очередь будем включать в них солдат и офицеров, имеющих опыт войны в Корее. При вербовке добровольцев это будет учитываться прежде всего. Работа по их набору уже началась и идет, по-моему, достаточно хорошо. Условия, которые мы предлагаем добровольцам, я имею в виду их денежное и материальное обеспечение, создают у нас уверенность в том, что недостатка в желающих не будет.

— Вы все предусмотрели, чтобы наши парни не говорили о скупости министерства обороны? — спросил президент.

— Сейчас мы завершаем составление сметы расходов на каждого солдата, господин президент. В предварительном порядке могу сказать, что денежное содержание солдата будет колебаться от пятисот до шестисот пятидесяти долларов в месяц при полном материальном обеспечении.

— Это, господин президент, — добавил директор ЦРУ, — привлечет в армию многих из тех, кто не может найти работу. Особенно из числа негритянского населения. Кроме того, управление психологической войны предлагает ввести систему дополнительного вознаграждения за участие в прямых боевых операциях, за большее истребление солдат противника, за каждый боевой вылет летчикам. Все перечислять долго, но тут наши службы работают в полном контакте.

— Это хорошо, — согласился президент. — Парни, которых мы пошлем в болота и джунгли, должны чувствовать, что Америка ценит их подвиги.

— Мы пришли к выводу, господин президент, — продолжил Макнамара, — что уже в марте будущего года мы сможем начать переброску войск в пункты, о которых мы говорили раньше. Исходя из наших возможностей, полагаю, что сможем, используя все виды морского и воздушного транспорта, перебрасывать в среднем тридцать — сорок тысяч человек в месяц, чтобы уже к концу 1965 года иметь в экспедиционном корпусе двести или даже двести пятьдесят тысяч человек. Этого вполне достаточно на первое время, чтобы приступить к проведению самых широких акций по подавлению мятежников.

— В связи с этим, господин президент, — сказал генерал Райтсайд, — у меня возник такой вопрос. Я исхожу при этом из опыта, который мы приобрели в Корее: а не

произойдет ли так, что при мощном наращивании наших сил во Вьетнаме в дело вмешается Пекин и пошлет туда миллион своих так называемых добровольцев? Вы про- считали этот вариант, господин министр?

— Подожди, Фрэнсис,— сказал Джонсон,— давайте не будем обсуждать проблемы, которых пока нет и которые, как мы надеемся, не возникнут. Вопрос об отношениях с Пекином лежит в другой плоскости. Директор Маккоун следит за этим с особым вниманием. За китайской стеной у него есть свои глаза и уши, которые шлют вполне обнадеживающую информацию. Не так ли? — спросил президент, пристально посмотрев на Маккоуна.

— Да, господин президент,— ответил тот,— мы получаем из Пекина сообщения, которые говорят о том, что там сейчас господствует настроение другого характера, чем во времена корейской войны. Вы сами, генерал, докладывали о контактах красных китайцев с нашими представителями в Женеве еще десять лет назад. За эти десять лет много воды утекло не только в Потомаке, но и в Янцзы. И самое главное состоит в том, что Пекин ведет линию на разрыв с Москвой. Большой помощи нашей политике мы и ждать не могли. По нашим сведениям, трещина в отношениях между двумя гигантами коммунистического мира становится все шире и может в конце концов стать непреодолимой. Загадочный красный Китай делается для нас более понятным.

— И все-таки я повторяю,— сказал Джонсон,— не будем пока обсуждать этого вопроса. Что еще ты хочешь сказать, Боб?

— Я хочу добавить, не имея в виду в данном случае Китая — этого загадочного азиатского сфинкса, что, когда начинаешь бизнес такого масштаба, как этот, нельзя избежать сложных проблем, они будут возникать каждый день, большие и малые. Но для нас главной сейчас является одна — переброска огромного контингента войск и материального обеспечения плана, создания надежных запасов всего, что потребуется для ведения операций с участием в войне непосредственно наших войск. Поэтому все наши службы заняты ею. Нам предстоит — только подумайте! — перебросить через океан миллионы тонн боеприпасов, оружия, техники, продовольствия, строительных материалов. По нашим предварительным подсчетам, эта операция будет крупнее и сложнее, чем переброска наших войск и вооружений по плану «Оверлорд» для вторжения на ев-

ропейский континент в тысяча девятьсот сорок четвертом.

«Неужели мой план действительно превосходит план президента Рузвельта?» — подумал Джонсон. С каждым днем ему все больше нравилась, возвышала в собственных глазах роль верховного главнокомандующего. Не в воображении, а на самом деле он может теперь распоряжаться войсками, передвигать их в нужном направлении, ставить перед ними задачи невиданные по своему масштабу.

Президент был доволен обменом мнениями. Ему ничего не оставалось, как согласиться с теми практически решениями, которые представлены на его утверждение.

— Теперь, как я понимаю, можно задать несколько вопросов генералу Фрэнсису? — довольно улыбаясь, проговорил Джонсон. — Надеюсь, вы подготовились, — он по очереди посмотрел на своих собеседников, — раскинуть над Вьетнамом свою сеть, в ячейки которой не проскочит ни одна рыбка, не так ли?

— Пожалуй, так, господин президент, — отозвался Райтсайд, — ее плели самые светлые головы из инженерного управления.

Речь пошла о плане широкого строительства военных баз в Южном Вьетнаме, которые должны были покрыть страну от реки Бенхай до южной оконечности полуострова Индокитай и сыграть решающую роль в подавлении не только партизанского движения, но и обеспечить в будущем господство над Лаосом и Камбоджей.

— Географическое расположение баз, господин президент, разных по мощи и назначению, позволяет действительно рассчитывать на тот эффект, о котором вы сказали. Базы будут как бы замыкать на себя обширные стратегические районы — дельту Меконга, Центральное плато, юго-восточную часть Вьетнама с военноморской базой Камрань и военно-воздушную базу в Дананге. Настоящая рыбацкая сеть, как точно определено вами.

— Это хорошо, — довольно произнес Джонсон. — А есть в вашей сети что-либо особо значительное?

— Конечно, господин президент, — ответил министр обороны. — Таким первоочередным и наиболее важным объектом мы считаем базу Фусань. Это даже не база, а супербаза и по своей мощи, и по своему стратегическому назначению. Мы нашли выгодное место для ее строи-

тельства, как бы господствующую высоту, с которой можно наблюдать и контролировать положение не только на большой территории обеих частей Вьетнама, но и в Лаосе и Камбодже. И контролировать надежным способом.

— Это действительно сложное сооружение? — спросил президент, пытавшийся мысленно представить себе район строительства, но в конце концов отказался от этого, поскольку не знал карту Индокитая так, как знали ее военные.

— Да, господин президент, — сказал генерал Райтсайд. — На площади в несколько десятков квадратных километров разместятся крупные военно-воздушные силы. С нее на вертолетах будут выбрасываться отряды наших опытных антипартизанских сил в любой район, где возникнет необходимость подавить очаги сопротивления. Мы рассчитываем отсюда установить контроль над «тропой Хо Ши Мина», по которой Ханой шлет свои силы на юг. Примерно сорок тысяч солдат — морских пехотинцев, десантников, броневых дивизионов и охранных подразделений — будет находиться в подчинении штаба базы.

— Есть с чем развернуться и показать нашу силу, — согласился Джонсон.

— У министерства обороны и особенно у инженерного управления, — сказал Макнамара, — есть, господин президент, мнение и просьба к вам: утвердить строителем, а потом командующим базой бригадного генерала Фрэнсиса Райтсайда. Мы в Пентагоне и вы, господин президент, знаете его как энергичного человека, который необходим нам на таком важном участке.

Макнамара был хорошо осведомлен о тех давних и далеко не бескорыстных узах, связывающих Джонсона с богатейшим семейством Райтсайдов, и решил угодить ему этой просьбой.

— Я думаю, господин президент, — добавил Маккоун, — нам будет трудно найти более подходящего человека на эту высокую, ответственную работу.

Президент оторвал взгляд от карты Вьетнама, где пытался найти те «десятки квадратных километров» земли, которые, как он понимал, должны стать символом американской военной мощи и, если хотите, символом всей Америки.

— Ну, что ж, — сказал он, — когда два таких могучих человека, как министр обороны и директор развед-

вательного управления, единодушны в своем мнении, мне остается только с благодарностью принять ваше предложение, господа.

В этих словах Джонсона был как бы намек на то, что было известно всем: Пентагон и ЦРУ — постоянные соперники. Их соперничество, скрытое, а иногда и прорывающееся наружу, часто рождало на свет такие противоречивые аналитические выводы, которые ставили в тупик членов Совета по национальной безопасности и требовали поиска долгих компромиссных решений, не удовлетворявших в конце концов ни одно из этих учреждений.

— Фрэнсис, дружище,— обратился он к Райтсайду,— не только я прошу тебя принять этот пост, тебя просит Америка,— не удержался Джонсон от свойственной ему патетики.— Ты знаешь, какое затевается дело. В твои руки мы хотим передать мощное оружие и могучий инструмент возмездия. Как ты смотришь на это?

Генерал поднялся, взволнованный, вроде растерявшийся от неожиданности: ведь до этой минуты ни Макнамара, ни Маккоун ни словом не обмолвились о своем намерении. «Договорились,— подумал он про себя,— или решили сейчас?» Он вынул из кармана большой белый платок, вытер лицо и, боясь, как бы затянувшееся молчание не было понято неправильно, проговорил с несвойственной ему скороговоркой.

— Линдон,— перешел он на фамильярный тон, каким они всегда разговаривали друг с другом,— ты знаешь меня всю жизнь. Я могу только гордиться таким доверием и принимаю его с благодарностью.

— Прекрасно, дружище. Я всегда знал, что на тебя можно положиться и рассчитывать в самых трудных начинаниях.

Макнамара и Маккоун, кажется, тоже были довольны предпринятым шагом, хотя оба, уважительно относясь к миллионам Райтсайда, были не очень высокого мнения о его военных талантах.

— Остался совсем небольшой вопрос, господин президент,— сказал Макнамара.— Мы разработали обстоятельный и, как я думаю, полезный для нашего дела во Вьетнаме план психологической войны.

— Еще бы,— добродушно сказал Джонсон,— кто же не знает, что в твоей конторе подобраны самые высоколбые мыслители. Они не зря получают свои деньги.

— Не буду говорить о деталях,— раздвинув губы в

вежливой улыбке,— сказал Макнамара,— с этим можно всегда ознакомиться. Но в общем люди, которых мы отбираем для этого, будут изучать настроение вьетнамцев, входить в доверие, анализировать мнения самых разных кругов общества, делать предсказания или давать советы, какие шаги нам следует предпринимать или от каких отказаться. Они будут проникать через своих агентов в стан противника и помогать разрушать его изнутри. Это разведчики высшего ранга.

— Мысль действительно хорошая. В наши дни психология становится оружием, я бы сказал — стратегическим оружием,— сказал Джонсон.

— В связи с этим,— продолжал министр обороны,— я попрошу генерала Райтсайда взять к себе в качестве помощника по психологической войне одного из лучших наших военных разведчиков — полковника Юджина Смита. Вы знаете его, господин президент. Не так давно вы вручали ему высокую награду за операцию, назовем ее «Нго Динь Зьем».

— Да, я помню этого офицера. Он произвел на меня самое приятное впечатление. Он ведь, кажется, был на нашем недавнем совещании?

— Да, господин президент. Это была моя инициатива — пригласить его. Думал, что будет лучше, если он сразу почувствует масштаб дел, которые предстоят всем нам, и ему в частности.

— Я не возражаю,— ответил Джонсон.— Как ты, Фрэнсис?

— Только буду рад работать бок о бок с человеком, которого рекомендует министр Макнамара,— ответил генерал, подумав про себя, что, даже если бы и были у него какие-то соображения против, спорить с руководителем Пентагона не в его интересах.

— Ну и хорошо,— подвел итог президент,— теперь работать. Да,— сказал он, уже готовясь попрощаться со всеми,— мне пришла в голову мысль, что тебе, Боб, неплохо бы слетать в Сайгон и самому, а не через посла поговорить с нашими друзьями о деталях плана. Надо их порадовать, может быть, они станут более активными после этого. Когда бы ты мог сделать это без ущерба для дела?

— В ближайшие несколько недель, господин президент, я буду крайне занят в связи с окончательным уточнением всего, что связано с намеченным планом. Надо будет отработать и пустить механизм в действие,

Думаю, что в первой половине октября обстановка будет наиболее подходящей.

— Хорошо,— сразу согласился Джонсон,— к тому времени мы проведем подготовительную работу, объясним Америке и втолкуем всему миру, что у нас не было другого пути защитить дружественную нам страну от коммунистического вторжения, как послать собственные войска. Если эта работа будет проведена хорошо, мы получим лишнее очко в сражении с нашими противниками как у себя внутри, так и за пределами Америки. Но пока все, о чем мы говорили, должно держаться в абсолютной тайне, чтобы не проведал об этом какой-нибудь бойкий газетный мальчик. Просочись раньше времени в печать хоть малая часть, мы окажемся в крайне тяжелом положении. Надо ограничить круг посвященных. Я отдал распоряжение, чтобы секретные документы миновали даже моих помощников и секретарей. Никаких сведений для печати!

— Мы постараемся сделать все возможное, господин президент, чтобы никто не узнал раньше, чем мы решим сказать об этом сами,— заверил президента Маккоун.

Прошло несколько дней, и в Белом доме разразилась гроза. Многочисленный штат канцелярии президента был в растерянности: никто еще не видел своего шефа в таком приступе гнева. Нельзя сказать, что президент отличался кротостью характера и сохранял олимпийское спокойствие в горячей обстановке. Наоборот, он легко раздражался, обрушивал поток самых грубых выражений и готов был испепелить провинившегося. Но чтобы он гневался так! Никто не помнит, даже из тех, кого он взял в Белый дом из стен конгресса.

Вызванный продолжительными звонками пресс-секретарь Джордж Риди оторопел, увидев президента. Он собрался спросить, что произошло, но Джонсон не дал ему и рта открыть.

— Какого черта вы тут делаете, Джордж?! — обрушился он.— За что вы получаете свои деньги? От кого, черт возьми, пошли эти сведения, я спрашиваю? И кто мне скажет, откуда взялось это безмозглое дитя госдепартамента по имени Макклоски? Завтра же отправить его в Африку, пусть он там информирует подходящее для него общество, если у него на большее не хватает мозгов. Кто допустил, черт возьми, утечку информации, вы можете мне ответить на этот вопрос, Джордж? А если нет, то на кой черт я держу вас? Узнайте у

Раска, у его заместителей, кто разрешил этому крестину говорить то, о чем он и знать-то не должен, и ведите всех ко мне немедленно!

Риди стоял, ошеломленный, не понимая, о чем идет речь.

— Господин президент,— попытался он еще раз узнать, в чем дело, но опять безуспешно.

— Чего вы, черт возьми, топчетесь! — закричал Джонсон.— Берите эту бумагу и ищите виновных. Немедленно!

Джонсон сунул в руки Риди телетайпную ленту и почти вытолкнул его из комнаты. С грохотом захлопнулась за спиной Риди тяжелая дверь Овального кабинета.

Пресс-секретарь нервным движением вынул из кармана платок и вытер покрывшееся испариной лицо. Он попытался прочитать, но строчки прыгали так, что было трудно соединить их. Только вернувшись в свой кабинет и успокоившись, он прочитал: «Пресс-конференция представителя госдепартамента по связи с прессой Роберта Макклоски».

«Бедный Боб,— подумал Риди,— надо же было тебе влезть в это болото».

Последнее время Джордж Риди жил в каком-то полукошмарном состоянии. Как пресс-секретаря президента его беспрерывно атаковали журналисты, пытаясь прямыми и окольными вопросами узнать что-либо о Вьетнаме. Но Риди уходил от ответов, чувствуя, что здесь можно заработать крупные неприятности, если вьетнамские бумаги с грифом «государственная тайна» шли к президенту, минуя его как пресс-секретаря, от которого обычно секретов не бывает. И Риди выработал для своего оправдания трафаретный ответ:

— Обращайтесь, господа, в Пентагон или госдепартамент, это по их ведомствам. Только туда, господа,— говорил он, пробираясь сквозь решительно настроенных журналистов, заполнивших коридоры Белого дома. Такой ответ позволял сохранять респектабельность и дать понять журналистам: я знаю все, но не уполномочен говорить.

И рассерженная толпа мчалась к Макклоски, которого, как и Риди, держали в полном неведении. Только Макклоски было труднее отбиваться, он был представителем по связи с прессой.

— Один бог знает, чего мне стоит эта секретность,— жаловался он коллеге.— Может быть, ты что-нибудь знаешь? — спрашивал он Риди, но тот беспомощно разводил руками.

И Макклоски решил из обрывков информации составить более или менее общее представление о том, что происходит вокруг Вьетнама, и поделиться своим мнением с журналистами, чтобы не настраивать их против себя. Ссора с прессой может легко испортить карьеру. Берясь за эту работу, Макклоски знал, что действует на свой страх и риск.

— Из ваших слов, Боб,— читал Риди телетайпную ленту,— можно сделать вывод, что назначение генерала Уэстморленда на пост главнокомандующего во Вьетнаме дает ему полную свободу рук для применения военных сил по его усмотрению. Так ли это?

— Полагаю, что такой вывод можно сделать,— отвечал Макклоски, как всегда оставляя для себя хоть прозрачный запасной выход.

— Не могли бы вы уточнить, Боб, получил ли Уэстморленд часть полномочий, относящихся к прерогативе президента как верховного главнокомандующего?

— Точно сказать не могу, но в последнее время, вернее, в последние несколько недель, дело шло к этому.

— С юридической точки зрения, Боб, не думаете ли вы, что такое решение будет равнозначно отношениям, какие существовали между президентом Рузвельтом и генералом Эйзенхауэром во время войны в Европе?

— Да, пожалуй.

— Но ведь это означает, что президент Джонсон без ведома конгресса бросает Америку в большую войну и при этом скрывает свое решение от нации?

— Я бы не решился быть столь категоричным, господа...

Но его уже никто не слушал. Журналисты, стараясь опередить друг друга, бросились передавать в свои газеты и агентства сенсационное сообщение.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Склонившись в глубокой задумчивости над картой-схемой базы, генерал Райтсайд не заметил, как в его временную дюралевую резиденцию, воздвигнутую в тени густых деревьев, вошел Юджин Смит.

— Здравствуйте, господин генерал,— приветствовал Смит,— вы, наверное, уже представляете свое детище в полном расцвете сил, а?

— А, это ты, Юджин,— оторвавшись от схемы, сказал генерал,— я, наверное, сойду с ума, пока это детище вырастет. Понимаешь, не хватает стальных листов для взлетной полосы. Уже давно должны бы подойти, а их все нет и нет. Теперь из Сайгона сообщили, что металлическое покрытие будет поставлено из Японии — ближе и дешевле.

— Ну и что вас волнует? Японцы умеют делать такие вещи не хуже, чем американцы в Питсбурге.

— Не сомневаюсь, мой дорогой, но заказ им только передали, значит, задержка неминуема. А как ты знаешь, дело уже начинает разворачиваться всерьез. Скоро начнут задавать мне каверзные вопросы.

— По-моему, дело разворачивается в рамках планов и сроков, вряд ли стоит особенно беспокоиться.

— Наше драгоценное министерство любит менять сроки, чтобы при случае найти, на кого взвалить ответственность. Поэтому взлетная полоса — первоочередной участок. Помещения для летнего состава будут готовы вовремя, их ведь только монтировать из готовых деталей. Если чуть задержимся с установкой кондиционеров — не беда, перебьемся.

— А вам из Сайгона не сообщили главной новости? — спросил Юджин Смит.

— Какой? Нашего посла сменили или их очередного президента сбросили? Что там еще может случиться?

— Макнамара чуть не отправили на тот свет.

Генерал тяжело откинулся на спинку кресла и, вынув платок, стал вытирать лицо.

— Ты откуда узнал? Может быть, обычная газетная утка. Наши парни на это большие мастера.

— Я узнал об этом из передачи американского радио с Гавайев. Никаких подробностей. Одно голое сообщение: «Министр Макнамара избежал фатальной участи». Правда, я застал лишь конец сообщения.

Когда Райтсайд и Смит обменивались этими новостями, Сайгон бурлил. Вооруженные полицейские, военные патрули заполнили город. По улицам не разрешался проезд ни мотоциклистам, ни велорикшам, которые составляли основу сайгонского транспорта. Город притих и насторожился, но это была та часть города, где знали, что если будут предприняты репрессии, то

они пройдут именно здесь. Газеты сообщили, что арестован сайгонский электромонтер Нгуен Ван Чой из мастерской Нгокать на улице Фатзием, связанный с коммунистическим подпольем. Он намеревался взорвать мину, когда машина с министром обороны США Робертом Макнамарой должна была оказаться на мосту Конгли. Следственные органы, сообщалось в печати, ведут поиск сообщников террориста.

В тюрьме Центрального участка в Сайгоне события в это время разворачивались своим чередом.

— Из этого подонка,— кричал полицейский полковник старшему следователю,— надо вытряхнуть все! Все, все, все! Адреса, явки, имена, связи, планы! Все! Мы докатились уже до края пропасти! Покушение на министра обороны США! Вы представляете, какой позор падет на нас?! Уже весь мир знает об этом. А вы,— обратился он к старшему следователю с помятым лицом, потухшими от наркотиков глазами, вялому и, казалось, лишенному интереса к жизни,— вы, Хоа, опять скисли? Денег, что ли, нет? Примите хорошую дозу порошка и давайте работать!

— Я всю ночь не спал, господин полковник. Этот, как вы выразились, подонок может вывести из себя даже Будду. Молчит, а если начинает говорить, то строчит словами дяди Хо. Рот ему надо заткнуть побыстрее. Поверьте моему опыту, этот не скажет ничего из того, что нам надо.

— Рот мы ему заткнем, не сомневайтесь. Только от вас требуется одно: вытащить из него клещами, руками, зубами — чем хотите! — необходимые сведения.

— Сейчас этим занимается следователь Кхань,— сказал Хоа.

— А, сумасшедший Кхань,— улыбнулся полковник.— Ну у этого с крючка не уйдешь. А ты, Хоа,— перешел полковник на более фамильярное обращение,— стал что-то слишком мягкотелым, раньше ты был,— полковник пошевелил пальцами руки, подыскивая подходящее слово,— да, да, раньше ты был понадежнее.

— Господин полковник,— возмутился Хоа,— вы меня подозреваете в чем-то?

— Что ты! Откуда взял? Я просто боюсь, что ты сломаешься. Сдадут нервы, и сломаешься. Эта болезнь сейчас не только у тебя, многие ломаются. Ну, ничего, Макнамара приехал не зря. Слышал, какое строительство развернули американцы?

Полковник закурил сигарету, и ее ароматный дым поплыл по кабинету. Хоа оживился.

— Ладно, ладно, не принимайся. По старой дружбе дам тебе сигаретку покрепче,— он щелкнул замком небольшого сейфа, стоявшего на столе, замаскированного под стопку книг, и вынул тонкую сигарету.

— Вот, поправляй свое здоровье.

Хоа прикурил, сделал глубокий вдох, и блаженная улыбка растеклась по его еще минуту назад кислому лицу. С каждым вдохом синеватого дыма Хоа приобретал черты деятельного человека. Глаза заблестели, руки перестали дрожать, на щеках заиграл румянец. Теперь это был другой человек.

На столе пронзительно зазвонил телефон. Полковник рывком снял трубку, и Хоа заметил, как он начал меняться в лице.

«Неужели ухлопали Макнамару в другом месте?» — подумал с каким-то облегчением Хоа, надеясь, что не только на их участок падет гнев начальства.

— Ты понимаешь, что ты натворил?! — закричал полковник, и лицо его пошло бурными пятнами.— Да я тебя сотру в порошок, в пыль! Я из тебя выбью твою поганую душу,— полковник задохнулся от ярости, а в это время на другом конце провода кто-то, видимо, успел вставить несколько слов.— Ну, это уже легче,— тяжело вздохнул полковник и начал вытирать платком покрывшееся потом лицо.— Отвезите в тюремную больницу, сделайте все, чтобы он был готов к продолжению допроса. Этим займется старший следователь Хоа. Да, пока все.

Полковник бросил на рычаг трубку, и тут же раздался новый звонок по другому телефону.

— Слушаю, господин генерал. Конечно, знаю. Я все проверю лично, но вы же, господин генерал, лучше меня знаете этих людей... Да, я отдал все распоряжения. Кто? Я поручаю это дело следователю Хоа. Справится, он ведь не раз вел такие сложные дела. Хорошо, господин генерал, буду докладывать,— полковник помолчал немного, плотнее прижимая телефонную трубку, вдавливая в жирную щеку.— Совершенно верно, господин генерал. От вашего штаба включить кого-нибудь? Хорошо. Подполковника Чаня мы все хорошо знаем. Хорошо, господин генерал. Завтра,— полковник посмотрел на календарь,— да, 11 августа. Будет исполнено, госпо-

дин генерал,— и полковник обессиленно отвалился на спинку вращающегося кресла.

Несколько секунд стояла тишина, которую нарушил сам полковник:

— Ты что-нибудь понял, Хоа?

— Только то, что звонил начальник полиции Сайгона.

— Верно, но кто ему успел доложить? Нет, ты подумай! Хорошо, что Кхань успел предупредить, а то мне пришлось бы плохо.

— Да в чем дело-то? — не выдержал Хоа. У него уже и следа не осталось от вялости, беспомощности. Теперь это был человек, которого немного побаивался даже полковник.

— А дело, мой дорогой Хоа, в том, что твой подопечный Чой предпринял попытку к бегству. Когда Кхань вышел из комнаты — пить, видите ли, он захотел! — Чой выпрыгнул из окна.

— С третьего этажа? У нас там на окнах даже решеток нет, потому что прыжок с третьего этажа на камни — смертельный случай.

— Вот, вот. Но, к счастью, он не разбился — будет кого расстреливать! Правда, сломал ногу. Понимаешь ли ты наглость этих людей, Хоа? Нет, ты понимаешь?

— Понимаю, очень хорошо понимаю,— произнес Хоа,— боюсь, что тут другое: самоубийство — как средство избежать пыток, которых можно не выдержать и выдать соучастников. Значит, он был не один, значит, можно из него что-нибудь вытянуть.

Нгуен Ван Чоя не оставили в тюремной больнице, а снова привезли в тюрьму и заперли в одиночной камере, где всю мебель составлял деревянный топчан с истершейся от времени тростниковой циновкой. Переломанная в двух местах нога болела, но еще больше болела душа. Сейчас перед ним, как в кинотеатре, проходила вся жизнь, вплоть до той несчастливой минуты, когда его схватили цепкие руки полицейских, быстро обнаруживших мину, спрятанную на теле под просторной рубашкой.

Привалившись к стене, Чой закрыл глаза и увидел себя маленьким в деревне Тханькунг недалеко от Дананга. Там и теперь, наверное, еще живут его сверстники, если, конечно, не забрали в армию.

Чой любил свою деревню. Через лес текла прозрачная речка Тхубон в берегах, густо поросших бамбуком.

«Вот бы сейчас окунуться в прохладную воду Тхубон, не так бы горела нога», — подумал Чой. Но речка далеко, а впереди, наверное, будут пытки. О них он имел представление по рассказам старших товарищей. Главное — ничего не сказать, что могло бы повредить делу. А для этого придется вытерпеть все. Только бы разок увидеть свою Куен. Вот кому будет плохо теперь. Пожалуй, уволят с работы, а она так хотела скопить денег на учебу.

Трудно стало жить в деревне, и Чой уехал в Сайгон, где нанялся велорикшей.

— Парень ты вроде крепкий, — сказал ему китаец, сдававший велоколяски в аренду, — но Сайгон — это город, где не надо разевать рта. Тут, если не вырвешь кусок у своего конкурента, он тебя сам оставит голодным. Понял?

Он не знал, как бы сложилась его судьба дальше, если бы не встретил земляка, устроившего его учеником электрика в мастерскую на улице Фатзием. Не было у хозяина старательней и сообразительней ученика, чем Нгуен Ван Чой. Он не отказывался ни от какой работы, готов был помочь кому угодно разбирать любые приборы, мыть и чистить детали, наблюдать, как все они потом собираются вместе. Никогда не переставал он удивляться, как из хаоса хитро придуманных винтиков, гаек, резиновых прокладок и тонких проводов получается прибор или машина. Но, удивляясь, он запоминал. А это уже — школа. «Вот и мина получилась хорошая, — вспомнил Чой, — жаль, что полицейские быстро скрутили руки и не удалось соединить контакты». Он думал и о Макнамаре. Как хорошо все-таки было рассчитано: Макнамара проезжает по мосту, он поднимает руку, чтобы приветствовать зрителей, и в это время из-за спин встречающих вырывается Чой, подбегает к открытой машине и бросает мину.

Мысли его прервал звук поворачивающегося ключа в дверном замке. Вошел следователь, который мучил его всю предыдущую ночь. Ничего не добившись, он грозил пытками. За этим, наверное, и пришел.

— Ну, как ты себя чувствуешь, Чой? Ты все еще думаешь отмалчиваться? Не выйдет! Теперь мне ясно, что, выбрасываясь из окна, ты хотел погибнуть, чтобы не выдать своих сообщников-бандитов. А? Ты еще пожалеешь, что остался жив, и будешь молить о смерти, как о награде, когда опытные полицейские возьмутся за тебя.

Чой молчал.

— Ну, скажи, я угадал?

— Я не знаю, кем ты работаешь в этом подлом заведении,— спокойно произнес Чой,— но одно скажу: напрасно тебе платят деньги.

— Это почему же? — возмутился Хоа.

— А потому, что ты ничего не понимаешь в жизни. Неужели ты веришь, что такие, как я, думают о самоубийстве? Мне не повезло, что подвернулась нога, а то бы я вашего Макнамару все равно прихлопнул. Уж я бы его нашел, чего бы мне ни стоило.

— Ты рассуждаешь, как неразумное дитя,— сказал Хоа.— У тебя над головой уже петля болтается, а ты несешь чепуху. Тебя же повесят. Понимаешь: повесят! А я видел, у тебя красивая жена. Молоденькая. Еще не насладились замужеством, а смерть уже развод готовит. Вот так. А ведь я тебе мог бы помочь выбраться отсюда. Жалко мне тебя. Молодой, еще не жил. . .

— Когда кошка хочет поймать мышь, она прячет когти. Вот и ты что-то очень мягким стал.

— Если ты пословицу вспомнил, это хорошо. Но и я тебе одну приведу: из всех благ жизни — долголетие самое лучшее благо. Ты парень крепкий, здоровый, тебе самим богом предназначено жить долго, а ты отдаешь жизнь ни за что. Я тебе говорю искренне, потому что жаль твою молодую жизнь. Назови членов организации, адреса, явки, и я тебя завтра отсюда выпущу, лечись дома.

— На вывеске у тебя, милый господин, говядина, а в лавке-то дохлой собакой торгуешь. Напрасно тратишь силы и время. Я уже сказал: делал все один, иногда, правда больше на словах, помогал тот подлец, который меня выдал полиции. Вас он тоже предаст, когда настанет срок. Я повторяю: если бы пришлось десять раз умирать, я бы умер, лишь бы только дали возможность отомстить врагу. Если не удастся, умру один раз. Когда-нибудь мои товарищи узнают обо мне правду и помянут меня добрыми словами.

И так продолжалось несколько часов. Под конец допроса Хоа посмотрел на Чоя погасшими глазами и, волоча ноги, вышел из камеры. Ему не хотелось ни думать, ни искать методы подхода к арестованному, ни даже пытаться его. Ему хотелось быстрее прийти домой и выкурить пару-тройку трубок, начиненных маленькими

шариками, приносящими успокоение и забвение. Хотя бы ненадолго.

Одиннадцатого октября 1964 года Нгуен Ван Чою был объявлен смертный приговор. Двенадцатого его должны были расстрелять.

Двенадцатого октября полиция разрешила жене Чоя прийти к нему с передачей.

Куен бросилась к тюрьме и напротив этого мрачного учреждения накупила у торговцев фруктов и сладостей. В приемной тюрьмы посылку взяли без слов.

— А завтра можно принести?

— Конечно, можно.

Куен подумала, что Чой не совершал того, о чем пишут газеты. И вот уже, видимо, с него обвинение снимают, обрадовалась она.

От ворот тюрьмы она пошла домой, а по пути остановилась у газетной витрины. Там стояло много людей, и Куен услышала имя Чоя. Прислушалась к разговорам.

— Ну и храбрец этот Чой. Подумать, мину для самого Макнамары!

— Но и венесуэльцы не простые ребята.

— А при чем тут венесуэльцы? — спросила Куен. Но ей никто не ответил. Видно, эта тема не для обсуждения с посторонними.

Она подошла к витрине и первое, что увидела, — имя Чоя. «Казнь Чоя отложена» — называлась заметка, переданная агентством Ассошиэйтед Пресс. «Несмотря на смертный приговор, вынесенный террористу Нгуен Ван Чою, готовившему убийство министра Макнамары, казнь преступника отложена... — у Куен поплыло перед глазами, буквы слились в одну неразборчивую череду слов, и ей пришлось напрячь все душевные силы, чтобы не упасть и дочитать до конца, — ...отложена, — нашла она строчку. — Дело осложнилось из-за того, что в столице Венесуэлы Каракасе отряд коммунистических террористов захватил заместителя начальника американской военно-воздушной миссии полковника Смоленса. Террористы угрожают убить Смоленса, если сайгонские власти казнят вьетнамского террориста Нгуен Ван Чоя. Венесуэльские бандиты предложили обменять Смоленса на Чоя. Вашингтон и Сайгон ищут приемлемый путь решения».

Куен прислонилась спиной к горячей каменной стене и, плача, произносила имя бога. Она не знала, где Ка-

ракас и Венесуэла, но она сразу поверила, что те, кто заступился за ее Чоя, могут вырвать его из лап смерти.

На следующий день сайгонская газета «Тхиен Тхи» («Добрая воля») поместила портрет Нгуен Ван Чоя перед столом чрезвычайного трибунала, на котором лежала мина и моток проволоки. Газета писала, что посольство США в Каракасе выступило с заявлением, что Соединенные Штаты не возражают против того, чтобы обменять жизнь Чоя на жизнь полковника Смоленса. Партизанам было дано заверение, что требование тех, кто удерживает Смоленса, будет выполнено, если они отпустят полковника в целости и сохранности.

14 октября американские агентства передали, а газеты Сайгона напечатали сообщение под заголовком: «Полковник ВВС США Смоленс на свободе. А что будет с вьетнамским террористом?»

Едва солнце поднялось над Сайгоном, а Куен уже подходила к лавочникам напротив тюрьмы. Как обычно, она купила фрукты и сладости, но передачу у нее не приняли, велели приходить только после обеда. Сердце у нее готово было выпрыгнуть из груди от волнения. Она решила не ходить домой, а переждать у знакомых лавочников. Сидя на скамеечке, она увидела, как в машине «пежо-404» с открытым верхом доставили откуда-то гроб.

«Наверное, умер кто-нибудь из заключенных», — подумала Куен. Но тут откуда-то налетели фоторепортеры, начали щелкать камерами, снимая сначала медленно въезжающий в ворота тюрьмы гроб, а потом переключились на нее.

— Что они, с ума посходили? — спросила Куен одного из торговцев.

— Кажется, дорогая Куен, — ответил тот, — это гроб для твоего мужа... — он не договорил, увидев, как побледнела Куен.

— Но мне же сказали... — она беспомощно искала глазами, кто мог бы ей ответить, и вдруг увидела спешащего к ней отца Чоя.

— Крепись, дочка, крепись. Я звонил адвокату, но он только дал телефон начальника тюрьмы... Мне сказали: Чоя только что расстреляли.

«Из дневника венесуэльского команданте Грегорио. Каракас просыпался. По проспектам мчались автомашины. Садовник, крепко зажав ножницы, подрезал

ветки деревьев в аристократическом предместье Колинас де бельмонте.

Мы заняли позиции в заранее установленных местах. Ровно семь. У подъезда дома, рядом с которым работал садовник, остановился грузовик с номером ВВС США, навстречу к нему выходит высокий, подтянутый полковник. Мы знаем, что его фамилия Смоленс, он заместитель начальника военно-воздушной миссии США. Неожиданно грузовик и полковника окружают партизаны. Один из наших товарищей, направив пистолет на Смоленса, говорит, что он арестован. Полковник делает вид, что не понимает. Языковый барьер преодолеваем с помощью пистолета, он красноречивее переводчика. Заталкиваем полковника в «шевроле» и включаем музыку на всю мощность. Если Смоленсу придет в голову мысль кричать, его не услышат.

Отъехав на несколько километров, меняем «шевроле» на автомобиль с легальными городскими знаками и на нем доставляем полковника в потайное место.

Я возвращаюсь в город. Из телефона-автомата позвонил в главное полицейское управление и сообщил о захвате в качестве заложника американского полковника. Передал дежурному просьбу сообщить своему начальству, что мы готовы обменять Смоленса на вьетнамского юношу Нгуен Ван Чоя. Дежурный, кажется, ничего не понял, но обещал передать. При вопросе, где находится американский полковник, я повесил трубку.

Отходя от телефонной будки, я уже услышал, как в городе завывали сирены тревоги. А здесь расквартировано 15 тысяч военных, 9 тысяч полицейских, разветвленный аппарат разведслужбы. И все они были направлены на поиск полковника Смоленса.

Через несколько часов американское посольство передало по радио, что Вашингтон согласен отменить казнь Нгуен Ван Чоя и просит отпустить полковника.

За свое доверие мы были наказаны. Мы вернули полковника Смоленса американцам, а те приказали расстрелять нашего вьетнамского брата. Из этого мы извлекли урок: врагу нельзя доверять на слово.

Из письма Фан Тхи Куен партизанам Венесуэлы: «Партизаны Венесуэлы! Мое имя Фам Тхи Куен. Я простая работница одной из сайгонских фабрик. В октябре прошлого года каратели расстреляли Нгуен Ван Чоя. Меня тоже бросили в застенки, поэтому я не могла раньше написать вам письмо.

Но сейчас я в джунглях, вместе с вьетнамскими партизанами. И отсюда, с освобожденной южновьетнамской земли, я хочу послать вам слова искренней благодарности за то, что вы, рискуя собственной жизнью, предприняли отважную попытку спасти моего Чоя.

Империалисты не только жестоки, но и коварны. Они с одинаковой легкостью убивают и лгут. Когда вы захватили Смоленса в плен и изложили свои условия, янки испугались и решили на время отложить расправу. Но потом они все-таки расстреляли моего мужа. Тяжело мое горе, но я дочь Вьетнама, я родилась и выросла на героической земле и сделаю все, что в моих силах, ради победы над американскими оккупантами и их прихвостнями. Примите от меня в знак дружбы эту небольшую книжечку о жизни Чоя. Фан Тхи Куэн».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Маленький домик, сооруженный из врытых в землю бамбуковых стволов, обтянутых плетеными из бамбуковой дранки матами и защищенный от дождя и солнца крышей из листьев кокосовой пальмы, стоял чуть в отдалении от других подобных ему строений. Густые кроны трех огромных манговых деревьев, между которыми он разместился, надежно маскировали его сверху от вражеских самолетов, даже если они пролетали на небольшой высоте. Невысокие горы слева, покрытые джунглями, уходили далеко на север, а справа в оконном проеме, вырезанном в плетеной стене-обшивке, виднелись бескрайние леса, перемежающиеся обширными полями, ныне заброшенными. Где-то, почти у самого горизонта, поблескивала на солнце извилистая река, за которой тонули в дрожащем мареве небольшие деревеньки.

Высокая красивая женщина зачарованно глядела в это подобие окна и вспоминала пейзажи своей родной провинции в дельте Меконга, где она еще девочкой общалась к движению революционной молодежи. Там, на родине, в провинции Бенче, рисовые поля, как кусочки зеркала, отражают жаркое солнце. И куда ни кинь взор — стройные кокосовые пальмы с тяжелыми гроздьями орехов упираются в синее небо и едва не цепляются за белоснежные облака, бегущие к теплomu синему Сиамскому заливу.

«Где-то там, в каторжных тюрьмах острова Фуку-

ок,— думала она сейчас,— томятся товарищи, которым не удалось прорваться из кольца окружения».

То было трудное и героическое время. Шел 1961 год. Вспыхнувшее народное восстание на юге против колонизаторов поставило ее, коммунистку, в первые ряды руководителей восстания. Подпольный партийный комитет поручал ей ответственные задания по связи с отдельными отрядами восставших. Ей приходилось, рискуя жизнью, перебираться из одного уезда в другой, координировать боевые действия отрядов восставших. В те дни она сама училась азбуке вооруженной борьбы и учила вчерашних крестьян, студентов, рабочих сплочению, политическим знаниям, рассказывала о целях народной революции. Из сорока трех лет, прожитых ею, более двадцати отдано революционной деятельности. Она стала признанным лидером и организатором южновьетнамских женщин, активных участниц борьбы.

И теперь, глядя на картину родной природы, она думала о том, как много еще предстоит сделать народу, чтобы освободить свою землю, вырвать ее из рук чужеземных захватчиков. Партия назначила ее на пост, которого, кажется, не занимала еще ни одна женщина,— заместителя главнокомандующего армией национального освобождения. Подумав об этом, Нгуен Тхи Динь улыбнулась, вспомнила вчерашний разговор с товарищем, которого было решено назначить директором оружейного завода, созданного в джунглях.

— Товарищ замглавкома,— говорил он,— я не справлюсь. Я умею воевать, но для руководства заводом у меня нет опыта.

— Ты знаешь нужды армии, знаешь оружие — это главное. У тебя есть боевая хватка, понимание идеи нашей борьбы.

— Все так, с этим я могу согласиться, но где взять опыт совсем другого рода?

— Значит, без опыта трудно? — спросила замглавкома.

— Не просто трудно, а невозможно, я же провалю все дело.

— Значит, мне тоже надо попросить Центральный Комитет освободить меня от обязанностей, которые он мне поручил.

— Это почему же? — удивился собеседник.

— Потому что я тоже никогда не была заместителем главнокомандующего.

Товарищ сначала растерялся, потом, когда до него дошел смысл сказанного, засмеялся.

— Убедили, товарищ замглавкома, принимаю назначение и постараюсь научиться всему, что положено. Спасибо за урок.

— Вот это другое дело,— улыбнулась она.— Нам всем, товарищ, придется учиться многому. Война, настоящая война только начинается.

Нгуен Тхи Динь недавно вернулась из Ханоя, где вместе с главкомом, руководителями Национального фронта освобождения докладывала на Политбюро о планах ведения боевых действий в новых условиях, когда факт прямого участия в войне американских вооруженных сил стал реальностью.

Да, думала она сейчас, война приобретает другие масштабы. Американцы постараются доказать законность своих действий. Как говорится, змея и в прямом бамбуковом стволе будет извиваться. Они уже не раз предпринимали такие шаги, а теперь станут еще более наглыми. Давно ли, кажется, американское правительство опубликовало меморандум под названием «Юридическое основание военных действий США против Северного Вьетнама», а теперь пошло дальше. Тонкинская провокация заставит их искать другие объяснения, потому что просто обвинить ДРВ в агрессии оказалось недостаточным. Судя по реакции в мире, никого не удалось убедить в смехотворном доводе, что вьетнамцы являются агрессорами в собственной стране. Даже американцы не очень верят этому.

Нгуен Тхи Динь полистала свой блокнот и перечла записи, которые сделала в Ханое. «Мы создали в Южном Вьетнаме,— говорил американский сенатор Морзе,— правительство, которому предоставили огромную помощь и которое, как мы говорим сейчас, пригласило в страну американские войска. Я утверждаю, что Южный Вьетнам войдет в историю как государство, в значительной мере созданное нами. Но контроль над южновьетнамским правительством переходил из одних рук в другие внутри правящей клики, финансируемой Америкой до тех пор, пока связь этой клики с Соединенными Штатами не стала теснее, нежели ее связь с народом Вьетнама».

Она несколько раз подчеркнула карандашом эту цитату и подумала, что надо широко использовать ее в

пропаганде — в листовках и передачах радиостанции освобожденных районов.

А вот тоже интересная мысль, подумала замглавкома, найдя цитату из речи сенатора Брайтсана, которого американские газеты называют «совестью Америки». Умный, крупный политик. Его критика своего правительства бывает беспощадно резкой. Он что, хочет изменить его политику? Видимо, да, поскольку она не отвечает интересам Америки, наносит ей ущерб. Он боится, что Джонсон заведет страну в тупик, что прямое участие американских войск во вьетнамской войне вызовет необратимые процессы, опасные для самой Америки. В этом надо искать причину его критики. Все-таки любопытно говорит эта «совесть Америки» о вьетнамских делах: «При всех условиях, это их страна, а не наша. Мы не имеем на нее никаких прав. С их точки зрения, мы незваные гости, вторгшиеся в их страну. Противопоставляя себя Вьетнаму, воюя с его народом, мы не добьемся победы, не поднимем своего престижа, а только растеряем свой моральный капитал, понесем тяжелые жертвы, о которых долго будет помнить Америка».

— Хорошо говорит сенатор,— перечитав, произнесла она вслух,— хотя его меньше всего беспокоит судьба вьетнамского народа.

Дни, проведенные в Ханое, слились будто бы в один, заполненный напряженной работой. Она много читала, ездила по рабочим коллективам и рассказывала, что происходит южнее реки Бенхай и чего надо ожидать в ближайшие месяцы, побывала на позициях противозенитной артиллерии. И везде черпала веру, что вьетнамский народ не запуган, а готов защищать родную землю, и это вселяло в нее бодрость.

«Вьетнамская война,— вспомнила она слова президента Хо Ши Мина,— несомненно, проложит линию раскола в сознании американского общества. Чем глубже будут влезать американцы в войну, тем глубже будет становиться этот раскол. Американская администрация делает вид, что она действует по просьбе сайгонского правительства, и этим вводит в обман большинство своего народа. Скоро оно должно будет отбросить маскировку и взяться за войну во Вьетнаме, как за свою собственную».

Снова шелестят листочки блокнота. «Мы поддерживаем правительство, у которого нет сторонников,— читала она.— Без усилий американского оружия это прави-

тельство не продержалось бы и дня». Это говорит Роберт Кеннеди, брат убитого президента. Тут, конечно, может быть, какой-то маневр. Два года назад, будучи министром юстиции в правительстве своего брата, он приезжал в Сайгон. И говорил другое. Совсем другое: «Америка останется в этой стране столько, сколько захочет, и заплатит за победу над коммунизмом любую цену». Конечно, нельзя слишком доверять словам американских политиков. Они входят в разные группы и не стесняются в выражениях в адрес соперников. Это так. Но и сбрасывать со счетов новые настроения тоже не следует. Сейчас можно сказать только одно: предстоят суровые дни, даже не дни, а годы...

Ступеньки лестницы закрипели. Она обернулась к двери, и улыбка осветила ее лицо.

— Входите, входите, товарищ Лань. Здравствуйте. Что это у вас такое озабоченное лицо, а?

— Здравствуйте, товарищ замглавкома. Пришел доложить о той информации, которую удалось собрать по вашему заданию. Не думаю, что она полная, но достаточно обстоятельная, чтобы быть озабоченным.

— Ну что ж, товарищ начальник разведотдела, у вас, видимо, такая должность — приносить вести не очень радующие. Что поделаешь? Да, Фам Лань, давно хотела спросить вас, нет ли у вас старшего брата?

Фам Лань выразил удивление.

— Был у меня один хороший знакомый. Подождите, когда же это было? Да, да, в пятьдесят шестом году. Комиссар партизанского отряда в провинции Бенче. Очень смелый и решительный человек, очень похож на вас.

— Я же из другой провинции, товарищ замглавкома.

— Что же из этого? Революция так перемешала людей, что земляка можно встретить теперь в самом неожиданном месте и в самом противоположном лагере. Ну, ладно, давайте ваши новости, товарищ Лань.

— Я приготовил карту, чтобы нагляднее представить, что начинают делать американцы. Главное вы знаете: они предполагают развернуть большое строительство военных объектов, разных по своей мощности и назначению. Вот как примерно это будет выглядеть, если судить по активности специальных инженерных частей, которая наблюдается в разных районах.

Фам Лань развернул на небольшом столике карту

Южного Вьетнама, и замглавкома увидела множество квадратов, разбросанных по всей территории.

— Синие квадраты,— показал Фам Лань,— это то, что уже построено сравнительно давно, в основном аэродромы и лагеря, где дислоцируются американские отряды «зеленых беретов». Остальные квадраты — новые стройки.

— Да, многовато нарисовано их, а?

— Порядочно. Если мысленно соединить их общей линией, то получится настоящая рыбацкая сеть, наброшенная на Южный Вьетнам.

— Верно,— согласилась замглавкома.— И, конечно, американцы думают этой сетью выловить всех нас... Хорошо придумали, но разгадать нетрудно. Сначала с нами покончить, а потом взяться за весь Индокитай. Верно я думаю, товарищ Лань?

— Совершенно правильно, товарищ замглавкома. Ведь помимо Вьетнама базы есть на Окинаве, Гавайях, в Таиланде. Там они стратегического значения, а здесь — в Плейку, Дананге, Кантхо, Бьенхоа, под Сайгоном — тактического.

— Макнамара как-то сказал,— прервала замглавкома Фам Ланя,— что надо в первую очередь уничтожить экономический потенциал ДРВ, потом задушить партизанское движение в Южном Вьетнаме и отбросить всю страну к каменному веку. Угроза, конечно, не шуточная, но ведь наш народ не будет покорно ждать, когда господин Макнамара выполнит ее. И мы не одни, у нас есть друзья, которые помогут нам. В Ханое мне сказали, что скоро начнет поступать военная техника, которая собьет спесь с господина Макнамары. Да и мы тут постараемся рвать американскую сетку. Мы не будем сидеть сложа руки. Но сейчас, к сожалению, Джонсон держит инициативу и сам держится на волне временной поддержки его планов усмирения Вьетнама.

— Именно временного,— поддержал Фам Лань.— Как говорится, слезет с Будды позолота — и все увидят просто деревянную болванку.

— Только вреднее всего для нас будет настроение излишней самоуверенности,— сказала Нгуен Тхи Динь, и Фам Лань почувствовал, что это замечание и в его адрес, хотя он представлял себе путь трудным и жестоким.— Мы были бы плохими бойцами,— продолжила замглавкома после минутного молчания, отрываясь от расстеленной на столе карты,— если бы уже сейчас на-

чали мечтать о том, что будет. Этих «если» посмотрите сколько,— снова возвращаясь к карте, сказала она.— Пока нам надо думать, как справиться со свалившейся бедой.

— Я понимаю, товарищ замглавкома,— сказал, вроде извиняясь, Фам Лань.— У меня в руках такие факты, которые исключают самоуспокоенность.

— То, что я сказала,— перебила его Нгуен Тхи Динь,— относится не только к вам, но и ко мне самой и каждому нашему бойцу и командиру.

— Я хочу вам несколько подробнее рассказать об одной базе, товарищ замглавкома, которую начали строить американцы чуть южнее реки Бенхай. Это база Фусань,— он развернул белый лист бумаги, на котором с многими значками внутри был начерчен большой прямоугольник.— Несколько десятков квадратных километров в долине между гор расчищены от леса, и на них уже развернулось строительство. Детали этого чертежа мы получили от наших людей, работающих на стройке. Посмотрите,— показал он на прямоугольник.— Вот здесь, очерченная желтой краской, будет стоянка вертолетов, предположительно на две с лишним сотни. Вертолеты уже прибывают. Их вооружение, помимо пулеметов,— ракеты, огнеметы, пушки. А вот тут будут размещаться солдаты морской пехоты. Думаю, их прибытия тоже недолго ждать. Рядом казармы десантников, отрядов командос. База будет окружена несколькими рядами колючей проволоки. На ее территории уже заканчивается сооружение собственной электростанции. Внутри базы и в некотором отдалении от нее строятся вместительные склады для запасов оружия, продовольствия, боеприпасов. Вокруг базы будут располагаться охранные части. Американцы открыто говорят, что охрану будет нести целая южнокорейская дивизия. На нее ляжет ответственность за дорогу от порта до базы.

— Когда я была в Ханое, там уже было известно, что помимо Южной Кореи согласие на участие в войне дали Австралия, Новая Зеландия, Таиланд. Другие союзники США пока держатся в стороне, но кто знает, как они поведут себя в будущем.

— Вроде объединенного фронта? — спросил Фам Лань.

— Да, дорогой товарищ Лань, настоящий объединенный фронт реакции. Создается совершенно новая ситуация для всех нас. Очень скоро картина станет более

ясной, когда американцы начнут вести войну своими собственными руками, открыто, без всякой маскировки.

А в Вашингтоне в это время полным ходом разрабатывались методы войны во Вьетнаме именно с учетом крупномасштабного участия в ней американских войск.

Большая группа старших офицеров Пентагона, воювавших в Европе и Корее, считала, что американским солдатам придется действовать в сходных условиях, когда противника чаще всего видишь в прорезь прицела. Авиация и артиллерия будут наносить удары по его позициям, а пехоте на бронемашинах и «джипах» после этого надо только закрепляться на отвоеванных рубежах. Конечно, в Корее было не так, как в Германии, — труднее и опаснее. В последний период войны в Европе немецкие части искали американцев или англичан, чтобы сдаться в плен и избежать столкновения с Советской Армией. В Корее американцам пришлось узнать, что война — это не прогулка по бетонному шоссе из одного населенного пункта в другой.

Теперь, планируя войну во Вьетнаме, штабные офицеры исходили из того, что в послекорейский период не просто изменилось оружие и техническая оснащенность всех родов войск, но и появилась возможность поражать огнем большие площади, не рискуя при этом жизнью своих солдат. На этом и строилась как раз служба рекламы министерства обороны. Красочные, впечатляющие плакаты обещали добровольцам заманчивое, полное романтических приключений путешествие в неизвестную страну, высокие заработки, массу развлечений в свободное от войны время. И ни слова об опасностях. Зачем пугать раньше времени? Воспитанные на рекламном видении войны, солдаты не хотели и слушать редкие голоса тех, кто предупреждал, что на войне не только ты стреляешь, но стреляют и в тебя. В крайнем случае, думал будущий солдат, убивают или калечат кого-то другого. Ему же обещали поддержку пулеметами, огнеметами, напалмовыми бомбами, скорострельными пушками. Беспокоиться нечего. Не только солдаты, даже офицеры, разрабатывавшие методы ведения войны, не думали ни о рукопашном бое, ни об отступлениях по бездорожью. Они верили, что теперь судьбу боя решает техника. Почти десять лет не такой уж маленький контингент американских войск участвовал в боях во Вьетнаме. Но их опыт, их потери сразу решили не брать во внимание, потому что крупные соединения будут вести

войну на другом уровне. Противник слишком слаб, чтобы представлять для них серьезную угрозу. К тому же появилась новая техника, изменились оружие и экипировка современного солдата. Уже отряды «зеленых беретов» получали пуленепробиваемые жилеты и непромокаемую одежду, надувные пояса для преодоления водных преград, ботинки с металлическими пластинками против змей, специально разработанный шанцевый инструмент, пригодный не только для того, чтобы копать землю, рубить деревья, перепиливать проволоочные заграждения, но и служить, если потребуется, удобным оружием ближнего боя. Предполагалось в дальнейшем экипировать таким образом каждого солдата. И когда первые подразделения, высадившиеся во Вьетнаме, вступили в соприкосновение с противником и стали нести большие потери, в штабах стали понимать, что война на самом деле отличается от той, которую рекламировали вербовщики. Оказалось, что противник, которому вроде бы не остается никаких надежд на спасение, вдруг навязывает собственные условия боя.

Менялось представление о новой войне и у бойцов сил национального освобождения. Нельзя сказать, что они не встречались с американцами. Встречались. Но то были мелкие вкрапления в сайгонские подразделения, не считая, конечно, «зеленых беретов», действовавших почти всегда самостоятельно. И все-таки это было не то что воевать чисто с американскими войсками.

В 1962 году, когда американцы еще скрывали свое участие в боевых действиях, называли их «особой войной», они решили испытать ее вертолетный вариант. Подразделения только еще формировавшегося Фронта освобождения на некоторое время пришли в замешательство, когда увидели, как американские вертолетные части в течение короткого времени, перебросив свежие сайгонские роты и батальоны к месту боя, коренным образом меняли обстановку на том или другом участке фронта. Однако прошло несколько недель — и силы освобождения выработали тактику антивертолетной войны. И первыми ощутили ее на себе американские воздушные силы, когда вертолеты, попадая под огонь хорошо организованных и умело выбирающих позицию отрядов противовоздушной обороны, стали нести неожиданно для себя большие потери. Пока в штабе американского командования в Сайгоне осознали эту опасность, летчики сделали для себя практический вывод:

они стали отказываться летать в опасные зоны или высаживали сайгонских солдат вдали от линии соприкосновения с противником. Когда началась высадка американских войск, появилась новая тревога: а не пойдут ли они на нарушение нейтральной зоны севернее реки Бенхай, не перебросят ли они огонь войны на территорию Демократической Республики Вьетнам, бывшей тылом воюющего юга? Политбюро ЦК партии, понимая, что такое развитие событий не исключено, тем не менее обратилось ко всему вьетнамскому народу с призывом подчинить все силы защите родины от американской агрессии, откуда бы она ни последовала. В нынешней войне, говорилось в обращении, у нас есть только одна цель — сразаться и победить. Призыв снял опасения и настороженность у руководства сил освобождения, и американские войска очень скоро почувствовали это.

Командование Фронта, изучив опыт ряда операций, предпринятых американцами, пришло к выводу, что их войска, хотя и превосходят во много раз силы освобождения по своему вооружению, технической и огневой мощи, не являются неуязвимыми. Их полная зависимость от техники становилась их слабостью. Да, вертолеты быстро доставляют подразделения к месту боя, сразу создавая для них тактически благоприятные условия: солдаты не устали, не испытали тропической жары, не понесли потерь, которые были бы неизбежны при пешем передвижении. Ведь на узких дорогах, лежащих меж рисовых полей и лесных зарослей, они не раз попали бы под огонь бойцов, находящихся в засаде.

Но на этом, пожалуй, и кончалось их преимущество. Поскольку экипажи уже знали, что вертолеты могут стать легкой добычей зенитчиков, они, поспешно вытолкнув своих пассажиров, стремительно улетали, оставляя пехоту действовать один на один с противником. Правда, солдатам гарантировалась огневая поддержка с воздуха по требованию командира высадившейся группы и доставка их на базу, когда на это поступит приказ сверху.

То, что казалось преимуществом — быстрая переброска к месту назревающего боя, доставка боеприпасов, питьевой воды, пищи, вывоз раненых, — превращалось в настоящую трагедию, если вертолеты из-за сильного огня противника, из-за тумана, неожиданно закрывшего место приземления, или по какой-нибудь другой при-

чине не могли ни подвезти всего, что необходимо, ни вывезти солдат из опасной зоны.

Оказавшись в положении, из которого, как они думали, уже нет выхода, солдаты начинали паниковать, теряться. Если «зеленые береты» могли еще найти продукты в деревнях и приготовить себе пищу на своих бензиновых примусах, упакованных в небольших металлических контейнерах, то солдаты обычных частей, быстро уничтожив запас продуктов — сосиски в дюралевых банках, хлеб в целлофановой обертке, масло в коробочках и сок в плоских пакетах, — не оставляли ни грамма на непредвиденный случай. Американские врачи жаловались на беспомощность солдат, доходивших до истощения, если приходилось несколько дней оставаться в сложной обстановке.

«Во Вьетнаме, — писал в докладной записке командованию врач госпиталя в Кантхо Мэтьюз, — трудно умереть с голоду. В любой деревне можно найти рис, овощи, фрукты, в маленьких водоемчиках есть рыба и креветки. И все-таки наши солдаты скорее умрут с голоду, чем возьмутся приготовить себе еду: они боятся есть недезинфицированные местные продукты. Командованию надо обратить на это серьезное внимание». На докладной врача есть резолюция генерала Тэйлора: «Командованию всех частей надо обратить внимание в первую очередь на то, чтобы наши парни получали, и получали вовремя, все, что им шлет Америка».

«Особая война», проводившаяся в течение нескольких лет, с приходом Джонсона была признана полностью изжившей себя и малоэффективной. Новый президент выдвинул идею «войны ограниченной», а фактически неограниченной ни в средствах, ни в методах ее ведения.

— Предыдущая шахматная партия во Вьетнаме проиграна, господа, — говорил он на заседании Совета по национальной безопасности. — Для того было много причин. Но теперь мы разыграем новую партию, в которой не допустим проигрыша.

Сравнение войны с шахматной партией было широко в ходу среди военных, прежде всего — в Пентагоне. Но к середине 1965 года, когда в Вашингтоне решили поставить на шахматную доску сначала четверть миллиона, а потом и вдвое больше фигур, на ней сложилась совершенно новая комбинация, чего Вашингтон не учел, принимаясь за новую партию. Он не учел также, что не

мог поступить, как поступают шахматисты: после проигранной партии фигуры с доски снимаются и расставляются заново. У противников в этом случае равные шансы, и выигрыш или проигрыш зависят только от умения играть. Каждый проигравший рассчитывает взять реванш, применяя новую тактику. Собственно, на этом и кончается, пусть условное, с натяжкой, сравнение войны американцев во Вьетнаме с шахматным турниром. Далее начинаются различия, и такого определяющего характера, не замечать которых нельзя, не рискуя потерпеть поражение.

Когда американцы начинали новый этап войны, они уже были в невыгодном положении. Свои фигуры, то есть войска, они должны были расставлять заново, тогда как противник уже занимал свои позиции. Он знал, что Соединенные Штаты десятикратно увеличивают численность своих сил, и это, конечно, могло вызвать немалую тревогу, если бы он не готовился всем ходом событий к такому повороту дел.

Силы национального освобождения знали или с большой долей вероятности предполагали, куда направят свои войска Соединенные Штаты: скорее всего на те участки, где разваливающаяся сайгонская армия не способна была организовать оборону, сдавала позицию за позицией, теряя территорию и поддержку населения. Конечно, не сразу удалось разгадать, что нового решил внести Пентагон в эту войну, и это давало ему на первых порах определенное преимущество. Когда же командование сил освобождения стало все отчетливее видеть замысел противника, он уже был лишен перспективы. Выбор у любого генерала, где расставлять полки и батальоны, был невелик. Он не мог взять карту Южного Вьетнама, провести по ней жирную разграничительную линию и сказать: вот здесь дислоцируйте свои войска вы, а здесь станем мы. И после этого начнем войну. Посмотрим, кто победит.

Итак, огромный экспедиционный корпус США нужен был размещаться на тех рубежах, которые удерживала армия Сайгона. Предполагалось, что это приведет к укреплению ее боевого духа, с чем не могли справиться за десять лет американские советники, контролирующие все вооруженные силы сверху донизу. Потом США будут расходовать колоссальные средства, примерно полтора миллиарда долларов в год, на эти

цели, но так и не справятся с непосильной задачей поднять боевой дух своих союзников.

Создать благоприятные факторы для своей победы американцы решили также за счет дорогостоящего строительства узловых баз с крупными гарнизонами и мощным техническим оснащением. Базы, по мнению командования США, должны были дать возможность широкого маневрирования силами, проводить наступательные действия против Вьетконга с надежных рубежей. Однако они очень скоро увидели, что самые мощные крепости со всех сторон окружены противником, способным неожиданно появляться у их стен, наносить разной силы удары, а затем быстро исчезать, будто растворяться в складках горной местности или густых лесах. Командование экспедиционного корпуса оказалось в крайне странном положении: располагая техникой колоссальной убойной силы, оно не могло применить ее с достаточной пользой для себя. Старая истина о том, что по воробьям из пушек не стреляют, как нельзя лучше подходила к этой ситуации. Какой толк в технике, если солдаты боятся идти на сближение с противником, который очень часто своими маневрами и неожиданными нападениями диктует, когда и где надо сосредоточивать силы, а когда делить их, бросая на преследование обнаруженных отрядов Вьетконга. Он выманивает подразделения за стены крепостей и навязывает свои условия боя.

Полковник Джонатан Торрес прибыл из Вашингтона, чтобы на месте ознакомиться, как американские подразделения ведут наступательные бои. После наблюдения за действиями двух батальонов в дельте Меконга он написал докладную записку после неудачного завершения операции: «У нас есть достаточно причин, чтобы задуматься, почему наша война во Вьетнаме в кадрах кинохроники выглядит устрашающе победоносной, а на деле совсем по-другому. Я видел все, чем раньше восхищался. Самолеты и тяжелые вертолеты всеми видами своих огневых средств обрабатывали позиции противника, которого мы должны затем были окружить и уничтожить. Я даже подумал, что пехотинцам не потребуется большого труда довершить дело, начатое авиацией, потому что, кажется, все было сожжено впереди. И как же было мое удивление, когда наше наступление сразу захлебнулось. Противник остановил наши роты, положил их в крайне неудобном месте и повел по ним точный огонь, не дававший поднять головы от влажной

земли. И так было до ночи: прилетали самолеты и вертолеты, бомбили позиции противника, чтобы открыть пехоте путь вперед. Но когда она пыталась это сделать, откуда-то, словно из-под земли, появлялись бойцы Вьетконга и снова клали наших солдат в грязь. На следующий день все повторилось сначала. Только на третий день командир дивизии отменил наступление — и мы вернулись на свою базу, потеряв 37 убитыми и в два раза больше ранеными. Этого в кинотеатре не покажешь».

Генерал Тэйлор, ознакомившись с докладной, вызвал полковника к себе.

— Вы первый раз участвовали в боевой операции, полковник? — спросил он.

— Во Вьетнаме первый раз, но я воевал в Европе, господин генерал.

— Забудьте про европейскую войну, ее критерии не подходят к нашему положению здесь. Наши парни воюют хорошо. Вы подсчитали наши потери, но не пишете о потерях противника.

— Мне о них не докладывали, господин генерал, а самим нам добраться до него не удалось.

— Вот и плохо. А я по опыту знаю, что он потерял по меньшей мере в пять раз больше, хотя мне тоже Вьетконг не докладывает. Но вот увидите, что я прав, когда через несколько дней мы получим сообщения от наших агентов. Чтобы у вас не создалось превратного впечатления о бое, который вы наблюдали, и не ввели в заблуждение Пентагон, когда вернетесь назад, я вам покажу эти донесения.

Через несколько дней Тэйлор действительно пригласил Торреса к себе и показал ему донесение в Вашингтон, но не агентов, а свое собственное. «Участвуя в двухдневных боях по подавлению противника в дельте реки Меконг двумя отдельными батальонами, мы нанесли ему тяжелый урон. Как сообщают наши агенты, чья информация заслуживает самого высокого доверия, Вьетконг потерял только убитыми более 180 человек и несколько сот ранеными. Огнем авиации полностью разрушена сильная база врага».

— Вот видите, как проходил бой на самом деле? — спросил Тэйлор.

«Манипулятор победами на бумаге», — подумал полковник, вспомнив прозвище генерала Тэйлора, прочно

прилипшее к нему среди офицеров Пентагона, постоянно наблюдающих за событиями во Вьетнаме.

— У вас очень хорошо поставлена служба информации, господин генерал,— вслух сказал полковник.

Тэйлор сделал вид, что не уловил иронии в словах офицера.

Пройдет пять лет, и полковник Торрес, ставший к тому времени генералом, выступит в одной из подкомиссий конгресса США и скажет:

«Наша военная машина во Вьетнаме наполовину работала вхолостую. Стоило ли перебрасывать ее за десять тысяч миль, чтобы она увязла в грязи и принесла разочарование американскому народу. Америка могла послать в такую даль и миллион своих солдат, а может быть, и больше, но результат был бы тот же. В стране, где против нас были не только люди, но и солнце, тропические дожди, непроходимые болота и джунгли, мы не могли победить. Это самый главный урок, который я вынес из вьетнамской войны, будучи ее свидетелем и наблюдателем все последующие годы».

Но для такого понимания вещей даже людям с трезвым аналитическим умом потребовалось слишком долгое время.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Генерал Эдвард Лэнсдейл как специалист по колониальной войне был списан со счетов ЦРУ и министерства обороны уже продолжительное время. Друзья, занимавшие высокие посты в военной промышленности и бизнесе, устроили его на теплое местечко в одну из могущественных страховых компаний, и бывший генерал все реже вспоминал свою бурную военную карьеру разведчика, особенно ярко проявившуюся во время службы на Филиппинах.

4 июля 1946 года, в день, когда отмечается День независимости Соединенных штатов, президент Трумэн по настоянию своих советников решил выпустить перегретый пар из готового взорваться котла — подписал документ о предоставлении независимости Филиппинам, бывшей колонии, отнятой в свое время у Испании. Но это была теоретическая независимость. Филиппины очень скоро почувствовали это. Согласно акту «О благоприятствовании торговле», приложенному к документу о предоставлении независимости, за Америкой оставались

командные позиции в экономической, торговой и деловой жизни. А вписанное в него положение о том, что США имеют равные права в развитии ресурсов страны, закрепляло их господство над сырьевыми ресурсами и обеспечивало не равные, как говорилось в акте, а преимущественные права распоряжаться на Филиппинах: разве могла слабая национальная буржуазия тягаться с мощными американскими корпорациями? Договор о союзе, который злоязычные журналисты сразу окрестили договором между кроликом и удавом, давал помимо этих привилегий право американцам создавать новые и совершенствовать старые военно-морские и военно-воздушные базы. Одна из них — Кларк-Филд — вскоре стала самой мощной базой США за рубежом.

Предоставив независимость, Соединенные Штаты не собирались ослаблять своего влияния на Филиппинах. К тому времени в умах американских политиков, мыслящих в глобальном плане, уже была выношена идея постепенного установления мирового господства. Звездно-полосатый флаг, считали они, должен реять над миром, поскольку ослепительный свет атомной бомбы над Хиросимой стал как бы апокалипсическим знаменем для такого утверждения.

Но и тут Соединенные Штаты, считавшие, что облагодетельствовали Филиппины, неожиданно для себя столкнулись с сильным антиамериканским движением. Они не могли понять, почему это облагодетельствованные филиппинцы вдруг поднялись против благодетелей. В джунглях филиппинских островов, как стали доносить разосланные повсюду агенты, снова, как в годы сопротивления Японии, формировались отряды армии национального освобождения «Хукбалахп», угрожавшей существованию режима президента Рохаса, подготовленного к управлению страной знающими и заботливыми гувернерами из Вашингтона. Карательные акции против партизан, скрывающихся в джунглях острова Лусон, террор в городах против всех, на кого пало подозрение в нелояльности, обещания дальнейших свобод, составленные в самых высокопарных и туманных выражениях, не давали результата. Война разгоралась. Американцы, особенно те, кто правил Америкой, не переставали задавать мучивший их вопрос: «Мы понимаем, почему филиппинцы вместе с нами воевали против Японии. Они за свое участие в войне рассчитывали получить свободу. Но ведь Япония, благодаря богу, разгромлена, незави-

симось провозглашена. Она дарована Соединенными Штатами. Почему же филиппинцы не только не сложили оружие, но направляют его против Америки, которой они обязаны своей свободой?» Ответом на это было беспомощное пожатие плечами.

Но в Америке были люди, которые прекрасно понимали причину этого взрыва антиамериканизма. И главный из них Аллен Даллес — шеф разведывательной службы, протягивающей свои щупальца ко всем континентам. Этот человек, у которого собирался воедино огромный поток информации, предупреждал тех, кто правит Америкой: не радуйтесь, что Гитлер оказался побежденным. В послевоенное время такая личность очень бы пригодилась, но коль его нет, надо извлечь урок из его борьбы с коммунизмом, который еще даст нам знать о себе и на Западе, и на Востоке. Как ни странно, Даллес торжествовал, когда победила революция во Вьетнаме, разгорались войны в других странах Азии. Торжествовал потому, что подтверждался его прогноз. Развитие послевоенных событий пошло так, как он предсказывал: разгром Гитлера и Японии умножит силу коммунизма. Он искал пути, чтобы затормозить опасный процесс, помешать разливу красного цвета по карте мира. Настойчиво, кропотливо он выискивал людей, которые были бы полезны для его планов. Всюду, где собиралась гроза, он вербовал себе агентов и сторонников из рядов правящей элиты, связанной с Западом крепчайшими экономическими, политическими, идеологическими узами.

Среди своих многочисленных служащих он давно заметил рвущегося играть первую скрипку в большом оркестре подполковника Лэнсдейла, в голове которого постоянно рождались, обрастали плотью какие-то планы. Одни были сумасбродными, другие несли в себе рациональные зерна, способные дать хорошие всходы. Так из головы Лэнсдейла Аллен Даллес выудил однажды очень разумную мысль. Он доложил президенту Трумэну, что американская разведка разработала оригинальный план подавления опасного движения на Филиппинах, автором которого был подполковник Лэнсдейл. Президент, внимательно выслушав своего друга, сказал:

— Думаю, Аллен, полковник Лэнсдейл достоин справиться с порученным делом, а?

— Я не сомневаюсь, господин президент, — согласился Даллес, хорошо понимая, что в памяти президента

навсегда останется, что именно он, Даллес, предложил ему столь разумное решение.

Уже через пару дней Лэнсдейл явился на работу в погонах полковника, и его сослуживцы, не знавшие подоплеку события, терялись в догадках, за что такое повышение человеку, сидевшему с ними рядом.

Разработав детальный план подавления движения «Хукбалахап», получив в свое распоряжение десятка полтора офицеров разведки, Лэнсдейл вылетел в Манилу. В своем дневнике Аллен Даллес, рассчитывая, что история сохранит на века его деяния, записал: «Полковнику Лэнсдейлу поручил осуществить секретную операцию по подавлению партизанского движения на Филиппинах. У меня на примете есть еще группа способных офицеров для Вьетнама, Кореи, Индонезии, Бирмы. Настанет день, и они начнут действовать».

Лэнсдейл обладал завидным качеством, которое так высоко ценилось среди работников его профиля, — хваткой. Как было обговорено с Алленом Даллесом, усилия должны быть направлены не на подавление всего движения — эту задачу даже Даллес считал слишком громоздкой, требующей очень долгого времени и больших средств, — а на то, чтобы обезглавить его, заставить потерять ориентировку. Путь к этому он видел в том, чтобы прервать все пути связи партизан с внешним миром, лишить их базы роста, создать между ними и населением непреодолимую зону, своеобразный санитарный кордон.

Лэнсдейл хорошо продумал, с чего надо начинать дело. Прибыв в Манилу, он сразу направил усилия всей группы на вербовку надежной агентуры, которую можно было бы засылать в ряды партизан. Время от времени, устраивая прочесывание местности, Лэнсдейл включал в состав отряда несколько человек, которые с оружием, документами, секретными сведениями о планах карательных операций перебегали к партизанам. Тщательная проверка, которую устраивали партизаны, подтверждала правильность доставленной информации. Лэнсдейл помогал партизанам убеждаться в этом, устраивая шумные демонстрации походов как раз в те районы, которые были указаны перебежчиками. Так начиналась приносящая Лэнсдейлу славу операция по обезглавливанию национально-освободительного движения на Филиппинах.

Широко пользовался Лэнсдейл игрой на низменных чувствах людей, обещая за выдачу партизанских командиров большие деньги и даже земельные участки на острове Минданао, применял и вооруженные методы борьбы, поощряя создание мобильных автономных отрядов, оснащенных самым современным оружием, для нанесения с малыми для себя потерями ударов по партизанам. Он же ввел в обиход «нестандартные», заимствованные им у немецкого командования методы борьбы с партизанами Белоруссии и Украины: полицейских собак, засады, ловушки, систему заложников. Три года Лэнсдейл провел на Филиппинах и нанес тяжелые удары по руководству освободительным движением, от которых оно так и не смогло оправиться. Лэнсдейл считал, что для него практически нет непосильных задач. Он уверовал в свою судьбу, считая себя самым опытным организатором антиповстанческой борьбы в Азии. Рисуя свое будущее, он любил иногда подходить к большому зеркалу и всматриваться в свое отражение. Оно отвечало тому портрету, который он хотел бы видеть на цветных обложках журналов. Светлые короткие волосы удачно прятали редкие нити седины. Стрижка под ежик, модная среди военных, делала его голову массивнее, фигуру мощнее. Посаженные близко друг к другу глаза придавали лицу несколько обманчивое выражение то ли простодушия, то ли затаенного недовольства. Ему самому не хотелось бы иметь противника с такими данными.

Лэнсдейл, как считали его сослуживцы, не остановится ни перед чем — уничтожить недруга, предать друга, присвоить чужую мысль, вовремя появиться перед начальством, гладко и убедительно изложить созревшую идею, — чтобы подняться еще на одну ступеньку служебной лестницы. Нельзя сказать, что департамент, возглавляемый Алленом Даллесом, составляли тихони и свехвоспитанные люди. В нем были и такие, которые спокойно могли перегрызть глотку любому, чтобы не упустить своего шанса. И если даже они разводили руками перед способностями Лэнсдейла, значит, он стоял немало.

Полковник приехал в Манилу в костюме, сшитом у лучшего портного. Легкая, но достаточно плотная ткань элегантно облегла его крупную фигуру, и только заметно выделяющаяся кобура под мышкой несколько нарушала гармонию: казалось, что портной перекосял левую сторону пиджака.

Оказавшись уже который раз в Маниле, Лэнсдейл восстановил прежние связи и завел новые. Он работал как одержимый. Ночи напролет проходили в дружеских попойках, кажется не очень действовавших на крепкого Лэнсдейла, но зато помогавших узнавать много интересного. На одном из званых раундов полковника познакомили с человеком, которого рекомендовали как будущего лидера страны. Когда назвали имя, Лэнсдейл вспомнил сведения из небольшого досье на него. Как свидетельствовали бумаги, его новый знакомый уже давно оказывал услуги разведке Соединенных Штатов, но числился в разряде мелких агентов. Однако, узнав поближе этого человека, так и рвущегося к выполнению любых поручений, Лэнсдейл понял, какого надежного и перспективного агента он получил.

Поэтому с именем нового друга была связана вторая часть его плана: посадить во главе правительства своего человека. Есть сложившееся мнение, что для политического деятеля крайне неудобно, если его будут считать марионеткой разведывательного управления. «В этом, конечно, есть неудобство,— думал будущий лидер,— но зато какие выгоды сулит ему дружба с мощной организацией». Сначала Лэнсдейл, пустив в оборот связи и деньги, сделал его депутатом парламента. Это уже был солидный трамплин, с которого можно далеко видеть и рассчитывать полет. У депутата появились более широкие возможности получать и передавать информацию об интересующих Лэнсдейла людях. ЦРУ не оставалось в долгу. По его команде американские газеты стали все чаще писать о мудрости и конструктивных предложениях выдающейся личности в истории Филиппин. Его портреты все чаще мелькали в документальной кинохронике и на экранах телевизоров. И филиппинцев, и американцев приучали к новой звезде на политическом горизонте. Филиппинцев — чтобы они уверовали в его значение, американцев — чтобы они отчетливее понимали, что Америка дружит только с выдающимися личностями.

Когда были объявлены президентские выборы, Лэнсдейл развернулся вовсю. Сам и с помощью бойких на перо помощников он сочинял статьи в газеты, предвыборные листовки, броские лозунги, чтобы доказать филиппинцам, плохо разбирающимся в политике соперничающих группировок, в достоинствах выдвинутых кандидатов, что у них один выбор — голосовать за «народ-

ного кумира». Вокруг его имени создавались легенды, его всячески превозносили, умалчивая только об одном: о том, что, даже баллотируясь в президенты, он продолжал передавать американской разведке сведения о руководителях повстанцев. Верные ему агенты, оплачиваемые из американского фонда, выманивали повстанцев якобы на конспиративные встречи, после которых честные, но доверчивые люди исчезали бесследно.

Избранник ЦРУ стал президентом и на первой же конфиденциальной встрече с Лэнсдейлом выразил ему благодарность и — теперь уже как президент — заверил, что Соединенные Штаты могут рассчитывать на его помощь и сотрудничество.

После того как практически угасло пламя национально-освободительного движения, а во главе беспокойного государства, раздираемого противоречиями и вооруженной борьбой, был поставлен свой человек, разведуправление приступило к осуществлению третьей части своего плана, в котором снова немалая роль принадлежала человеку из ЦРУ. Он ездил с визитом к своим друзьям-президентам, они тоже заглядывали к нему и уезжали с щедрыми подарками. В глубоких тайниках американской политики зрели новые замыслы и ковалось оружие для их претворения в жизнь. Весной 1954 года в Маниле был подписан договор о создании военного блока Юго-Восточной Азии, ставшего краеугольным камнем антикоммунистической политики США и их ближайших союзников в обширном регионе. Символично, что договор был подписан в Маниле: американцы как бы демонстрировали эту страну, где сильная рука, опирающаяся на помощь США, сумела покончить с коммунистическим восстанием. Неизвестно, как далеко пошел бы новый президент, если бы не авиационная катастрофа в 1957 году, которая, как поговаривали, и случилась потому, что ресурсы его были выработаны и он начинал воображать, что своего величия достиг благодаря своим личным качествам.

Три года, проведенные на Филиппинах, а потом два года во Вьетнаме, где Лэнсдейл делал все, чтобы вытравить начисто оттуда французское влияние и укрепить позиции Америки, принесли Лэнсдейлу славу первоклассного работника Центрального разведывательного управления, пост офицера для выполнения особо важных поручений. Близко сталкивавшийся с Лэнсдейлом на узких перекрестках борьбы за влияние во Вьетнаме,

глава ударной группы французской разведки и контрразведки составил на него свое собственное досье. В нем есть такая запись: «Руководитель «громил» из ЦРУ Эдвард Лэнсдейл с его страстью к подпольным действиям — холодное, бесчеловечное чудовище, которое идет на все, отбрасывая в сторону угрозы для себя ради достижения цели». Не очень почитавшие Лэнсдейла офицеры постарались, чтобы характеристика, данная руководителем разведслужбы дружественной страны, стала известна в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли. Они сообщили об этом в надежде повредить Лэнсдейлу, но глубоко ошиблись. Это лишь помогло «железному Эду» получить генеральские погоны. Трудно предсказать, куда повела бы нить судьбы Лэнсдейла, достигшего высокого положения и авторитета, если бы не неожиданный для всех его уход в отставку. Даже самые осведомленные офицеры ЦРУ, сколько ни старались, так и не смогли разгадать эту тайну.

Про Лэнсдейла вспомнил Генри Кэбот Лодж в августе 1964 года, второй раз занявший пост посла в Сайгоне после событий в Тонкинском заливе.

Оказавшись в своей резиденции на тихой улочке неподалеку от президентского дворца, Кэбот Лодж понял, как изменилась ситуация во Вьетнаме с тех пор, когда он работал здесь при Зьеме. Он судил об этом даже по резиденции, которую соорудил себе его предшественник. Красивая двухэтажная вилла с обширным холлом, изысканными спальнями и удобными кабинетами, изумрудным ковром зелени перед ней как будто была специально создана для спокойной работы, приема знатных гостей, хорошего отдыха. Но, ступив несколько шагов в сторону из большой приемной, где постоянно дежурил вооруженный офицер, посол увидел громоздкое безвкусное сооружение, словно нарочно воздвигнутое здесь, чтобы оскорбить его эстетические чувства. Сопровождавший посла офицер охраны, заметив гримасу на холемом лице Лоджа, посчитал нужным вмешаться:

— Это, экселенс, бомбоубежище из самого лучшего бетона, армированного сталью. Только прямое попадание бомбы с самолета В-52 может нанести ему повреждение, но таких бомб и самолетов у Вьетконга нет.

— А это что? — спросил Лодж, увидев во дворе домик с решетками на окнах, сквозь которые неслись слова спора или ругани.

— Здесь, господин посол, размещается взвод мор-

ских пехотинцев вашей личной охраны. Сейчас, знаете, Вьетконг наглет. Ни в ком из вьетнамцев нельзя быть уверенным. Каждый из них может оказаться связанным с бандитами.

«Вот до чего дожили! — сердито подумал Лодж. — Нет, так дальше продолжаться не может. Заразу надо душить». И тут он вспомнил своего друга Лэнсдейла, которого ценил за острый ум, смелость мышления и преданность идеалам Америки.

Бригадный генерал Эдвард Лэнсдейл по пути в Сайгон остановился в Гонолулу, где встречался с командованием 7-го американского флота, готовящегося к переброске крупных контингентов войск в порты Вьетнама. Командование флота окружило генерала вниманием в надежде узнать от него, куда дуют ветры в Вашингтоне. Генерал же со своей стороны думал получить информацию о том, какова обстановка на азиатском театре военных действий, какой она выглядит не из washingtonских кабинетов, а с капитанского мостика авианосца или эсминца.

— Мы рады, господин генерал, — поднимая бокал вина, сказал адмирал Дэвидсон, — что ваше превосходительство решило почтить нас своим посещением, и просим вас чувствовать себя у нас не гостем, а хозяином. За ваше здоровье, Эд, — перешел с официального тона адмирал, друживший с генералом еще в филиппинский период жизни. — Офицерам Соединенных Штатов хорошо известно имя генерала Лэнсдейла, стоявшего у истоков многих важных операций по подавлению коммунистического бунта. Надеемся, что ваша миссия во Вьетнаме будет не менее успешной, чем все предыдущие. За ваше здоровье!

— Спасибо за добрые пожелания, Боб, мой старый дружище. Как я рад, что мы снова действуем вместе, — ответил Лэнсдейл, — рад, что вижу здесь мужественных моряков, стоящих на далеко выдвинутом рубеже Америки, несущей сейчас нелегкое, но почетное бремя помощи друзьям, сражающимся за идеалы свободы и демократии.

Постепенно с торжественными тостами было покончено, начался просто вечер в офицерском клубе, и адмирал Роберт Дэвидсон пригласил гостя к себе домой. Богатая вилла стояла на самом берегу океана, пряталась под кокосовыми пальмами. В открытое окно адмиральского кабинета вливался свежий живительный морской

воздух и глухой шум волн, накатывающихся на берег. Отсюда хорошо была видна база с громадами военных судов, расположенная в дугообразной удобной бухте. Генерал подошел к окну поближе, посмотрел на бухту, окаймленную тысячами пунктирных точек электрических лампочек, и спросил:

— Значит, Боб, вся трагедия произошла именно здесь?

— Да, Эд. На дне этой бухты нашли могилу многие сотни американских моряков. Мне повезло, мой эсминец в те трагические часы был в открытом море, он выполнял патрульную службу. Когда мы вернулись в Пёрл-Харбор, мне показалось, что я попал на другую планету, а вернее всего, в Севастополь, где дрались тогда русские ребята. Кинохронику с советского фронта нам тогда показывали раза два в неделю.

— Ну что ж, Боб, можно сказать, мы с русскими снова встречаемся, но теперь уже по разную сторону баррикад.

— Не понимаю тебя, Эд. О чем ты?

— Видишь ли, Боб, идеология коммунизма пошла, как цунами, распространяться после русской революции в семнадцатом году. С тех пор, где бы мы ни сражались — на Филиппинах, в Корее, а теперь во Вьетнаме, — мы пожинаем плоды урожая, посеянного русскими в то далекое время. Поверь, Боб, дружище, что нам еще предстоит схватки с русскими. И моя цель — помочь Америке останавливать коммунизм всюду, где он будет обнаружен. Сейчас он стал самым опасным во Вьетнаме. Что ты думаешь сам-то о положении во Вьетнаме?

— Я не знаю точно, как там в джунглях обстоят дела, но то, чем мы заняты сейчас, Эд, по-моему, грозит большими неприятностями.

Адмирал закурил традиционную трубку, предложил гостю сигару.

— Капитан эсминца «Мэддокс», прежде чем предстать перед комиссией конгресса, доложил мне, что произошло у него в Тонкинском заливе. Ты меня знаешь, Эд, я не привык говорить одно, а думать другое. Тем более со старыми друзьями. Тебе не кажется, Эд, что мы просовываем голову слишком далеко? Так ее могут прихлопнуть. Ты ведь сам говорил, что вьетнамцам подают руку помощи и русские, и китайцы. . .

— Про китайцев, Боб, пока не говори. Да, они помогают вьетнамцам. Но самые высокие чиновники в Пекине

ведут дело так, чтобы и мы завязли поглубже, и вьетнамцы не смогли бы выйти из войны. Тут хитрый расчет: воевать до последнего вьетнамца, чтобы потом вернуть себе земли, которыми Китай когда-то владел по праву завоевателя. Но предупреждаю, Боб, то, что скажу сейчас, это только для тебя. Пощади тебя бог, если произойдет утечка информации. Недавно один парень, старый друг самого Мао, побывал в Китае. Он там, в Пекине, — желанный гость. Ему было поручено узнать, чего можно ожидать от китайцев, если мы начнем более широкие военные операции против Вьетнама. Ты знаешь, что ему сказали? «Если, говорят, военные действия не перекинутся на территорию Китая, то у нас не будет оснований для войны с американцами». Сноу, так зовут того парня, что завел дружбу с китайцами, еще спросил: «Но ведь в Корею вы послали миллионы добровольцев?» — «Именно урок Кореи заставляет нас действовать более осмотрительно, учитывать свои собственные интересы». Так что про Китай можно пока не говорить.

— А если это ловушка? Коварство китайцев может обойтись нам дорого.

— Вот в этом-то и есть коварство: делать вид, что помогают вьетнамцам разгромить американцев, а на самом деле помогают выпускать кровь из своих друзей. Ты думаешь, в Вашингтоне не было сомневающихся? Еще сколько! Но ЦРУ подсказало очень мудрый план. В течение нескольких недель наши самолеты бомбили северные районы Вьетнама прямо у китайской границы. Бомбы были мощные, их осколки летели через границу, даже будто что-то разрушили. Китайцы промолчали, дали понять, что свое слово держат. Молчат и сейчас, когда мы бомбим Ханой и Хайфон, — а это всего в десяти — пятнадцати минутах от китайской границы и в часе полета от ближайшего китайского аэродрома.

— Хорошо, — не успокаивался адмирал, — китайцы не пойдут на прямые военные инциденты с нами. А русские?

Лэнсдейл улыбнулся.

— Ты представляешь, какое расстояние отделяет Россию от Вьетнама? Полсвета! Да, они помогают Вьетнаму. Иначе наши самолеты не падали бы на землю. Между русскими и вьетнамцами лежит Китай. Не уверен, не берусь предсказывать с точностью, но мой опыт дает мне основание думать, что настанет такое время,

когда китайцы будут играть на этом. Тут, Боб, могут возникнуть самые неожиданные ситуации.

— И все-таки, Эд, опасное дело затевать большую войну так далеко от дома. Сколько гробов с нашими парнями мы отправляем в Штаты каждый месяц!

— Ничего не поделаешь, Боб,— сказал Лэнсдейл, сделав большой глоток виски,— коммунизм, если его не остановить, очень скоро окажется у наших дверей. Вот уже Куба рядом, а там, глядишь, и другие соседи за ней последуют. Душить надо эту опасность, душить! — стукнув кулаком по столу, произнес генерал.— Президент Джонсон острее понимает эту обстановку, чем его предшественник.

— Не слишком ли быстро начинаем мы забывать о том, что сделал Джон Кеннеди, Эд? Я питал и питаю к нему искреннее уважение. Он был храбрым моряком, когда шла война на Тихом океане.

— Роль даже храброго моряка и роль президента, Боб,— назидательно произнес Лэнсдейл,— история оценивает с разных позиций. Они для нее, как, впрочем, и для современности, стоят на разных ступеньках лестницы. Ты уж не обижайся за своего коллегу, Боб, но президент Кеннеди слишком много возлагал на более мягкие пути решения неразрешимых проблем. Почему он не ударил по Кубе, когда стало известно, что там базируются русские ракеты? Почему он не добился от русских больших уступок? Почему он позволил, чтобы русские свободно себя чувствовали на Кубе, рядом с нами?

— Но мы еще ближе стоим к русским в Европе и Японии,— попытался возразить адмирал.

Генерал резко повернулся на каблуках и чуть не столкнулся с адмиралом.

— Прими мой дружеский совет, Боб: никогда таких мыслей не высказывай при посторонних. Я твой друг, но такие рассуждения опасны в нынешнее время. Ну ладно, дружище, мне пора и отдохнуть, завтра трудный перелет в Сайгон.

По пути в отель «Хилтон-интернэшнл» Лэнсдейл подумал, что старый друг Боб, кажется, отстал от жизни. Хороший был когда-то офицер, с ним приятно было выпить и поболтать. А теперь что-то начинают его донимать опасные мысли. Когда ожидаются серьезные схватки с враждебным миром, маленькая червоточина

может разесть здоровое дерево. Конечно, человек он знающий, полезный.

Месяц спустя в Сайгоне Лэнсдейл узнал, что адмирал Роберт Дэвидсон выбыл из штаба военно-морских сил. Что-то неприятное шевельнулось у Лэнсдейла в душе: не повлияла ли на судьбу друга информация, посланная им в Вашингтон? Но скоро новые события захватили генерала, и он начисто забыл об угрозах и совести и о причинах, которые их вызвали.

В Сайгоне Лэнсдейл, как когда-то на Филиппинах, потерял счет часам работы, встречам, поездкам, беседам с офицерами военной миссии, с высшими военными чинами сайгонской армии. Бывая в частях, в районах, где Вьетконг владеет боевой инициативой, он хорошо прочувствовал опасность, перед которой оказался Сайгон. Без сильной поддержки Америки ему не продержаться долго. Очень дальновидны и правы были те, кто внушил президенту Джонсону мысль о необходимости продемонстрировать во Вьетнаме нашу силу, сделал вывод генерал.

Во второй декаде сентября посол пригласил в отель «Рекс», где жили офицеры США, нескольких генералов для дружеской деловой беседы. Из окон роскошного номера-кабинета была хорошо видна панорама восточной части Сайгона, площадь перед гостиницей «Каравелла», широкая лента реки, заставленная боевыми и транспортными судами, разместившимися под самыми окнами отеля «Мажестик». С другой стороны — он знал — находился президентский дворец, окруженный высокой оградой с массивными воротами, неподалеку от которого было здание с вертолетами на плоской крыше, где размещались офицеры военно-воздушных сил.

Генерал из штаба американского командования рассказал, что экспедиционный корпус скоро начнет расти, и это потребует больших организационных разработок по его размещению и снабжению. Конечно, чтобы довести его численность до четверти миллиона человек, как предусматривается планом первой очереди, потребуется время, может быть около года. Тогда, если поднять боеспособность четырехсоттысячной сайгонской армии, можно будет планировать крупные операции по подавлению партизанского движения. Но проблем будет много. Особенно — связанных с взаимоотношением между двумя армиями и разграничением босых обязанностей, падающих на каждую из них.

Генерал Фрэнсис Райтсайд наклонился к сидевшему рядом Лэнсдейлу:

— Ты уже побывал на всех фронтовых участках, Эл, а ко мне пока так и не заглянул. Забыл старого друга?

— Что ты, Фрэнсис, но у тебя, как я знаю, сейчас горячая пора строительства, не хочется отрываться от дела. Да и у самого такой на плечах груз, только бы справиться. Я сейчас прикидываю, с чем придется иметь нам дело, когда от мелких, ничего не дающих стычек с противником мы перейдем к настоящей войне с Вьетконгом. Генерал прав, что появятся такие проблемы, о которых мы и не подозреваем сейчас.

По плану во Вьетнам первым эшелонам должны перебрасываться отборные дивизии, в которых офицерский корпус имел богатый опыт корейской войны. 1-я и 3-я дивизии морской пехоты, 1-я и 25-я пехотные и 1-я воздушно-десантная дивизии по праву считались цветом и гордостью вооруженных сил США. Они обстоятельно готовились для войны в джунглях. Никто точно не знал, где скорее всего они потребуются — в Латинской ли Америке, бурлящей, как хорошо разогретый котел, на Филиппинских ли островах, где, несмотря на наступившее затишье, мог вспыхнуть опасный очаг сопротивления, или во Вьетнаме, который для Соединенных Штатов был самым больным местом. Отобранные для Вьетнама дивизии всегда рассматривались в качестве главной ударной силы.

Вслед за этими частями во Вьетнам будут доставлены на кораблях 7-го флота, по воздушному мосту, связывающему крупнейшие военные порты США с Сайгоном, а также на транспортных судах другие части полевой армии и специальных подразделений. В Объединенном комитете начальников штабов хорошо знали, что 4-я и 9-я дивизии и 199-я бригада имеют несколько худшую подготовку, потому что программа их обучения не была рассчитана ни на войну в джунглях, ни на действия в каких-то особых, экстремальных условиях. Уровень их боевой подготовки и даже экипировка больше соответствовали участию в боевых операциях в традиционных районах, вроде Западной Европы. Правда, они учились вести бои в горах — печальный опыт сражения с фашистскими войсками в Арденнах, где англо-американские соединения зимой 1945 года оказались перед перспективой уничтожения, заставлял иметь контингент

солдат, умеющих ориентироваться в тяжелой обстановке. Если бы в январе сорок пятого года в ответ на слезную просьбу Черчилля Советское Верховное командование не начало раньше времени хорошо разработанную, но требовавшую еще нескольких недель подготовки операцию, то войска союзников могли испытать горный вариант Дюнкерка¹.

В штабах шли жаркие споры: сколько направлять войск во Вьетнам? Были такие мнения, что достаточно послать одну такую дивизию, как 1-я воздушно-десантная, носившая по старой традиции название кавалерийской, чтобы решить все проблемы. В самом деле, на вооружении этой дивизии было 450 вертолетов. Она могла огненным ураганом смести все вьетконговские отряды.

— А две такие дивизии,— говорили сторонники этой идеи,— могут вообще навсегда усмирить Вьетнам.

— Да, первая дивизия имеет все виды огневой мощи, какие только могла дать военная промышленность Америки,— говорили противники.— Но неудача «вертолетной войны» подтверждает тот факт, что не все можно сделать с помощью техники. Нужны солдаты. Обычные солдаты с автоматами в руках, чтобы занимать территорию, проводить карательные акции, выжигать и истреблять очаги сопротивления.

Генерал Лэнсдейл был сторонником этой идеи.

Значительно позже он станет свидетелем шокового состояния специалистов «технической войны», когда 1-я воздушно-десантная дивизия окажется слишком громоздкой, неповоротливой, несмотря на наличие четырех с половиной сот вертолетов. Она будет нести тяжелые потери при мизерных результатах. Именно генерал Лэнсдейл, которому бригады десантников будут помогать проводить в жизнь план умиротворения южновьетнамских деревень, выскажет решительное мнение о необходимости менять тактику антипартизанской войны и переходить к использованию боевых частей менее громоздких, чем дивизия, с легким снаряжением, чтобы они имели возможность для маневра и не были привязаны к вертолетам.

¹ Дюнкерк — один из портов Франции, через который в конце мая — начале июня 1940 года эвакуировались в Англию остатки потерпевших крупное поражение от немецкой армии английских войск, а также часть сил французской и бельгийской армий.

— Скажите, господин генерал,—спросил Лэнсдейл,—штаб уже имеет какой-то план «умиротворения» при совершенно новых обстоятельствах, я имею в виду наличие крупных контингентов наших войск?

— Только в общих чертах. Но мы думаем, что соответствующие штабы и управления в Вашингтоне дадут нам указания, когда контингенты, о которых вы говорите, будут доставлены на эту землю.

— Насколько я понял, у вас уже есть предварительный состав частей? Значит, уже можно постепенно прикидывать, какие из них использовать для целей «умиротворения», а какие для прямой борьбы с Вьетконгом?

— Боюсь, что нам пока трудно заняться этим, не поступило соответствующих инструкций. Но одно нам ясно — действовать надо будет новыми методами, поскольку прежние себя не оправдали.

Лэнсдейл понял, что этот шар пущен в его сторону: несколько лет назад он был чуть ли не единолично ответственным за план умиротворения вьетнамской сельской местности.

На помощь Лэнсдейлу пришел сам посол.

— Мы можем и должны,—сказал он,—приступить к осуществлению широкомасштабного плана умиротворения, но на другой основе и с другими силами. Наши операции будут носить всеобъемлющий характер воздействия на противника — и оружием и силой наших идей. И я думаю, что вы, господин генерал,—обратился он к Лэнсдейлу,—прибыли сюда, чтобы оказать нам конкретную помощь. Мы знаем, как богат у вас опыт противоповстанческой борьбы, который, мы надеемся, возьмут на вооружение все наши части. Но вплотную мы подойдем к решению сложной проблемы на более поздней стадии. Скажите, господин Райтсайд,—продолжал посол,—как у вас идут дела? Мы возлагаем большие надежды на вашу базу, создающуюся в самом беспокойном районе. Не район, а сгусток нервных окончаний.

— Строительство идет успешно, господин посол, сооружается жилье, наземные и подземные склады, идет монтаж генераторов электростанции, заканчивается подготовка еще двух взлетно-посадочных полос, которые будут принимать тяжелые транспортные самолеты. Инженерное управление министерства обороны четко

контролирует поставку нам всего необходимого, и поэтому, господин посол, у нас нет сомнений, что база войдет в строй без задержки.

— Это очень хорошо, — сказал посол.

Он произнес довольно пространную речь, нарисовав такую благополучную картину, что все присутствующие должны были бы подумать о ненужности посылки сюда четвертьмиллионной армии, если бы они не знали истинного положения вещей.

Довольный встречей, посол пригласил всех ее участников на вечерний прием к себе в резиденцию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Главкомандующий войсками сил национального освобождения, отодвинув в сторону бумаги, над которыми сидел все это раннее утро, поднялся и вышел на маленькую веранду, окружавшую домик, спрятавшийся в густой зелени. Солнце только-только поднялось над землей. Широкие банановые листья, еще хранящие прохладу ночи, были покрыты мелкими капельками росы. Раскинувшаяся крона старого мангового дерева была наполнена птичьими голосами — высокими, переливающимися, свиристящими. Один голос даже напоминал человеческий хохот, правда приглушенный, будто человек, боясь своим смехом помешать кому-то, закрывал рот ладонью. Из всего этого разноголосого гомона генерал отчетливо выделял непрекращающийся, сливающийся в одну монотонную мелодию треск цикад. Он посмотрел на небо сквозь густую зелень листвы и улыбнулся: цикады, как всегда, не ошибались, предсказывая жаркий день. Впрочем, здесь, в тропиках, это предсказать нетрудно.

Генерал прошелся по скрипучему бамбуковому настилу веранды. Который день, слушая звуки этого музыкального хора, он никак не мог вспомнить, где еще слышал такую музыку. Что было связано с ней — беспокойное или тревожное? У генерала была хорошая память, но иногда она вроде бы подводила. Как вот теперь. Из-за этого скрипящего настила он и выходил-то ранним утром на веранду. Днем, когда здесь было многолюдно, половицы переставали скрипеть, а может, он переставал обращать на них внимание. А ранним утром он не мог отделаться от чувства, что где-то уже слышал точно та-

кой же звук, и он был связан с каким-то важным событием. Генерал хотел отмахнуться от назойливой мысли, но вдруг резко остановился, энергично потер ладонью широкий лоб и тихо рассмеялся. Вспомнил! Два года назад он плыл на лодке к месту, выбранному для размещения штаба народно-освободительных сил. Было предассветное время. Матово блестела речушка, протекающая по территории вблизи военной базы противника. Тогда тоже оглушительно трещали цикады в кронах деревьев, растущих по берегам. И так же, как высохшие половинки расщепленного бамбука на веранде, будто вздыхая, скрипели лодочные уключины. Он еще спросил сопровождавших его товарищей, не привлечет ли скрип уключин внимание вражеского дозора. Но местные товарищи сказали, что, во-первых, все дозорные в такое время спят, а во-вторых, в этом нет ничего особенного: деревенские рыбаки выехали на промысел. Генерал посмотрел на себя и остался доволен. На нем была простая одежда крестьянина юга, на шее — летний клетчатый шарф, на голове — выдавшая виды шляпа из пальмовых листьев, на ногах тапочки, в каких ходит почти все сельское население Вьетнама.

Генерал вспомнил родное село в провинции Нгеан, где он не был уже целую вечность. Если бы он появился туда сейчас, он никого не удивил бы своим видом. Может быть, сверстники, с которыми он участвовал в знаменитом крестьянском восстании, стали бы расспрашивать, где он пропадал все эти тридцать с лишним лет. Глядя на него, они, конечно, догадались бы, что ему пришлось в жизни многое испытать. Густая седина, морщины на широком крестьянском лице, натруженные руки в ссадинах. И вряд ли бы они поверили, если бы узнали, что он стал крупным военачальником, знающим цену и победам, и неудачам.

Медленно и спокойно плыла лодка. Генерал сидел задумавшись. Сколько же за последние месяцы оставил он позади километров? Он вспоминал последний вечер в Ханое, свое прощание с президентом Хо Ши Мином. Маленький домик над прудом, крошечный рабочий кабинет президента со стопками книг на краешке стола, тапочки, оставленные у порога, старенькая пишущая машинка, низенький чайный столик... И голос президента:

— Мы с тобой уже многое повидали на этом свете,

мой старый друг. Многое, о чем мы мечтали, сбылось. Мы победили в революции. Но тебе могу сказать, как болит у меня сердце, когда я думаю о нашей расколотой Родине. Ты едешь руководить борьбой за освобождение нашего Юга. Ты первым увидишь над ним зарю свободы. Как бы я хотел быть на твоём месте.

— У вас, президент Хо, будет возможность увидеть Юг свободным, а Вьетнам единым. И город вашего имени,— сказал генерал.— Ведь ещё двадцать лет назад мы решили назвать Сайгон вашим именем.

— Ты только представь,— сказал Хо Ши Мин,— прошло уже больше пятидесяти лет, как я уехал из Сайгона, а кажется, что это было вчера. Сколько же событий, печальных и радостных, пережили все мы, а? Теперь мы уже поставили перед собой главную задачу — победить в борьбе и объединить Вьетнам. Хватит ли для этого моих жизненных сил? — вот в чем вопрос.

— Ну что вы, президент Хо,— вам теперь жить да жить.

— Хорошие слова говоришь,— прервал генерала президент,— но один мудрец ещё тысячу лет назад сказал, что во все времена было так, что человек редко доживает до семидесяти лет. А мне, как ты знаешь, перевалило за эту гору, уже семьдесят второй. Тут уж ничего не поделаешь, хотя очень хотелось бы дожить до того светлого дня. Постарайся приблизить его, друг мой.

Президент обнял генерала, потом похлопал по плечу и, улыбнувшись,— добрая примета, когда с улыбкой провожают в дорогу,— повел его к выходу.

— Будь осторожен, мой друг. Береги себя и своих солдат.

Генерал чувствовал тихую грусть и радость. Ему подумалось, как вместе с президентом пройдут они когда-нибудь по улицам Сайгона...

Никому не дано в этом мире бросить взгляд сквозь время и узнать, что случится в будущем. Через шесть лет на перевале Иен Нгья — Лошадиное седло — в провинции Куангчи генерал погибнет от осколка американской бомбы, а через два года после него уйдет из жизни президент Хо Ши Мин, оставив боевым соратникам свою мечту и боевое задание: освободить Юг и объединить Родину.

Как-то сразу погрузневшей походкой генерал прошел

по веранде, думая о делах наступающего дня, и, хотя бамбуковый настил все так же скрипуче пел под ногами, он уже, задумавшись, ничего не замечал. Вошел в комнату, остановился перед топографической картой. За каждым значком, нанесенным на нее, он видел селенья, реки, дамбы, аэродромы и укрепленные позиции противника. Опытным глазом военачальника он оценивал позиции свои и вражеские, видел их достоинства и недостатки.

Легкая дверца комнаты чуть слышно скрипнула, генерал оторвался от карты и увидел вошедшего — стройного, подтянутого человека с тонкими чертами лица, с седым ежиком волос — председателя Национального фронта освобождения.

— Не помешал? — вежливо спросил председатель.

— Сам уже собирался к тебе идти, — сказал генерал, пожимая протянутую руку. — У тебя есть что-нибудь радующее?

— Не столько радующее, сколько интересное. Американцы вплотную приступают к программе «революционного развития».

— Какого развития? — удивился генерал, думая, что не расслышал.

— Революционного — ни больше ни меньше, товарищ командующий. Сейчас открыта первая школа подготовки канбо¹ для выполнения нового плана умиротворения деревень.

— А кого набирают в эту новую школу?

— Как всегда — сброд. Правда, есть один нюанс. Сейчас американцы делают упор на беженцев и попавших в плен партизан или перебежчиков, которые лучше знают обстановку в освобожденных районах и методы нашей работы. Вот бы нам воспользоваться этим и заслать в школу несколько «перебежчиков».

— Хорошая мысль, — согласился генерал. — Надо поговорить с Фам Ланем. Ему это предложение может понравиться. Оставим до его прихода.

— Есть еще одно, соприкасающееся с предыдущим предложение. Понимаешь, мы получаем сведения, что американская разведка хотела бы завести дружбу с людьми, которых они называют левыми. Предлагают вы-

¹ Канбо — кадры (вьет.).

годные посты, поездки за рубеж, приглашают на специальные конференции. И не жалеют денег.

— И что, по-твоему, за этим кроется?

— Желание найти охотников проникнуть в наши ряды и получать информацию из первых рук, нанять сторонников.

— Разрешите войти? — послышалось на веранде.

— Входи, товарищ Лань, входи, — пригласил генерал.

Офицер в форме, но без знаков различия перешагнул порог комнаты. Это был среднего роста человек, с открытым лицом, на котором отражались все настроения: огорчен ли он, доволен, расстроен, мечтает.

— Я прибыл, товарищ командующий, доложить о положении на наших позициях и о том, что делается у противника.

— Хорошо, — сказал генерал, — садитесь за стол, карту мы хорошо представляем.

Разведчик стал докладывать с такими подробностями, как будто успел побывать и вблизи 17-й параллели, и на Центральном плато Тэингуэн, и в окрестностях Сайгона, и в дельте Меконга.

Его слушали, не перебивая. Генерал лишь изредка делал краткие пометки в своей записной книжке.

— Обстановка складывается так, — сказал в заключение Фам Лань, — что следует ожидать наступления противника в разных районах. Я не думаю, что это будет крупное наступление — к этому противник сегодня не готов, — но на отдельных участках оно будет довольно массированным, с применением всех видов воздушной и наземной техники. На некоторых базах в дельте Меконга, в провинциях Тхининь и Шонгбе наблюдается концентрация танковых подразделений и артиллерийских батарей. Особенно, как мне кажется, нам следует обратить внимание на район военной базы Лайкхе. Здесь появились американские военные советники самого высокого ранга.

Генерал вышел из-за стола, приблизился к карте.

— Ну что ж, товарищ Лань, нам придется признать, что противник действует логично, а его разведка поработала неплохо. Она узнала, что недалеко находятся и штаб командования, и значительные наши силы. Не так ли?

— Совершенно верно, товарищ генерал. Им бы очень

хотелось разгромить нас. Потому и выбрали район Лайкхе как один из основных,— в голосе офицера генерал услышал нотки тревоги.

— Что тебя беспокоит, товарищ Лань?

— Беспокоит одно: быстрое наращивание сил и огневой мощи. Нам, видимо, предстоят тяжелые бои с мотомеханизированными подразделениями противника, которые к тому же будут иметь эффективное прикрытие с воздуха. Выдержит ли их наша оборона? Понимаю, что удар будет нанесен не только на этом, но и на других участках фронта, но только мне кажется, что наиболее сильный придется на нас. Недаром генерал Лэнсдейл зачастил сюда. Насколько мне известно, он ваш старый знакомый, товарищ генерал?

— Сказать, что мы близко знакомы, я бы не решился,— улыбнулся генерал,— но Лэнсдейла мы знаем хорошо. Когда ты еще учился в академии, он уже занимался умиротворением Южного Вьетнама. «Стратегические деревни» — это его дело. Прогорел Лэнсдейл с ними, теперь, как говорит наш председатель,— генерал повернулся лицом к председателю Фронта освобождения,— американцы придумали новую форму — «революционное развитие деревни». Кстати, Лань, надо бы заняться этим, особенно школой.

— Хорошо, товарищ генерал, займемся.

— Так вот о Лэнсдейле, Лань. Мы его знаем еще по тому, как он работал на Филиппинах. Это противник сильный. Думаю, французской разведке во Вьетнаме досталось от него. Лэнсдейл перекупал ее агентов, ставил, где только возможно, подножку, устраивал ловушки. Хитрый, коварный и беспощадный враг,— сказал генерал.— Французы называли его громилой, но как профессионалы уважали за мертвую хватку и умение работать в Азии. Поэтому, когда Лэнсдейл приехал в Сайгон, они как бы оказались в гипнозе, от которого с трудом освобождались. А ты, наверное, про его работу на Филиппинах и не слышал, а, Лань?

— Откуда, товарищ генерал? Это когда было-то...

— Вот видишь, товарищ Тхо, для него это уже далекая история. А ведь было-то всего чуть больше пятнадцати лет назад, сразу после нашей революции.

— Товарищ генерал,— сказал Фам Лань,— я только в сорок девятом поступил в военную школу. Под Дьен-бьенфу был лейтенантом. Я тогда Филиппины и на карте-то не сразу бы нашел.

— Но что же все-таки думает предпринять здесь наш противник?

Фам Лань подошел к карте.

— Я, конечно, не стратег,— сказал он,— но наши разведданные позволяют предположить, что район, где мы находимся, американцы постараются взять в клещи.

— Резонное и грамотное мышление за противника,— похвалил генерал Фам Ланя.— За себя мы это сделаем на военном совете, наметим свою тактику. У нас тоже найдутся люди, знающие, когда сажать рис, а когда убирать батат. Посмотрим, кто кого. Ведь отступать нам нельзя?

— Никак нельзя, товарищ командующий,— горячо отозвался Фам Лань.— Мы отвоевали такие важные позиции не для того, чтобы отдавать их.

— Верно,— поддержал его генерал,— отдавать нельзя. Но ты постарайся поточнее, поподробнее узнать, что замышляют американцы. Ведь это их первая собственная, без маскировки военная акция. Вряд ли они захотят остаться ни с чем. Хотя мы и предполагаем, как они будут себя вести, но это все-таки предположения, противник может поступить как раз по-другому. Чтобы не ошибиться, не попасть в его сети, нам нужны абсолютно надежные данные. Понимаешь, Лань?

— Понимаю, товарищ командующий.

— По-моему,— сказал генерал после долгого молчания,— тут есть одна важная сторона дела. Американцы верят, что они выиграют сражение, и тогда у них будет больше оснований требовать от сайгонской армии активности. Видите, мол, какого успеха мы добились уже в первой самостоятельной операции. А ваши полки и батальоны из каждого боя возвращаются как потрепанные курицы. Но если мы сумеем дать американцам по зубам, то между союзниками начнется еще больший разлад. Потому-то нам надо хорошо знать замысел противника.

— Я постараюсь. Хотя уже сейчас известно, что в Лайкхе сформирована танковая колонна из сорока «шерманов».

— Сорок «шерманов» — это сила. А у нас пока ни одного. Правда, есть надежда, что в будущем нам удастся переправить на Юг десятка два «Т-34».

— Вот тогда мы покажем! — воскликнул Фам Лань.— Можно прямо на Сайгон двигаться.

— С Сайгоном придется подождать,— охладил раз-

ведчика генерал.— Нам бы вот здесь пощипать врага, устоять, не сдать позиций. В случае своей неудачи американцы начнут затыкать дыры сайгонскими частями, да еще постараются на них же свалить вину за неудачу. Как ты думаешь, майор?

— Признаться, так далеко еще не заглядывал. Пока занят сбором сведений, а анализ придется делать несколько позже. И, думаю, анализировать будет не один какой-то отдел, а весь штаб.

— Я не зову тебя сразу делать предсказания, но прошу продолжать глубокое изучение взаимоотношений союзников, не выпускать из виду никаких мелочей в этом деле.

— Перебежчики и наши товарищи, работающие на той стороне, сообщают, что в сайгонских войсках начался ропот. Солдаты прямо говорят: если эта война американская, то пусть они и воюют сами. Нечего нас подставлять под пули, поручать самое опасное или грязное дело. Особенно сильны антиамериканские настроения в двадцать пятой дивизии.

— Она дислоцирована в дельте? — спросил генерал.

— Да, командует ею генерал Фам Чонг Тань, — добавил председатель Фронта освобождения. — Я его знал еще в юности. С большими амбициями человек. Думаю, что американцы с ним будут иметь немало хлопот.

— На совещаниях в Сайгоне его часто отчитывают. И американские советники, и высшие руководители, особенно сайгонский премьер Нгуен Као Ки. Недовольны, что он не может заставить солдат воевать так, как требует обстановка, — добавил Фам Лань.

— Откуда известны тебе такие подробности? Сам генерал докладывает? — спросил с иронией в голосе командующий.

— Можно сказать, сам и докладывает, — без тени смущения ответил Лань. — Когда он возвращается из Сайгона, то обязательно напивается и рассказывает тем, с кем пьет, все, что с ним было. А рядом есть наш человек. Вот и вся тайна, товарищ генерал.

Генерал вернулся на свое место за столом, закурил тоненькую сигарету. Сделал несколько глубоких затяжек. Серьезная озабоченность отразилась у него на лице. Оно как-то посуровело, стало жестче.

— Понимаете, в каком сложном положении находится народ здесь? Особенно солдаты. Они не слепые, чтобы не видеть, что делают американцы на их земле.

Ведь у многих солдат родственники — за колючей проволокой в стратегических деревнях. Да и сами они вырвались оттуда только потому, что оказались в армии.

— Но другое положение в офицерском корпусе, особенно в генералитете,— сказал председатель,— там служат и за большие деньги, и за свои интересы.

Генерал помолчал немного, загасил сигарету в пепельнице из скорлупы кокосового ореха.

— В народе говорят,— медленно начал генерал,— когда одна лошадь заболит, то весь табун не будет есть траву. Это лошади. А возьмите лошадей-людей в нынешнем Южном Вьетнаме: чем больше американские хозяева их кормят, кормят долларами, а не травой, тем они сильнее дерутся друг с другом. Посмотрите: за американский лакомый кусок идет самая беспощадная драка. Переворот за переворотом. И за каждым из них — дележ долларового корма. Когда мы начнем наносить более сильные удары, одержим более заметные победы, они галопом бросятся бежать. И не только они сами будут драться и кусать друг друга. За ними последуют и их хозяева, начнут паниковать, будут фыркать и ломать конюшню — они ведь тоже лошади, только породистые — и бросятся бежать, но не к финишу, а подальше от возмездия. Вот почему нам необходимо постоянно вести психологическую войну с противником и стараться не проигрывать ни одного боя.

— На психологическую войну нажимают сейчас и американцы, товарищ генерал,— сказал Лань.— Пока я не готов докладывать по этому вопросу обстоятельно, наш отдел изучает положение, и в ближайшие месяцы мы будем располагать более полной картиной. Но по предварительным данным, я о них докладывал заместителю главкома, в Южный Вьетнам прибыла большая группа офицеров специально для ведения психологической войны. Среди них есть люди, которые могут представить для нас особый интерес. Например, полковник Юджин Смит.

— Что это за фигура, если сама товарищ замглавкома заинтересовалась им?

— Полностью он нам не ясен. Работает с генералом Фрэнсисом Райтсайдом. Ищет встреч и знакомств среди вьетнамцев. Недалеко от базы есть пагода мудрого Дьема. На самом-то деле она называется пагодой Пурпурных облаков, но настоятель пагоды прославился своими знаниями, умом, добротой, и люди давно уже называют

ее пагодой мудрого Дьема. Вот с ним-то полковник Смит и старается наладить тесное общение, ведет беседы о буддизме. Думаю, что следует попробовать сблизиться с этим полковником.

— Неплохая мысль. Только надо подыскать такого человека, который мог бы завоевать доверие самого мудрого Дьема.

— Как раз этим мы сейчас и занимаемся. Племянник Дьема служит где-то в одной из наших частей. Мы уже знаем его имя, знаем, что Дьем души в нем не чает за то, что парнишка хорошо освоил каноны буддизма и философию древних. Дьем будто мечтал подготовить из него наследника себе. Но парню вдруг наскучило сидеть в пагоде, и он подался в политехническую школу в Хюэ и окончил ее успешно. Его хотели послать во Францию для продолжения образования, а он вдруг исчез из Хюэ. Через некоторое время он прислал мудрому Дьему весточку через верного человека, сообщив, что ушел в народно-освободительную армию. Мудрый Дьем, как рассказывают деревенские жители, сначала рассердился и расстроился, а потом, обдумав все — он же поэтому и зовется мудрым, — простил своего любимца.

— Если удастся найти парня, — сказал генерал, — сразу приходите с ним ко мне. Но постоянно помните, как бы не попасть самим в ловушку.

— У меня есть личная просьба, товарищ командующий, — сказал Фам Лань.

Генерал поднял удивленно брови, внимательно посмотрел на майора, будто ослышался: с просьбами, тем более личными, к нему обращаются редко.

— Очень прошу выслушать меня, товарищ генерал, — взволнованно произнес Фам Лань.

— Ну, как говорится, и вода вскипела, и чай заварен. Готов выслушать со всем вниманием, — ободряя майора улыбкой, сказал генерал.

— Вы знаете, что представляет собой база Фусань?

— Ну, если твои разведанные верны, то это — крепкий орешек. Нам он пока не по зубам, хотя разгрызть его придется когда-нибудь именно нам. Верно?

— Совершенно верно, товарищ генерал. Вот я и прошу вас отправить меня в район базы. Ведь я из тех мест, мне там многое знакомо. Я постараюсь проникнуть на саму базу — не могут же американцы обойтись без вьетнамской прислуги, помощников, переводчиков.

И если мне удастся, то Фронт будет получать информацию из первых рук. Настанет же такой день, когда наши войска начнут штурм базы, и тогда сведения, добытые на месте, очень пригодятся командованию.

— Как, товарищ председатель,— спросил генерал,— прием предложение или прикажем не отвлекаться от прямых служебных обязанностей?

Генерал говорил вроде строго, но Фам Лань уловил в голосе теплые нотки.

— Предложение заманчивое,— сказал председатель,— но только подойдет ли Фам Лань для этого? Тут надо подумать, не один раз подумать. То, что он из тех мест, может обернуться не преимуществом, а недостатком: а вдруг узнают? И тогда все пропало. Противник насторожится, к нему будет труднее подобраться.

— Вот видишь, Лань. Прав председатель. И еще одно. Не так много у нас людей с академическим образованием, чтобы мы могли рисковать ими.

— На риск мне или кому-то другому все равно придется идти. Но у меня в этом случае будут преимущества перед другими.

— У тебя они и здесь есть,— прервал генерал.— Я уже сказал.

— Я не об академическом образовании, товарищ командующий. Речь о другом. Риск можно уменьшить. Отпущу усы и бороду, изменю походку и сделаюсь неузнаваемым. Потом — время. Я уходил в армию шестнадцатилетним, а теперь уже за тридцать перевалило.

— Много ли перевалило-то?

Фам Лань смутился.

— Да уже три месяца,— ответил еле слышно.

Генерал и председатель рассмеялись.

— Совсем старик,— сказал генерал, вытирая глаза платком. Потом сразу посерьезнел.— А впрочем, жизнь измеряется не только годами, а сделанным за эти годы. Я знаю, Лань, через какие испытания ты прошел. Ну, а еще какие доводы в твою пользу?

— Язык, товарищ генерал. Я ведь знаю английский, а это для разведчика немаловажно.

— А если начнут пытаться, а ты закричишь не по-английски, а по-русски? — с улыбкой глядя на Ланя, спросил председатель Фронта освобождения.

— Обещаю вам, что если такое случится, то буду кричать только по-вьетнамски, даже на южном диалекте.

Председатель Фронта теребил ежик седых волос, задумчиво глядел мимо Ланя, словно хотел увидеть будущее этого тридцатилетнего парня, с первой встречи ставшего ему очень близким. Он думал, что, будь у него такой сын, он без колебаний доверил бы ему выполнение задания, о котором просил Фам Лань. Бывают такие задания на войне, которые хотел бы поручить только самому себе, настолько они ответственны. И кажется, что только ты сам и понимаешь, как надо будет поступать в сложной ситуации, разобраться в запутанной обстановке. Но председатель Фронта, несущий ответственность за судьбы всей борьбы, поймал себя на том, что на такое задание он с твердой верой послал бы не только себя и своего сына, но и этого умного офицера.

— Хорошо, майор,— услышал Лань генерала,— этот вопрос мы решим. Но мы должны получить из Ханоя разрешение на проведение такой ответственной операции. Одно могу сказать: что мы с товарищем председателем поддержим твою кандидатуру.

— Спасибо, товарищ командующий, спасибо, товарищ председатель,— взволнованно поблагодарил Лань.— Я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие.

— Подожди, подожди,— прервал его генерал,— очень торопишься. До завершения операции, которую, как ты говоришь, нам собираются навязать американцы, не может быть и речи о переменах в штабе, тем более в таком важном отделе. Поэтому временно забудь об этом разговоре.

Отпустив Фам Ланя, генерал еще долго сидел вместе с председателем Фронта над картой, обсуждая положение на разных участках.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда солнце почти из зенита покатилося вниз, по небу поползли тяжелые тучи. Небо посерело, стало тревожным. С востока, клубясь, надвигалась хмарь. Была влажная духота, ломило в висках, сдавливало грудь.

Старый Дьем любил в размышлениях проводить предвечерние часы в тихой прохладе своего сада или у бассейна с прозрачной водой. Вот и сейчас он пытался размышлять о вечном перевоплощении людей, подчинен-

ном законам самасары, и приблизиться к постижению мудрости неба. Но мысли уходили куда-то в сторону. Только он вспомнил мудрые постулаты кармы, без которой человек и шага сделать не может, как ему подумалось о поведении майора Тхао, который вознамерился разместить свой батальон в пагоде Пурпурных облаков, чтобы обеспечить безопасность подступов к базе с восточной стороны. «Неужели поведением и этого человека руководит небо?» — с возмущением подумал Дьем.

Он знал, что окрестные жители давно прозвали его Мудрым. Но где же эта мудрость, если он нарушил одно из священных установлений буддизма — не терять спокойствия и ясности мысли даже в тех случаях, когда земля зашатается под ногами? Нет, он вел себя совсем не мудро, ввязался в спор с низким по духу человеком, тратил на него жар души, рассыпал перед ним мудрые цитаты из священных книг. Смертному не дано постичь изменчивые воплощения покинувшего мир человека в цепи превращений, определенных небом, но наглого, грубого майора Тхао он почему-то видел в образе жадного животного с кровавыми глазами. Как ни отгонял Дьем это видение, оно не покидало его.

Мудрый Дьем считал себя старым, даже древним жителем земли, пережившим вместе с ней неисчислимые страдания, которые на весах неба перевесят прегрешения, свершенные не по злему умыслу, а по слепому неведению. В пагоде нет ни одной священной книги, которой он не знал бы чуть ли не наизусть. Когда большой колокол пагоды, покрытый священными письменами, оглашал своим гулом окрестности, эхом отдаваясь в синеющих на горизонте горах, настоятель верил, что это молитвы возносятся к ослепительному престолу Небесного владыки, неусыпно наблюдающему за делами копошащихся на земле людей, каждый из которых только в присущем ему облике вернется на землю. В гулком звоне большого колокола он улавливал голоса Будды и его последователей, и по тому, как откликалась на них душа, наполняясь радостью и спокойствием, Дьем понимал, что его молитвы и его деяния угодны Рожденному в Лотосе.

Медленными шагами продвигался настоятель меж деревьев сада, отмечая, как пышны и плодородны они в этом году. Из всех деревьев он больше всего любил де-

рево мит¹. Ствол его был необхвачен, крона — словно раскинутый шатёр, плоды, покрытые шипами, были необыкновенных размеров. Жалко было рубить этого великана, но нельзя отменить и обет, данный еще его предшественником, — сделать из ствола изваяние Будды для алтаря.

Но и эта мысль скоро ушла, а на смену ей появились беспокоящие и тревожные раздумья о повседневных делах и событиях. Это смущало настоятеля. В его годы приличествует думать больше о духовном, о жизни будущей, когда дух, оставив хрупкую оболочку, устремится к той светлой и лучезарной вершине, где не будет места для суетности мирской жизни. Однако что-то непонятное происходило в этом мире, и он не мог не думать о нем. Грубый, недостойный внимания человек, одетый в военную форму, говорящий на вьетнамском языке, показал всю свою озлобленность, готов был осквернить святыню. А чужеземец, только из книжек извлекавший каплю знаний, хранящихся в океане мудрости, стал на защиту святыни и приказал солдатам и самому их командиру покинуть пагоду.

Вспомнив об этом, мудрый Дьем понял, что его беспокоит, что мешает сосредоточиться на духовном созерцании, — чужеземец! Что ему надо? Почему он с такой настойчивостью пытается проникнуть в сокровенные уголки души? Понять наш народ? Понять, как он говорит, психологию людей, которые при всей своей очевидной слабости не побоялись взяться за оружие, чтобы воевать с его страной. Не напоминает ли этот чужеземец нищего, который требует клейкого риса с плодами бальзамки?² А почему так странно ведет себя Куок? Так долго не виделись, а что-то ничего не рассказывает. Потом попросил представить полковнику Смиту. А когда познакомился с полковником, повел с ним странные разговоры.

На третье или четвертое посещение Нгуен Куок очень почтительно и уважительно обратился к полковнику — он всегда рос почтительным к старшим:

— Господин полковник, у меня к вам большая просьба. Мы с дядей живем небогато, да и время сейчас не

¹ Мит — хлебное дерево, из ствола которого вырезались фигуры буддийских святых для пагод.

² Рис, сваренный с плодами бальзамки, считается деликатесом. Нищий, требующий это блюдо, занимается вымогательством.

для богатой жизни, но хотелось бы хоть немного заработать. У вас много на базе вьетнамцев, может быть, и я пригожусь.

— Из уважения к почтенному Дьему,— ответил полковник,— постараюсь что-нибудь сделать для вас. А что вы умеете?

— Я знаю каноны буддизма,— ответил Нгуен Куок.— Но на этот товар на базе покупателей не найдется.

Полковник засмеялся:

— Ну, разве только один,— полковник показал пальцем на себя.— Хотел бы, чтобы частица ваших знаний перекочевала в мою голову.

— Боюсь, что у вас не найдется времени, чтобы часами зубрить тексты толстых книг.

— Да, вы правы. Но все-таки было бы неплохо, если бы иногда удавалось поговорить на отвлеченные темы. Однако что же вы еще умеете делать?

— Я кончил политехническую школу в Хюэ, и меня хотели послать учиться во Францию, но, честно скажу, надоело сидеть за книгами. Мне бы что-нибудь рядом с машинами, куда-нибудь в ремонтную мастерскую...

— Хорошая специальность,— сказал полковник,— попробую помочь.

И вот уже два месяца Нгуен Куок работает на базе, домой приходит редко, говорит, что очень занят. Машин на базе много, все время где-нибудь нужен слесарь. Иногда полковник Смит приглашает к себе побеседовать. Беседы, говорит, затягиваются допоздна. Полковник все пытается понять, почему вьетнамцы не принимают тех благ, которые им несет Америка. Как ни далек мудрый Дьем от политики, но и он чувствует, что до благ во Вьетнаме далеко. Каждый день американские самолеты летают бомбить Северный Вьетнам. И не скрывают, что хотят поставить Ханой на колени. А почему? Вьетнам — одна страна, один народ. Зачем надо, чтобы Юг стоял на ногах, а Север — на коленях? Разве это нужно вьетнамцам? А что делают власти в Сайгоне с теми, кто поднимает голос против несправедливости? Нет, он не одобряет Тхить Куанг Дыка, который демонстративно сжег себя на центральной сайгонской площади. Но надо как-то сделать, чтобы прекратить преследования буддистов и всех, кто хочет жить спокойно и свободно. А может, прав этот торговец рыбой — Фам Лань, которого привел к нему Нгуен Куок? И где это они успели познакомиться и подружиться? Во время долго-

го ночного разговора Фам Лань вспомнил древнего полководца Ли Тхыонг Киета. «Помните, благочестивый Дьем, какие стихи написал полководец Ли, когда шел на войну против китайской династии Сун?» — «Мне знакомо славное имя, но стихов не помню», — ответил он.

Курительная свеча, стоящая перед алтарем, внезапно вспыхнула с треском и рассыпалась на тысячу мелких искорок, будто подала таинственный знак. «Зачем же, насильники злые, вы пришли наш Юг захватывать? Увидите, как вы будете с лица земли сметены», — прочитал Фам Лань. — Этим стихам, — добавил он, — уже девять веков, а звучат так, будто написаны сегодня. Не находите, мудрый Дьем?» Настоятель видел это сходство, но ничего не ответил. Он привык к неторопливому размышлению и обдуманному ответу.

— Простите, благочестивый Дьем, — услышал он сзади голос и обернулся. Ах, легок на помине этот Фам Лань. Но что это с ним: бледный, на щеке вспухший красный рубец.

— Что с вами, уважаемый Фам Лань? — с трудом скрывая тревогу в голосе, спросил настоятель пагоды.

— Ничего страшного, благочестивый. В наших краях говорят: «Чтобы вырастить чашку риса, надо пролить чашку пота!» А теперь за чашку риса вьетнамец должен платить иногда и кровью.

— Пойдемте, уважаемый Фам Лань, в помещение, — заторопился Дьем. — Сейчас помогу вам, приложу к щеке целебную траву, сразу полегчает.

— Больно, благочестивый, не щеке, а сердцу, — ответил Фам Лань. — Не беспокойтесь.

— Нет, нет, так нельзя, — он взял Фам Ланя под руку и повел в жилую пристройку пагоды.

Деревянные створки двери с облупившейся и потрескавшейся краской жалобно скрипнули, и настоятель вслед за собой ввел в комнату Фам Ланя. Оставив его у порога, он прошел в дальний угол, пошуршал сухими листьями трав и вынес к свету стебелек на тонкой ножке с причудливо изрезанными листочками.

— Сейчас, сейчас будет легче, — разговаривая сам с собой, настоятель опустил стебелек в пиалу с водой и через несколько минут наложил на саднящий вспухший рубец весь стебелек, ставший таким, будто его только сорвали. Фам Лань ощутил незнакомый ароматный за-

пах, а на щеке успокаивающую прохладу.— Придержите рукой, я найду, чем перевязать.

— Не беспокойтесь, это не так страшно,— попытался вмешаться Фам Лань, но настоятель делал свое дело.

— Никто не знает, что страшно, а что нет. Вы меня когда-то удивили стихами полководца Ли. А я вам скажу стихи еще более древние. Их написал Ван Хань. «Человеческий век как молнии блеск: вот есть, вот уже и нет». Вот пришли вы ко мне с этим рубцом. Считайте, что вы есть. А ведь могло быть и хуже,— то ли спрашивая, то ли утверждая, сказал настоятель.

— Могло быть хуже, если бы сдали у меня нервы,— сказал Фам Лань,— намного хуже.

— Да,— проговорил Дьем,— жить — все равно что по скользкому бревну переходить бурный поток. Терпенье и веру надо иметь, чтобы не сорваться вниз. Вы садитесь вот сюда,— указал настоятель на низенькую скамеечку у чайного столика.— Сейчас чай приготовлю,— он неторопливо, словно священнодействуя, отмерял бамбуковой лопаточкой заварку,— чай снимает боль, восстанавливает силы, вселяет надежды в душу.

Столик стоял напротив алтаря Благодетельной Куанэм¹. Горящий фитилек, опущенный в чашечку с маслом, отжатым из семян растения шо, одной из разновидностей конопли, бросал мерцавшие блики на позолоченную фигуру божества. Перед алтарем была расстелена плетеная циновка, заметно вытертая посредине, где совершались дневные моления.

Поставив медный чайник на печурку с углями, мерцавшими в темноте, настоятель стал готовить стол к чаепитию. На лаковом подносе, расписанном цветами и рыбами, стоял заварной фаянсовый чайник с изображением четырех драгоценностей мира: благообразный, с шишковатым лбом старик в расшитом халате был символом мудрости; бритоголовый, круглолицый мальчик, прильнувший к старику, означал юность; представление о счастье давала стройная, словно точенная из слоновой кости, фигура женщины с высокой прической и нежными руками; быstroногая лань, деревья и растения, рядом с которыми была изображена эта группа, символи-

¹ Благодетельная Куанэм — в учении буддистов — бодисатва Авалокитешвара, Подательница счастья. Во вьетнамском пантеоне богов вобрала в себя черты разных культов. В пагодах распространено ее изображение в виде многорукой фигуры, восседающей на цветке лотоса.

зировали вечность. А рядом с чайником, контрастируя с его яркой красно-золотой росписью, выделялась разлитая чашка-пиала с нарисованными синей кобальтовой краской суставчатыми стволами бамбука.

Закипел чайник. Из-под его крышки тугими струйками, с шумом вылетал пар. Настоятель снял его с огня, плеснул несколько капель на пол — большие знатоки по пузырькам отличают кипяток от просто горячей воды. Водой из большой стеклянной бутылки он заполнил второй чайник и поставил его на огонь.

Он еще поколдовал немного с заварным чайником, а потом в небольшие чашечки налил по несколько глотков золотисто-зеленого напитка.

— Вот теперь попробуйте настоящий чай,— пододвинув Фам Ланю чашечку, сказал настоятель.— Если человек устал, чай придаст ему силы. Если встревожен, чай успокоит. Если чувствует боль, чай снимет ее. Если есть тревожные мысли, чай поможет найти выход. Пейте, пожалуйста.

Фам Лань сделал глоток, потом другой и почувствовал, что терпкий, чуть горьковатый напиток действительно влияет на настроение. Наслаждаясь его вкусом, Фам Лань слушал настоятеля.

— Чтобы придать чаю волшебную силу,— говорил он,— еще древние советовали в сосуд, где хранится чай, класть цветы жасмина или розы, клубни нарцисса или ветку пахучей жимолости.

Время от времени мудрый Дьем добавлял в чашечки дымящегося чая, и скоро Фам Лань почувствовал, что живительный напиток восстановил силы, ясность мысли и отчетливое понимание происшедшего.

— Ну, и что же с вами произошло, уважаемый Лань? — мягко спросил настоятель.

Фам Лань мысленно воспроизвел случившееся, почувствовал, как острый озноб пробежал по телу.

— Да вроде ничего особенного. Я сдал рыбу на кухню, получил деньги и несколько сигарет и с пустыми корзинами пошел назад. Почти у самого выхода встретил Куока, перекинулись несколькими фразами, и я вышел за ворота, там повстречались мне несколько вьетнамских офицеров, и майор, очень неприятный на вид человек, сказал, чтобы в следующий раз я свою рыбу приносил на его кухню, а не американцам. Я сказал, что не смогу так поступить, потому что меня не похвалят за это. Он закричал, начал ругаться: «Ах ты, говорит,

красная сволочь, еще возражать, спорить с майором вьетнамской армии. Я тебя научу понимать, что к чему». А потом стеком со всего маху хлестнул по лицу. Трудно было сдержаться, но я сдержал. «Все равно, говорит, я когда-нибудь вздерну тебя на крюк». Не понимаю, что плохого я сделал ему?

Он не сказал настоятелю, какими словами перекинулись они с Нгуен Куоком, какую ценную информацию получил он от своего друга. Не сказал он и того, что в командире батальона майоре Тхао он узнал своего бывшего соученика по школе, директором которой был отец Фам Ланя. Тхао, правда, был старше года на три-четыре и, возможно, не помнил Фам Ланя и потому не узнал в этом бородатом, чуть прихрамывающем человеке, согбенном нуждой, шустрого, всегда хорошо одетого сына директора школы. И все-таки тень опасности коснулась Фам Ланя.

— Не знал я,— сказал после раздумья Фам Лань,— что встречу таких недобрых людей прямо недалеко от пагоды, а то обошел бы это место по большому кругу.

— Не расстраивайтесь, уважаемый Фам Лань, не расстраивайтесь, помните, что и Конфуцию не всегда везло в жизни. А этот майор, кажется, и мне знаком. Как говорится, и рядом с божьим храмом в болоте гадюки водятся. Тут уж ничего не поделать, придется принимать мир таким, каков он есть.

Настоятель покормил Фам Ланя рисом с креветками, а потом предложил постель, устроенную в укромном местечке за алтарем Благодетельной Куанэм.

— Постарайтесь побыстрее заснуть,— посоветовал он,— утром почувствуете себя совсем другим человеком.

Но как ни старался Фам Лань, заснуть не удавалось. Ведь именно сегодня к нему должен был прийти связной. Не попался ли он в руки какого-нибудь майора Тхао? Ладно, подумал Фам Лань, сегодня и завтра еще можно подождать. А потом? Потом придется идти на связь самому по адресу, который дан на крайний случай. Фам Лань с давних пор сделал для себя правилом: крайний случай всегда впереди. «Крайний случай» — это всегда пусть даже неосознанный, но расчет, что тебе помогут другие. Придя к этому решению, Фам Лань успокоился. Самое бы время заснуть, но, как будто кто-то потянул кончик нитки из клубка, возникло в памяти его первое боевое поручение...

Дом был старый, с полупрогнившей крышей, с поко-

сившимися стойками, к которым не очень плотно прилегли позеленевшие от сырости и времени плетенные из бамбуковой драпки маты. Он стоял почти на самом болоте, земля вокруг него была пропитана водой, и на ней уже давно ничего не росло, кроме высокой, ни на что не пригодной травы. Когда-то в доме текла своя жизнь, но, отчаявшись бороться с нуждой и убийственной сыростью, делавшей и без того тяжелую жизнь совершенно невыносимой, люди покинули его и ушли неизвестно куда в поисках лучшего, да так и затерялись в суровом лихолетье войны.

Фам Лань осмотрелся. Розовый луч низко опустившегося солнца пробился через вихрастые головки травы и заглянул в проем двери, как бы высветив убогое жилище. «Ну и назначил место встречи командир,— подумал он,— сюда и заходить-то страшно».

Он не заметил, как в комнату вошел невысокий, худощавый человек в залатанной, неопределенного цвета крестьянской рубаше, босиком, с мотыгой в руках и в изодранной соломенной шляпе на голове. Фам Лань насторожился.

— Ты, что ли, будешь Фам Лань? — бесцеремонно спросил вошедший. — Командир просил передать, что придет позже, какое-то срочное дело свалилось на него. Придется нам посидеть вдвоем.

Что-то не вязалась городская речь с бедным крестьянским обликом, и это настораживало. Незнакомец, видимо, заметил эту настороженность и рассмеялся. Смех был задорный.

— Вот ведь какое дело-то. Сам знаю, что городская речь не к моему костюму,— и он приподнял подол рваной рубашки,— но никак не могу отвыкнуть, тем более что перед товарищами можно и без конспирации. Давайте знакомиться. Меня зовут Люен, бывший студент Ханойского университета, изучал математику, а точнее — собирался стать инженером. Да вот война бросила на другой факультет. А вы, насколько мне известно, хотели стать агрономом?

— Да нет, у меня и мыслей таких не могло возникнуть. Вы с кем-то меня путаете.

Люен опять рассмеялся.

— Ну, видно, нам не будет скучно вдвоем, особенно когда я начну рассказывать о ваших друзьях по факультету,— он подошел ближе, и Фам Лань увидел веселые, добрые глаза.

Как-то сразу ушло подозрение: человек с такими глазами не может быть врагом, и он улыбнулся в ответ. Постепенно забыл об осторожности, когда речь пошла о студенческом времени, которое, казалось, было далеко-далеко, совсем в другой жизни. Давно опустилась ночь, было тихо, лишь сухо шелестели стебли травы да неумолчно, как звон в ушах, трещали цикады.

— Значит, командир не придет, — неожиданно сказал Люен, видно все время думавший об этом. — Ну что ж, и на этот случай он дал мне совет: устроить тебя на ночевку, накормить, а утром он обязательно навестит тебя. Не боишься остаться со мной вдвоем? — спросил он.

— А чего мне бояться? — ответил Фам Лань.

— Ну, в таком случае надо выполнять приказ командира.

Он вышел на улицу и через несколько минут вернулся с большим свертком. Раскатав циновку на сыром земляном полу, он стал, как фокусник, извлекать откуда-то одну вещь за другой. Сначала масляный светильник — как ни скудно его пламя, в жилище сразу стало уютнее. Потом появилась кастрюля, а в ней несколько клубней батата. Вспыхнул костерок, и через каких-нибудь полчаса ужин был готов. Фам Лань, не евший больше суток, почувствовал прилив сил, стал расспрашивать Люена о последних событиях.

Станным показался тогда ему этот парень, который не мог обойтись без шутки даже в самом серьезном разговоре.

— Да, — будто случайно вспомнил Люен, — завтра вечером тебя будут принимать в партию. Ты готов ответить на вопросы товарищей?

Сон, который уж совсем подкрался к уставшему от дальней дороги и неожиданных приключений Фам Ланю, начисто испарился. Он слышал ровное дыхание заснувшего товарища, шелест сухих листьев за стенкой, крик полуночной птицы и биение своего сердца. Все мысли только и вертелись вокруг завтрашнего собрания.

Утром пришел командир. Фам Лань, вернувшийся из соседней провинции, куда носил пакет, склеенный из куска оберточной бумаги, рассказал, что видел на пути, где крупные вражеские опорные пункты и блокпосты, которые приходилось обходить стороной, что говорят в деревнях, где он останавливался под видом батрака, ищущего работы. Командир похвалил его:

— А ты можешь стать хорошим разведчиком, Фам Лань. Глаз у тебя зоркий, память хорошая — да и почему бы ей быть плохой в твои годы, — находчивость замечательная. Об этом я тоже скажу сегодня вечером товарищам.

Никогда не забудет Фам Лань того далекого вечера. На конспиративной явке на окраине города, когда за принятие в партию Фам Ланя единогласно проголосовали все товарищи, неожиданно нагрянула полиция, поднялась стрельба, жандармы ворвались в дом и арестовали всех, кто не успел скрыться. Хорошо, что в те дни обходились без протоколов и потому самых явных улик полиция не получила. Однако в полицейском управлении, которым управлял местный помещик, их всех без всякой проверки объявили коммунистами и под сильным конвоем, в деревянных колодках на шею послали по этапу в провинциальный центр. Там были мастера сыска уже более высокого ранга, они-то и опознали командира. Фам Ланю дали двадцать батонов, чтоб не связывался с кем не следует, и отпустили.

Фам Лань, как и предсказывал командир, стал разведчиком. Он умел налаживать связи с населением, находить помощников всюду и проникать в самые, казалось, недоступные места. И именно ему было дано задание проникнуть за колючую проволоку мощного вражеского поста, узнать численность гарнизона, подготовить нападение на него. Под видом торговца рыбой он впервые появился перед бетонной будкой часового, за что чуть не поплатился жизнью: к счастью, пуля только обожгла висок. На выстрел часового выбежали солдаты и вдоволь насмеялись над перепуганным торговцем. Проверили его, прощупали каждую складку небогатого крестьянского одеяния, а потом рыбу взяли и велели приносить еще.

Полтора месяца Фам Лань изо дня в день носил по корзине отборных золотистых рыбин. Сначала к проходной подпускали его с недоверием, а потом, когда он угостил нескольких офицеров жареной рыбой собственного приготовления, Фам Ланя стали приглашать и вовнутрь. К нему привыкли, он стал как бы помощником повара, готовил изысканные блюда, которые нравились офицерам, часто устраивавшим пирушки. Через какое-то время он порекомендовал нового торговца рыбой, а сам стал вторым поваром. Новый торговец оказался веселым и разбитным. Солдаты со смеху покатывались;

когда он изображал вьетнамских партизан в лицах. Этим торговцем был Люен, теперь — комиссар партизанского отряда.

Два месяца друзья изучали систему обороны, подступы, слабые точки укрепленного поста, закладывая при случае взрывчатку в наиболее важных местах.

Не забыть Фам Ланю, как проводился штурм опорного пункта. Сигналом к нему должен был стать взрыв внутри укрепления, куда Фам Ланю удалось провести Люена ночью. Взрыв потряс окрестность. В проломы бросились партизаны и легко овладели укреплением, поскольку в панике противник не смог организовать оборону.

«Я бы сотни вражеских жизней не обменял на одну жизнь Люена», — подумал сейчас Фам Лань. О гибели друга он узнал позже, когда лежал в партизанском госпитале.

Загасив окурок, Фам Лань снова лег на циновку, думая о своем нынешнем положении. Опять он — торговец рыбой. Только задание теперь другое. Вживаться и вживаться, по крупинкам собирать сведения, узнавать о намерениях врага, сообщать об этом командованию, чтобы можно было нейтрализовать, а повезет — так и срывать акции противника. И главное — сделать так, чтобы ни на один день врага не покидало чувство опасности. Пусть у него много всяких боевых машин и самого страшного оружия, но ведь управляют всем этим люди. На них, на их психику надо действовать, идя на любую операцию — большую и малую.

Фам Лань вспомнил давно, еще в детстве, виденную картину: маленькие ласточки, окружив стервятника, начали атаковать его со всех сторон, не давая ни показать свою силу, ни спастись бегством. Доведенный до отчаяния, стервятник бросился вниз к земле, надеясь ускользнуть от назойливых преследователей, но не удалось. Видимо, потеряв ориентировку, а может быть, не рассчитав своих возможностей, он врезался в рисовое поле. Фам Лань с ребятами едва вытащили его, так глубоко он завяз в покрытой водой земле.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Жаркая тропическая ночь без сумеречных полутонов опустилась на землю, но в изнуряющую духоту, пропитанную пьянящими запахами леса, она не принесла ни

облегчающего дуновения ветерка, ни спасительной прохлады. Яркая половинка месяца, похожая здесь, южнее тропика Рака, на серебряную лодку, ныряя в редкие прозрачные облака, плыла по бархатному простору неба.

На невидимую узкую горную тропу, и днем-то едва заметную сквозь густую зелень леса, начали выходить после дневного привала роты полка особого назначения. Слышались негромкие разговоры, тихонько назывались фамилии, раздавались команды. Скоро тропа, совершенно безжизненная в дневное время, наполнилась звуками, свойственными передвижению большой массы людей. Как ни осторожно было их движение, но то и дело тишину нарушал резкий металлический звон, то сдерживаемый кашель, то совершенно неожиданный приглушенный вскрик, казавшиеся особенно громкими в этой как бы искусственно сдерживаемой тишине.

Солдаты с вещевыми мешками и сумками за спиной, с винтовками и автоматами, висящими на шее, в тропических шлемах, кто в резиновых тапочках, кто в ботинках, кажется, неторопливо, но споро шли по одному, а где позволяла дорога — и по двое. Полушепотом передавались по цепи предупреждения об опасном повороте или глубокой выбоине на тропе. Шли с недолгими привалами, которых хватало только на то, чтобы выкурить одну сигарету на несколько человек да немного посидеть или полежать, расслабиться после нелегкого марша. Незадолго до восхода солнца подразделения подтянулись к конечному пункту, намеченному на карте как высота 595,7, которая у местного населения с оттенком торжественности и юмора именовалась Троном небожителей. «Трон» представлял собой идеальное место для наблюдения за дорогой, идущей от морского порта к базе. Вдоль дороги, в нескольких километрах друг от друга, располагались охранные подразделения противника. Перед ними была поставлена задача — не допустить ни одного случая диверсий на магистрали, по которой на базу будут поступать строительные материалы, оружие, боевое снаряжение, продовольствие.

По сообщениям, полученным от разведчиков, командование сил освобождения знало, что в ближайшее время из порта, где пришвартовался огромный японский транспорт «Йокогама-мару», начнется переброска стальных плит и оборудования для монтажа на территории базы взлетной полосы, способной принимать тяжелые

самолеты. Это вторая очередь аэродрома, с которого обычные самолеты уже летали бомбить Северный Вьетнам.

Изучив обстановку, командование пришло к решению начать диверсионные акты на магистрали, чтобы тормозить, насколько возможно, ход строительства. Для выполнения задания был выделен полк, бойцы которого прошли специальную подготовку и могли действовать в самых сложных и трудных условиях.

Полковник Фыонг, на которого было возложено общее руководство операцией, за время марша успел познакомиться с офицерами полка. Он видел сейчас их посуровевшие лица. Даже лицо комиссара полка, которого он хорошо знал уже многие годы, было неузнаваемым. Резкие, обострившиеся черты, ввалившиеся щеки будто принадлежали другому человеку. Но если бы полковник имел возможность взглянуть на себя в зеркало или со стороны, он вряд ли угадал бы и свое собственное лицо: долгие и трудные переходы, бессонные ночи, скудное питание — все это в такой же степени отразилось на нем, как и на всех остальных.

Во время дневок он обстоятельно рассказывал командирам, а те своим бойцам, какие намерения американского командования скрываются за строительством мощных опорных баз по всей территории Южного Вьетнама. Начав бомбардировки территории ДРВ и активизируя боевые действия южнее 17-й параллели, Соединенные Штаты, с одной стороны, угрожают самому существованию Демократической Республики Вьетнам, а с другой — намереваются потушить пламя народной борьбы, принимающей на Юге все более широкие размеры.

— Американцы, — говорил полковник, — исходят из того, что наращиванием своего военного участия в войне сумеют запугать нас, задавить техникой. Конечно, мы не имеем права легкомысленно относиться к американской мощи, но и оснований для паники не должно быть. Нам будет нелегко бороться с агрессией, но на нашей стороне великая правда. Перед отправкой к вам со мной долго беседовал министр обороны. Он сказал, что американцы постараются уже в ближайшие месяцы предпринять демонстрацию силы. Для этого они создают новые военные базы на территории Южного Вьетнама, шлют дополнительно крупные подкрепления сайгонскому режиму, и, видимо, не очень долго придется ждать, когда американские войска станут главной силой в военном

столкновении. Но, учитывая опыт, который накопили наши бойцы на Юге, американцы по-прежнему будут составлять свои планы, привязывая их к сухим сезонам, потому что они дают больше простора для применения технических средств. Что касается нас, то мы должны бить врага в любой сезон года — как в сухой, так и в дождливый. У нас есть большое преимущество перед противником. На нашей стороне жаркий климат, тропические тайфуны, знание условий и местности. И самое главное — на нашей стороне поддержка народа.

На одном из привалов зашла речь о том, как партизаны, а потом бойцы регулярных частей применяли особые методы борьбы с солдатами французского экспедиционного корпуса в войне Сопротивления.

— В этом отношении у нашего народа большой опыт. Еще наши предки, воюя с китайцами, применяли ловушки, которые наводили на солдат противника панику, — сказал командир полка майор Буй Тхань. — Да и солдаты французского иностранного легиона так и не научились обнаруживать ни наших ловушек, ни самодельных мин.

— Верно, — поддержал его комиссар, — помнишь, какие удавки мы делали на лесных дорогах? Идет солдат, ничего не подозревая, и вдруг задевает ногой за сторожок и взлетает вверх с переломанным позвоночником. Сторожок-то вел к пригнутому к земле бамбуковому стволу. Конечно, это оружие — не бомба, не пулемет, но оно подавляло морально, потому что неизвестно, когда и чья будет очередь взлететь вверх или провалиться в яму с острыми колями.

— А теперь надо заставить американских солдат бояться наших рисовых полей, наших лесов, каждой ветки на дорогах, — сказал майор.

— Опыт наших воинов в дельте Меконга и в провинции Тэининь тоже очень показателен, — добавил полковник Фьонг. — Враг, конечно, силен, ничего не скажешь. Но он привязан к вертолетам, бронетранспортерам. А когда его солдаты остаются одни, они становятся похожими на мух, попавших в густой рисовый отвар. Не рота, не взвод, а всего лишь несколько бойцов могут посеять страх в сердцах противника. Он и дрогнувшую лиану будет принимать за тигра. И представляете, как тот, кто побывал в таких переделках, будет рассказывать новичкам о том, что их ожидает. В десять, в сто раз им покажется страшнее то, о чем они не имеют

представления. И ведь никакой инструкции, как избежать опасности!

— Вот-вот,— поддержал комиссар полка,— никакой инструкции. А я так подумал: какие письма будут писать из Вьетнама те, кто не только сам испытает, а просто от других услышит о нашем оружии. Там родные за голову будут хвататься от боязни за своих детей. Так простенькое изобретение наших предков станет поражать врага.

— Верно,— сказал полковник Фыонг.— Генерал Зи-ап так и сказал, когда беседовал со мной перед отправкой сюда. Война в Южном Вьетнаме — это два залпа: один по врагу здесь, на вьетнамской земле, а снаряды второго залпа будут рваться в гуще американского общества. Конечно, нашему народу тоже будет трудно: сдерживать противника на Юге и отражать налеты американских бомбардировщиков на Севере, особенно когда у нас не хватает современного оружия. Но обстановка не всегда будет оставаться неизменной. Придут к нам на помощь друзья,— сказал он,— будут у нас и современные самолеты, и танки, и ракеты, и знаменитые «катюши», и тогда настанет наша очередь планировать большие операции. Об этом, сказал, ты и передай товарищам на юге. А пока наша задача — дать почувствовать врагу, что ему не укрыться ни на каких базах, ни за какими укреплениями.

— Товарищ полковник,— спросил командир отряда саперов,— а как родилась идея нашей операции?

— Думаю, что вы не сомневаетесь,— ответил полковник,— что в тылу у врага, на его стройках, работают наши товарищи. Мы не знаем их имен, не знаем, где они находятся. Но через них командование получило информацию, что идет строительство мощной базы Фусань. Они же и просили организовать серию диверсий на трассе из порта. Это будет практически первый наш удар непосредственно по американцам. Мы, конечно, не сможем сорвать строительство базы, но затормозить хоть немного, нанести врагу материальный ущерб — это в наших силах. Мы должны показать врагу, что мы знаем его планы и будем всячески мешать их выполнению. Итак, наша армия, ваш полк в частности, начинает новую страницу борьбы. Это будет война с самым сильным врагом. Как бы трудно ни пришлось нам, мы победим. Но сначала, как говорят у нас в народе, чтобы краб не убежал, ему надо обломать клешни.

— Вот посмотрите,— развернув карту, сказал уже командир полка, проведя карандашом по карте с востока на запад,— это и есть та самая магистраль, о которой говорил товарищ полковник. Здесь нам предстоит нанести удар по колесным автомашинам с важными грузами для базы.

Командиры внимательно рассматривали карту, обмениваясь замечаниями.

— Ясно, товарищ майор, местность подходящая,— сказал наконец командир саперного отряда.

— Да,— согласился майор,— местность выбрана удачно, хотя подходы к ней очень трудные. Дело осложняется тем, что, спустившись вниз, к магистрали, у взрывников практически не будет возможности уйти, если их обнаружит противник. Они могут принять бой в крайне невыгодных условиях. Временно взрывники могут найти спасение, укрывшись в расселинах. Но, повторяю, лишь временно. А потом с базы прилетят вертолеты. Бомбами или напалмом они сожгут все вокруг. И еще одно надо напомнить: что любая наша ошибка может стать причиной срыва задания. Поэтому нужна тщательная подготовка и осторожность. Отряд капитана Нгуен Нама уже этой ночью начнет тренировки по спуску к магистрали. Понятно?

— Понятно, товарищ майор,— отозвалось несколько человек.

— А раз понятно, то надо приступать к делу, не теряя времени. Очень важно выбрать хорошие позиции для артиллеристов и минометчиков. Наши скромные огневые силы необходимо разместить так, чтобы они могли принести наибольший урон, когда на дороге создастся пробка. Да, товарищ капитан,— сказал майор, обращаясь к Нгуен Наму,— выделите из своей группы самого опытного парня, которого мы пошлем навстречу минометчикам и артиллеристам. Может быть, Лыонгу поручить? Парень он выносливый, а налегке дорога будет для него не очень трудной. Он и подбодрит их, и проводником будет хорошим.

— Лыонг подойдет,— согласился капитан.— Сейчас покормим его получше, соберем запасов на дорогу и отправим.

Лейтенант Лыонг проделал путь навстречу огневым взводам даже быстрее, чем предполагал. Он встретился с ними, когда они уже разместились на дневку, и не успел рассмотреть их хорошо замаскированное снаря-

жение. Но перед вечером, увидев, какие грузы они вытаскивают из укрытий, был поражен. «Как же они пойдут с такой ношей?» — удивился он про себя, вспомнил дорогу, по которой сам прошел уже дважды. То, что она показалась трудной первый раз, — естественно: у него за плечами было килограммов тридцать — цинковые коробки с патронами, гранаты, вареный рис. Но и во второй раз, когда он шел один, ему тоже было нелегко. Но как с таким грузом идти ночью, и не просто с грузом, а грузом неудобным, — он не представлял. С сочувствием следил он, как солдаты-носильщики подвешивали к кобрышам ящики со снарядами и минами. По два бойца понесут на бамбуковых шестах опорные плиты 82-миллиметровых минометов, оружейные и минометные стволы, котлы для приготовления пищи.

— Неужели донесете? — спросил он.

— А мы в отличие от вас, штабников, — язвительно ответил кто-то из солдат, — никогда налегке не ходим. Мы все несем с собой: и чем есть, и чем бить.

Услышав, как его обозвали «штабником», Лыонг хотел обидеться, потому что знал, что такое тяжелые марши с нелегкой ношей за плечами. Однако обиду не высказал, понимал: «обидевший» не знал, сколько километров отшагал «штабник» за последние несколько суток. Он поймал себя на мысли, что очень тепло думает об «обидчике», ему же с напарником тащить эти тяжеленные снарядные ящики.

— Ты не ворчи, — добродушно произнес Лыонг, протягивая артиллеристу тоненькую сигарету. — Штабным, как ты говоришь, тоже достается и горячего и холодного. А уж про меня-то и говорить нечего. Ты давно в армии?

— Второй год, — разгибаясь, ответил артиллерист и взял сигарету из рук Лыонга.

— Вот-вот. Второй год — и уже критикуешь. А я за свою солдатскую жизнь перетаскал больше, чем вся твоя деревня весит. И молчу. Ты откуда сам-то?

— Из Хонгая. Слыхал?

— Еще бы! Шахтер, что ли? Вон ручищи-то какие. Лопата саперная, а не ладонь.

— Уголь в шахте рубить со слабыми руками не берут, — ухмыльнулся артиллерист. — У тебя-то они вон понежнее.

— Может, померяемся силой, а? — предложил Лыонг. — Я, конечно, в шахте не работал, зато ты «трону

Хо Ши Мина» не прокладывал, а я ее до последнего поворота знаю. Это тебе не прогулка с ящиками на комысле.

К их разговору стали прислушиваться. Подошел и комиссар батальона с тяжелой суковатой палкой в руках, легонько прихрамывая. Форма на нем была сильно помята, испачкана; а разорванные брюки небрежно сшиты. Заметив внимательный взгляд Лыонга, комиссар смутился.

— Вчера ночью,— будто оправдываясь, сказал он,— сорвался под откос передок орудия. Пришлось вытаскивать. А он еще раз сорвался, чуть не придавил насмерть, еле увильнул от удара.

— Это мне хорошо знакомо,— сказал Лыонг.— Когда мы прокладывали «тропу Хо Ши Мина», такие случаи у нас бывали довольно часто. И гибли люди. Такая дорога не может быть без риска,— трудно понять, имели ли он в виду «тропу Хо Ши Мина» или эту вот дорогу, по которой надо идти.

— Вот что, дружище, расскажи-ка про это. У нас дотемна еще есть время. Сейчас соберем всех, кого можно, и Расскажи. Хотя у нас тут ребята хорошие, но в войне пока участвовали единицы. Про «тропу Хо Ши Мина» мы, конечно, слышали, но никто на ней не бывал. Ну, как?

— Какой я рассказчик, товарищ комиссар?

— А ты как солдат солдатам Расскажи.

Лыонг совсем не думал о таком повороте дела, когда спорил с артиллеристом. Вышло же вот как!

«Придется рассказать о своем батальоне. Не зря мы боевой орден получили за строительство «тропы Хо Ши Мина»,— подумал он, увидев, как стягиваются со всех сторон бойцы.

— Под Дьенбьенфу,— начал Лыонг,— мне, к сожалению, воевать не пришлось. Мне тогда было пятнадцать лет. На фронт не взяли, но винтовку выдали. Как ополченцу. Мы с ребятами охраняли свою деревню, боялись, легионеры ворвутся. А после школы пошел в армию. Кончил военное училище. А из училища — семнадцатая параллель. Стали доходить до нас слухи, что на Юге марионетки свирепствуют, душат революционные базы, людей — бойцов и мирных жителей — уничтожают безжалостно. По всему Югу стали вспыхивать восстания. Но трудно приходилось восставшим. Они вынуждены были отступать в джунгли и болота. Им надо

было помогать всем — оружием, питанием, лекарствами. По дорогам не пройти — над ними самолеты висят день и ночь. И тогда дядя Хо посовещался с военными — и они нашли выход: построить дорогу по горам Чыонгшон. Со всей армии на стройку собрали инженеров, а рядовыми строителями стали только добровольцы. Знали, как трудно придется, не каждый выдержит. Меня взяли. Назначили командиром взвода. Но только не было у нас разницы между бойцами и командирами, все работали одинаково. Сначала дорогу называли «шоссе Чыонгшон», потом ей дали номер, но постепенно старые названия забывались, появилось новое — «тропа Хо Ши Мина».

Память вернула его к тем дням, когда в мае 1959 года строители, вооруженные мотыгами, лопатами, ломami, начали от берегов реки Ка в провинции Нгетинь движение на юг. Предстояло пройти тысячу с лишним километров вдоль хребта Чыонгшон, покрытого джунглями, вести строительство, маскируя массу людей, а потом и готовые участки дороги. Лыонг вспоминал, как трудно врубались в скалы, отвоевывая узкую полосу у гор. И никаких машин — только руки. Рубили камень, убирали завалы, продирались сквозь джунгли, перетаскивали в корзинах, мешках, на вытянутых руках тонны камня и земли. Срывались с круч, гибли под каменными обвалами.

— Когда вошли в горы, — сказал он после некоторого молчания, — думали, что не одолеть их. Но тут на помощь пришли горцы — мужчины, женщины, парни и девушки. Они были проводниками в горах, подсказывали, где лежат охотничьи тропы, которые можно расширить. Все время было тяжело. Но почти невыносимо становилось в сезон дождей, когда, как говорят горцы, гниют и деревья и земля. Дожди были такие, что вытяни руку — и пальцев не увидишь. Один неверный шаг на скользких камнях — и нет человека. Но работа не прекращалась. Часто ночь заставляла в самых неудобных местах, и тогда приходилось прижиматься спиной друг к другу и дремать вполглаза, чтобы не свалиться в пропасть с узкого уступа. И малярия... Сколько хороших парней вывели комары из строя.

Сначала, — услышал свой голос Лыонг, — мы прорубили тропу вплоть до города Локнинь, в ста километрах от Сайгона. Она была опасной и трудной, но это уже была связь с Югом. По тропе пошли носильщики, а

строители начали расширять тропу, делать из нее настоящую дорогу. Теперь уже на ней есть места отдыха, ремонтные мастерские, пункты снабжения. Все это надежно укрыто в джунглях, в горных складках. Есть телефон, насосные станции для перекачки горючего. Сейчас уже по «тропе Хо Ши Мина» тяжелые грузы доставляют не только носильщики с коромыслами на плечах, но и прирученные слоны, скоро, думаю, по всей длине ее будут ходить автомашины. Мы еще услышим о тропе дяди Хо, когда начнем громить американцев на Юге,— закончил Лыонг.

— Ну, спасибо тебе, товарищ,— сказал комиссар,— большое спасибо. Теперь, пожалуй, пора выходить и нам на свою тропу. Представим, товарищи, что это «тропа Хо Ши Мина». Прошу соблюдать осторожность и бдительность. Первыми отправляются носильщики со снарядами и минами. С интервалом час-полтора идут артиллеристы и минометчики. Замыкают колонну зенитные пулеметчики.

Лыонг шел впереди, почти ощупью отыскивая путь. Он думал, насколько же труднее идти первому, и старался, чтобы следующие за ним вовремя получили предупреждение об опасности.

— Осторожно,— тихо произнес он,— начинается спуск, а потом — крутой подъем. Тропа каменная, не поскользнитесь,— и слышал, как по цепочке уходили назад его слова, постепенно теряя четкость, будто перекатывались камешки по деревянному желобу.

К своему пробковому шлему Лыонг приделал кусок ярко светящейся гнилушки, которая мерцала в темноте, давая идущим вслед за проводником хоть какой-то ориентир.

Дорога становилась все тяжелей, подъем следовал за подъемом. Люди устали. Было слышно прерывистое, напряженное дыхание. На узкой каменной тропе то и дело кто-нибудь поскользнулся, падал. Раздавался звон металла.

— Тише,— слышалась команда.— Скоро привал.

Лыонг всем существом чувствовал, как врезаются в плечи концы бамбуковых коромысел, на которых непомерной тяжестью висели снаряженные ящики, детали минометов, пушек, зенитных установок.

— Много еще таких вот отрезков то вверх, то вниз? — спросил его комиссар, с каждым километром все тяжелее опиравшийся на палку.

— Сюда шел — насчитал восемь, а с такой ношей, как у ребят, — и побольше будет. Пожалуй, можно удвоить

— Хорошо, что ты такой шутник, лейтенант. С шуткой легче и жить, и воевать.

— Это... — хотел что-то сказать Лыонг, но, ослабив внимание, зацепился ногой за корень лианы, упал, громко ойкнув.

— Что с тобой, лейтенант? — тихо спросил комиссар, пытаясь в темноте нащупать упавшего.

— Ничего серьезного. зуб чуть не выбил, а нос, кажется, здорово расплющил, прямо на корягу угодил.

Колонна замедлила движение, а потом совсем остановилась. Послышались тревожные вопросы.

— Привал! — скомандовал комиссар. — По десять минут на человека, — шутливо добавил он.

И снова трудный подъем, снова кто-то вскрикнул при падении. Казалось, не будет конца этому изнурительному пути.

— Товарищи, — говорил на привале комиссар, — я понимаю, как тяжел этот марш. Но вспомните, как шли наши товарищи через хребет Чыонгшон, прокладывая «тропу Хо Ши Мина», какие лишения терпели они, и, может, вам станет легче.

— Мы-то все понимаем, — сказал кто-то в темноте, — но плечи и ноги не хотят понимать.

— Да и желудок не очень сознательный, — добавил другой.

— А ты уже есть захотел? Вот удивительно! Еще и суток не прошло, как обедали, и уже есть хочешь.

Лениво переговариваясь, бойцы пытались и за шуткой скрыть усталость.

— Долго еще топать-то нам?

Лыонг понял, что вопрос адресован ему, а с тех пор, как, заменив ослабевшего бойца, взял на спину ствол миномета, совсем потерял счет километрам. Болели плечи. Болело все тело, особенно поясница. И все-таки он нашел в себе силы пошутить:

— Долго ли идти, спрашиваешь? Чуть поменьше того, что осталось.

— Как это?

— А вот так. Через час луна появится прямо над дорогой, и идти будет легче, и дорога короче.

— Да, — мечтательно произнес кто-то, — лунная ночь — как вареный рис: всегда кстати.

— Особенно рис был бы кстати сейчас, даже больше, чем луна на небе.

— Ничего, друзья,— вмешался комиссар,— придем на место прямо к горячему рису.

— Не к тому, что в пулеметных стволах готовят? Солдаты засмеялись.

Это обрадовало комиссара: если бойцы не потеряли вкус к шутке, сил еще много.

Луна взошла над головой, действительно облегчив марш, потом ушла в сторону, снова погрузив все во мрак. Когда совсем немного оставалось времени до восхода солнца и сил, чтобы двигаться вперед, колонну встретили офицеры командного пункта.

— С прибытием, товарищи. Сейчас нужно побыстрее установить боевые средства на огневых позициях и — завтракать.

— Это сколько же займет времени, пока приготовишь позиции на такой земле? Еще сутки прокопаться.

— Поесть, поспать, а потом можно и камень долбить.

— Вот и пришли к горячему рису.

— Не волнуйтесь, товарищи,— сказал офицер штаба,— мы постарались облегчить ваше положение. Огневые позиции выбраны, отрыты. Вам только установить свое оружие. Пока будете это делать, вам приготовят завтрак. А потом хорошенько отдохнете.

Подстелив под себя наломанные ветки, траву, а то и просто на голой земле, укрывшись кто чем мог, спали бойцы-носильщики, положив головы на снарядные ящики, и видно было, что разбудить их сейчас не способна никакая сила.

Надо было бы бойцам пару дней отдохнуть хорошенько, не удалось. Уже на следующий день на командный пункт сообщили, что из порта вышла колонна грузовиков. Впереди колонны и замыкая ее, шли по два бронетранспортера с охраной.

Командиры еще и еще раз проверяли готовность подразывников, минометчиков и артиллеристов. Огневые взводы — расчеты двух легких пушек и четырех минометов — не обнаружили бы никакой воздушный разведчик, — так хорошо были укрыты их позиции.

— Ваша задача,— сказал полковник Фьонт командирам огневых взводов,— в самое короткое время выпустить наибольшее количество снарядов и мин. И не в

пустоту, а по колонне, чтобы нанести больший урон. Когда колонна остановится перед разрушенным мостом, вам нельзя терять ни секунды. Сразу огонь вдоль колонны. Думаю, что противник не даст нам много времени. Минут десять — пятнадцать. Если повезет — полчаса, а потом придется покинуть позицию и уходить из-под огня.

— А минометы и пушки? — спросил один из офицеров.

— Главное — увести людей. За вашими стволами можно вернуться потом, если будет возможность. Главное — спасти расчеты. А вот вам, — сказал полковник, обращаясь к командиру отряда зенитчиков, — придется тяжелее. Американцы наверняка бросят сюда вертолеты. Значит, с ними вам сражаться один на один. Знают ваши ребята, что делать?

— Знают, товарищ полковник. Мы все обстреляны в Вине. Правда, с вертолетами воевать пока не приходилось, но с самолетами дело имели. Не подведем, товарищ полковник.

По походной рации передали, что колонна прошла пятидесятый километр. Остался час томительного ожидания. Но еще задолго до истечения этого времени на командном пункте услышали глухой нарастающий гул.

— До встречи с вами осталось пять километров, — доложили с дальнего наблюдательного пункта.

То, что цель становится все ближе, можно было уже не говорить. Гул моторов рвал застоявшуюся тишину, земля гудела и легонько подрагивала.

На небольшой скорости, ошетинившись во все стороны пулеметами и автоматами, первыми шли бронетранспортеры охранения, будто прощупывая круглыми зрачками стволов поросшие лесом скалистые горы, нависшие над дорогой.

С наблюдательного пункта на Троне небожителей было видно, как из остановившихся бронетранспортеров выпрыгнули несколько солдат в пятнистой форме и направились к мосту.

— Приготовьте ракету, майор, — спокойно сказал полковник, не отрывая от глаз бинокля, — если они обнаружат заряды, действовать по варианту «Опасность».

Автоматчики, не очень торопясь, стали осматривать мост, потрогали перила, прошлись взад-вперед. Офицер, сидевший в кабине бронетранспортера, высунулся из открытой двери и, энергично жестикулируя, отдавал ка-

кие-то приказания. Два автоматчика лениво и неуклюже стали спускаться с крутой насыпи вниз. Вот они скрылись. На дороге все замерло, только сердито урчали мощные моторы остановившейся колонны. Над колонной поднимался сизый дымок выхлопных газов. Шофера стали выпрыгивать из кабин, приседать, разводить руками, делать короткие пробежки. И вдруг длинная автоматная очередь.

— Сигнальную ракету! — тихо отдал приказ полковник, и почти сразу грохнул, отдавшийся долгим эхом, взрыв. Еще висела вздыбленная земля, еще падали сверху куски бетона, досок, а машины уже начали пятиться от моста. Как раз в это время взрыв раздался далеко сзади.

— Товарищ полковник, — сказал, не снимая с головы наушников, радист, — из уцелевшего бронетранспортера идет передача. Сообщают о нападении партизан. Вызывают срочную помощь.

Дорогу затянуло дымом, столбами огня и земли. Горели машины, суетились вражеские офицеры, организуя оборону. Внезапность ошеломила противника, он растерялся.

— Товарищ полковник, — стараясь перекричать грохот стрельбы, докладывал радист, — с базы вылетело 6 вертолетов «кобра» и один «хог». Они будут здесь через десять — пятнадцать минут.

— Есть еще время, — спокойно заметил полковник, прислушиваясь к стрельбе огневых взводов, позиции которых были километра в полтора длиной вдоль дороги. И на этом расстоянии колонна находилась под прицелом.

«Интересно, сколько машин мы захлопнули в ловушке? — подумал полковник. На участке, прилегающем к мосту, до поворота, скрывающего дорогу, полковник видел десятка полтора. — А что дальше?»

Думая об этом, он пытался представить, что произойдет здесь в самое ближайшее время. «Кобры», конечно, серьезные машины, думал он. Со всех сторон пулеметы, да из дверей наверняка будут вести огонь автоматчики. Но с «кобрами» мы еще поборемся, наши крупнокалиберные зенитные пулеметы тоже кое-чего стоят. А вот «хог» — это уже очень серьезно. Все-таки сорок восемь ракет — по двадцать четыре с каждой стороны, — не шутка. Полковник посмотрел на часы. Времени для обеспечения безопасности людей оставалось

немного. С вертолетов сразу заметят огневые позиции и обрушатся на них всей мощью.

— Давайте сигнал на отход, товарищ майор,— сказал полковник,— через пять минут будет ад.

— Как быть с оружием? — спросил майор.

— Мы договорились же: оставлять все на месте и уводить людей подальше.

— Жалко бросать.

— Сейчас главное — спасти людей. Не мешкайте, подавайте команду.

Взвились две ракеты подряд. Сразу смолкла стрельба, и майор с удовольствием отметил понимание командирами приказа и их дисциплинированность.

— Разрешите, товарищ полковник, я пойду к зенитчикам.

— Идите, только будьте осторожны. Не подставляйте голову под пули. Она еще пригодится.

— А вы, товарищ полковник?

— Я останусь пока здесь. Ничего со мной не случится, здесь надежное укрытие.

— Вы же сказали, что тут будет ад. Лучше бы уйти подальше отсюда.

— Последите, товарищ майор, как уходят в укрытие минометчики и артиллеристы, и помогите зенитчикам. Встретимся вечером северо-восточнее высоты 382. В крайнем случае утром. Спешите, майор, сейчас вертолеты будут над нами.

— Товарищ полковник,— произнес радист,— из бронетранспортера командуют вертолетам разделиться на две группы. «Хог» будет атаковать нас, остальные пойдут вдоль дороги и по ущелью.

— Все правильно, товарищ Ань, другого и ожидать нечего. Укройся получше.

«Хог» со страшным грохотом появился над высотой в сопровождении двух «кобр». Экипаж тяжелого вертолета не спешил открывать огонь, зато с «кобр» летели очереди зажигательных и разрывных пуль. Летели наугад, поджигая сушняк, наполняя все вокруг невообразимым треском. «Хог» пролетел вперед, потом развернулся, накренившись набок, снизился, чуть не задевая верхушки деревьев. С правого борта полоснули две огненные стрелы.

Укрывшись под накатом, полковник наблюдал то за воздухом, то за дорогой. Колонне, как видно, был нанесен серьезный ущерб. Первая от моста машина свали-

лась с откоса и горела. Длинный прицеп со стальными листами валялся внизу. Полированные листы, точно зеркала, блестели под ярким солнцем. А дальше все было затянуто черным дымом, сквозь который прорывались языки пламени.

«Ну что ж,— подумал полковник,— первый шаг сделан хорошо. Начинаем обрубать клешни крабу».

Над головой один за другим пролетали «кобры», ведя отчаянный огонь. Полковник вжался в стенку укрытия. Ракета, выпущенная с «хога», взорвалась в десяти метрах от наката, не причинив ему вреда.

— Не высовывайся, Ань! — сердито крикнул полковник, увидев, что радист вылезает из-под укрытия.

— Сбили, товарищ полковник, сбили! — закричал радист и от радости запрыгал на месте. — Падает! Сейчас рванет!

Полковник выглянул из-под наката и успел заметить, как вертолет, разваливаясь на две части, на которых еще, независимо друг от друга, вращались лопасти, врезался в скалу. Пламя, дым, град камней.

— Молодцы! — кричал радист. — Вон еще летят, сейчас получат свое.

«Кобры» летели почти на бреющей высоте. Они ошестинились иглами огненных трасс. В этом невообразимом треске моторов, пулеметных очередей, горящих деревьев полковник отметил, что огонь ведут две зенитные установки. Две же другие молчат. «Тяжело ребятам приходится», — подумал он и пригнул голову: казалось, пулемет строчит прямо по нему. Вертолет завис над самой головой, и с правого борта шел сплошной огненный ливень. Падая плашмя в укрытие, полковник заметил, как странно развернулся на месте радист, посмотрел широко открытыми глазами вверх и, раскинув руки, упал на спину.

— Ань! — крикнул полковник. — Ань, что с тобой!

Он подполз к радисту, не обращая внимания на огонь, потянул его в укрытие. Радист был прошит пулеметной очередью.

«Только что радовался,— подумал полковник,— и вот уже нет парня...» Он вспомнил, как они вместе шли по «тропе Хо Ши Мина», сколько перенесли трудностей. Неунывающий, не знающий усталости, всегда собранный и дисциплинированный. Ань стал для полковника хотя и не старшим, но настоящим братом¹.

¹ Игра слов: Ань — фамилия и Ань — старший брат.

«Хог», пролетев над самой головой, взял курс на поросшую жесткими кустами расселину, где — полковник это хорошо знал — укрываются сейчас взрывники капитана Нгуен Нама. Вертолет от взорванного моста пошел над расселиной, обстреливая ее с обеих сторон ракетами.

«Неужели обнаружили?» — подумал полковник, а вертолет вернулся назад и через несколько минут сбросил несколько баков с напалмом. Расселина превратилась в огненную реку. «Вряд ли кто-либо выживет в этом огне», — грустно произнес про себя полковник и, не прячась, пошел к зенитчикам.

Первая установка валялась разбитой, рядом лежали убитые зенитчики: прямое попадание ракеты.

Полковник пошел дальше. Снова увидел разбитый зенитный пулемет, но вся его прислуга была на месте. Ребята, склонившись, что-то сосредоточенно делали.

— Что у вас происходит тут? — спросил полковник.

Командир расчета, с которым полковник беседовал часа четыре назад, ответил за всех:

— Да вот, товарищ полковник, майора убило. Думали, что ранен, хотели помочь, а он убит. В сердце на-вылет.

— Заберем майора с собой, — сказал полковник, почувствовав колющую боль в груди.

Когда управились с нелегкими делами, стали уходить в глубь горного массива, зная, что оставаться вблизи нельзя. Противник может предпринять новые налеты, может сбросить десант из «коммандос». Сражаться с ними нечем, да и не входило это в планы командования.

Они уже ушли далеко от места боя, направляясь в сторону высоты 382, когда услышали приглушенные расстоянием взрывы. Американские самолеты бомбили давно опустевший Трон небожителей. Это была запоздалая месть за поражение на подступах к базе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

— Я удивляюсь, полковник, бесплодности вашей оригинальной деятельности.

Генерал Фрэнсис Райтсайд бросил испытующий взгляд на Юджина Смита и подождал, не ответит ли он на не очень любезное замечание. Но полковник молчал. Тогда генерал заговорил сам:

— Ваше ведомство, Юджин, частенько выдвигает, мягко говоря, донкихотские прожекты, хотя люди, создававшие его, имели в виду совершенно определенные цели. Еще виски?

— Благодарю, генерал. Я хотел бы послушать продолжение ваших мыслей,— сказал Юджин Смит,— не скажу, что подобное слышу впервые от вас. Однако мнение человека, которому придана моя группа, имеет важное значение. Помнится, в Вашингтоне в беседе с моим шефом вы горячо одобрили его идею. Почему же сейчас она вызывает у вас негативное отношение?

— Во-первых, Юджин, не забывай, что Вашингтон и Вьетнам лежат на разных полюсах. То, что видится в Вашингтоне розовым, здесь оказывается темным. Там легко рассуждать какому-нибудь интеллектуалу о войне за умы и сердца будто бы так горячо любимых нами далеких вьетнамцев. Психологические сети, которые мы раскидываем по вашингтонским рекомендациям, приносят не имеющие ценности морские водоросли. А где хорошая рыба? Я и вам хочу задать этот вопрос, полковник: где хорошая рыба?

— Не слишком ли торопите события, господин генерал? Ни один фрукт не падает с дерева, пока не созрел.

— Жизнь научила меня, Юджин, простому, но оттого не менее ценному опыту: если ты вкладываешь свои деньги в какое-то дело, то вправе рассчитывать на прибыль. А в переводе на наш военный язык, я хотел бы, чтобы на нас работали люди с умом, сознательно, а не только за доллары, преданные нашей идее и честные, конечно.

— Таких людей, генерал, надо искать да искать. И не просто искать, а убеждать, переубеждать, доказывать.

Генерал поднялся с низкого удобного кресла и прошелся по гостиной, так уютно обставленной хорошей мебелью. На стенах висели любимые картины генерала, привезенные из дома. В углу стоял, бросая широкий конус розового света, высокий торшер — фигура индейца, держащего в руке светильник. В широком шкафу-буфете за стеклами, армированными тонкой золотой проволокой, виднелись редкой красоты фарфоровые фигурки, перешедшие к генералу по наследству. Отодвинув стекло, генерал взял в руки фигурку пастушка и улыбнулся. Он привык окружать себя вещами, которые были ему дороги и приятны.

— Мы пришли сюда, Юджин, не на один день,— будто рассуждая сам с собой или оправдывая свое пристрастие к дорогому комфорту, начал генерал.— И пришли затем, чтобы победить. Вы, надеюсь, не придерживаетесь иного мнения?

— Нет, не придерживаюсь.

— Вот и прекрасно. Вы извините меня за то, что в начале беседы я назвал вашу оригинальную деятельность, может быть, слишком резко — бесплодной. Но скажите, какими друзьями обзавелись вы здесь, на которых мы могли бы положиться? Есть такие? Ко мне иногда приходят люди, которых я выслушиваю только из вежливости. Они мне излагают самые фантастические проекты, а я вижу, что сами-то они не отличают шляпу от ботинка. А вот совсем недавно был у меня командир охранного батальона, с такой трудно произносимой фамилией...

— Видимо, майор Тхао,— подсказал полковник.

— Верно. Как это вам удастся помнить эти имена, не понимаю. Вот ваш майор, родственник или протеже какого-то большого сайгонского босса, изложил мне, если можно так сказать, свой критический взгляд на наше поведение.

— Чем же ему не нравится наше поведение? — спросил Смит.— И почему, если, конечно, не секрет, генерал Фрэнсис Райтсайд, командующий, может быть, самой мощной базой на вьетнамской земле, снисходит до беседы с никому не известным сайгонским офицером и даже терпеливо выслушивает его критику в адрес американских порядков.

Генерал улыбнулся, подлил виски в стаканы.

— Мне позвонили из Сайгона и порекомендовали принять майора и внимательно выслушать.

— Вон, оказывается, какая это птица,— растягивая слова, произнес полковник.— А я-то, не зная ничего, схватился с ним, дал понять, какое он ничтожество — грубое и необразованное.

— Вы меня удивляете, Юджин,— сказал генерал.— Почему же я не знал о вашем столкновении с майором?

— Видите ли, господин генерал, я считал и считаю, что не о всяком мелком недоразумении надо рассказывать вам. Без этого работы хватает на таком посту, как у вас.

— Это верно, Юджин. Но все-таки в чем дело?

— Это было несколько месяцев назад. Майор Тхао

прибыл в пагоду, как ее здесь называют, мудрого Дьема и решил разместить в ней своих солдат, будто бы для охраны подступов к базе. Настоятель, с которым я перед этим познакомился, очень лояльно относящийся к Америке, обратился ко мне и попросил спасти пагоду от осквернения. Мне пришлось прибегнуть к резким выражениям и недвусмысленным намекам о том, что майор может схлопотать крупные неприятности.

— Но он действовал не на территории базы, а на подступах к ней.

Осквернение пагоды, высокопочитаемой местным населением, с первых же дней вызвало бы негативное к нам отношение. Население и так ропщет, что база лишила многих земли и средств к существованию.

— Наше правительство выплатило сайгонской администрации огромную сумму для компенсации потерь. Все, кто понес ущерб, должны были получить щедрое вознаграждение. Зачем же тогда мы выделяли сотни тысяч долларов?

— Вы правы, господин генерал, мы выплатили сайгонской администрации крупные суммы для возмещения ущерба, но деньги эти так и остались в Сайгоне. Их, вероятно, поделили между собой несколько генералов.

— Не может быть! — возмутился генерал. — Я ничего не знал об этом, и я должен довести этот факт до сведения нашего командования!

— Это бесполезно. Те, кто делил между собой деньги, обзавелись томами фальшивых расписок.

— Но можно назначить расследование, опросить людей?

Полковник улыбнулся.

— Никто этим заниматься не будет. Нашим чиновникам достаточно расписок. Боюсь, что майор Тхао как-то связан с этим грязным делом. Очень уж он рьяно повел атаку на настоятеля пагоды.

— А при чем тут настоятель? — удивился генерал.

— Настоятель посылал в Сайгон петицию протеста, под которой подписалось несколько сот человек.

Генерал молчал, сосредоточившись.

— Тут есть над чем подумать, Юджин. Теперь я должен доверительно сказать вам, что майор Тхао не так прост, как кажется на первый взгляд. Он написал кому-то из очень влиятельных людей в Сайгон рапорт, в котором изложил все происходящее здесь в чудовищном свете. Я не буду вам пересказывать весь рапорт, но

вот,— генерал подошел к сейфу, стоящему в углу, открыл его и, покопавшись в бумагах, подошел к полковнику,— вот квинтэссенция рапорта — его последняя страница. Читайте. Перевод прислали мне из штаба.

Полковник взял тонкий листок бумаги с четко отпечатанным текстом и прочитал: «На основании изложенного можно сделать следующий вывод: 1. Обеспечению безопасности базы от нападения Вьетконга не придается достойного внимания. 2. Вокруг базы сосредоточено несколько тысяч человек местных жителей, чьи симпатии несомненно на стороне Вьетконга, о чем говорит петиция, посланная правительству настоятелем пагоды Пурпурных облаков. 3. Непозволительные контакты некоторых ответственных офицеров с местным населением под маской «психологической войны за умы и сердца людей» могут породить обстановку, способствующую проникновению на базу вражеских агентов и подрывных элементов, утечке ценной информации».

— Дело, как видите, не так просто, полковник,— сказал генерал, заметив, что Смит прочитал бумагу.— Камешек брошен в меня, а на вас, по-моему, сделан донос. А?

— Получается так, господин генерал,— задумчиво произнес полковник.— Но вы представляете нелепость: какая-то мразь подозревает американских офицеров в измене. Не знаю что, но что-то делать надо, господин генерал.

— Ты не торопись. Я уже говорил с этим майором. Все разложил ему по полочкам и сказал, кто, на какой жердочке должен сидеть и что делать. Я сказал, что не потерплю грязных намеков и найду способ отдать его под суд военного трибунала.

— И вы увидели в его глазах раскаяние и искреннее сожаление за содеянное?

Генерал задумался немного, потер рукой лоб, а потом, как бы с извинением, произнес:

— Если честно говорить, то он мне не понравился. Извивался, как вонючий хорек, попавший в капкан. А глаза были злые.

— Нам известно, господин генерал, что солдаты охранного батальона бесчинствуют в деревнях, издеваются над местными жителями?

— Это их дело, Юджин. Не нам их воспитывать, не нам прививать им светские манеры. В конце концов в этой стране мы тоже ведем себя не как ангелы. Тут, по

моему убеждению, результат может дать только жестокость. Есть такое старомодное выражение — каленым железом вытраивать зло. Каленого железа уже недостаточно. Мы применяем для этого напалм, а зло расползается. Как говорил мне генерал Лэнсдейл, тут каждый третий, если не второй, сочувствует Вьетконгу и каждый четвертый готов в любой момент взять оружие. Учти, Юджин, взять и направить его против нас. Вчера наши контрразведчики поймали диверсанта. Он пытался проникнуть на базу. И знаешь зачем? Чтобы убить какого-нибудь американца. Просто, а? Какого-нибудь. Тебя, меня, лейтенанта Малькольма, рядового Джонсона — не имеет значения. Убить, и все.

— Может быть, это сумасшедший человек, что с него взять?

— Нет, Юджин, нет. Говорит, американцы убили его двух сыновей, когда они возвращались домой.

— И это правда?

— Да, убили. Но они же оказались в так называемой белой зоне, где стреляют в кого угодно, ничего не спрашивая. Есть инструкция: каждый, кто оказывается в такой зоне, — вьетконговец. По нему открывается огонь без предупреждения.

— Но его ребята просто могли не знать об этом, генерал. Они могли случайно оказаться в запретной зоне. Можно было бы задать несколько вопросов, и все стало бы ясно. Это жестокость, генерал.

— Рядовой Додсон, уложивший ребят очередью из автомата, не наделен щепетильностью. Он приехал сюда сколотить побольше денег. Остался на третий срок. Бывал в таких переделках, что и представить трудно. Слово «вьетнамец» он не может слышать, хватается за автомат. Разве я могу его обвинить в чем-либо противозаконном?

— Но завтра он войдет в ближайшее село и начнет строчить направо и налево, убивая всех подряд, и вы скажете, что его не за что наказать?

— Вполне возможно, Юджин, потому что громила Додсон скажет мне, что стрелял по вьетконговцам, которые скрываются под одеждой мирных жителей. И поверьте мне, Юджин, если военные действия в этой стране будут принимать еще более затяжной характер, то жестокости будут возрастать. Нам трудно будет сдерживать своих парней, потому что война будет все глубже, как острая заноза, проникать им в душу.

— Но при чем тут вьетнамские крестьяне, женщины?

— Да потому, что они вьетнамцы. Воюем-то мы все-таки с ними, а не с русскими или французами. Психология солдата проста, Юджин: если бы вьетнамцы не сопротивлялись, американцам тут бы и делать было нечего, они бы давно были дома. А раз они не бросают оружия, приходится нашим парням рисковать собой.

— А если поставить вопрос по-другому, господин генерал? Представьте на минуту, что мы ушли отсюда, все, до последнего человека. Может, отпадет нужда в сопротивлении? Как вы думаете? Причина и следствие — где они? В каком порядке расположены? У вьетнамцев есть хорошая поговорка: зачем кошку бить, лучше рыбу убраться. Не напоминает она вам нашу ситуацию? Поймите меня, господин генерал, правильно: я целиком за то, чтоб раздавить здесь опасность коммунизма. Но я хочу кое-что понять. Все ли можно объяснить коммунизмом, его бескомпромиссностью к нашей системе. Вот вы рассказывали, что вьетнамец пытается проникнуть на базу, чтобы убить кого-то из американцев: вас, меня, Малькольма, кого угодно. Он коммунист? Партизан? Нет. И все-таки его, наверное, казнят.

— Наверное, уже казнили: сведений у него получить никаких не удалось, а диверсионный акт налицо. Отпускать же его никак невозможно.

— Почему?

— Да потому, что тогда уже наверняка он завтра уйдет к коммунистам и попросит винтовку.

— И самое трагическое для нас в том, что сделал его вьетконговцем не кто иной, как американский солдат Додсон.

— Ты недалек от истины, Юджин. Мы сами плодим коммунистов. Генерал Кремер, мой старый приятель, командующий здесь дивизией, высказался еще более определенно. Когда, говорит, мы пришли в свою зону, там вьетконговцев не было. А когда будем уходить, оставим тысячи. Как тебе это нравится?

— Значит, что-то не так мы делаем? Скажите, зачем тогда здесь такие группы, как наша? Как нам завоевать доверие вьетнамцев, чтобы через них узнавать планы и намерения противника, если какой-то Додсон одной автоматной очередью уничтожает все, что так старательно создавалось?

— Мы с вами подружились, Юджин,— сказал генерал Райтсайд, опять переходя на «вы».— Мне приятно проводить свободный часок в беседе с вами. Вы — человек думающий, образованный. Я знаю, мне рассказывали, что вы хороший разведчик. С инициативой, с трезвым взглядом на жизнь. Но вы сейчас, извините за откровенность, сели не в ту машину. Руководитель группы психологической войны — не разведчик в высоком понимании. Он копается среди всякого сброда, душа и сердце которого Америке не очень нужны. В крайнем случае их легко приобрести за деньги. И не надо тратить сил таких прекрасных офицеров, как вы. Будьте осторожны, Юджин. Война на этой земле будет преподносить нам сюрприз за сюрпризом. И не все они будут приятными. За некоторые придется отвечать, не рассчитывая ни на сочувствие, ни на снисхождение.

Полковник возвращался домой в глубокой задумчивости. Что-то не давало ему покоя, постоянно тревожило.

— Добрый вечер, господин полковник.

Юджин вздрогнул от неожиданности и не сразу заметил, кто это его окликнул. Присмотревшись, увидел Нгуен Куока, копавшегося при свете фонаря в какой-то рухляди, которую давно уже надо бы выбросить с территории базы.

— Добрый вечер,— наконец отозвался полковник.— А что вы так поздно здесь делаете?

— Хочу преподнести подарок своим друзьям из морской пехоты — привести в порядок бронетранспортер. Он еще может послужить им.

— И есть у вас охота возиться со старьем, когда тут новых машин полным-полно.

— Но если бронетранспортер еще может послужить какое-то время, значит, это хоть на несколько сот долларов сделает вашу войну дешевле. Ради этого стоит повозиться.

— Это хорошо, Нгуен Куок. Мне говорили, что вы прилежно относитесь к делу, и я рад, что рекомендовал вас. Сейчас,— полковник посмотрел на часы,— уже девять. Как вы думаете, не спит ли сейчас преподобный Дьем?

— Что вы, господин полковник, дядя сейчас только готовится к созерцанию и размышлениям. Посмотрите, какая луна поднимается. Ночь будет светлой. Дядя, как все философы-буддисты, в такие ночи долго не ложится

спать, предается раздумьям над прошлым и будущим,

— А настоящим?

— Эта категория времени его мало интересует.

— Мне кажется, вы ошиблись, ваш дядя довольно активно ведет себя и в настоящем.

— Если вы имеете в виду петицию крестьян, которую он составлял, то это лишь попытка помочь чем-нибудь людям, с которыми он живет рядом.

— Но в наше время это не просто какая-то филантропическая акция, а самая настоящая политика. И, я бы сказал, не всегда безопасная.

— Вы только дяде не говорите об этом, он не терпит слова «политика».

— Ладно. У меня сегодня такое настроение, что беседа с умным, мудрым человеком, как преподобный Дьем, мне бы не помешала. Вы не хотите со мной прогуляться до пагоды?

— Я бы с удовольствием, но меня не выпустят сейчас...

— Это я беру на себя.

— Но спаси Будда, если вдруг меня увидит случайно майор Тхао. Мне тогда несдобровать, господин полковник. Может, лучше я останусь здесь, да и вам не очень советую идти, уже поздно.

— А я как-то видел, вы так мило беседовали с майором, что подумал: а не друзья ли вы? У вас с ним было что-то общее?

— Что вы! — воскликнул Нгуен Куок. — Я и узнал-то о нем, когда он стал интересоваться пагодой, но больше дядей. Про торговца рыбой расспрашивал, не знаю ли я его. Потом еще кое-что спросил, но велел откусить язык, если мне захочется с кем-нибудь поболтать об этом. А майор — человек дела.

Полковник подошел вплотную к Нгуен Куоку и внимательно посмотрел в лицо, казавшееся очень бледным в лунном свете.

— Это касается меня? — медленно, сдерживая гнев, спросил полковник.

— Да, господин полковник. Это касается вас. Я бы, вероятно, все равно решился сказать вам о беседе с майором. Я глубоко ценю вашу помощь нам — я имею в виду меня и дядю.

— Что же он хотел знать обо мне?

— Расспрашивал, о чем вы беседуете с дядей, часто ли бываете у него, присутствует ли при этом кто-нибудь

посторонний, нет ли в ваших словах чего-нибудь подозрительного. И все в таком же духе. Приказал следить за вами, сообщать ему о каждом вашем визите. Если буду, по его мнению, хорошо себя вести — получу награду. Не знаю уж какую, но обещал. Или, говорит, будешь лежать в сточной канаве с дыркой в голове.

— Вы уже что-нибудь сообщили майору?

— Нет.

— Ладно, — после минутного молчания сказал полковник, — пойдем все-таки навестим преподобного Дьема.

Луна поднялась на небо уже на целых три шеста¹ и заливала землю серебристым светом. Тропинка, ведущая к пагоде, казалась в этом свете выкованной из металла. Тишина стояла кругом, даже на базе давно умолк рев моторов, и только из подземелья доносился приглушенный гул мощных дизелей электростанции.

Как и предполагал Нгуен Куок, преподобный Дьем был в саду. Он сидел у небольшого прудика с золотыми рыбками. Тихий шелест листвы, треск цикад да редкие крики и возня птиц в кронах создавали ту обстановку полной гармонии в мире, что не хотелось думать о тревогах и заботах. Старый Дьем с белой пушистой бородкой, тонким клинышком спускавшейся на бордовый халат, с ресницами и бровями, будто сделанными из кусочков белой ваты, то погружался в глубокую задумчивость, то, словно очнувшись, любовался пагодой, рельефно выделяющейся в лунном свете. О ней ходило много легенд по окрестностям. Говорили, что стоит она на волшебном камне. Если отбить от него кусочек и положить в чашу с водой, то вода превратится в вино. Только никто не знает, где положен этот камень, а то давно бы от него не осталось и следа. Для настоятеля, каким бы волшебством ни наделяли люди пагоду, она была местом священного созерцания, углубления в мудрые мысли Будды, изложенные в священных сутрах и придающих человеческому разуму волшебную силу проникновения в тайну бытия. Только человек, постигший мудрость буддизма, может заглянуть в будущее. Сам преподобный Дьем был далек от мысли, что он обладает всепроницающим взором, для него еще много скрытого и

¹ Шест — бытовавшая в старину мера длины, применяется и сейчас, как и у нас, к примеру, сажень. Длина бамбукового шеста равнялась полутора метрам.

непонятого в этом мире, которому он и не должен был отдавать столько времени, но он ничего не мог поделаться с собой: дела людей не давали покоя.

Преподобный Дьем, услышав приближающиеся шаги, насторожился. Нгуен Куока он угадал по походке, вторым был американец.

— Что привело вас ко мне в столь поздний час, уважаемый господин? — отвечая на приветствие сложенными ладонями и склоненной над ними головой, спросил Дьем полковника.

— Желание насладиться беседой с мудрым человеком, преподобный, и стать самому немного мудрее, — церемонно ответил Юджин Смит, прибегнув к восточной вежливости в обращении.

— Мудрость дают не смертные, а небо, — возразил настоятель. — Что касается меня, то беден мой разум, слаб мой дух, немощны мои силы, чтобы понять, оценить, изменить что-то в этом мире. Присаживайтесь, пожалуйста, полюбуйтесь лунной ночью, небом, тишиной.

— В этом шумном и беспокойном мире, — сказал полковник, — скоро на вес золота будут цениться такие благодатные минуты тишины. Они навевают успокоение, дают отдых мятущейся душе.

Настоятель внимательно посмотрел на присевшего на скамейку американца и, перебирая черные агатовые четки, спросил:

— Что беспокоит вас, уважаемый? Вы чем-то смущены и расстроены. Могу ли я помочь чем-нибудь?

— Вряд ли, преподобный. Просто потянуло в вашу тихую обитель, стоящую в стороне от наших тревог.

— Не совсем в стороне мы от них. Надо бы не вмешиваться, не отвлекать мысли на низменные дела и думать только о спасении души, но не удастся. Проникает в нашу обитель бурное море событий.

— Знаю, знаю. Наверное, сейчас такое время, что каждый человек должен выбрать свое место, на чью сторону стать.

— Если вы пришли только затем, чтобы узнать, где я стою, на какой стороне, то вы, господин полковник, напрасно шли в такое позднее время. Меня не касается, что происходит за стенами пагоды. Мудрость веры оберегает меня от этого.

— Простите, преподобный Дьем, — поспешно отозвался полковник, — я не имел никакого намерения в чем-то подозревать вас. Кстати, вот вам и парадокс. Я,

американский полковник, стал, если помните, на вашу сторону, чтобы защитить пагоду от осквернения, а ваш соотечественник, майор Тхао, недоволен этим.

— Дурного человека никакими лекарствами не вылечишь,— спокойно произнес Дьем.

— Я и не думаю его лечить, а вот он, по-видимому, собирается заняться серьезно вами и теми, кто подписал жалобу на наше командование за отчуждение земли. Так что вы уж будьте осторожны.

— Скажите, господин полковник,— спросил после некоторого молчания настоятель пагоды,— зачем вам нужны такие люди, как майор Тхао? Почему они обладают такой властью и силой?

— Майор Тхао — вьетнамец, преподобный Дьем. Он избран и назначен вашими собственными властями. Нам он не нужен, хотя, если откровенно говорить, без таких, как он, тоже обойтись нельзя. Я далек от мысли личную неприязнь возводить в степень. Ваша армия вместе с нами борется за священные идеалы свободы, над которыми нависла угроза.

— Но почему в этом костре, разожженном вами, горит так много невинных? А сколько людей страдает? От бомб, жидкого огня, ядов. Почему все это творится на нашей земле? Чем она провинилась?

— Ваш племянник,— полковник попытался перевести разговор в шутовское русло,— говорил мне, что вы не занимаетесь политикой. Однако ваши вопросы говорят об обратном.

— Я — старый человек, господин полковник,— не приняв предложенного тона, продолжал настоятель,— и мне нечего бояться, что обо мне подумают майор Тхао и его друзья. Если боль за свою землю называется политикой, тогда я — политик. Каноны веры требуют одного, а совесть — другого. Почему из своей далекой страны вы привезли к нам так много орудий убийства, и ни одно из них не бездействует. Души предков содрогаются от грохота над нашей землей...

— Преподобный Дьем, знаете ли вы, что война затеяна не нами? Мы пришли, чтобы помочь народу Южного Вьетнама, страдающему от насилия и беспорядков.

— А кто виноват в этих беспорядках?

— Есть такие силы, преподобный, которые не хотят признавать законной власти. Они нарушают спокойный порядок жизни, и, если их не разгромить, страна впадет в хаос.

— Когда преподобный Дык, облившись бензином, сжег себя на площади в Сайгоне, я понял, что страна впала в хаос и он будет разрастаться как опухоль, пока хозяева майора Тхао не образуются.

— Но теперь смутьяны поднимают народ против нас, которые пришли только помочь вам. Я хочу понять, преподобный Дьем, почему народ Южного Вьетнама обвиняет американцев, а не Северный Вьетнам за беспорядки на Юге?

— Я не могу говорить от имени народа, господин полковник, но мои размышления наводят на грустные мысли. Мне кажется, что вы думаете, будто вытираете народу слезы, а на самом деле выдавливаете ему глаза. Вы видели когда-нибудь, как ведет себя бамбук в бурю? Если стволы стоят редко, сильный ветер часто ломает их. Только бамбуковая куща, где десятки стволов и каждый защищает другого, может выдержать натиск непогоды. Бамбук стонет под ударами, трещат его крепкие стволы, но вся куща выдерживает, не клонится и не ломается. И это напоминает мне наш народ, которому не хочется, чтобы ему выдавливали глаза.

— Если я вас правильно понял, вы не осуждаете бандитов?

Настоятель молчал, будто не слышал, любуясь удивительно четким и красивым отражением луны в бассейне, прислушиваясь к возне птиц в кроне мангового дерева.

— Ну что ж,— произнес полковник,— молчание тоже может быть ответом. А скажите, преподобный Дьем, если доверяете мне, могу я лично рассчитывать на вашу помощь, если она мне потребуется?

— Да, вы можете рассчитывать на это, если ваши желания не будут превосходить моих слабых сил. Только учтите, что я старый человек, господин полковник. Я, как былинка, могу не выдержать сильного ветра и сломаться. А ветер сейчас дует все сильнее.

Утром следующего дня Куок лицом к лицу столкнулся с майором Тхао. Ни уйти, ни спрятаться.

— Мне показалось, что ты, бой, избегаешь меня? — называя Куока на американский манер, негромко произнес майор.— Или только показалось?

— А почему я должен прятаться от вас, господин майор?

— Ты задаешь слишком много вопросов, бой. Запом-

ни: завтра вечером я найду тебя — и ты доложишь обо всем, как на исповеди.

Но ни на следующий день, ни через неделю майору было не до бесед американского полковника с настоятелем пагоды. Разгром колонны автомашин произвел такое впечатление, будто бомба взорвалась на территории базы. Штаб не успевал отвечать на запросы Сайгона, откуда требовали подробных отчетов о случившемся. Наконец из Вашингтона на имя Фрэнсиса Райтсайда пришла строгая телеграмма: «Налет бандитов на колонну со стратегическим грузом показал, что охрана коммуникаций, связывающих базу с портом, поставлена неудовлетворительно. В вашем распоряжении достаточно боевых средств и опытных людей, чтобы не оказываться в столь глупом положении. Обязываю вас лично изучить проведенную Вьетконгом диверсию, привлечь виновных к ответственности, обеспечить полную безопасность на трассе в будущем. Макнамара».

Генерал Райтсайд поднял на ноги всех офицеров и приказал любой ценой захватить хотя бы одного участника диверсионной операции. Мобильные отряды морской пехоты на вертолетах прочесывали район диверсии. Достаточно было увидеть хоть одного человека вблизи шоссе, как вертолет приземлялся, морские пехотинцы беспорядочно стреляли в воздух, брали подозрительного в кольцо — и через несколько минут его доставляли на базу. За него брались специалисты по допросам пленных и всеми доступными методами пытались вытащить из него признание в причастности если не к диверсии, то хотя бы к партизанам. Но, как и следовало ожидать, случайный человек даже под пыткой не мог признаться в том, чего не совершал. Допрашивать такого свидетеля было бесполезно, а отпускать — опасно. И его обычно расстреливали.

На основе показаний экипажей машин охранного эскорта опытными военными специалистами был составлен подробный доклад, в котором было все, кроме реальной картины. Генералу Райтсайду пришлось запечатать составленный доклад и свидетельства «очевидцев» в сейф, а в Сайгон и Вашингтон направить краткое сообщение с заверением, что подобного больше не повторится. Он не преминул указать, что сайгонские и южнокорейские подразделения, отвечающие за охрану колонны и трассы, допустили преступную потерю бдительности и не смогли дать отпор бандитам.

Считая невыгодным раздувать дело, в Вашингтоне посчитали вопрос урегулированным и не требующим дополнительных исследований.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Помощник министра обороны США Мактоун прилетел в Сайгон, чтобы подготовить все необходимое для предстоящего визита Макнамары в Южный Вьетнам. Он был наделен широкими полномочиями для проверки хода боевых действий. Ему в обязанность Макнамара вменил составление объективного доклада о боеспособности южновьетнамских войск и их реальной возможности для борьбы против Вьетконга. Мактоун был человеком динамичным, хотя казалось, что его прежняя профессия — доктор юриспруденции — способствовала размеренному образу жизни. За месяц пребывания в Южном Вьетнаме он загонял своих помощников, выделенных ему из офицеров штаба американского командования. Он заставлял их добывать сведения с мест, где обстоятельства не позволили ему побывать лично, не доверяя ничьим письменным донесениям.

— Все, о чем вы будете мне докладывать, — строго говорил он, — вы должны не просто увидеть, а пощупать собственными руками. Я не требую бездумно подставлять голову под пули, но постарайтесь добраться в опасный район ночью, на рассвете, в вертолете, ползком, но проверьте все сами.

Он и себе не давал отдыха. Побывал на сооружении военно-воздушных баз, посетил флотилию судов в Сиамском заливе. На базе Фусань он дал генералу Райтсайду полезные деловые советы об организации охраны коммуникаций, активном использовании в боях морских пехотинцев.

— Нечего ждать, пока мы начнем большое наступление, это дело не завтрашнего дня. Надо, чтобы эти племенные жеребцы, — показывая на разгуливающих без дела в разных концах базы солдат, — почувствовали, что они свои доллары должны отрабатывать сполна. Их дело воевать, а не плодить для Вьетнама черноголовых кучерявых негритят или белобрых голубоглазых маленких янки.

С полковником Юджином Смитом, которого он хорошо знал по министерству обороны, Мактоун нашел время побеседовать отдельно только накануне отъезда.

— Как ты живешь в этой дыре, Юджин? — спросил он, когда они оказались в домике полковника.

— Двумя словами не ответишь, Юл. Тут, как говорят вьетнамцы, приходится есть и рис, и батат.

— Ну, к этим блюдам я питаю только отвращение. Как ты чувствуешь себя?

— Понимаешь, Юл, бывает такое ощущение, будто идешь по топкому болоту: одну ногу вытащишь, вторая увязает. Не поймешь, где твердая опора, на что поставить ногу.

— Вот такого я от тебя не ожидал, — глядя на Смита в упор, проговорил Мактоун. — И это говоришь ты, человек, который справлялся с заданиями особой сложности. Твоя работа наверняка войдет в лекции, которые будут читать профессора в генеральских погонах для будущих лоуренсов. На них у нас сейчас большой спрос не только в нашем святом ведомстве, но даже в ведомстве преподобного Дина Раска.

Мактоун не преминул отпустить невинную шпильку в адрес государственного секретаря, отец которого будто бы был миссионером, а сам Дин воспитывался какое-то время в миссионерской школе.

— Психологическая война, на которую тебя бросили, Юджин, могла бы стать делом важным и нужным. Но для нее — это мое личное мнение — сейчас нет условий во Вьетнаме. Из таких блестящих офицеров, как ты, хотят сделать — не обижайся только — проповедников. Вряд ли поставленные цели во Вьетнаме нуждаются в освящении их крестом господним. Мы их достаточно освящаем напалмом.

— Ты понимаешь, Юл, по каким струнам ты сейчас ударяешь? Я сижу, как ты выразился, в этой дыре и не вижу всей картины, но даже из дыры я вижу, что выдумка с психологической войной лежит, если сказать откровенно, за пределами реального положения вещей. Я бьюсь, ищу людей, стараюсь завоевать авторитет у вьетнамцев, чтобы через них попробовать проникнуть глубже в это нелегкое и непростое общество, а если повезет, и в ряды Вьетконга. Это уже была бы работа, близкая моему профессиональному опыту и складу моего характера как военного разведчика.

— Но что тебе мешает действовать именно в соответствии с этими твоими особенностями?

— Я пытаюсь, нащупываю подходы и варианты, встречаю интересных людей. Но очередь из автомата

какого-нибудь рядового Додсона по людям, идущим по привычной им дороге и не знающим, что тут им ходить уже нельзя, сводит насмарку все усилия. И не только мой, но и всей Америки, пытающейся доказать, что она пришла сюда с добрыми намерениями.

Мактоун рассмеялся. Может быть, впервые за все пребывание во Вьетнаме рассмеялся свободным смехом, от души. Это удивило серьезно настроенного Смита.

— Что с тобой, Юл? — спросил он.

— Просто представил тебя в этой идиотской ситуации. Боевой офицер, с такой головой и с такими знаниями оказался в положении мухи, севшей на липкое стекло.

— Ты недалек от истины. Но что-то надо делать. Где-то должен быть выход?

— Знаешь, Юджин, мы, втягиваясь в эту войну, действительно оказываемся в длинном тоннеле, как говорил об этом покойный президент Кеннеди. Может быть, в конце его и есть свет, но как до него дойти? Ощупью придется двигаться, на предельно низкой скорости. А придется. Я, ты знаешь, не люблю громких слов и ханжеских проповедей. Я знаю, меня называют классическим рационалистом, который переводит смерти и убийства в холодные стерильные цифры. Даже сам для себя не могу решить, похвала это или осуждение. Впрочем, все это зависит от степени принадлежности говорящего к тому или иному кругу общества. Но я одно понял: дело, которое мы ведем здесь, требует только такого подхода. И потому я ничего другого сказать не могу: у нас один путь — пробиться к свету в конце тоннеля. Мы не можем уйти отсюда без победы. Наше присутствие во Вьетнаме будет расти. Другого варианта просто не существует. Ты знаешь, Юджин, сейчас президент лично ведет долгие и трудные беседы с западными лидерами. Он уговаривает их принять участие во вьетнамской войне своими войсками, чтобы она не выглядела только американской, ведь решаются вопросы глобального характера, затрагивающие весь западный мир. Чертовски трудная задача у нашего президента, Юджин, много труднее твоей, — с улыбкой закончил Мактоун.

— Я пока не вижу, чтобы наши союзники спешили прийти к нам на помощь, — сказал Смит, — кроме южнокорейцев, что-то никого нет.

— Союзники готовы на все, когда надо что-либо вытянуть из нас. А потому забывают о западной солидарности, да еще норовят лягнуть при случае. Только вот и надежда на южнокорейцев,— съязвил Мактоун,— без них нам пришлось бы плохо в этой стране.

— Но все-таки, Юл, как ты думаешь, надолго мы тут? Ты ближе к Олимпу, что говорят боги?

— Мы только начинаем серьезную войну, а ты уже спрашиваешь, когда мы ее кончим. Если бы я мог назвать этот срок президенту, меня, наверное, сделали бы национальным героем. А что, интересно, думают по этому поводу местные боссы?

— Разное. Те, кто готовы с нами хоть в пропасть, ворчат, недовольны американской медлительностью, зовут раздавить Север, чтобы там одна пыль осталась. Очень сильный сейчас человек в Сайгоне — генерал Нгуен Као Ки¹. У него один мотив для всех песен — надо бросить всю мощь против Ханоя.

— Этого парня я знаю,— сказал Мактоун,— такой ни перед чем не остановится. Ты знаешь, у него дома, как мне доверительно сказали, висит портрет его любимого героя, на которого он готов молиться.

— Кто же это удостоился столь высокой чести?

— Гитлер, Юджин, Гитлер. Так что господина Ки не будем брать в расчет. Что думают нормально мыслящие люди?

— Есть здесь, по-моему, большая прослойка людей, которые, не имея никакого отношения к Вьетконгу, не жалуют и сайгонскую команду. У этих людей много сомнений и столько же тревог. Вот один из них, буддийский священник, по-буддийски — бонза, сказал мне: вы, говорит, господин полковник, наверное, думаете, что слезы нашему народу вытираете? Нет, вы глаза ему выдавливаете.

— Эту шутку высоко оценит наш министр обороны,— сказал после некоторого раздумья Мактоун.— Обязательно расскажу ему и непременно упомяну, что это таким парням, как ты, раскрываются сердца людей и они не боятся говорить правду.

— Ну, это ты слишком смело предполагаешь, Юл. Если бы действительно раскрывались...

¹ Нгуен Као Ки, уже находясь за рубежом, сказал, что если найдется страна — Америка, Китай или любая другая, которая даст ему бомбардировщик, то он бросит все и полетит бомбить Ханой.

— Макнамара очень благосклонен к тебе, Юджин, даже просил передавать привет. И он поймет, сколько и как надо работать разведчику, чтобы услышать такое.

— Я знаю, Юл, что министр ко мне благосклонен, и поэтому хотел бы, чтобы к словам, которые я сказал тебе, отнеслись не только как к забавному выражению.

— Это я обеспечу. Когда я собрался лететь сюда, Макнамара беседовал со мной. Попробуй, говорит, Юл, понять самое главное: будет ли когда-нибудь вьетнамская армия воевать за свое дело или нам без конца за них тянуть эту лямку? Вот и пытаюсь выяснять трудный вопрос, а заодно и на свою армию смотрю. Мотаюсь из Сайгона в Дананг, из Дананга в Плейку, из Плейку в Нячан. Теперь вот к вам, на стратегическую точку, где генерал Райтсайд думал, наверное, сделать свое имя бессмертным.

— Ты, Юл, не благоволишь к старику, а ему очень трудно.

— Он как военный давно пережил себя. Боюсь, что генерал Райтсайд выбрал вообще не ту сторону, которая ему больше подходит¹. Ты не думай, что у меня с ним какие-то счёты. Просто я думаю, что эта стратегическая база строится не там, где надо, создается на вулкане. Ее будет постоянно трясти, и, чтобы выдержать это, нужны люди с другими данными. Ну ладно, как говорится, взойдет солнце — виднее будет.

— Ты отсюда в Сайгон или еще куда-нибудь?

— Сначала в Сайгон, а потом в Лонган.

— Ну, это рядом, никаких сложностей.

— Трагедия, мой друг Юджин, в том, что сложности тут можно получить всюду, и в большом количестве, а Лонган сейчас — очень больное место. Говоришь, рядом с Сайгоном? Верно. Рядом с Сайгоном находится самая сильная база Вьетконга. Мы слишком много кричим о скорой победе и будто не замечаем, что противник стоит не где-то за сотни миль, а у ворот Сайгона.

— И что же делать? Как решать эту проблему?

— Только одним путем, Юджин. План нашего мудреца Стэйли загнать весь Вьетнам за колючую проволоку так называемых «стратегических деревень» и отобрать у Вьетконга сельское население не принес желаемого успеха. Теперь мы собираемся строить не стратеги-

¹ Игра слов: Райтсайд — правильная сторона, верная позиция (англ.).

ческие, а, как говорят, революционные деревни. И этих самых революционеров набираем из всякого сброда. Учим их решительной борьбе с коммунистами, а они вряд ли смогут не только крестьян, а самих себя защитить от Вьетконга.

— Конечно, задача сложная, но ведь, с другой стороны, мы же вьетнамскую администрацию, как бы плоха она ни была, не сможем заменить своими бакалаврами наук.

— Речь идет не о том, чтобы сажать сюда еще и нашу администрацию. По-моему, надо найти такое сочетание военных и административных мер — не фантастических проектов, а решительных, твердых, пользующихся хоть малой поддержкой местного населения, — и подавить очаги сопротивления Вьетконга. И тут мы должны быть безжалостны, иначе мы останемся за бортом.

— Ты помнишь, Юл, нашу встречу с командующим «зелеными беретами», когда он прибыл к нам в министерство обороны?

— Это тот ненормальный генерал, который пришел в Пентагон в грязной форме и в ботинках с металлическими прокладками?

— Ну да, тот самый. Ты помнишь, на чей-то вопрос, как все-таки воевать во Вьетнаме, он ответил примерно в таких же выражениях, что и ты.

— Это интересно. Я не помню, что он говорил, напомни.

— Он говорил очень жестко. Во Вьетнаме, сказал он, надо забыть, чему учили в школах и академиях. Никакой стратегии, никакой тактики. Надо делать одно — убивать. Все вьетнамцы — вьетконговцы или помогают Вьетконгу. Их не переделать, их нужно только убивать. Не лишайте себя сна даже из-за убитых детей: они растут, чтобы стать коммунистами.

— Вся трагедия, Юджин, — сказал после долгой паузы Мактоун, — состоит в том, что перед армией, которую мы готовимся бросить сюда, ставится именно эта задача — уничтожить Вьетконг. А ты можешь подсказать другой, бескровный план?

— Но не с таким цинизмом и не таким способом тотального истребления всех подряд, — недовольным голосом произнес Смит.

— Я понимаю тебя, Юджин. Мы пробуем все новые и новые варианты. Именно сейчас появился план — как бы это сказать? — комбинированных действий, что ли,

В нем все предусмотрено, все есть. И бочки с напалмом, и сладкие пилюли. Первая часть включает в себя меры по усилению военного давления. Руководство войной во Вьетнаме изымается из компетенции штаба Тихоокеанских вооруженных сил и передается непосредственно главнокомандующему экспедиционным корпусом, подотчетному только Пентагону. В связи с этим я и нахожусь здесь. «Стратегические деревни», будем их называть по-старому, останутся и будут расти, но на новой основе. Кроме колючей проволоки и строгого комендантского часа мы дадим и послабление: начнем строить колодцы, каналы, даже школы и еще что-то. Заодно будет идти серьезная работа по склонению на нашу сторону всех колеблющихся, особенно интеллигенции. Президент Джонсон сказал, что рассчитывает за год, максимум полтора сделать Южный Вьетнам идиллически мирной и спокойной страной. План-то носит имя Джонсона — Макнамары.

— Позволь, Юл, тогда зачем же такая армия, если есть идеальный план умиротворения?

— Войска будут уничтожать ключевые базы или районы сопротивления Вьетконга. Понимаешь, ключевые?

— Это я понимаю. Но что будет, если тот же Додсон посчитает, что любой вьетнамец — выходец из ключевого района?

— Он убьет его, Юджин, как он убивал и до этого. План Джонсона — Макнамары предусматривает подавление любого сопротивления, а рядовой Додсон только помогает этому.

— И ты согласен с этим?

— Я, Юджин, должен делать одно: помогать уничтожать красную опасность. Любой ценой, любыми методами и средствами, потому что это необходимо Америке. Я как твой мифический или реальный Додсон. Только стою чуть повыше его на лестнице и в руках у меня не только автомат. В этом вся разница. Впрочем, ты тоже такой же, хотя тебя определили в другой сектор. Но делать надо — и мы будем делать — одно и то же.

Утром Мактоун, тепло простившись с Фрэнсисом Райтсайдом, с офицерами базы, улетел в Сайгон, оставив Юджина Смита в полном душевном расстройстве. Он не находил себе места, не мог успокоиться, настолько обнаженно прозвучали слова Мактоуна. После них

он с горечью признался себе, что действительно идет рядом с Додсоном и майором Тхао.

В одном из полков 25-й дивизии, дислоцированной в дельте Меконга, Мактоун с дотошностью расспрашивал офицеров о том, что они думают о войне, о совместных боевых действиях. Но офицеры — одни были не в меру словоохотливы и подобострастны — таких Мактоун не любил ни у себя в министерстве, ни здесь, другие — молчаливы и настороженны — оставили плохое впечатление. Только командир дивизии вел разговор в деловом ключе, отвечающем его генеральскому званию, и не всегда соглашался с Мактоуном.

Генерал отговаривал своего гостя от намерения побывать в 312-м полку, который находился сейчас на самом напряженном участке, но его доводы на того не подействовали. До полка добрались при заходящем солнце. Для дорогого гостя командир устроил богатый ужин, во время которого решили поговорить и о делах. Мактоуну не понравилась обстановка в офицерской среде: вели офицеры себя беспечно и развязно, много пили вина и пива, и это — рядом с противником! Мактоун не стал засиживаться и ушел в бункер к майору Кендаллу, советнику командира полка, и долго с ним беседовал. Майор был человеком наблюдательным и серьезным в суждениях.

— Мы здесь, — говорил он, — чувствуем себя так, будто попали на чужой пир и в чужом одеянии. Советы наши слушаются вполуха, выполняются в четверть силы. Иногда наши парни поднимаются идти в наступление, а друзья продолжают лежать, и наши становятся мишенями для вьетконговцев. Начинаешь требовать от их офицеров, чтобы приказали солдатам идти вперед, возникают сложные коллизии. Хоть Дина Раска вызывай для дипломатических переговоров.

— А как воюют наши собственные парни?

— По-разному. Морские пехотинцы, особенно те, которые еще не побывали в серьезных переделках, стараются как бы накопить не опыта, а острых ощущений, излишне бравуруют. Расплачиваемся за это гробами. Правда, ковбойская лихость скоро проходит. Острые ощущения — кто-то втолковал нашим солдатам! — будто омолаживают душу и сердце, поэтому входят в привычку. Из-за этого слишком много зверств, варварских убийств, иногда беспричинных. Некоторые соревнуются друг перед другом, кто больше добудет ушей убитых

вьетконговцев,— ведь за них платят, и ради этого могут отрезать уши даже у сайгонского солдата. Слава богу, мой срок кончается, вернусь в Штаты, буду служить в каком-нибудь полку или уеду в Западную Германию, хотя немцы мне тоже осточертели, но там хоть жить можно по-человечески. А тут дождешься того, что обнаружат тебя однажды захлебнувшимся на рисовом поле или в змеином болоте.

Они только собрались ложиться спать, как совсем недалеко началась сильная стрельба. Майор выскочил на улицу и пропал на долгое время. Мактоун уже сам хотел последовать за ним, как тот вернулся и обеспокоенным голосом сказал: надо немедленно уезжать, Вьетконг ведет атаку крупными силами.

— Боюсь, что там узнали о вашем приезде,— добавил он.

— Как мог кто-то узнать об этом, что вы городите чепуху? — возмутился Мактоун.

— Здесь, господин помощник министра, все может быть. Вьетконг, как я убедился, везде имеет свои глаза и уши. Не будем тратить времени.

Метрах в пятидесяти от бункера уже стоял бронетранспортер с работающим двигателем. Занять место в кабине было делом одной минуты. Машина, подмина под гусеницы кустарник или кукурузу, рванулась вперед. Настоящую опасность Мактоун почувствовал во время прорыва к шоссе, когда попали в засаду. Хорошо, что водитель сумел преодолеть завал из камней и бревен и выскочить на дорогу. Автоматные очереди, горюхом пробарабанившие по корпусу машины, уже были не страшны.

«Не хватало только, чтобы помощник министра обороны самой мощной державы оказался в плену у Вьетконга,— зло усмехнувшись в душе, подумал Мактоун.— Представляю, как бы расценили это в Вашингтоне, да и во всем мире. А как бы это подали газеты! Пожалуй, первые страницы несколько дней только бы и украшали мои портреты».

По пути к Сайгону Мактоун оставался задумчивым и, казалось, подавленным. Настроенный всем ходом событий на непременною победу, он жил, как и многие другие, в несколько иллюзорном мире, думая, что стоит только направить во Вьетнам мощь Америки, как победа будет обеспечена. «Но вот оружие не идет, а течет сюда, как по конвейеру, прибывает разная техника и

солдаты,— думал он.— А что получается? Под боком у американского командования сидят совершенно безбоязненно солдаты Вьетконга. И этот парадокс никого не удивляет, как будто так и должно быть».

При встрече с премьером Нгуен Као Ки он высказал в связи с этим сомнения и соображения.

Поглаживая короткие усики, ставшие модными среди офицерского состава южновьетнамской армии, Ки снова повторил свою коронную фразу:

— Есть один путь победить, господин Мактоун,— это уничтожить Северный Вьетнам, превратить его в пыль, и тогда все станет на свое место.

— Ханой от Сайгона в двух тысячах километров, господин генерал,— сказал Мактоун.— Пусть, как мы знаем и говорим журналистам, Ханой засылает своих людей в Южный Вьетнам. Но ведь не весь же Северный Вьетнам переселился на юг? Почему же ваши солдаты не могут воевать с Вьетконгом? Кто же, как не ваша армия, должен уничтожать его?

Генерал улыбнулся.

— Господин Мактоун,— любезным голосом сказал он,— вы знаете, что нам одним не справиться. Придут ваши дивизии в достаточном количестве, со своим опытом и своим оружием, тогда мы и начнем решать ныне столь трудную проблему. Вместе с вами. И это будет настоящая битва за победу, которую мы уж не упустим. А пока я говорил и буду повторять постоянно: надо бить по Северу. Север — голова. Разобьем голову — все тело можно класть в гроб.

Разговор с генералом Максуэлом Тэйлором был дружеским. Мактоун отлично знал, что, оставив пост председателя Объединенного комитета начальников штабов ради должности посла США в Сайгоне, а фактически главнокомандующего американскими силами в Южном Вьетнаме, Тэйлор, как говорили в кулуарах Белого дома и в коридорах Пентагона, мягко выражаясь, сник. Он не нашел себя, не употребил своего влияния, чтобы укрепить сайгонский режим, найти надежного человека, способного навести порядок.

Генерал Тэйлор жаловался Мактоуну на трудности в работе, на непонимание его в Вашингтоне, на нежелание там взглянуть на события во Вьетнаме его глазами, ему-то ведь виднее.

— Что вы думаете, господин генерал, о нынешней сайгонской администрации? — спросил Мактоун.

— Я думаю, что ее нет. Есть стая хищников, рвущих друг у друга власть, которая открывает доступ к американским миллионам. Нынешняя администрация неспособна организовать борьбу с Вьетконгом. Положение здесь складывается крайне опасное. Постарайтесь убедить Вашингтон, что нужны срочные меры.

В обстоятельном докладе, приготовленном для министра обороны, Мактоун предельно лаконично сформулировал свои выводы. Они ушли в Вашингтон шифртелеграммой. «Положение в Южном Вьетнаме,— говорилось в ней,— ухудшается. Если не будут приняты срочные меры, правительство будет, видимо, оставаться непрочным и неэффективным, а Вьетконг будет продолжать усиливать свой контроль над населением и территорией. Можно ожидать, что вскоре (скажем, через 6 месяцев или два года): а) чиновники правительства всех уровней будут приноравливать свое поведение к эвентуальной победе Вьетконга; в) будет иметь место дезертирство значительного количества военнослужащих; с) целые районы страны полностью перестанут подчиняться правительству; d) в правительство проникнут нейтралистские и левые элементы; e) возникнет народный фронт, который попросит США убраться из страны; f) существенные уступки Вьетконгу и политика приспособления в отношении ДРВ поставят Южный Вьетнам по ту сторону «железного занавеса».

Три недели спустя генерал Максуэл Тэйлор послал еще более мрачную телеграмму на имя президента Джонсона:

«Несмотря на наши усилия, сайгонский режим остается крайне неэффективным. Его чиновники, включая даже высокопоставленных, заражены чувством усталости и безнадежности. В такой обстановке мы можем вести только проигранную игру. Нейтралистские настроения охватывают не только религиозные буддистские круги и часть интеллигенции, но и административный аппарат государства. Намечаемые нами крупные операции по подавлению опорных пунктов противника могут сыграть роль консерванта, но поражение приведет к еще большему разочарованию. Мое мнение, поддерживаемое аппаратом посольства и военными, состоит в предложении не только постоянно расширять наше военное участие во Вьетнаме, но и усилить во много раз мощь наших ударов по режиму Ханоя. Только комбинация этих мер может укрепить разваливающееся здание, ко-

торое имеет 50 шансов из ста просуществовать несколько месяцев».

Президент Джонсон, ознакомившись с этими тревожными документами, приказал Макнамаре обеспечить материально-технический успех предстоящей военной акции по подавлению Вьетконга. На генерала Тэйлора возлагалась ответственность за нее. Конец телеграммы звучал как приказ: «Вам надлежит убить идею нейтрализации, когда бы и где бы она ни подняла свою отвратительную голову. Надо добиться, чтобы прекратить раз и навсегда нейтралистские разговоры, применив для этого любые средства, которыми мы располагаем».

Вернувшись в Вашингтон после короткой остановки в Южной Корее, Мактоун узнал, что Вьетконг, опередив американо-сайгонское командование, начал наступление на многих участках. Он не особенно удивился этому, поскольку предчувствовал назревавший взрыв. Но сообщение, что в числе погибших в самый первый день боев оказался майор Кендалл, надолго вывело его из равновесия.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Командир дивизии, невысокий, крепко сложенный, с неторопливыми, будто заранее продуманными жестами и движениями, полковник Ле Хань сделал несколько шагов по застланному циновкой полу, потом подошел к столу, сделанному из пустых ящиков, склонился над картой района, еще и еще раз рассматривая позиции своих подразделений, разбросанных на довольно обширной территории. Неяркий свет керосиновой лампы с круглым, давно потускневшим отражателем лежал на карте неровными полосами, отчего топографическая карта казалась рельефной, или, как говорят топографы, поднятой.

Полковник видел базы и опорные пункты противника, давно закрепившегося на выгодных рубежах, и хорошо понимал, как нелегко будет атаковать его, если учесть еще, что американо-сайгонские войска по меньшей мере вдвое превосходят его по количеству солдат и в несколько раз по огневой обеспеченности. Думать о соотношении огневых средств — только себя расстраивать.

Получив назначение командовать ударной операцией в районе базы Фусань, он внимательно изучил обстановку и теперь понимал не только преимущества противника, но и свои выгоды. За ним был очевидный опережающий момент: противник, практически заканчивающий подготовку к наступлению, ничего не может изменить — ни произвести заново расстановку своих сил, ни начать действовать раньше времени. «Опередить противника, ошеломить его внезапным нападением, когда он этого не ожидает, значит существенно сократить его превосходство над тобой. Искусство командира как раз и заключается в том, чтобы точно определить, когда надо и выгодно нанести такой удар», — вспомнил Ле Хань слова профессора Маслова. «Где-то он теперь, генерал Маслов? — подумал Ле Хань. — Наверное, как и прежде, приходит в военную академию подтянутый, стройный генерал, начинавший Великую Отечественную войну лейтенантом, командиром стрелкового взвода». Полковник оторвался от карты и позволил себе немного расслабиться, уйдя в воспоминания, кажется, в совсем недавние дни. Штабные учения, занятия по стратегии и тактике, разбор военных операций прошлых войн, выполнение заданий по организации взаимодействия различных родов войск с применением массированных сил артиллерии для сокрушения обороны противника — все это так живо в памяти полковника, что он почувствовал себя на какое-то время командиром, располагающим всем арсеналом боевых средств. Он стал проигрывать в уме, куда бы он направил танковый батальон, куда послал эскадрильи самолетов и на какие объекты нацелил бы огонь тяжелой артиллерии.

«Что это я?» — улыбнулся полковник и тряхнул головой, отгоняя не ко времени пришедшие мысли. Не было у него сейчас ни танкового батальона, ни самолетов, ни тяжелой артиллерии. Придется обходиться теми средствами, которые есть в распоряжении сегодня.

Полковник был доволен, что штаб фронта принял его план, хотя некоторые товарищи высказывались за прямую атаку базы.

— Прямое нападение на нее, — говорили они, — может потрясти противника.

— Что вы на это скажете, товарищ полковник? — спросил главком.

— Обдумывая свой план, — ответил Ле Хань, — мы рассматривали и такой вариант. Но потом, когда по-

знакомились с данными разведки, с обстановкой на местности, мы пришли к выводу, что лобовая атака на базу не принесет желаемого результата. Мы исходили из того, что у противника большое превосходство перед нами и в живой силе, и особенно в технике. Если мы пойдем на прямой штурм базы, то потеряем много людей, а цели все равно не достигнем. Поэтому штаб дивизии и предлагает вариант, предложенный на утверждение. В общих чертах он состоит в следующем. С помощью наших разведчиков, работающих на базе, туда проникнут диверсионные группы и постараются нанести как можно более чувствительный урон технике. Взрывы самолетов и вертолетов произведут на противника, может быть, еще большее психологическое воздействие, чем прямая атака. А наша активность на других участках и нападение на ряд опорных пунктов усилят это воздействие.

Полковник посмотрел на командующего и, увидев, что тот согласно кивает головой, продолжил:

— Мы не можем бросить всех сил против базы еще и потому, что тогда, разгадав наши плохо скрытые намерения, противник немедленно приведет в действие свою боевую мощь: с территории базы нас наверняка атакует авиация, пойдут в наступление морские пехотинцы при поддержке бронетранспортеров. На помощь базе придут и прилегающие к ней гарнизоны, и мы окажемся зажатыми со всех сторон. На подступах к базе недостаточно простора для маневра, и нас начнут бить и с фронта, и с флангов.

— А что вы будете делать, если противник бросит десант против вас вот здесь, в районе атаки на укрепленный район номер двенадцать?

— Здесь действительно самый опасный участок, потому что перед нами находится сильный гарнизон, прикрывающий дальние подступы к базе и к основным складам боевого снабжения. Во-вторых, вражеский гарнизон может быстро получить огневую поддержку с самой базы, особенно вертолетами. Но наш план предусматривает два варианта развития событий. Первый. Примерно полтора батальона при поддержке артиллерийского и минометного огня, правда не очень сильного, совершат нападение на укрепленный район. При удачном развитии боя, то есть при условии, что гарнизон базы, занятый наведением порядка после наших диверсий, не пошлет немедленно поддержки атакуемым, мы

постараемся усилить свое давление, чтобы разгромить его полностью.

— Этот вариант, как я полагаю, — сказал главком, — заранее ориентирован на благоприятное стечение обстоятельств. Но вряд ли так будет на самом деле. Вот в чем вопрос.

— Конечно, — согласился полковник Ле Хань, — этот вариант желаемый. Но если по тревоге из укрепленного района командование базы бросит силы поддержки, мы — это тоже предусмотрено — немедленно меняем позицию и переходим на заранее подготовленный рубеж обороны, очень выгодный для нас и неудобный для врага. Перед нашей обороной, а мы занимаем господствующие высоты, лежат рисовые поля, а также заболоченные и покрытые мелким кустарником участки, которые морским пехотинцам или десантникам будет очень трудно преодолеть без больших потерь. Мы думаем, что сможем положить солдат противника на землю и не дадим им не только прорваться к нам, но и беспрепятственно вернуться под защиту своих бронетранспортеров.

— А если пойдут бронетранспортеры?

— Они далеко не пройдут. Во-первых, болотистая местность, а во-вторых, мы заминируем участки, которые могут быть легко преодолены.

— Ну что ж, — подвел итог главком, — мне кажется, что военный совет может согласиться с планом командования дивизии. По-моему, они, — кивнул главком головой в сторону командира и начальника штаба дивизии, — все предусмотрели и нашли хороший вариант. Но нельзя забывать, что противник перед нами сильный, он постарается найти другое для себя решение, не то, что мы за него приняли. Вот тогда вы, товарищи командиры и ваши подчиненные, должны будете хорошенько подумать — а времени на раздумья у вас будет очень мало, — чтобы выйти из положения. Но всего предусмотреть невозможно, поэтому необходимо с самого начала не упускать из виду ничего в поведении противника. Давайте вашу карту, полковник.

Командующий поставил свою подпись и передал карту другим товарищам.

— Желаем вам успеха, товарищи, — сказал главком. — В ходе боев держите нас в курсе событий.

После утверждения плана офицеры штаба дивизии были раскреплены по подразделениям, чтобы на месте оказывать помощь командирам советом и опытом.

И вот подошел срок, когда механизм уже приведен в действие.

Полковник Ле Хань снова вернулся к карте. Вот он, несколько кружной, но удобный подход к базе. Диверсионные отряды, просачиваясь через посты наружного охранения, как мелкие рыбешки сквозь крупноячеистую сеть, вплотную подойдут к трехрядному проволочному заграждению. Последний ряд проволоки находится под электрическим напряжением. Это, конечно, серьёзное препятствие. Но, как сообщили разведчики, это препятствие будет устранено: рубильник, включающий подачу тока на проволочное заграждение, выведет из строя один из товарищей на самой электростанции. «Хорошо бы этому товарищу незаметно и побыстрее скрыться,— подумал Ле Хань,— а то ведь на него падет подозрение в первую очередь, и уж тогда вряд ли кто сможет помочь ему самому».

С наблюдательного пункта постоянно докладывали о том, что происходит вокруг базы. Уже два раза вылетали оттуда по десятку вертолетов и, резко наклонив свои стрекозинные тела, брали курс на запад, а минут через тридцать — сорок возвращались назад.

Ле Хань быстро разобрался в обстановке. Видимо, разведка противника обнаружила активность на участке западнее базы и направила отряды вертолетов на бомбежку. Если считать, что двадцать вертолетов могли захватить несколько сот небольших бомб, то соседям приходилось нелегко. Полковник посмотрел на часы. Диверсионные группы уже начали осторожное перемещение. Ему казалось, что он видит, как по двое-трое, с небольшими, но мощными зарядами взрывчатки, заложенной в магнитные мины, тенями пробираются с разных концов к цели солдаты и офицеры.

«А что, если не удастся обесточить проволочную преграду? Тогда придется идти на более рискованный шаг!» — подумал полковник.

«Рискованный шаг» означал, что пробираться на базу придется через высокую стену. Правда, и на этот счет заготовлено снаряжение. У каждого члена группы есть с собой прочная капроновая лестница с крюком на конце. Чтобы не нарушать тишины, крюки обмотаны тряпками. Только остро заточенные кончики едва выглядывают из обмотки. Но и в этом случае успех целиком зависит от товарищей, находящихся на территории базы: они, взяв на себя часть смертельного риска, должны

будут не только обесточить проволочное ограждение, но и выключить любым путем освещение базы.

В наступившей темноте противнику и мышь может показаться тигром. Даже короткой растерянности может хватить на то, чтобы подобраться незаметно к ангарам и установить мины. Однако рассчитывать можно только на несколько минут, пока морские пехотинцы не пустят в ход индивидуальные лампы с мощным пучком света. Морским пехотинцам и десантникам не потребуется много времени, чтобы разобраться в обстановке, но все-таки период замешательства может быть достаточным, чтобы справиться с трудным делом.

Ле Хань вспомнил товарищей, которым поручено нелегкое задание, он беседовал с ними, и у него осталось о них хорошее впечатление.

Он еще вспоминал детали этой встречи, когда неожиданно услышал за спиной молодой, по-детски звонкий голос:

— Товарищ командир дивизии, связной командира седьмого полка прибыл с донесением.

Обернувшись, он увидел связного в гражданской одежде, с тяжелым вещмешком за спиной, лямки которого врезались в хрупкие плечи.

— Кто же тебя так нагрузил-то? И зачем? Как фамилия?

— Сержант Ба Тхи Льен¹, товарищ полковник.

Командир дивизии даже сделал шаг назад от неожиданности. Не то чтобы он не видел женщин в армии, но вид Ба Тхи Льен настолько не вязался с тяготами войны и этим тяжелым мешком за плечами, что он даже не поверил ее словам.

— Милая девочка, сколько же тебе лет и почему ты занимаешься делом не по возрасту?

— Товарищ полковник,— с обидой в голосе сказала девушка,— мне девятнадцать лет, я кончила школу радистов и готовилась к выполнению любых заданий командования.

— Ну, извини,— сказал полковник,— не думал встретить такую красивую девушку да еще в сержантском звании. А что это за мешок за плечами?

— Это — рация, товарищ полковник. Разрешите передать вам сообщение командира седьмого полка майю-

¹ Второй слог «Тхи» во вьетнамском языке имеется только в женских именах.

ра Зьема,— из потайного кармашка она вытащила тугу, словно сигарета, скатанную бумажку и протянула полковнику.

Развернув донесение, Ле Хань разглядел его и, наклонившись к лампе, внимательно прочитал его. Потом перевел взгляд на девушку, спросил:

— Почему вы оказались в расположении седьмого полка? Да,— спохватился он,— снимайте свою ношу и садитесь вот на этот ящик. Так почему вы оказались в седьмом полку, а не в штабе дивизии?

— Об этом долго рассказывать, товарищ полковник. Меня и моего товарища командование направило в район базы Фусань. В пути мы нарвались на патруль неприятеля, и товарищ приказал мне в одиночку добираться к месту, а сам остался прикрывать меня. Может быть, он спасся, потому что сгущалась темень. Я долго шла, спешила, пока не вышла на передовое охранение седьмого полка. Пришлось раньше времени развернуть рацию и сообщить в штаб, что с нами произошло. Теперь мне нужна ваша помощь, чтобы добраться до холмов, у подножия которых расположена пагода Пурпурных облаков.

— Про эту пагоду я давно слышал,— сказал Ле Хань,— где-то там сейчас работает мой близкий друг, с которым учились вместе.

— Вот и меня ждет там один товарищ, у которого накопилось много информации для командования. И еще: ему очень нужна надежная связь. Прошу вас, товарищ полковник, дать мне кого-нибудь из ваших бойцов, мы тогда легче доберемся до цели.

— Но вряд ли, дорогая ко¹ Льен, кто-нибудь из наших бойцов знает туда дорогу. Сложную ты задачу задала своим появлением,— сказал, улыбнувшись, командир.

— Вообще-то, товарищ полковник, я бы и сама добралась, я ведь здешняя, жила недалеко от Фусани, места мне известные, есть и знакомые люди. Только,— замялась девушка,— вы уж извините, но мне надо очень срочно, а с таким грузом мне будет трудно.

Полковник подал карту, на которой не было никаких пометок.

¹ Ко — сестренка, сестра. Обращение к женщине, младшей по возрасту (*вет.*).

— Сможете показать, куда вас надо проводить? — спросил он.

Девушка поднесла карту поближе к свету, быстро нашла нужное место.

— Это вот здесь, — сказала она. — Вот эти холмы, рядом с ними и пагода, километра три-четыре, не больше. Сюда мне и надо.

— Да, — бросив взгляд на карту, сказал полковник, — до холмов-то километров двадцать. Боюсь, не успеете, скоро тут будет жарко.

— Я должна успеть, меня ждут товарищи.

— Боюсь, сестренка Льен, как бы ваших и наших товарищей не схватили американцы после сегодняшней ночи, очень уж рискованно работают, прямо в окружении врагов.

— Насколько известно, наши товарищи вне подозрений. Я не знаю, что они будут делать сегодняшней ночью, но прежде всего они постараются обеспечить себе надежное оправдание в непричастности к чему бы то ни было.

— А вы знаете товарища, с которым должны встретиться?

— Нет, только имя и пароль, но мне сказали, что это очень опытный разведчик.

— Да, уж представляю, — согласился полковник, — другой бы в таком месте и дня не продержался.

Он вышел и, не вдаваясь в подробности, попросил начальника разведки найти двух бойцов для сопровождения связного в заданный район.

— Учти, — сказал полковник, — им придется нести мешок, а может быть, и его хозяйку. Видишь, какая слабая?

— Не слабая, товарищ полковник, — сказал начальник разведки, — хрупкая. Если из седьмого полка дошла сюда по темному лесу да с такой ношей — это не слабая. Такая с любой ношей сама управится, но помочь надо. Пять минут на поиск дадите?

— Даю десять, но чтобы ребята были что надо.

Он вошел в помещение и увидел, что девушка, привалившись к стенке, спала. Прыгающий свет то скупо освещал ее совсем юное лицо, то погружал во мрак. Полковнику стало не по себе. Вот сейчас войдут сюда парни, крепкие, выносливые, которым самой судьбой определено быть там, где трудно, и он вынужден будет разбудить эту девочку — а ей, видно, очень хочется

спать — и послать в тревожную ночь. И может быть, он уже никогда не встретит ее, но в том, что он никогда не забудет ее, он уже не сомневался.

— Разрешите войти, товарищ командир? — услышал он и бросил взгляд на девушку: не проснулась бы. Но она уже вскочила, потерла ладошкой глаза.

— Извините, товарищ полковник... — и не договорила.

Полковник внимательно осмотрел бойцов и остался доволен: молодые, сильные, привыкшие и к переходам, и к тяжестям. «А кто из наших бойцов не привык к этому?!» — подумал он с некоторой долей гордости за этих парней да и за себя — ему тоже пришлось пройти тем же путем, которым они идут сегодня. Он рассказал бойцам, что им предстоит сделать, показал направление маршрута по карте, попросил быть крайне осторожными, помочь сержанту Льен как можно быстрее добраться до цели.

— Заботьтесь о ней как о сестре, — напутствовал полковник, — почувствуете, что ей трудно, что она устала, — отдохните...

— Товарищ полковник, — вмешалась в разговор Льен, — разрешите мне самой определять режим движения, как будет удобнее...

— Хорошо, — согласился командир, — определяй сама. А сейчас не хочешь ли немного отдохнуть, Льен, все-таки дорога будет нелегкой.

— Если мы задержимся здесь, — сказала радистка, — она будет еще трудней.

— Это верно. Ну, тогда в путь. Берите вещмешок, ребята вы сильные. Справитесь?

— Справимся, товарищ полковник, — ответил боец, легонько крикнув, когда надевал лямки на плечи. — И ты это сама тащила? — спросил он девушку. — Что там, кирпичи, что ли? — засмеялся он, прилаживая удобнее вещмешок.

Полковник протянул девушке руку.

— Ну, до свидания, Льен. Может быть, еще встретимся на этой войне. Моя фамилия...

— Я знаю, товарищ полковник. Большое спасибо за помощь. Я думаю, обязательно встретимся.

— Будьте осторожны, — напутствовал он всю тройку.

— Вы — тоже, — услышал он из темноты голос Льен.

Но все это быстро отступило, растаяло, потому что уже истекали последние часы томительного ожидания, после которого сразу станет ясно, все ли сделано как надо, где допущены просчеты, чего не учли в ходе подготовки. Это будет серьезная проверка для будущих боев с противником, которого пока знали лишь теоретически.

...Взрывы на базе донеслись сюда глухо, и только далекое пламя, сполохами окрасившее темное небо, говорило, что диверсионные группы выполнили свое задание.

Прошло несколько минут, и командир дивизии дал приказ открыть по базе артиллерийский огонь.

Ночной бой с противником, застигнутым врасплох, еще не дает основания говорить об окончательном успехе, потому что противник, а особенно такой, как этот, способен быстро оценить сложившуюся обстановку, организовать оборону или начать ответные контратакующие действия. Поэтому полковник Ле Хань не удивился, когда с рассветом с базы поднялись вертолеты и вскоре появились над позицией артиллеристов, начав ракетный и пулеметный обстрел их. Настоящий бой начался только утром.

Самолеты-разведчики, оснащенные радарам и лазерными приборами, обнаружив расположение некоторых подразделений, направили на них бомбардировочную авиацию. Земля содрогалась от взрывов, горел лес, удушливый дым обволакивал позиции. Было трудно дышать. После первой бомбежки командиры подразделений отвели бойцов с засеченных врагом позиций, предвидя, что вслед за ней последуют другие удары, более мощные.

В девять часов утра американская авиация начала новую бомбежку. Однако батальоны полковника Ле Ханя не только не дрогнули, но сами вели плотный ответный огонь по воздушным целям. За первые три часа над боевыми порядками сил освобождения было сбито четыре вертолета, один из них взорвался в воздухе.

После полудня огневой удар противника ослабел, вертолеты и самолеты переключились на бомбежку 7-го полка. Командир дивизии понял, что майор Зьем, начавший частью своих сил атаку на гарнизон противника, отвлек на себя вражескую авиацию. Кажется, все воздушные силы базы были брошены против 7-го полка. Сквозь грохот боя прорвался по радио голос командира полка.

— Товарищ командир,— полковник узнал его сразу,— докладывает седьмой Зьем.

— Это над вами там повисли американцы? — перебил полковник.

— Над нами, товарищ командир,— с задором в голосе говорил майор.— Это ничего. Они просто с ума сошли от злости. Докладываю, товарищ командир, что мы разгромили большую автоколонну. Она везла из порта на базу продукты. Если бы вы посмотрели, что творится на дороге! Вино течет рекой, банки с консервами, разбитые ящики, машины горят, а американцы бросают бомбы куда попало — и по нашим позициям, и впустую.

— Потери большие? — прервал Ле Хань командира полка.

— Сейчас не знаю, потом подсчитаем. Наши бойцы захватили много продуктов.

— Судя по тому, как вас бомбят, надо подготовиться к худшему, на вас могут сейчас направить морскую пехоту и броневики.

— Мы к этому уже подготовились, товарищ командир, все сделали, как намечали. Броневики далеко не пройдут.

Пока шел этот разговор, командиру дивизии сообщили, что с базы двинулась колонна бронетранспортеров в сторону 7-го.

— Слушай, Зьем,— сказал полковник,— как я и говорил, гости пошли к тебе, очень много. Постарайся встретить хорошенько.

— Есть, товарищ командир, выдержим, у нас удобная оборона.

Раздался шелчок, и рация замерла. Голос майора Зьема полковник услышал только через два с половиной часа. Но это был уже другой голос.

— Товарищ командир, докладывает седьмой Зьем,— он замолк, будто переводил дыхание,— положение у нас крайне трудное. Отбиваемся, но противник ведет убийственно плотный огонь и с воздуха, и с земли. Около батальона морских пехотинцев мы положили на рисовых полях, но нам все труднее держать их из-за очень сильного огня с воздуха,— майор снова замолк, и молчание затянулось.

— Что с вами, Зьем? — спросил полковник.

— Ничего, товарищ... — полковник четко услышал стон,— вторая пуля в плечо попала. Сейчас, минуточку...

Полковник быстро просчитал в уме варианты, но не нашел ни одного, который дал бы возможность помочь 7-му полку.

— Дорогой Зьем, обстановка, как вы понимаете, складывается сложно. Выход один — держаться. Держаться до темноты, а потом выходить из боя. Сможете?

— Постараемся, товарищ командир. Будем держаться.

И полк держался, несмотря на тяжелые потери. Он не только держался, но и не дал пехоте противника приблизиться к своим позициям.

Перед самым концом боя на связь вышел комиссар полка и доложил, что полк выстоял, броневики разворачиваются и уходят, пехота, кажется, тоже убирается короткими перебежками. Но потери в полку серьезные, командир полка вынесен из опасной зоны, и ему оказывается помощь. Положение его тяжелое.

— Какой будет приказ? — спросил комиссар.

— Задание вами выполнено хорошо, — сказал полковник Ле Хань, — отводите бойцов на запасные позиции, как было предусмотрено планом. На новом месте получше укройтесь на случай, если повторятся воздушные налеты. Не теряйте времени, отходите.

Не всем подразделениям дивизии выпал такой тяжелый день, как на долю 7-го полка. Противник, как правильно говорил командир полка, действительно был взбешен и обрушился на атакующих большими силами. И хотя полк понес серьезные потери, он не дрогнул, выстоял и выполнил поставленную задачу, а ведь его бойцы вели свой первый настоящий бой с американцами. Со стороны противника были применены все средства технического подавления, на которые американское командование возлагало большие надежды.

Командование сил освобождения, утверждая план наступательных боев на всех фронтовых участках южнее реки Бенхай, рассматривало боевые действия в районе базы как отвлекающий маневр, как проверку собственных подразделений к ведению боев в совершенно новых условиях.

Однако отвлекающий маневр вызвал крайне болезненную реакцию не только в штабе экспедиционного корпуса, но и в Пентагоне. Эта реакция стала еще более бурной, когда сразу после атаки на Фусань было совершено крупное нападение на построенную несколько лет назад военно-воздушную базу Бьенхоа, всего в сорока

километрах от Сайгона. Эта настоящая военная крепость была окружена сложной системой проволочных заграждений и минных полей, вокруг базы постоянно курсировали танки и бронетранспортеры. В радиусе нескольких километров действовали батальоны рэйнджеров — солдат особых частей — и два батальона парашютистов. Казалось, что мышь не проползет незамеченной, и все-таки нападение было совершено. Было уничтожено несколько самолетов и вертолетов, убито и ранено, по американским данным, девяносто три солдата и офицера.

Первый год активной войны, начатой Линдоном Джонсоном, не оправдал надежд, которые питали в Вашингтоне. Совещания с военными, строгие телеграммы послу и командующему американскими силами, вызовы их с докладами, крутые беседы с лидерами сайгонской администрации — все было подчинено одной цели: создать перелом в развитии событий. После получения сообщений о нападении на базы Фусань и Бьенхоа президент послал Тэйлору телеграмму в резких выражениях. «По всем фактам, имеющимся в нашем распоряжении, внутреннее положение во Вьетнаме ухудшается. Оно требует от вас выработки четкого плана коренного изменения ситуации в нашу пользу. Поступившие тревожные вести о нападении Вьетконга на мощные американские базы говорят о слабости мер, предпринимаемых вами для выполнения разработанной программы подавления противника всеми имеющимися средствами и силами. Как президент страны и верховный главнокомандующий, требую от вас принять к сведению: повторение подобных акций будет свидетельствовать о вашей личной неспособности выполнять миссию, возложенную на вас американским народом. Джонсон».

Целая неделя потребовалась Тэйлору и его советникам для подготовки предложений в связи с телеграммой президента. Наконец ответ был составлен. «Я полностью согласен с тезисом о том, что все ухудшающаяся обстановка в Южном Вьетнаме требует разработки и применения чрезвычайных мер как внутреннего, так и внешнего порядка, — писал Макссуэл Тэйлор. — Первоочередной мерой считаю усиление военного давления на ДРВ, чтобы вынудить ее правительство прекратить оказывать поддержку Вьетконгу, и использовать свою власть, чтобы заставить Вьетконг положить конец его разрушительным действиям. Я также считал бы целесообразным

и необходимым в нынешней ситуации, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя обязательство по воздушной и морской защите Южного Вьетнама».

Последнее предложение в Вашингтоне было расценено как признак возможного умственного потрясения генерала Тэйлора или появившейся у него мании преследования: еще ни один самолет, ни один вражеский корабль ни разу не были замечены в воздушном или морском пространстве Южного Вьетнама. Это кошмарное видение генерала долго было предметом самых злых шуток в кабинетах Пентагона.

Не успели в Вашингтоне как следует изучить предложения генерала Тэйлора о мерах по ликвидации Вьетконга, как силы национального освобождения снова начали еще более крупное наступление, и снова в самом большом для американцев месте — недалеко от Сайгона, в районе Биньцзя. В течение месяца наступающие уничтожили и повредили 37 самолетов и вертолетов, полностью разгромили дивизион бронемашин, убили, ранили и взяли в плен около двух тысяч солдат и офицеров противника.

Начиная широкую войну во Вьетнаме, американское командование представляло ее как игру кошки с мышкой. Само собой подразумевалось, что американская кошка, поиграв немного, быстро покончит с вьетнамской мышкой. Они не подозревали, что с самого начала эта игра примет совсем другой оборот.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

События во Вьетнаме, кажется, начали разыгрываться не по тому сценарию, какой так тщательно писался в Вашингтоне. Об этом подумал Джонсон, познакомившись с большим количеством бумаг, полученных от дипломатов, агентов ЦРУ и военных.

Переброшенные на вьетнамский театр дивизии, по всем расчетам, должны уже были если не разгромить полностью Вьетконг, то хотя бы приблизить его поражение. Джонсона выводила из себя, ставила в тупик противоречивость информации, идущей из Вьетнама. «Есть ли у нас хоть один человек, — возмущался он, — который мог бы дать точный ответ на то, что все-таки происходит во Вьетнаме?» Он пригласил к себе Макнамару и поделился с ним своими сомнениями.

— В скором времени, Боб, я намерен выступить по телевидению и сказать нации, чего она может ожидать от войны, которую мы ведем на ее деньги за десять тысяч миль от берегов Америки.

— Хорошая идея, господин президент. Нация периодически нуждается в такой информации. Думаю, что сознание каждого американца наполнится гордостью, если он будет знать, что хоть своими деньгами он способствует укреплению наших идеалов и сокрушению коммунизма.— Макнамара произнес это таким равнодушным голосом, но в то же время с оттенком иронии, что президент вопросительно посмотрел на него.

— Я вижу, у тебя меланхолическое настроение, что тебе не очень идет. Но и у меня, после того как прочитаешь такие послания,— кивнул президент на стопку бумаг,— оно не становится бодрее. Вот ты говоришь — не пойму только, всерьез или с иронией? — надо объяснить кое-что нации. А что мне сказать ей, нации? Что у нас никто не знает, что действительно происходит во Вьетнаме, что я не знаю, кому верить и можно ли вообще верить кому-нибудь? Скажи, неужели и ты со своим могучим аппаратом разведки находишься в таком же положении? Это чудовищно! У меня складывается впечатление, что наши службы, обязанные давать точную, объективную информацию, стараются одна перед другой создать наиболее запутанную картину происходящего. Тебе это не приходило в голову, а?

— Война, господин президент,— не отвечая на последний вопрос, сказал Макнамара,— напоминает картину, и каждый рисует ее по-своему, пользуясь своими красками.

— Но ведь мы не художники, а политики, и нам нужна не какая-то мазня, а подлинное представление о том, что происходит. Мне как-то в Японии рассказывали, что у них был знаменитый художник, который всю жизнь рисовал только гору Фудзияму. Представляешь, десять тысяч картин и на всех — Фудзияма! Полагаю, что он мог нарисовать и в два раза больше, и от этого ничего бы не изменилось: Фудзияма как стояла, так бы и стояла, в каком бы ракурсе ее ни изображали. Другое дело — война. Нам нужен такой ее ракурс, который позволял бы нам принимать решения, затрагивающие судьбы страны.

— Я, господин президент, тоже был расстроен, познакомившись примерно с такими же посланиями.

Мне жалуются на плохую работу армейской разведки, которая, несмотря на мощное оснащение разной техникой, не может определить, где находится противник, какие у него силы и какие намерения. Это очень влияет на ход той или иной операции. Но плохая разведка в государственном масштабе наносит уже вред, ни с чем не сравнимый. Часто мы страдаем не от недостатка данных и фактов — этого у нас хватает. Мы страдаем оттого, что наши люди не умеют анализировать их и делать верные выводы. Сейчас мы как раз находимся в таком положении, когда нам нужны аналитические выводы, которые могут подсказать правильное решение.

— И что ты предлагаешь? — спросил президент, почувствовав, что не только он обеспокоен состоянием дел.

— Я думаю, надо послать во Вьетнам вашего помощника по вопросам национальной безопасности Макджорджи Банди. Это надежный человек. Он будет там вашими глазами и ушами. На его объективность можно положиться.

Банди провел во Вьетнаме продолжительное время и привез, как заявил президент, беспощадный доклад. «Обстановка во Вьетнаме, — писал Банди, — с каждым месяцем становится все острее, и без дополнительных мер США поражение представляется мне неизбежным. Ставки чрезвычайно высоки, чтобы не учитывать происходящего. Перспективы слишком мрачны, чтобы сохранять на лице улыбку самодовольства. Энергия и упорство Вьетконга поразительны. Партизаны могут появиться всюду — и почти в любое время. Они демонстрируют искусство нападения из засад и яростно сопротивляются, когда их атакуют».

Показав на эту часть доклада, президент не выдержал:

— Если то, что ты пишешь, — правда, то не кажется ли тебе, что мы воюем не на той стороне, Мак?

— К сожалению, господин президент, у нас нет выбора, мы заняли место на той стороне, которую отвели нам наши принципы и наше представление о ценностях в этом мире.

— А если так, то какие меры мы должны предпринять, чтобы победа склонилась на нашу сторону?

— Сейчас во Вьетнаме находится двести тысяч наших солдат. Но, как показывают события, этого недостаточно. Я думаю, что увеличение контингента

вдвое, а еще лучше — втрое, может привести к желаемым результатам.

— Информация, которую ты представил, Мак, ставит меня перед трудным выбором.— Банди понимал, что президент сейчас разыгрывает роль, будто он готов уступить критикам, требующим найти невоенные пути решения вьетнамской проблемы. Об этом как раз сегодня говорил в сенате один из старейших противников Джонсона сенатор Брайтсан.— Но если я приму решение, не отвечающее желанию американского народа, то наши принципы и наша способность отстаивать их потерпят моральный урон. Тогда меня будут обвинять в том, что я мало сделал для спасения Америки. Весь конгресс накинется на меня — и каждый будет бросать мне в лицо, как укор: «Вьетнам, Вьетнам, Вьетнам...»

Этот разговор вспомнил Джонсон, просматривая свое обращение к народу, подготовленное многоопытными советниками. Они хорошо знали его стиль и терминологию, и ему не было необходимости менять что-нибудь кардинально. Хотелось только придать речи побольше теплоты и доверительности, будто он по-дружески беседует с каждым американцем в отдельности. Пусть этот американец почувствует свою причастность к делам, которые он доверил ему, президенту Джонсону, а он, президент, отчитывается за то, как он их делает. В этом сила американской демократии.

Президент взял листочек бумаги и золотой ручкой «Паркер» написал то, что надо обязательно сказать: «Наша страна, все мы вовлечены сейчас в жестокий и мучительный конфликт во Вьетнаме. Этот конфликт должен быть в центре наших забот».

Джонсон подумал: надо ли расшифровывать, как создавался и принимал нынешние размеры этот конфликт, или ограничиться констатацией факта. Отодвинув листки в сторону, он вышел из-за стола, в раздумье прошелся по кабинету, постоял у окна, потом вернулся на место и добавил к написанному: «Я не могу предсказать, как будет развиваться война во Вьетнаме. Возможно, это будет долгая и упорная война. Потребуются новые жертвы от каждого и нас. Но я знаю, что всемогущий бог не оставит нас своим промыслом на пути к защите великих идеалов Америки».

Поставив точку, президент еще раз прочитал отдельные места. Потом, закрывшись в комнате отдыха, он подошел к большому зеркалу и попробовал найти

несколько эффектных поз, которые будут «случайными» перед телевизионными камерами. Президент остался доволен проделанной работой.

Леди Бёрд, супруга президента, сказала, что его выступление по телевидению было просто восхитительным.

— Ты был очаровательно серьезным, Линдон. Думаю, не у меня одной появилась мысль, что более предствительного президента Америка еще не имела.

Это было приятно слушать, но на следующий день Джонсон был расстроен, узнав, что пресса самым критическим образом отозвалась о его выступлении. Роберт Макнамара, с которым Джонсон поделился своим огорчением, сказал, что на это не стоит обращать внимание, потому что американская пресса любит изображать из себя самого высшего судью, которому якобы чуть ли не самим богом предписано одобрять или отвергать начинания властей. Пусть пошумит и теперь. Но когда придет время голосовать за статьи бюджета, конгресс уже будет в безвыходном положении: не может же бросить Америка своих парней на произвол судьбы, или, как вы однажды сказали, на съедение желтого карлика с перочинным ножом в руке.

Именно о судьбе американских солдат в широком смысле слова готовился говорить президент на встрече в Гонолулу, намеченной на февраль 1966 года. Поскольку судьба американских солдат неотделима от судьбы Америки, думал он, то в этом свете положение во Вьетнаме представляет серьезную угрозу ее интересам. Америка не может позволить кому бы то ни было попираить ее священные права стоять на страже идеалов демократии и свободы, в каком бы районе мира им ни грозила опасность. Это надо пресекать во что бы то ни стало. Как президент Соединенных Штатов он скажет своим союзникам, что они могут положиться на Америку, но и сами должны быть более активными. В этой борьбе каждому надо нести свою ношу.

Накануне отъезда на Гавайи у президента была беседа с Макджорджи Банди.

— Объединенный комитет начальников штабов, господин президент, входит с предложением одобрить программу, которая, по его мнению, могла бы принести коренной поворот в развитии событий во Вьетнаме.

— Макнамара уже представил свои соображения, видимо, это и есть та программа, о которой ты говоришь.

— В основных чертах. Только начальники штабов, как это им и положено, разложили все по соответствующим полочкам.

— Не думаешь ли ты, Мак, что у нас слишком много разных программ? Все предлагают: тихоокеанское командование, командование экспедиционного корпуса, министерство обороны, начальники штабов, ЦРУ, государственный департамент, а результатов пока не видно. Ты так не думаешь, Мак?

Президент пристально посмотрел на своего советника по вопросам национальной безопасности, и в глазах Джонсона Банди прочел и сомнение, и тревогу, и недовольство, и надежду.

— Да, господин президент, результаты пока не соответствуют ни нашим целям, ни нашим расходам. Надо кропотливо искать причину этого и действовать самым решительным образом.

— Ты сейчас говоришь то, что я на протяжении уже долгого времени слышу со всех сторон. Мне кажется, Мак, что мы все еще не осознали того факта, что события во Вьетнаме не какая-то рядовая, как их много было и много будет, война с партизанами, подбитыми на мятеж безответственными элементами. Во Вьетнаме сегодня находится эпицентр борьбы с коммунизмом. Мы не можем потерпеть там поражения потому, что наше общество после этого будет долго оглядываться на Вьетнам, прежде чем принять какое-то крупное решение. Поэтому из всех программ я выбираю только такие, которые указывают конструктивный путь к победе, а не повторяют старые истины. Таких же конкретных предложений я жду и от тебя, мой дорогой Банди.

Джонсон вылетел на Гавайи в сопровождении министра обороны Макнамары, государственного секретаря Раска, посла по особым поручениям и заместителя государственного секретаря по дальневосточным вопросам Аверелла Гарримана, председателя Объединенного комитета начальников штабов Уиллера, советника по вопросам национальной безопасности Макджорджи Банди и еще целой свиты обслуживающего персонала.

После прохладной вашингтонской погоды прогретый солнцем, напоенный запахами моря воздух Гонолулу показался поистине целебным. Президент посмотрел на небо. Оно было такого же голубого цвета, как море, а все вместе напоминало японскую картину, висевшую в кабинете его техасского дома. Джонсон окинул взгля-

дом встречавших. Все были хорошо знакомы: командующий американскими вооруженными силами на Тихом океане, посол в Сайгоне, президент и премьер Южного Вьетнама.

Кинувшиеся с магнитофонами и камерами журналисты, потеснив охрану, едва не сбили самого президента. Джонсон, широко и приветливо улыбаясь в направленные на него объективы, отделялся от газетных репортеров ничем не значащими словами. Он даже шутил с наиболее знакомыми из них, но говорил всем одно и то же:

— Полет был прекрасным, господа, а остальные вопросы поберегите на более позднюю стадию. Нет, господа, никаких комментариев.

Очередные гавайские переговоры начались в обстановке небывалой секретности. На первом заседании адмирал Шарп сделал обзорное сообщение о военном положении в Южном Вьетнаме и о том, как идут бомбардировки территории Северного Вьетнама, потом выступили посол США в Сайгоне, председатель Объединенного комитета начальников штабов и главный военный советник США при сайгонской армии.

На второй день встречи неожиданно слово взял сам президент Джонсон, выступление которого предполагалось только в конце совещания.

— Я хочу проинформировать вас, господа,— с трагическими нотками в голосе начал он,— о том, что в Южном Вьетнаме обстановка в эти дни, когда мы находимся на этом совещании, резко ухудшилась. Вчера я получил сообщение, что Вьетконг совершил новое варварское нападение на военную базу США в Плейку. Это, как свидетельствуют факты, было хорошо подготовленное, думаю, не без помощи Ханоя, нападение. Удару подвергся командный пункт, аэродром и казармы. Должен с огорчением сообщить, что в ходе этого бандитского нападения убито и ранено 234 американских военнослужащих и подорван 31 самолет.

Джонсон подождал, пока успокоятся присутствующие. Большим клетчатым платком он вытер лицо, протер очки, но продолжал молчать, показывая всем видом, что ему трудно справиться с волнением. Но вот он поднял голову, окинул взглядом лица участников совещания и наконец продолжил:

— Я должен также информировать вас о том, что я отдал приказ военно-воздушным силам, базирующимся

в этом районе, начать массированную бомбардировку новых целей в Северном Вьетнаме. Это будет наш ответ на удар по Плейку. Мы покажем Ханю, что Америка не оставит безответной ни одной его враждебной акции.

Совещание после этого уже пошло на той высокой ноте, которую взял президент Джонсон. Даже несколько нервное и крикливое выступление сайгонского премьера не вызвало у Джонсона неприятного осадка. Наоборот, Ки понравился Джонсону своей бескомпромиссностью и готовностью идти на самые решительные действия против Ханоя. Обращаясь к Джонсону, он сказал:

— Господин президент! Мы видим в вас единственного защитника наших интересов, так бесстыдно и вероломно попираемых враждебными нам силами. Мы просим вас, господин президент, великого лидера великой страны, употребить все ваше могущество для сокрушения коммунистической опасности. От имени нашей страны я прошу вас направить во Вьетнам такой контингент войск, который поможет защитить наши моральные ценности. Мы гордимся ими, потому что получены они благодаря дружбе с Соединенными Штатами.

Это уже было совсем в стиле Джонсона, едва не прослезившегося во время речи премьера-генерала.

Гонолулская декларация и совместное коммюнике были составлены в таких выражениях, что через частоту слов «мир и спокойствие, процветание и взаимопомощь, непреходящие ценности и идеалы демократии», казалось, никому не добраться до истинных намерений сторон, скрытых в секретных приложениях.

Поэтому Джонсон был возмущен необъективностью мировой печати, извратившей, как он серьезно думал, дух декларации. Влиятельная французская газета статью о совещании в Гонолулу дала под крупным заголовком «Сговор о расширении войны во Вьетнаме».

«Какая мерзкая клевета!» — воскликнул Джонсон, отбрасывая сводку информации зарубежной прессы.

Еще больший удар он почувствовал, когда познакомился с выступлениями американской печати. Он совсем не думал, что реакция большинства газет будет столь негативной. Общее мнение критиков Джонсона выразила «Нью-Йорк таймс». «Когда президент Джонсон на лазурном берегу Жемчужной гавани обещал сайгонским генералам бросить на весы судьбы будущее Америки, — писала она, — великий спор из-за конфликта во Вьетнаме начал разгораться по всем Соединенным Шта-

там. Он происходит сегодня повсюду, начиная с Белого дома, конгресса, Пентагона и кончая каждым домом, конторой, заводом, фермой. Сознание тупика стало почти общенациональным».

— Как это понимать, Дин? — спросил президент государственного секретаря, резким движением подтолкнув к нему газету с абзацем, отчеркнутым жирным красным карандашом.

— Обычная газетная статья, рассчитанная на сенсацию и дешевый авторитет у читателей, господин президент, — спокойно произнес Дин Раск. — Если мы будем обращать внимание на каждое выступление против администрации, нам нельзя будет сделать ни одного шага вперед. Впрочем, и ни влево, и ни вправо, потому что обязательно он кому-то не понравится. Чтобы наши газетчики могли получать не только на жевательную резинку, но и на виски с хамбургером¹, им приходится заниматься словесной эквилибристикой, от которой голова может пойти кругом. К счастью, завтра об этом все забудут.

Президент внимательно слушал Раска, не перебивая, хотя в глазах у него плясали сердитые искры.

— У нас, американцев, господин президент, отношение к газетным выступлениям напоминает состояние человека, которого очень сильно ударили по голове тяжелым предметом и повредили череп.

— Что же это за состояние, Дин? — удивился президент.

— На следующий день он ничего не помнит.

Джонсон то ли улыбнулся, то ли поморщился.

— Ну, а как ты оценишь вот это выступление в комиссии по иностранным делам конгресса сенатора Брайтсана?

Снова резким толчком, с выражением безразличия на лице Джонсон послал листок Раску.

«Обладай президент дальновидностью зрелого международного политика, он бы хорошенько подумал, прежде чем класть на плечи американского народа тяжелое бремя. Если бы передо мной была дилемма: нанести непоправимый ущерб Америке, продолжая оставаться во Вьетнаме, или уйти оттуда в результате переговоров, я бы высказался за уход. Если Соединенные Штаты начнут применять все большую мощь против Северного

¹ Х а м б у р г е р — популярный в Америке вид бифштекса.

Вьетнама, нельзя будет предугадать, куда это может завести нас, потому что невозможно рассмотреть дорогу впереди. Мы опоздали, наш поезд мелькнул красным огнем последнего вагона».

— Вы же знаете, господин президент, что сенатор Брайтсан органически не выносит никакую администрацию. У него, по-моему, неладно с психикой.

— Нет, Дин, с психикой у него все в порядке, он просто ненавидит меня лично, я это давно знаю. Пользуясь своей якобы чистой совестью, он начинает атаки против меня, чтобы подорвать авторитет президента.

— Вы преувеличиваете, господин президент. И вообще нет ничего страшного в этой критике. Она создает видимость разных мнений, несогласий, противоборства. Большинство, которым вы располагаете в конгрессе, поддержит ваши смелые шаги как во внутренней, так и во внешней политике.

Дин Раск пытался успокоить президента, хотя он знал больше того, что попадает на стол Джонсона. Помощники президента стараются так препарировать информацию, чтобы не особенно расстраивать патрона. Государственный секретарь из сообщений своих агентов знал, как растет оппозиция вьетнамской политике Соединенных Штатов в союзнических странах. Поездка вице-президента Хэмфри по союзным странам с целью добиться их прямого участия во вьетнамской войне не дала результата. Пока только Южная Корея изъявила согласие послать две пехотные дивизии «Свирепый тигр» и «Белая лошадь», бригаду морской пехоты «Голубой дракон» и вспомогательные войска, в том числе саперные подразделения,— всего сорок пять тысяч человек. Таиланд считает, что его вклад вполне достаточен предоставлением военных баз и посылкой двухсот летчиков и моряков военных судов общей численностью две с половиной тысячи человек. Даже Австралия, на помощь которой сильно надеялись в Вашингтоне, посылает всего 6 тысяч солдат, эскадрильи легких бомбардировщиков и одну эскадрилью транспортных самолетов. Новая Зеландия ограничилась обещанием направить артиллерийских инженеров да медицинские отряды. Япония будет поставлять напалм, боеприпасы и средства химической войны. Западная Германия — технических специалистов и химическое оружие. Англия, Франция, Италия и другие союзники в Западной Европе делают вид, что не понимают, о чем идет речь.

Через месяц деловые круги Балтимора, пригласив президента на обед в его честь, попросили его выступить с речью.

— Пусть бог засвидетельствует этот день,— говорил Джонсон,— когда я привел вас к перепутью, откуда идут две дороги: жизни и смерти, счастья и бедствия. Выбирайте же дорогу жизни, чтобы обеспечить существование себе и своим потомкам.

«Дорогой жизни» он называл истребительную войну. Через несколько дней американские самолеты впервые применяют напалм при бомбардировке Северного Вьетнама. Началась эскалация войны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Нового командующего вооруженными силами США в Южном Вьетнаме генерала Уильяма С. Уэстморленда встречал на американской военно-воздушной базе Таншоннят под Сайгоном весь цвет южновьетнамской администрации и генералитет американского штаба. Укрывшись от жары в кондиционированном зале, министры, одетые в легкие светлые костюмы, беседовали с американскими военными в генеральских френчах, сверкающих радужой орденских планок и отличительных знаков. Как стеклянный сосуд с разноцветными несмешивающимися жидкостями, зал переливался красками, и самыми яркими среди довольно однообразных военно-гражданских одежд были неповторимой красоты, расцветок и фасонов длинные платья с глубоким разрезом по бокам, в которых пришли сюда, несмотря на жару, самые знатные дамы — жены министров, генералов, американских дипломатов.

Когда дежурный офицер объявил, что через десять минут самолет с новым командующим совершит посадку в зоне «В», этот красочный поток вылился на улицу и устремился к мощному бетонному ангару — десятки их стояли по обеим сторонам взлетной полосы, сооруженные для укрытия самолетов от невыносимо жаркого тропического солнца, а также возможного нападения партизан. Разместившись внутри ангара, встречающие с интересом и нескрываемым волнением наблюдали, как, ревя моторами, приближался к стоянке стратегический бомбардировщик «В-52», покрывший без посадки расстояние от Гонолулу до Сайгона. Наконец, взревев последний раз так, что задрожали бетонные полусферы

ангаров, бомбардировщик замер на месте. Воздух еще был пропитан дымом, запахом горючего, жаром, источаемым турбинами, а встречающие вслед за трапом двинулись к самолету, из которого через минуту должен выйти один из блестящих американских генералов, чье имя уже давно с уважением произносилось в Сайгоне. Участник парашютного десанта в Италии в годы второй мировой войны, герой корейской кампании, наследник одного из королей текстильного и банковского бизнеса, отмеченный всеми возможными наградами, Уэстморленд ожидался здесь как мессия, полководец, которому предстоит переломить, направить по другим рельсам войну и конечно же добиться в ней победы.

И вот, чуть наклонив голову в проеме двери, на трапе показался Уэстморленд. Он был одет в простую офицерскую куртку, в глубоком вырезе которой виднелась обычная трикотажная белая майка, оттеняющая немного удлиненную, но крепкую, жилистую, загорелую до черноты шею. Никаких наград, даже орденских планок, не было на скромной куртке. Лишь на левой стороне нашивка с именем генерала, справа такая же полоска с надписью «Армия Соединенных Штатов», а повыше нее отличительный знак воздушного десантника. На вороте куртки с каждой стороны по четыре генеральских звезды — знак полного генерала. Простая защитного цвета фуражка с деформированным козырьком. На околыше ее — тоже четыре звезды полного генерала и знак воздушного десантника, которым Уэстморленд очень гордился.

Лицо генерала не поражало, нет, скорее несколько удивляло своей простотой. Оно чем-то напоминало лицо фермера, лесоруба, может быть, водителя тяжелого грузовика. Густые брови прикрывали небольшие глаза, острый взгляд которых пронизывал человека будто бы насквозь. Короткая стрижка и глубокие залысины делали более заметными большие уши, чуть оттопыренные, будто прислушивающиеся.

Генерал поднял руку в быстром приветствии пришедшим его встречать, которых он обвел запоминающим взглядом, и вот он уже, окруженный толпой, пожимает руки, хлопает по плечу, дружески обнимает. Но все поделовому, стремительно, будто его ждет самая срочная работа, ради которой он только из вежливости тратит свое драгоценное время на эту ненужную церемонию. Свою занятость, нежелание следовать ненужному в ны-

нешних условиях этикету он заранее спланировал и предусмотрел, подчеркнув это даже одеждой, в которой он прибыл в Сайгон.

Поприветствовав всех и улыбнувшись на прощание, едва раздвинув тонкие, плотно сжатые губы, Уэстморленд вместе с генералом Харкинсом быстро прошел к машине.

— Ну, вот ты и на месте, Уильям,— дружески сказал генерал Харкинс,— теперь это твой плацдарм, с которого тебе начинать атаку. Я рад, что именно тебе выпала эта честь. Думаю, что из всех американских генералов ты самый достойный, чтобы выполнить великую, не побоюсь добавить — историческую миссию.

— Ну, спасибо, дружище, за добрые пожелания,— Уэстморленд легонько хлопнул генерала Харкинса по плечу.— Надеюсь, что и находясь вдалеке от нас ты не откажешься помочь советом, если я к тебе обращусь, а?

Харкинс, потомственный военный, гордившийся прошлым своей фамилии, понимал, что Уэстморленд никогда к нему ни за чем не обратится, не такой это человек, чтобы ждать от кого-то совета. До Сайгона дошла фраза, сказанная Уэстморлендом, когда Линдон Джонсон поздравил его с высоким назначением:

— Я рад, господин президент, послужить истории.

«Еще один кандидат на лавры Наполеона»,— подумал Харкинс, когда приятель, прилетевший из Вашингтона, рассказал о церемонии.

— Можешь не сомневаться, Уильям,— ответил Харкинс,— какой бы ни был мой опыт во вьетнамских делах, это все-таки опыт. И если что-то из него может пригодиться тебе, я буду рад.

Приняв дела, познакомившись с офицерами и генералами, обстановкой на фронтах, выслушав самых компетентных людей, не раз встретившись с «сайгонской командой», как в обиходе американцы называли южно-вьетнамскую администрацию, Уэстморленд хотя и не впал в пессимизм, но боевой тонус его несколько понизился. Его желание послужить истории, как он понял, будет сопряжено с трудностями и риском.

«В Вашингтоне,— думал Уэстморленд, допоздна засиживаясь над схемами, картами и донесениями в своем кабинете,— позволяют себе говорить, особенно любит распространяться на эту тему ничего не понимающий в военном деле Раск, что правительство Южного Вьетнама имеет в своем распоряжении 547 тысяч солдат. Где

они, эти солдаты? — произносил Уэстморленд, будто тот, с кем он спорил, сидел в кресле напротив. — Покажите мне их! Армию тут еще предстоит создавать. Настоящую армию. А что с американскими войсками? Всего двести тысяч человек! Обещанный контингент в полмиллиона человек еще маячит где-то на горизонте».

С карандашом в руках Уэстморленд вел скрупулезные расчеты, и как ни вертел, как ни тасовал варианты дислокации войск, у него все равно их не хватало для начала активных операций.

Когда все подсчеты были сделаны, Уэстморленд расстроился: «У нас всего лишь трое солдат против одного вьетконговца». Как все командующие экспедиционными корпусами, а бывший воспитанник Гарвардского коммерческого училища не был исключением из их числа, он испытывал определенную тревогу перед моральным превосходством противника. Только Уэстморленд пошел дальше: он считал, что с двумя южновьетнамскими и одним американским солдатами выходить против одного партизана непростительный риск.

Обстановка на Юге Вьетнама складывалась совсем не так, как виделась она ему в Вашингтоне. В машинном зале оперативного командования министерства обороны Уэстморленд попросил расчетчиков составить программу и проиграть на ЭВМ возможный ход событий во Вьетнаме, заложив в машину все данные о войсках обеих сторон, благоприятные и негативные факторы, позиционное положение с учетом оборонительных и наступательных факторов, имеющихся у каждой из них.

Расчетчики на совесть выполнили задание. Когда Уэстморленд ознакомился с ответом, он будто получил награду: машина предсказывала победу. Обмениваясь мнением с советником президента по вопросам национальной безопасности М. Банди, генерал не сдержал наполнявшей его радости:

— Знаешь, дружище, я теперь знаю, как нам действовать. Мы подождем немного, и, как только Вьетконг вылезет из своих нор, мы его уничтожим.

Его не насторожили все чаще поступающие из Сайгона сообщения, что силы освобождения начинают непрерывно атаковать американцев то в одном, то в другом месте, нанося то беспокоящие, то чувствительные, а то и просто разгромные удары. Атака на Плейку, о которой говорил президент Джонсон на совещании, была одним из таких чувствительных ударов. В Амери-

ку было отправлено более пятидесяти гробов и свыше ста пятидесяти раненых.

Специальная комиссия по расследованию событий в районе базы Фусань пыталась уяснить для себя причину, почему одна из мощнейших крепостей США в зоне, прилегающей к 17-й параллели, созданная для того, чтобы контролировать положение в обширном и опасном треугольнике на границе Вьетнама, Лаоса и Камбоджи, оснащенная самой современной техникой, не избежала нападения. Партизаны могли полностью вывести ее из строя, если бы они располагали хотя бы сотой частью тех сил, что были на базе.

Комиссия указала в своем отчете, что имело место по меньшей мере «пассивное предательство». По утверждению американских офицеров, отвечающих за охрану базы и подходов к ней, южновьетнамские отряды охраны не пускают американцев в свой сектор, а сами, предавая мародерству, насилиям, пьянке, несут охранную службу из рук вон плохо.

В Сайгоне южновьетнамские генералы выразили недовольство выводами комиссии и нарисовали другую картину. Не снимая всей ответственности со своих солдат, они все-таки обвинили американскую охрану, которая допустила просачивание партизан в важную стратегическую зону. Там не упустили случая и вспомнили рапорт командира охранного отряда майора Тхао, что некоторые американские офицеры ведут себя недопустимо беспечно, входя в контакты с подозрительными элементами из местного населения.

— Мы должны признать, что американская разведка,— говорил Уэстморленд на совещании в своем штабе,— недооценила силы и потенциал противника и вообще работает плохо. Да, да. Я говорю это со всей ответственностью. Силы Вьетконга, как показывают хорошо известные вам факты, способны переходить к наступлению сразу в нескольких районах, сохраняя при этом возможность проводить беспокоящие нас операции на других участках. Командование вооруженными силами в Южном Вьетнаме просто не знает, какими тактическими возможностями обладают отряды Вьетконга. Я считаю, что перед нами находится противник, достоинства которого мы не имеем права не замечать. Это лучшие в мире нерегулярные войска. Противник, как видите, может держать сотни небольших, плохо разграниченных фронтовых участков в джунглях, болотах, на рисовых

полях. Удерживая их, он приковывает к ним наши силы, открывая в это время новые фронты, добиваясь на них успехов. Если мы будем медлительны, пассивны, беспечны, тактика противника может привести к коренным изменениям в соотношении политических и военных сил.

Будущее покажет, что Уэстморленд, стараясь активно действовать на всех, как он говорил, фронтах, распылит свою колоссальную мощь и окажется в положении Гулливера, связанного бесчисленными путами. Не имея преимуществ народных сил освобождения, способных к быстрому маневру, отрыву от противника, прикованного, как раб к галере, к базам, эскадрильям вертолетов и самолетов, бронетанковым и механизированным батальонам, часто оказывающимся неспособными действовать в условиях слабо развитых коммуникаций, американские и поддерживающие их сайгонские подразделения несли урон, теряли инициативу и преимущество, не добиваясь ничего взамен.

Все боевые операции американцев по традиции намечались на сухие сезоны, когда можно пустить в ход технические средства войны. Экипажи бомбардировщиков, истребителей, вертолетов, используя силу бомбового, ракетного, артиллерийского и пулеметного огня, возможность применения других видов оружия, творили огненный разбой, охотясь за каждой лодкой на реке, за каждым человеком, оказавшимся в запретной зоне, обстреливая каждую деревню и докладывая потом об уничтожении баз Вьетконга. В сухой сезон американо-сайгонские штабы слали победные реляции командованию о том, что они установили контроль над территорией, которой раньше владел Вьетконг.

Но, не снижавшие боевой активности в сухое время года, силы национального освобождения получали как бы преимущества в период дождей. Под пологом тропических ливней и тайфунов, когда американская техника была скована, партизаны развертывали свои операции, нанося потери противнику, лишенному возможности маневрировать воинскими подразделениями и огневыми средствами.

Все годы, проведенные во Вьетнаме, Уэстморленд будет мечтать о людском соотношении десять к одному в свою пользу, чтобы предпринять наконец генеральное наступление и покончить с противником на Юге, а затем, если судьба будет благосклонной к нему, бросить

свои полки и эскадры на Север, который к тому времени будет лежать в первобытном хаосе.

Оставаясь один на один с самим собой, Уэстморленд мечтал о триумфальной роли усмирителя и покорителя Вьетнама, которая, как когда-то его начальника, генерала Эйзенхауэра, приведет его в президентское кресло в Белом доме.

И, наконец, для всех было очевидным еще одно важное обстоятельство успеха Вьетконга — это непредвиденно большое количество оружия. «С военной точки зрения,— сообщал Уэстморленд в Вашингтон,— мы стали свидетелями непонятного феномена».

Президент Джонсон, отдавая один приказ за другим о расширении бомбардировок Северного Вьетнама, каждый раз ставил задачу добиться разрушения военного и экономического потенциала Ханоя, уничтожения запасов горючего и средств транспорта.

«Еще год назад,— писал в рапорте генералу Уэстморленду офицер ЦРУ при штабе американского командования в Сайгоне полковник Мэрфи,— вьетконговцы, взятые в плен, имели при себе много простейшего и даже самодельного оружия, изготовленного в потайных оружейных мастерских, спрятанных глубоко в горах или джунглях. Сегодня картина выглядит по-другому. Вьетконг имеет у себя на вооружении внушительное количество автоматического и полуавтоматического оружия, тяжелые пулеметы и базуки, минометы 60- и 81-миллиметрового калибра, а также значительное число американского оружия, в том числе захваченного партизанами на военных складах южновьетнамской армии и на американских базах, подвергшихся успешному нападению».

В тактике Вьетконга, отмечал далее полковник Мэрфи, наметилось еще одно новшество. Раньше он беспрепятственно пропускал в Сайгон транспорты с продовольствием, теперь он их старается уничтожить. Кажется, он намерен устроить Сайгону экономическую блокаду.

Прочитав еще немного, генерал сердито нажал на кнопку, вызывая своего помощника.

— Пит,— сурово сказал генерал вошедшему в кабинет капитану,— позовите ко мне полковника Мэрфи.

— Есть, сэр! — с готовностью ответил капитан, подумав про себя, что не хотел бы сейчас оказаться на месте полковника Мэрфи.

— И вы хотите, чтобы этот бред я не только прочи-

тал сам,—сердито обрушился генерал на появившегося через несколько минут подтянутого молодого полковника,—но и послал в Вашингтон?

— Я не знаю, о чем вы говорите, сэр,—схитрил Мэрфи, сразу определив, что командующий перед этим сидел над его рапортом.

— Вы прекрасно знаете, Мэрфи, о чем идет речь,—строго, но не зло сказал генерал, догадавшись, что офицер угадал свою бумагу.— Я хочу знать, Мэрфи, вы сами пришли к этому или вам сообщили из джунглей вьетконговцы?

— Так вот, сэр, у вьетнамцев, с которыми мы тут живем бок о бок и даже, приходится, стреляем друг в друга, есть очень хорошая пословица: начинаешь какое-то дело, то хоть с собственными коленями, а посоветуйся.

Генерал рассмеялся.

— Мудрый совет. Ну, и что же тебе сказали твои коленки? — сохраняя улыбку на грубоватом лице, спросил Уэстморленд.— Садитесь-ка за стол, рассказывайте, только не очень длинно.

— По многочисленным прямым и косвенным данным, сэр, я сделал именно такой вывод, который вы изволили назвать бредом.

— Ну, подумай, Джим, меня же засмеют в Вашингтоне, если я сообщу, что Вьетконг готовится сформировать Временное правительство и провозгласить образование своего государства. Может быть, вы скажете, где будет столица этого мифического государства? А кто его возглавит? Дружок того повара, которого мы расстреляли за то, что отравил десять морских пехотинцев?

— Это вполне возможно, сэр, потому что мы ведь не знаем, кто был повар. Вполне допускаю, что у него был диплом об окончании химического или фармакологического факультета в Сорбонне. А его, как вы говорите, дружок, может быть, сейчас составляет конституцию отнюдь не мифического государства. Здесь все может быть, господин генерал.

— Вы, кажется, давно в нашем штабе, Джим?

— В общей сложности — уже пятый год.

— Неужели и мне предстоит побыть здесь столько же? — удивленно воскликнул генерал.

— В ваших силах, сэр, уехать отсюда значительно раньше.

— Каким образом?

— Победить, сэр. Только победить.

— Спасибо, Джим, но как это сделать? Ты вон уже правительство готовишь. Не слишком ли много правительств для одного Южного Вьетнама?

— Что вы, сэр, три правительства — совсем немного.

— Каких три? На тебя жаркий климат так действует?

— Правительство, которое возглавляете вы, — раз. Второе пытается возглавлять генерал Тхиеу, ну, а третье, видимо, возглавит дружок повара, которого мы расстреляли за отравление морских пехотинцев.

Давно так не смеялся от души суровый на вид генерал Уэстморленд. Он вышел из-за своего стола, сел напротив полковника Мэрфи и, еще сохраняя веселое, довольное выражение на лице, сказал:

— Мне приятно было, полковник, послушать ваши остроумные выводы. Не скрою, они интересны, но, как бы это сказать точнее? — генерал щелкнул пальцами, подыскивая нужное определение, — несколько фантастичны. Если наша разведка будет делать такие прогнозы, — Уэстморленд, не глядя, показал рукой на стол, где лежала записка Мэрфи, — то мы очень скоро потеряем почву под ногами — и нам надо будет уходить отсюда. А я не хочу этого, не хочу, Джим. Нас прислала сюда Америка вырвать победу, и мы ее вырвем, несмотря ни на какие сложности.

— Я не сомневаюсь, сэр, в этом. Мнение о возможном формировании вьетнамского правительства — это мое личное мнение. И хотя я не думаю, что очень сильно ошибаюсь в таком повороте событий, но зато я вовсе не ошибаюсь, когда говорю, что вы можете вырвать эту победу у кого угодно, пусть формируется десять правительств и провозглашается двадцать независимых государств.

— Это другое дело, Джим. И все-таки твои выводы мы воздержимся посылать в Вашингтон. Чтобы провозгласить новое государство, нужно слишком много условий, Джим. Ты согласен?

— Конечно. Но мне хотелось бы услышать от вас об этих условиях.

— Хорошо. Как минимум, — город, чтобы разместить правительство. Мы им такого города не дадим, а если он у них появится, мы его за четверть часа превратим в порошок, в пыль, вместе с премьером и министрами. Затем нужна экономическая структура, которой у Вьет-

конга нет и не будет долгое время. Потом — люди, которые должны управлять государством, и еще тысяча других более мелких, но необходимых требований. Вьетконг, Джим, мы будем держать в джунглях, в горах, поливать напалмом и ядохимикатами. Но если — о чем я не хочу и не могу думать, — если мы отсюда уйдем когда-нибудь, то мы оставим здесь зону, на которой жизнь замрет на долгое время. Только повторяю: мы вернем этой стране мир, дадим ей спокойствие, мы сокрушим ее врагов. И это сделаем мы с вами, Джим, вместе с тем полмиллионом, а может быть и миллионом молодых, сильных, решительных, готовых на все парней, которых пришлет сюда Америка.

Уэстморленд не поверил бы даже самому мудрому предсказателю судьбы, если бы услышал, как он далек от истины. Он считал, что он самой историей призван навести порядок в этой стране, где за двадцать месяцев, прошедших после свержения Нго Динь Зьема, было совершено двенадцать правительственных переворотов, сменилось девять кабинетов министров, выпущено четыре конституционные хартии, и все они усиливали террор и хаос, охвативший страну.

Борьба внутри сайгонской верхушки выходила из-под контроля американских специальных служб. Скрывавшаяся под невинным названием «Группа Мичиганского государственного университета» особая команда, сформированная из офицеров военной разведки, ЦРУ, министерства обороны, старалась держать под контролем разведку и контрразведку, полицию, органы безопасности, службы информации и пропаганды. Но многоопытные специалисты иногда разводили руками перед картиной, напоминающей битву пауков в банке. Они писали в свои ведомства, выворачивая наизнанку царившие в Сайгоне порядки.

Президент Джонсон, встречаясь с вновь возвращающимся в Сайгон Лоджем, а потом с Уэстморлендом, требовал одного: кончать с вакханалией в верхах, найти твердого решительного человека и дать ему больше прав на подавление любой оппозиции — либеральной, буддистской, католической, интеллигентской. Душить их в зародыше, иначе, как справедливо считал помощник министра обороны Мактоун, Южный Вьетнам окажется по другую сторону «железного занавеса».

Утверждение у кормила власти двух генералов — Тхиеу и Ки, хотя и не доверявших друг другу, питающих

взаимную неприязнь,— давало некоторую передышку от переворотов. Занявшись изучением возможностей для более активного участия сайгонской армии в военных действиях, Уэстморленд пришел к самым неутешительным выводам. Зная, что личные беседы Джонсона с сайгонским премьером Нгуен Како Ки произвели на президента хорошее впечатление, а заявление Ки о том, что правительство сделает все для поднятия боеспособности армии, вызвало горячую поддержку и одобрение Джонсона, Уэстморленд тем не менее решил информировать его о том, что месяцы, прошедшие после встречи в Гонолулу, не привели ни к каким сдвигам в лучшую сторону.

Через председателя Объединенного комитета начальников штабов генерала Уилера Уэстморленд послал лично президенту конфиденциальную информацию. Не стесняясь давать резкие оценки происходящим событиям и говорить неприятную правду, он писал: «Осуществляя свою кампанию, Вьетконг может вести боевые операции силами до полка во всех четырех корпусных зонах армии Республики Вьетнам и предпринять наступление силами до батальона во всех провинциях. С другой стороны, армия Республики Вьетнам уже испытывает трудности в противоборстве с возросшими возможностями Вьетконга. Дезертирство приняло необычайно большие размеры. Боевые потери значительно выше, чем ожидалось; четыре батальона армии приведены в состояние боевой непригодности в результате действий Вьетконга в I и II корпусных зонах¹. Таким образом, соотношение сил между войсками Вьетнама и Вьетконга, на основании которого мы оценивали обстановку ранее, меняется в худшую сторону. Поэтому я прошу как можно скорее направить в Южный Вьетнам дополнительный контингент войск, доведя их численность до 44 батальонов, что будет составлять 200 тысяч человек».

В ответ на эту просьбу Уэстморленд получил из Вашингтона указание, полностью развязывающее ему руки на использование американских вооруженных сил. «Правительство Соединенных Штатов,— говорилось в секретной телеграмме, подписанной министром обороны,— приняло решение усилить всеми мерами программу умиротворения Южного Вьетнама, включая приня-

¹ Батальоны южновьетнамской армии, сформированные по американскому образцу, насчитывали от 3 до 5 тысяч человек.

тие любых возможных шагов по обнаружению и уничтожению мест концентрации войск и штабов Вьетконга на территории Южного Вьетнама всеми возможными средствами, доступными правительствам Вьетнама и Соединенных Штатов. Вам разрешается использовать войска Соединенных Штатов для укрепления позиций вооруженных сил правительства Вьетнама, когда и как вы сочтете нужным».

Директор Центрального разведывательного управления Рейборн, сменивший на этом посту Маккоуна, писал Уэстморленду, что он дал указание своим представителям действовать в полном согласии с ним, обратив особое внимание на более активное развертывание психологической войны, по вопросам которой генерал Уэстморленд имеет свои, представляющие интерес, соображения.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

С самого начала года американское командование в Южном Вьетнаме, особенно после прибытия в Сайгон нового главнокомандующего, стремилось создать такое устрашающее военное превосходство над противником, которое, по мнению специалистов, должно было привести его к деморализации, породить страх, заставить отказаться даже от мысли о проведении наступательных операций и дерзких налетов на укрепленные районы и базы. В первую очередь надежды возлагались на авиацию как тактического, так и стратегического назначения. Тяжелые самолеты с военно-воздушных баз в Таиланде и на Гавайях совершали налеты на Северный Вьетнам, обрушивая бомбовые удары на объекты любой значимости — будь то железнодорожный мост или швейная фабрика, электростанция или кирпичный завод: летчики, не задумываясь, подвергали их разрушению. На юге целями для бомбардировок тактической авиации и бесчисленных эскадрилий вертолетов были деревни, которые якобы укрывали партизан, дороги, каналы, каждая повозка или сампан, потому что они, считалось, везли или продовольствие, или боеприпасы для Вьетконга. Сбрасывали бомбы, выпускали ракеты, вели огонь разрывными пулями по группам крестьян, потому что это, как были убеждены американцы, или люди Вьетконга, или сочувствующие ему, других здесь просто не могло быть. Другие должны были находиться в

«стратегических деревнях», или, как они стали называться, в «деревнях революционного развития», откуда не так легко выбраться за пределы колючей проволоки.

Фотографии и киноплёнка, запечатлевшие лихие налеты грохочущих и изрыгающих смертельный огонь вертолетов, показывали бегущих в панике людей, горящие хижины, бушующий огненный смерч, пропагандистский аппарат Вашингтона начал продавать для зарубежного экрана — надо же возвращать хоть часть истраченных денег, — неожиданно стали для Америки опасным обвинительным доказательством о ведении войны недозволенными методами, внесенными в устав Международного трибунала для суда над главными военными преступниками гитлеровской Германии. В государственный департамент стали поступать донесения послов о недопустимости распространения фильмов о войне во Вьетнаме, поскольку они вызывают быстрый рост антиамериканских настроений. Генерал Уэстморленд получил указание опровергнуть убедительными фактами несправедливость обвинений в том, что карательные воздушные акции против Вьетконга будто бы вызывают недовольство населения, а за рубежом сеют неверие в победу американского оружия.

Генерал разослал по вьетнамским деревням специалистов по психологической войне, обязав их собрать мнение вьетнамцев об американских бомбардировках. Очень быстро в его распоряжение были предоставлены убедительные доказательства того, что «вьетнамские крестьяне приветствуют бомбардировки, потому что они помогают им избавиться от влияния Вьетконга». Только донесение, полученное Уэстморлендом от какого-то полковника Смита с базы Фусань, говорило о том, что «на голову Америки призывают самые страшные божеские кары за то, что ей мало расстрелов невинных, она еще посылает на их головы бомбы с неба. Акции, которые проводятся под предлогом разрушения опорных пунктов Вьетконга, — писал полковник Смит, — чаще всего, судя по наблюдениям на нашем участке, обрушиваются на мирных жителей, потому что их легче обнаружить и подвергнуть возмездно, чем найти действительный лагерь противника».

— Кто такой полковник Смит? — спросил командующий прибывшего к нему с докладом полковника Мэрфи.

Последнее время Уэстморленд благоволил к Мэрфи.

Видимо, ему нравились острые, не лишённые наблюдений мнения полковника о событиях и о людях.

— Это очень хороший офицер военной разведки, сэр. Могу добавить, что таких не очень много даже в нашей фирме¹, — сказал Мэрфи, думая, что генералу стало что-то известно о Юджине Смита из закрытой информации. — Наш шеф, простите, бывший шеф, Маккоун принимал попытки перетянуть его в ЦРУ. Он высоко ценил способности Смита, который за участие в крайне деликатной операции, связанной с Нго Динь Зьемом, был удостоен одной из высших наград Америки. И вручал ему эту награду сам президент Джонсон. У вас есть какие-то планы в отношении Юджина, сэр?

— Я вижу, вас связывают дружеские чувства, не так ли, Джим? — спросил генерал.

— Мы вместе учились, сэр, а это немало. Но самое главное, хотя в нашей фирме и не принято хвалить кого-то, кроме себя, конечно, — Мэрфи улыбнулся, — полковник Смит, сэр, одна из ярких личностей. Он знает вьетнамский язык, а это, согласитесь, непростое дело. И он знает эту страну. Возможно, — вот видите, я перехожу к настоящему нашему стилю, — он излишне романтично смотрит на нее. Но слабости есть почти у каждого человека, — дипломатично произнес Мэрфи, давая понять, что из числа людей, обладающих слабостями, он, естественно, исключает генерала.

Генерал никак не отозвался на эту тираду. Может, не придавал значения ее откровенной направленности, а может, решил не реагировать, уже зная о способности Мэрфи рассматривать каждого как бы через микроскоп, стараясь увидеть в нем черты, не замечаемые другими. Лучше этому язвительному человеку не давать повода для обвинения в нескромности.

— Ваш друг, Джим, — после ваших горячих дифирамбов в его адрес боюсь утверждать определенно, — кажется, ставит под сомнение методы нашей войны во Вьетнаме. Вот почитайте, — генерал передал полковнику записку Смита.

Быстро пробежав ее, Мэрфи вернул со словами:

— Конечно, его мнение некоторым образом идет вразрез с последними указаниями центра, посылать ее туда не стоит, но полковник Смит, сэр, человек в вы-

¹ Фирма, или агентство, — так называют работники ЦРУ свою организацию.

сшей мере искренний и откровенный. Если он что-то написал, значит, написал обдуманно. Вы знаете, он, вернувшись из Вьетнама после того, как Нго Динь Зьем и его брат ушли со сцены, не побоялся сказать своему шефу: «В Сайгоне мы сделали не все честным путем, о чем, возможно, пожалею в будущем». И шеф выслушал его, не одернул, не топнул ногой, а стал поручать задания, какие давал только самым авторитетным в его глазах офицерам. Вы, я знаю, собираетесь на базу. Если будет время, пригласите Смита хотя бы на коротенькую беседу, и вы сразу поймете, что к мнению этого человека можно относиться серьезно.

— Хорошо, Джим, я послушаю вашего совета, но дороги его донесению я не дам. И еще вопрос: как долго думает ваш генерал отсутствовать в столь горячее время?

Речь шла о шефе ЦРУ в Сайгоне, с которым Уэстморленд почему-то не смог установить хороших отношений. Ни разу в жизни не встречался с ним ранее, никогда и нигде их дороги не перекрещивались, но Уэстморленд почему-то почувствовал, что тот будет мешать ему. Почувствовал по первой обстоятельной беседе, по тому, как тот небрежно, несколько свысока относился к тому, что говорил Уэстморленд. Несколько раз проскользнул в его словах намек, тонкий, почти неуловимый, на то, что вроде бы он, Уэстморленд, поступил бы более правильно, если бы больше прислушивался к мнению людей его «фирмы», знающих обстановку лучше, чем многие профессиональные военные. Уэстморленд, натеревший за время вращения в верхах в служебных интригах, раскусил генерала и проникся недоверием. Оно возросло, когда он узнал, что шеф сайгонского отделения ЦРУ требует от своих офицеров, сидящих в южновьетнамских войсках, а также отвечающих за проведение политики умиротворения деревень, подробных донесений и собственных мнений о целесообразности некоторых указаний, поступающих из штаба командующего. Правда, это требование было облечено в благовидную форму, дескать, не встречаются ли указания штаба негативного отношения у вьетнамских военных и гражданских чиновников. Последние два месяца генерал отсутствовал. Из Сайгона вылетел в Пномпень, а оттуда к королю Лаоса, в Луангпранг, потом в Бангкок, а сейчас вроде снова обретается в Лаосе. За эти два месяца Уэстморленд хорошо узнал полковника Мэрфи и не раз думал предло-

жить Вашингтону сделать его шефом в Сайгоне. «Правда,— размышлял Уэстморленд,— Мэрфи парень сложный, он, видимо, не будет становиться по стойке «смирно» при распоряжениях командующего, но зато с ним заранее можно будет обсудить все вопросы, найти золотую середину в оценке событий. В то же время Джим отличается аналитическим умом, подвергающим все скептическому препарированию, не лишен выдумки и инициативы. Что это, качества младшего поколения?»

— Шеф не всегда обязан информировать подчиненных о своих намерениях, сэр. А подчиненные воспитаны не задавать лишних вопросов. Они продолжают катить в гору тяжелый камень, с которым не справился тот знаменитый греческий парень в каком-то там году до рождения Христа.

Уэстморленд хохотнул:

— Не слишком ли преувеличиваешь напряжение своих коллег, Джим? По сравнению, как ты говоришь, с тем греческим парнем, у вас и камень полегче, и гора пониже.

— Что вы, сэр, дай тому парню нашу работу, он бы давно сбежал отсюда.

— А что, если я предложу вам, полковник Мэрфи,— с улыбкой, но почти официально проговорил Уэстморленд,— занять место шефа?

— Господин командующий, простите, но я не слышал, что вы сказали. Кажется, что-то о подготовке аналитического обзора событий в этой стране за последние три месяца сухого сезона?

— Да, Джим, вы правильно поняли,— произнес Уэстморленд, поняв, что полковник хорошо усвоил принципы работы в Лэнгли, и его ответ мог означать: «Если вам, генерал, эта идея пришла в голову, идея, которая мне тоже нравится, действуйте так, чтобы никто не подозревал, что я что-то о ней знаю».

— Хорошо, полковник. Надеюсь, анализ будет сделан не слишком поздно.

— Что вы имеете в виду, сэр, говоря «не слишком поздно»?

— Только сроки, полковник. Ничего сверх этого, Джим. Желаю успеха.

В ответ на телеграмму госдепартамента Уэстморленд сочинил свое послание, которое на долгое время стало предметом веселых шуток у острых на язык чиновников в Пентагоне и госдепе.

«Некоторые утверждают, что Соединенные Штаты проиграют войну, если они будут продолжать бомбардировки южновьетнамских деревень, так как, добиваясь лишь частичных военных успехов, они якобы восстанавливают против себя народ. Два свидетельства могут быть брошены в лицо этим нытикам. Свидетельство первое. Результаты специальных исследований психологической реакции в деревнях показали, что бомбежки не создают массовых антиамериканских настроений. Свидетельство второе. Возглавляемая генерал-майором Эдвардом Лэнсдейлом специальная миссия, направлявшаяся в деревни для привлечения на нашу сторону сельского населения, не сообщила ни об одной жалобе на американские бомбардировки.

Мы рассматриваем это как хорошую, чрезвычайно важную новость, потому что в ближайшее время предполагается из чисто военных соображений резко увеличить, отнюдь не уменьшить, число бомбардировок».

Генерал Уэстморленд был взбешен, когда ему переслали из Вашингтона отрывок из интервью лауреата Нобелевской премии профессора Оксфордского университета Хоузинга. Отвечая на вопрос, что он думает о новых методах войны во Вьетнаме, профессор ответил: «Мне кажется, что американцы объявили тотальную войну каждому мужчине, женщине, ребенку, животным и птицам, всему, что растет и живет. Война во Вьетнаме, которой командуют Джонсон и Уэстморленд, представляет собой экологическое бедствие, последствия которого будут сказываться и после того, как США выведут свои войска и прекратят бомбардировки».

На узком совещании офицеров штаба Уэстморленд дал волю своим чувствам.

— Эти интеллектуалы и гуманисты,— с саркастическими нотами в голосе возмущался генерал,— не просто осуждают методы войны. Они предсказывают, что мы выведем отсюда свои войска, а значит, связывают это с неизбежностью нашего поражения. Нет, господа, мы пришли сюда затем, чтобы отстоять и защитить идеалы нашего мира, покончить раз и навсегда с коммунизмом в этой стране. Мы знаем, что оказались не в самом лучшем месте на земле. Нас окружают враждебные силы, радующиеся каждому нашему неудаче. Поэтому на ближайшее будущее мы должны помнить, что только жестокостью и беспощадностью мы будем отвечать тем, кто поднимет руку на Америку. Бомбардировки райо-

нов, контролируемых Вьетконгом, будут принимать все более тотальный характер. И я дал указание нашим военно-воздушным силам ориентироваться при их проведении вполне логичным в этих обстоятельствах соображением: если человек бежит от бомбы, он виновен. Кто прячется во время обстрела, тот принадлежит к Вьетконгу или сочувствует ему. Если мы пришли сюда, чтобы победить, мы должны забыть слово жалость.

Генерал погладил свои коротко стриженные, с густой проседью волосы, будто смахивая неизвестно откуда попавший на голову мусор, и сел в просторное, с жестким сиденьем вращающееся кресло. Он поворошил стопку бумаг на правой стороне стола и, вынув из середины несколько листков, скрепленных красивым, резным из черного дерева зажимом, бегло просмотрел их и, забыв или вытолкнув из памяти только что сказанные слова, перешел к другой, очень волнующей его в последнее время теме.

— План наступательной операции в последние месяцы сухого сезона нынешнего года, разработанный штабом, по-моему, вполне соответствует нашим целям и возможностям. Подполковник Хамнер, познакомьте, пожалуйста, нас с окончательным вариантом операции.

Подполковник Хамнер, офицер оперативного отдела, подошел к большой карте, висящей в простенке между двумя широкими окнами кабинета Уэстморленда, в котором собирались совещания узкого круга офицеров, взял электрифицированную указку, раздвигающуюся от нажатия кнопки, и стал, не глядя ни в какие записи, докладывать, как складывается обстановка. От 17-й параллели он прошелся вдоль побережья, представляющего наиболее спокойный район, поскольку узкая прибрежная долина, лишенная естественных укрытий, пока не представляла опасности.

— Коммунисты,— ровным голосом докладывал Хамнер,— ведут в этих районах подрывную работу, проводят диверсии, убивают, как они говорят, предателей, но предпринять что-то серьезное им не под силу. Другое дело в районах западной части страны и в дельте Меконга. Нападения на наши базы в конце прошлого и начале нынешнего года показали, что противник, получая большую помощь оружием, способен на проведение акций, не имеющих большого значения для стратегии войны, но влияющих на тактическое ее развитие.

План боевых действий,— продолжал подполков-

ник,—предусматривающий их ведение непосредственно американскими войсками, который мы ассоциируем с прибытием во Вьетнам генерала Уэстморленда, должен привести к решающей перемене в обстановке на вьетнамском театре войны. Массированное применение авиации и вертолетов сил поддержки, включающих в себя более 800 боевых машин, находящихся под командованием генерала Стилуэлла, позволили за предшествующие месяцы нанести колоссальный урон силам Вьетконга, ослабить их, полагаю, до такой степени, что они вряд ли оправятся в скором времени. Однако сообщения агентов, которые подтверждаются данными воздушной разведки, говорят о том, что на отдельных участках скапливаются значительные силы противника, способные представить тактическую опасность нашим гарнизонам. В первую очередь это относится к районам, которые пересекает дорога номер тринадцать. Мы полагаем, что сейчас здесь собраны основные силы так называемого Национального фронта освобождения. По ним и должен быть нанесен наш основной удар, чтобы закрепить успех, достигнутый в ходе воздушной войны. Силы, которые будут участвовать в наступлении на этом, как и на других участках, уже определены, соответствующие приказы будут переданы в подразделения, представители штаба будут командированы в районы наступления для координации действий и оказания оперативной помощи.

Подполковник вопросительно посмотрел на командующего, и тот, разрешив ему садиться, спросил, нет ли у кого вопросов.

— Дорога мне не очень нравится,—как бы между прочим проговорил один из офицеров.

— Чем же она вам не нравится? — спросил Уэстморленд.

— Своим номером, сэр. Как бы не принесла она нам неприятностей.

— Но она и для противника носит тот же номер,—сказал подполковник Хамнер.

— Конечно,—с улыбкой вставил полковник Мэрфи,—номер-то тот же самый, только люди Вьетконга, как истинные коммунисты, не верят в приметы. Поэтому чертова дюжина имеет лишь для нас значение. Но это — шутка. А если говорить всерьез, то надо позаботиться, чтобы день, определенный для наступления, не стал известен нашему противнику заранее.

— Совершенно правильно,— поддержал его Уэстморленд,— службы штаба должны обеспечить строгую секретность, чтобы нам не прийти к пустому месту с еще не остывшими кострами: был Вьетконг — и нет его.

В кабинет без стука вошел дежурный по штабу и, наклонившись к генералу, проговорил что-то в самое ухо.

Генерал резко вскочил с кресла.

— Когда это произошло? — спросил он дежурного.

— Командир третьего крыла с аэродрома в Кантхэ только что передал по радио, господин генерал.

— Он был один?

— Нет, вместе с Элиз Грей.

— Значит, опять что-то выкинула эта сумасшедшая Элиз,— ни к кому не обращаясь, сказал полковник Мэрфи.

— А что с ней?

— Ничего,— ответил дежурный.

— Завтра же, нет, сегодня, немедленно, затолкнуть ее в первый же самолет, идущий в Бангкок, Гонолулу, в Штаты, хоть в преисподнюю — и чтобы имени я ее не слышал больше! Господа,— обратился к офицерам Уэстморленд,— получено сообщение, что тяжело ранен генерал Стилуэлл, вылетевший на вертолете вместе, как правильно говорят, с сумасшедшей Элиз. Подробности еще неизвестны, мы все выясним, а Элиз чтобы и духу не было в Южном Вьетнаме,— снова вскипел генерал.

— А может, она — агент Вьетконга? Видите, как умело выводит из строя офицерский состав. Теперь даже за генералов взялась.

Шутка, сказанная Мэрфи, вызвала веселое оживление.

Двадцативосьмилетняя Элиз Грей, дочь отставного генерала, добилась назначения во Вьетнам в качестве врача в экспедиционный корпус. На ее счету, как говорили в штабе, уже два офицера — подполковник Вернер и майор Стоун. Ну, с подполковником все ясно. Элиз никому не доверяет свой автомобиль и водит его со скоростью, едва не равной скорости вертолета. «Так,— говорит,— легче спастись от пуль Вьетконга». Подполковник Вернер погиб, вывалившись на бешеной скорости из «форда-констелейшн». Комиссия зафиксировала предельную степень его опьянения и слабый замок передней двери, открывшейся на повороте.

С майором Стоуном случилась более загадочная тра-

гедия. Элиз надо было поехать в дельту Меконга проверить состояние одного госпиталя. Она уговорила офицера ЦРУ майора Стоуна сопровождать ее. Но поехали они каждый на своей машине. Возвращаясь поздно, попали под обстрел. Сумасшедшая Элиз, одной рукой держась за баранку, а другой за бьющий очередями автомат, действительно на бешеной скорости рванулась вперед и ушла. Майор остался на дороге, его тело подобрали только утром.

Когда стали разговаривать с Элиз о случившемся, она совершенно спокойно сказала:

— Этим должно было кончиться. Я только не понимаю, почему смерть задержалась. Стоун сам мне говорил, что Вьетконг приговорил его к смерти и даже сообщил ему об этом. Эти парни из джунглей давно следили за ним, а на этот раз они его просто поджидали. Я была им, видимо, не нужна, ведь им ничего не стоило прихлопнуть и меня. Но мою машину они выпустили, даже не обстреляли, а Стоуна отправили на тот свет. Впрочем, тут это может быть с каждым.

— А почему это, Элиз,— шутили офицеры,— тот, кого ты начинаешь дарить своим вниманием, плохо кончает?

— Ну, почему все? — полушутя-полусерьезно отвечала Элиз.— Если бы все уходило от меня, как Вернер и Стоун, то офицерский состав американского экспедиционного корпуса был бы уже намного меньше.

— Ты, Элиз, самая опасная бомба во Вьетнаме,— говорили ей.— Почему страдают только лишь офицеры? Взятая бы за генералов.

— Подождите, дойдет очередь и до них,— отшучивалась Элиз.

И вот, в канун наступления, подошла очередь не кого-нибудь, а командующего авиационными силами поддержки.

Полковник Мэрфи, чья служба занималась расследованием случившегося, докладывал Уэстморленду, едва сдерживая смех:

— Если говорить честно, сэр, то Элиз тут ни при чем. Стечение обстоятельств, в которых повинен сам генерал. Надо же было ему предложить Элиз полететь с ним на «охоту за белками»¹.

¹ «Охотой на белок» издевательски называли американские летчики свободные полеты, во время которых расстреливали всех, кого видели на земле. Убитых они, естественно, причисляли к партизанам.

— Удадь свою хотел показать? — спросил Уэстморленд.

— Это у него в крови, сэр. Из-за этого плохие отношения со многими боевыми офицерами. Видимо, наследственное. Папаша тоже отличался экстравагантностью.

Генерала Джозефа Стилуэлла-младшего действительно не любили в офицерском корпусе за его заносчивость, неуважение к низшим по званию, за издевательские шутки, за постоянные оскорбления офицеров. Его отец Джозеф Стилуэлл-старший, известный в Америке как «Уксусный Джо», в годы гражданской войны в Китае был главным военным советником у генералиссимуса Чан Кайши. Но отрицательные качества одного, отсутствие положительных качеств у другого, отвратительный характер у обоих породили такую взаимную неприязнь, что жить в одной стране они не могли. Кроме того, «Уксусный Джо» воспротивился против себя генералов и офицеров из группы советников, был в постоянно натянутых отношениях с госдепартаментом. Чан Кайши и слышать не хотел ни о каких советах Стилуэлла, всеми силами старался избавиться от генерала. И добился. Но чтобы пилюля для генерала была не очень горькой, Чан Кайши накануне отлета генерала из Чунцина наградил его высшим орденом. Сказавшись нездоровым, генерал послал за орденом своего адъютанта. На следующий день, когда на аэродром в Чунцине провожать генерала пришли высокопоставленные чины правительства, они увидели, что, несмотря на жару, генерал разгуливал в плаще. Думали, что генерал действительно плохо себя чувствует.

За пять минут до отлета самолета на аэродром прибыл сын Чан Кайши генерал Цзян Цзиньго, чтобы от имени президента пожать на прощанье руку столь выдающемуся человеку. Но Стилуэлл не стал дожидаться волнующей церемонии. Он сбросил плащ на руки адъютанта, а сам стал нарочито медленно подниматься в самолет. Все присутствующие, включая американского посла, пришли в состояние нервного шока, а потом истерически расхохотались: на правой ягодице генерала Стилуэлла блестел высший орден, которым только вчера наградил его Чан Кайши.

— Откуда вы все это знаете, Джим? — вытирая глаза от выступивших слез, спросил Уэстморленд. Он не очень был доволен Стилуэллом-младшим, и пикантная история из биографии Стилуэлла-старшего как-то

оправдывала Уэстморленда в собственных глазах, поскольку он как бы разглядел плохую наследственность.

— Служба такая, сэр,— скромно ответил Мэрфи.— А теперь о деле Стилзуэлла-младшего. Сообщение, что он ранен, не соответствует действительности. Генерал покалечил сам себя. Положение его сложное, видимо, потребуется операция. Дело было так. Забрав Элиз в тяжелый вертолет, он приказал командиру лететь в дельту, где хотел потренироваться в стрельбе по живым целям «летающими бананами»¹. Элиз говорит, что она была в восторге: генерал выпускал очередь за очередью по любой движущейся фигуре, пока вертолет не сделал резкого крена в сторону, напоравшись на пулеметный огонь с земли. Вы же знаете, сэр, наш пулемет очень мощный, это фактически скорострельная пушка. Отдача приклада страшная, надо быть очень осторожным в обращении с ним. Так вот, когда пилот сделал крен, чтобы выйти из-под огня, генерал, не очень прочно державшийся на ногах, покачнулся, и его ударило в скулу тяжелым прикладом — генерал не прекращал огня. Обе челюсти разбиты так, что хирургам придется собирать их по кусочкам, и поврежден череп. Просто чудо, что он остался жив. Вот и все, сэр.

— У него, говорите, были плохие отношения с офицерами?

— Отвратительные, сэр. Генерал любил нагонять на них страх. И если замечал, что офицер еле жив от страха, он получал высшее удовольствие. Он тогда прощал какого-нибудь бедного лейтенанта, отпускал его и был очень доволен собой. Но бывали и осечки...

— Он что, больной?

— Нет, сэр, с виду не больной, может быть, с головой что-нибудь...

— А о каких осечках ты упомянул, Джим?

— Был такой случай, сэр. Генералу не нравился один офицер, командир звена майор Кеннибэрг за независимое, без заискиваний поведение. Генерал не давал парню жизни. Иногда по несколько раз вызывал к себе, ставил перед собой и читал нотации. «Ты, говорил, думаешь, что ты тут самый храбрый, что тебе на всех наплевать, для тебя нет авторитета. Я научу тебя жить. Пока ты будешь служить под моим началом, я тебя

¹ «Летающими бананами» американцы во Вьетнаме называли крупнокалиберные пули, которыми вели огонь тяжелые пулеметы,

обломаю, ты будешь у меня шелковым!» Ну, и так далее. Причем по мелочам придирался. Но однажды — об этом никому не говорил Кеннибёрг и уж конечно не обмолвился сам генерал, но тем не менее стало известно всем офицерам, — на слова генерала: «Я как-нибудь проучу тебя, парень. Вот увидишь, проучу. На всю жизнь запомнишь», — майор ответил: «Если, господин генерал, вы позволите еще раз разговаривать со мной таким тоном, я пристрелю вас в этом кабинете или где-нибудь в другом месте». Проверка ничего не дала. Отрицал майор Кеннибёрг, что будто бы угрожал начальству, возмущался и сам генерал нелепой выдумке. Но отношения между ними стали с виду нормальными. Правда, если бы не последний случай...

— Что вы имеете в виду, Джим?

— Пилотом вертолета, на котором генерал Стилзуэлл показывал свою удалость смазливой докторше, был майор Кеннибёрг.

Уэстморленд стремительно прошелся несколько раз по кабинету. Потом подошел к Мэрфи.

— Вот что, Джим. Пусть укусный отпрыск приводит себя в порядок, сейчас не будем заниматься его похождениями. Потом подумаем, что с ним делать. И если придумаем удачный вариант, то предложим Пентагону. Майора, который управлял вертолетом, не трогать, ему предстоит воевать. Секс-бомбу, как уже говорил, немедленно отправить. Немедленно!

— Не поднимет ли шум ее папаша, сэр? У него ведь наверняка большие связи.

— Думаю, что у нее есть покровители повыше папаша. Вот они могут потрепать нам нервы. Но все равно, чтобы завтра ее уже не было во Вьетнаме.

Отпустив полковника, генерал долго сидел над картой, разговаривал с командирами частей, после обеда побывал в штабе первой пехотной дивизии, проверяя готовность командного состава к проведению операции. Вечером отправил в Объединенный комитет начальников штабов донесение о готовности всех звеньев боевого механизма к выполнению задания по разгрому крупных сил Вьетконга.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тревожное, напряженное ожидание серьезных боевых действий не покидало последние дни командиров всех рангов третьего сектора Тэйниньского фронта.

Беспокойство испытывал и штаб главного командования сил освобождения. Недаром в район, где размещался со своим штабом полковник Ле Хань, прибыли представители главного командования.

— По всем прямым и косвенным данным,— говорил Ле Ханю замглавкома, мягко, по-южному выговаривая слова, за которыми он улавливал беспокойство, желание вовремя разгадать ход мыслей противника,— американцы именно здесь, на вашем участке, готовятся к серьезным действиям. Так Военный совет просил меня проинформировать вас.

— Наша разведка, тесно связанная с подпольщиками, внимательно следит за всем, что происходит у противника, и каждый день приносит какие-нибудь новые доказательства, что именно здесь ожидается что-то новое. Возможно, генерал Уэстморленд нанесет удар здесь потому, что все прежние попытки были неудачными. Он и его штаб хорошо понимают, насколько важен успех именно на этом участке.

— В Военном совете есть предположение, что противник засек довольно крупное сосредоточение наших сил в районе дороги номер тринадцать. Тем более что мы занимаем здесь ряд ключевых позиций. Оставлять их в наших руках генерал Уэстморленд считает опасным для дальнейших своих планов. Меня просили также передать вам, что необходима самая тщательная боевая подготовка и такая же бдительность, чтобы не оказаться застигнутыми врасплох.

— Об этом, товарищ замглавкома, мы каждый день говорим своим бойцам и командирам.

Поздно ночью Ле Ханя разбудил дежурный:

— Товарищ полковник, из Сайгона прибыл связной со срочным донесением. Никого, кроме вас, не хочет видеть.

Полковник посмотрел на часы: без десяти три. Поспать удалось около двух часов. Совсем немного: допоздна шла работа с разведчиками и оперативниками. Привел в порядок форму, причесал разлетающиеся в стороны непокорные волосы:

— Зовите.

— Товарищ полковник,— услышал он за спиной голос и чуть не выронил банку с чаем.— Разрешите доложить...

Полковник не дал договорить связному и, повернувшись, увидел маленького озорного мальчишку в потре-

панной деревенской одежде, в спортивных кедах, кажется несколько великоватых, плетеную шляпу на голове.

— Я уж потерял надежду когда-нибудь увидеть вас, сестренка Льен. А судьба, оказывается, распоряжается по-своему. Встретил бы вас в таком наряде — ни за что не узнал. А где ваша неподъемная рация?

— Товарищ полковник, — смущенно проговорила девушка, — больше года прошло, а вы помните мое имя? — Она чувствовала, что говорит не то, что надо говорить связному, прорвавшемуся через тысячу опасностей, но ничего не могла с собой сделать, все вылетело из головы.

Полковник заметил усталость на лице девушки.

— Я должна доложить, товарищ полковник, что задание подпольного комитета партии Сайгон — Зядинь выполнила, — сказала она и в изнеможении опустилась на скамейку у стола.

— Подождите, Льен, придите в себя, отдохните немного. Сейчас приготовлю чай, сейчас... А потом доложите все по порядку.

Ле Хань налил в чашки кипяток из термоса, бросил в него щепотки чая.

— Вот, попейте чайку, придите в себя с дороги. Вижу, вам очень нелегко досталось путешествие.

Девушка маленькими глотками отхлебывала горячий чай, и Ле Хань чувствовал, как медленно отходит она, будто усталость и тревога растворяются в горячем напитке. Он испытывал необъяснимую радость оттого, что видел бывшую радистку, которую отправил накануне операции против базы Фусань в опасный путь к холмам недалеко от пагоды Пурпурных облаков и уже больше никогда не думал увидеть ее. Парни, провожавшие ее, в дивизию не вернулись: может быть, они не нашли дивизию потому, что после боя она была перемещена на южный участок, к самой камбоджийской границе, где полковник Ле Хань получил новое назначение. В дни тяжелых переходов по «тропе Хо Ши Мина», в редких боевых стычках с противником, в напряженной подготовке к более серьезным испытаниям забывалась далекая встреча, но все-таки иногда память возвращалась к ней, восстанавливала детали почти мимолетного разговора. Он вспомнил, как разведчик, которого он выделил для сопровождения радистки, надевая на плечи ранец с рацией, задал ей удивленный вопрос:

— И это ты сама тащила? Ты кирпичей наложила сюда, что ли?

— Какая же судьба забросила вас сюда, Льен? Да вы пейте, пейте. Может быть, хотите покушать? У меня есть консервы, открыть?

— Нет, товарищ полковник, есть не хочу. Устала очень. По-всякому добиралась... Сначала на машине подвезли солдаты двадцать пятой сайгонской дивизии...

— Что вы говорите?! — удивленно воскликнул Ле Хань, не дав закончить фразы. — А если бы они заподозрили вас, начали обыскивать? Они бы вас растерзали, — полковник внутренне содрогнулся от такой мысли.

— Ничего, я знаю, как с ними обращаться. Я им назначила встречу через два дня в том месте, где они меня высадили.

— Вы шутите?! Они придут, а вас нет, начнут искать, расспрашивать местных жителей...

— А они им скажут: не дождалась, велела искать в Сайгоне.

— Ну, а если случайно встретитесь в Сайгоне?

— Не встречусь. Я туда больше не вернусь, мне уже нельзя в Сайгон. Командование направило меня радисткой на ваш участок фронта, товарищ полковник.

— Это очень хорошо. Нам очень нужна ваша специальность, мы уже просили штаб помочь нам. Да, Льен, — спросил он, — а не можете ли что-либо сказать о тех ребятах, разведчиках, которые тогда ушли вместе с вами? Как вы добрались и добрались ли до своего места?

— Без всяких приключений, товарищ полковник. А те парни сразу ушли назад, говорили, что надо быть на месте. А разве они не вернулись? Очень жаль, тогда ведь на вашем участке очень жарко было, может, угодили под бомбежку? — не скрывая беспокойства, произнесла Льен.

— Не думаю, — ответил полковник, — скорее всего присоединились к какому-нибудь другому подразделению. Ну, ладно, такие ребята не пропадут. Так что же вы принесли нам, какие вести? — спросил он, когда девушка отодвинула пустую чашку.

Льен достала из тайника, устроенного в кедах, туго скатанные в трубочку листочки и подала полковнику. Наклонившись с раскатанными бумажками к маленькой керосиновой лампе, Ле Хань испытал огромную радость:

перед ним был приказ командира 1-й американской пехотной дивизии, в котором восхвалялись победы дивизии в прежних войнах, говорилось, каким совершенным оружием она располагает сейчас, и выражалась уверенность, что солдаты и офицеры снова проявят героизм и добьются разгрома врага в наступательных боях, которые начнутся через несколько дней.

Второй листок был копией схемы наступления дивизии на позиции сил освобождения вдоль дороги № 13. Бросив взгляд на часы, Ле Хань заторопился.

— Я, видимо, до утра уже не вернусь,— сказал он девушке,— поэтому располагайтесь поудобнее и засыпайте.

Командный состав собрался быстро. О впечатлении после доклада Ле Ханя можно судить по наступившей тишине.

— А если это дезинформация? — спросил наконец офицер штаба Фронта сил национального освобождения.— Тогда мы можем оказаться в тяжелом положении.

Ле Хань хотел ответить с ходу, но поймал себя на том, что слишком волнуется, потому что предположение о дезинформации бросило бы какую-то тень на Льен, а он не мог этого допустить.

— Товарищи, которые работают в Сайгоне, понимают цену такой информации,— медленно произнес он.

— Я говорю не о товарищах, которые работают в Сайгоне, в них никто не сомневается,— сказал офицер,— я задаю сейчас этот вопрос и самому себе: а если это искусно подброшенная дезинформация? Поэтому, я думаю, нам необходимо изучить полученные данные самым обстоятельным образом, подготовить свой контрплан и одновременно попробовать проверить их с другого конца. Это нам не повредит.

— Есть у нас для этого хоть какие-то возможности? — вопросительно глядя на начальника разведки, спросила Нгуен Тхи Динь.— Как я полагаю, времени для проверки у нас осталось очень мало, но тем быстрее надо все проделать.

— Мы займемся этим немедленно, товарищ замглавкома. Но могу сказать, что активные приготовления к боевым действиям первой американской дивизии в Лайкхе идут уже более двух недель. Разведчики давно докладывают, что дивизия получила дополнительные бронетанковые и механизированные подразделения. Развед-

отряды дивизии на бронетранспортерах все время совершают рейды по дороге номер тринадцать, и это как раз подтверждает информацию, полученную от подпольщиков. Еще одно подтверждение, как вы знаете,— активность воздушной разведки.

— Я еще раз хочу, чтобы меня все правильно поняли,— снова сказал офицер Фронта,— мы не ставим под сомнение никакие данные, у нас для этого нет оснований, но совершенно необходимо по возможности еще раз уточнить их. Сейчас, когда Уэстморленд, как нам кажется, решил показать себя Вашингтону с лучшей стороны, он будет действовать и осторожнее, и надежнее. Он человек опытный, условия войны во Вьетнаме знает хорошо. Он постарается вести боевые действия более активно, чем они шли до этого.

— Вы правы,— согласился Ле Хань,— у него за плечами опыт войны в Корее, и сюда, в Южный Вьетнам, прибыл не как глава советников, а в ранге главнокомандующего экспедиционными силами, которые все время увеличиваются.

— Мне кажется,— сказала замглавкома,— что у нас общее мнение: полученным от наших товарищей сведениям мы верим, но это не мешает получить дополнительную информацию. Это только больше прояснит картину, сделает ее объемнее. Надо следить за тем, что делается на базе в Лайкхе, но при этом нужна крайняя осторожность, чтобы не выдать себя противнику.

Прошло несколько дней. В штабе накапливалось все больше фактов о подготовке 1-й пехотной дивизии США действовать в соответствии с данными, которые удалось получить разведчикам. Выяснились и дополнительные факты. Американскую дивизию будут поддерживать сайгонские части. Но они останутся как бы в резерве.

В сроки, определенные приказом командира дивизии, ее части стали выдвигаться на исходные рубежи.

...Под покровом ночи с военной базы Лайкхе вышло два американских пехотных батальона и две танковые роты. Две батареи тяжелой артиллерии заняли огневые позиции в зоне наступления заранее. Продвигаясь по дороге № 13, как было и предусмотрено, подразделения вышли в район Баубанг и разместились на каучуковых плантациях. Отсюда они рассчитывали с восходом солнца начать атаку на основные силы освобождения в этом районе. Одновременно с выступлением батальонов должны были выбросить десант морской пехоты под ко-

мандованием опытного майора Дон Болнера, чтобы зажать, как говорилось в диспозиции, Вьетконг в клещи и не дать уйти ни одному человеку.

Ночью обе дороги, по которым должны пойти в наступление сорок американских танков, чтобы своим огнем поддержать наступающих и усилить давление на противника, были заминированы саперами сил освобождения. Танки, заняв исходный рубеж для наступления, попали в ловушку. Группа бойцов, вооруженных гранато-метами, укрылась в засаде.

Задолго до рассвета подразделения полковника Ле Ханя закончили окружение каучуковых плантаций, где спокойно, ничего не подозревая, отдыхали американские солдаты и офицеры. Оно было проведено с такой осторожностью, что противник ничего не заметил. Вблизи базы Лайкхе, откуда американские батальоны вышли на исходный рубеж, разместились две роты сил освобождения. Они должны были помешать резервным подразделениям прийти на помощь тем батальонам, которые окажутся в трудном положении в Баубанге.

Обе стороны — одна тревожно, другая беспечно спокойно — ожидали наступления рассвета. Американская пехота должна была пойти в наступление в семь часов утра. Силы освобождения начали его на пятьдесят минут раньше, еще до восхода солнца. Когда отряды Вьетконга пошли вперед и открыли сильный огонь, американские солдаты заметались, не зная, что делать, поскольку офицеры, тоже не понимая, что происходит, не подавали никаких команд.

За несколько минут до боя на каучуковых плантациях тяжелые вертолеты с морскими пехотинцами, не подозревающими, что все уже идет не так, как задумано, взяли курс в заданный район. Опускаясь на заранее намеченных участках, вертолеты, еще не освободившиеся от десантников, попали под огонь пулеметов. Командиры машин, призывая пехотинцев вести огонь по противнику, буквально выталкивали их на землю, боясь оставаться слишком долго в опасной зоне. Они улетали один за другим. Но четыре машины все-таки были подожжены и взорвались.

Командир морских пехотинцев майор Болнер, поняв, что произошло не предусмотренное планом, все-таки быстро разобрался в обстановке и потребовал от офицеров организовать оборону.

— Здесь слишком мало сухой земли, сэр,— возражали офицеры.— Где занимать оборону?

Но морские пехотинцы сообразили раньше, чем последовали команды, что надо делать. Через несколько минут они уже рассыпались на влажных полях, урожай с которых был недавно собран. Хотя и мокро было лежать, но морские пехотинцы к этому были готовы. На них были легкие непромокаемые куртки или пуленепробиваемые жилеты, высокие ботинки против змей. Окопавшись, насколько возможно было на таком неудобном месте, они сразу открыли огонь. Майор Болнер приказал продвигаться вперед. Он считал, что враг дрогнет, увидев пехотинцев, идущих в атаку. Но его поставило в тупик поведение противника: вместо того чтобы отступить, он сам пошел на сближение. Все смешалось на поле боя. Застигнутые врасплох, напоровшиеся на хорошо организованную засаду и привыкшие обычно действовать после того, как позиции противника обработаны артиллерией и бомбами, морские пехотинцы растерялись. Они ждали помощи с воздуха, а она, по плану, должна была прийти несколько позже. Вызванные по тревожному сигналу майором легкие бомбардировщики оказались бесполезными: летчики, увидев с бреющего полета, что творится на поле боя, не стали сбрасывать бомбы, чтобы не повредить своим же солдатам.

Драматично развивались события на артиллерийских позициях: пушки были захвачены еще до начала боя, так и не сделав ни одного выстрела. Зная, что в этой обстановке увезти орудия не удастся, хотя они очень быгодились, бойцы сил национального освобождения подорвали их.

Когда на базе слышали гром боя, начавшийся раньше запланированного времени, там поняли, что батальоны или попали в засаду, или по каким-то другим причинам вынуждены начать наступление раньше. По тревоге был поднят свежий батальон и уже готовился идти на помощь, но роты, заранее выдвинутые Ле Ханем к Лайкхе, открыли сильный огонь, имитируя атаку. Это вызвало панику, и уже о посылке подкрепления не могло быть и речи. База стала готовиться к отражению возможного штурма противника, не зная ни о его численности, ни о его намерениях.

Полный хаос творился на командном пункте, расположенном недалеко от Баубанга, поскольку узел связи был уничтожен в самом начале боя и командир дивизии

в неразберихе, охватившей подразделения, не мог добиться от кого-нибудь вразумительного ответа о том, что творится на разных участках. Связь с батальонами была потеряна.

При отсутствии связи между различными родами войск началась путаница, которая мешала принять быстрые меры, чтобы поправить положение. Майор Болнер со своими морскими пехотинцами сумел отбить атаку и беспрерывно вызывал бомбардировщики для обработки позиций Вьетконга. Ему все время отказывали под разными предлогами. В тринадцать двадцать, когда по плану противник должен быть сломлен и уничтожен, на требование майора помочь бомбардировщиками авиационный офицер на воздушной базе не дрогнувшим голосом ответил:

— Вы что, майор, потеряли представление о времени? Кто полетит к вам? Через десять минут летный состав должен обедать. Пилоты уже покинули свои машины. И, кстати, сейчас вы должны бы докладывать с отвоёванных у врага позиций.

— У меня гибнут люди,— закричал майор,— вы что-нибудь понимаете в войне?

— Не горячитесь, майор, надо управляться вовремя, а не кричать.

— Я обещаю пристрелить вас, если выберусь отсюда,— не сдержался майор.

— Не горячитесь, майор,— с холодным спокойствием произнес дежурный,— я уже просил вас. И не грозите. Я понимаю, что вам, видимо, трудно. Сейчас кого-нибудь найду и пошлю вам на подмогу. Давайте ориентиры.

Через полчаса четыре бомбардировщика прилетели в район расположения морских пехотинцев. Увидев, что много человеческих фигур лежит на рисовых участках, пилоты приняли их за вьетконговцев — что делать в грязи американцам? — и начали бомбежку.

Майор выходил из себя. Ничего уже не сознавая, он стал палить из автомата по самолетам, истерически крича в микрофон:

— Расстреляю, расстреляю, если выберусь отсюда!

Он выбрался на этот раз и через несколько дней написал отцу письмо в США: «Папа, я увидел бессилие и позор своими глазами. Я участвовал в тяжелом бою и положил на грязном рисовом поле добрую сотню своих морских пехотинцев. Их убивали не только вьетнамцы,

но и наши собственные летчики. Наступление, которое придумали наши генералы, обернулось страшным поражением — не только физическим, но и моральным. Если я выдержу еще несколько месяцев, я стану стариком в тридцать лет и никогда от этого не излечусь. Почему ты не остановил мсья, отец?»

Письмо вынули из кармана куртки после гибели майора во время операции по умиротворению деревни, подозреваемой в связях с Вьетконгом.

Перед заходом солнца над американскими позициями снова появились бомбардировщики. Приняв убитых за солдат Вьетконга, прячущихся в траве и соломе, они еще раз обработали их бомбами...

В докладе о неудавшемся наступлении Уэстморленд писал: «Наши подразделения столкнулись с таким численно превосходящим противником, которого мы еще ни разу не встречали. Наши самолеты целый день бомбили врага, но на месте убитых у него появлялись новые резервы. Эта операция лишний раз доказывает основательность моей просьбы увеличить в ближайшее время численность наших войск еще минимум на сорок батальонов, или примерно на 180 тысяч человек».

Министр обороны США Макнамара приказал, чтобы ни одной строки о поражении Уэстморленда на дороге № 13 не просочилось в газеты.

Двести восемьдесят семь убитых, четыреста с лишним раненых, сорок сожженных и подбитых танков, четыре сгоревших вертолета, выведенные из строя две артиллерийские батареи тяжелых пушек... Один день войны обошелся Америке в восемьдесят семь миллионов долларов.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Улица Катина́, одна из самых фешенебельных улиц Сайгона, с дорогими магазинами, художественными галереями, торгующими яркими, экзотическими картинами местных художников, с антикварными и ювелирными лавками, в каждой из которых можно купить старинные и древние изделия из слоновой кости, фарфора, керамики, золота, бирюзы и нефрита, сверкала огнями рекламы. Красные, зеленые, желтые, голубые, сиреневые, пляшущие, вертящиеся, мигающие, загорающиеся и гаснущие в ритме азбуки Морзе надписи, рисунки, указатели, торговые знаки всемирно известных фирм предлага-

ли все, что только можно встретить в таких центрах иностранного туризма, как Бангкок и Гонконг, Манила и Сингапур, Джакарта и Токио,— все, от таблеток для похудения до финской бани-сауны с красивыми, элегантными, опытными массажистками, готовыми выполнить любое пожелание гостя. Реклама указывала адреса, где можно приобрести вазу времен китайского императора Цянь Луна, небольшие, изящные, с не тускнеющими от времени красками предметы из могильников китайских императоров и сановников, захороненных полторы, две тысячи лет назад в древних столицах феодальных государств Китая — в Лояне и Сиани. Холеные, с лоснящимися лицами, с которых никогда не сходит при виде покупателя самая благожелательная улыбка, с классическими, под Конфуция, бородками или чисто выбритые, практичные и все знающие китайские торговцы, именующие себя хуацяо, выходцами из Китая, настоящие хозяева не только этих лавок, но и всего Сайгона, будут делать все, чтобы вы не ушли от них без покупки.

Вы не хотите купить эту старинную вазу? Понятно, деловому человеку не так удобно возиться с ней, хотя мы можем доставить покупку в любой район мира, и это будет очень недорого. Но как вы отнесетесь вот к этой вещичке? Скажу как другу, что это самое ценное из всего, что есть в этой лавке,— торговец обводит руками лавку, и покупатель перестает что-нибудь понимать.

Если эти редкостные картины четырех времен года из кораллов, нефрита, яшмы, слоновой кости, позеленевшие от древности ритуальные курильницы, бронзовые чаши, инкрустированные серебром, истонченные временем свитки картин древних художников и каллиграфов, выполненные на шелке, не могут сравниться, по мнению хозяина, по ценности с этим перстнем, то что же тогда он представляет собой?! А хозяин уже вошел во вкус. «Такие перстни,— говорит он,— посмотрите на выбитый знак,— и услужливо подается многократно увеличивающая лупа,— такие перстни носили только принцы и принцессы самой сладострастной императрицы Китая — Цы Си. А она, скажу вам, понимала толк в прекрасном. Вам не нужен перстень? Пожалуйста. Но посмотрите вот на это». Из шкафчика с потайным замком извлекается коробочка, в которой на мягкой бархатной подушечке лежит оригинальной формы флакон из полупрозрачного розового минерала. Искусно сделана подставка из слоновой кости или эбенового дерева, радует глаз орна-

мент из накладного золота и серебра. А полированная, излучающая тепло поверхность — настоящее чудо резьбы по камню. «Это действительно самое ценное, что у меня есть сегодня. Будь это моя собственность, я бы мог год, а то и два ничего не делать. Может быть, этим флаконом пользовалась несравненная Ян Гуйфэй, самая знаменитая императорская наложница в истории Китая. Во всяком случае знак, вырезанный на донышке флакона, говорит о его принадлежности члену императорской семьи, жившему почти девятьсот лет назад...»

Не надо ставить под сомнение этот факт. Владелец, или скорее его доверенный, будет уверять, клясться, разводить руками, призывать в свидетели небо и наконец, достав старинные каталоги, найдет в них картинку именно этого и еще нескольких флаконов, имеющих историческую ценность.

«Вы будете сожалеть всю жизнь, если упустите такую возможность. Просто случайность, что мне удалось показать вам эту редкость. Один очень богатый американский господин просил специально найти для него такую редкость. Вы знаете, такие вещи на витринах не стоят, их приходится искать. Мне удалось найти у еще оставшихся в живых потомков знаменитых людей, и они согласились уступить реликвию. Я вижу, вы разбираетесь в древностях и поэтому догадываетесь, какие деньги пришлось выложить — и не в пиастрах, а долларах. А что было делать? К сожалению, господин, заказавший раритет, вчера вынужден был немедленно вылететь домой по неотложному делу. Поверьте мне, господин, может быть, вам еще удастся увидеть что-нибудь подобное где-нибудь в музее, но купить... Извините, такие вещи не появляются на антикварном рынке каждый день...»

Если вы купите, то, вероятно, будете счастливы и всю свою жизнь станете рассказывать друзьям, как в Сайгоне, настоящем вертеле Азии, вам удалось раскопать, отдав, конечно, порядочную сумму, эту музейную редкость, и не будете подозревать, что вместо купленного вами раритета завтра же будет положен другой, не менее древний, не менее знаменитый. И ему найдет аналог в справочнике, и на нем будет клеймо эпохи какого-нибудь древнего императора, хотя сделан он две недели назад где-нибудь на Тайване или в Кантоне, а может, и совсем рядом, в китайском районе Сайгона — Шолоне.

Полковник Юджин Смит во время прогулки по самому богатому и яркому отрезку улицы Катина между отелями «Каравелла» и «Мажестик» объяснял Питеру Мартину, следователю 541-го отряда военной разведки, занимающейся делами военнопленных, как осторожно надо подходить к вкладыванию своих средств в китайский антиквариат в Сайгоне.

Мартин, только недавно прибывший из США и никогда не видевший азиатских городов, был ошеломлен. Ему казалось, что сокровища всех музеев мира перекочевали сюда, в Сайгон, что большинство алмазов, добываемых в Южной Африке, после обработки в гранильных мастерских Брюсселя или Антверпена поступают прямо к ювелирам столицы Южного Вьетнама.

— Месяц живу в этом городе,— делился Мартин своими мыслями и сомнениями,— и пока не могу понять, что здесь происходит. По-моему, он ни на что не похож. Вроде бы город со всеми присущими ему атрибутами, похожий чем-то на наши города,— бизнес, торговля, проституция, наркотики, порнофильмы. А с другой стороны, я замечаю, что большинство жителей — я бывал в трущобах, на окраинах, в самых бедных кварталах — живут так, будто ничто городское к ним не имеет никакого отношения. Объясните мне, пожалуйста, Юджин, что это за место — Сайгон? Вы ведь тут не новичок.

— Да, Пит, понять Сайгон действительно новичку трудно. Ты не обижайся, поживешь, сам потом будешь выступать гидом по самым сложным социальным проблемам этого города.

— Только хотелось бы побыстрее разобраться, чтобы не тыкаться, как слепой котенок, куда не надо.

— Когда будешь изучать Сайгон глубже, исходи из того, что больше чем наполовину он — творение наших рук. Мы его создали. Со всеми теневыми сторонами. Так уж случилось, что мы принесли в эту азиатскую страну свои порядки и хотим, чтобы они прижились, стали частью образа жизни ее народа. Это противоестественно, Пит, потому что у вьетнамцев уже по меньшей мере два тысячелетия назад сложилась своя структура жизни, семьи, отношений между людьми, религиозные верования и народные традиции. Они могут казаться нам отсталыми, нелепыми, смешными, примитивными, но не нам их менять. Они устраивают людей, которые живут здесь. Мы вторглись со своими идеями в чужой и непо-

нятный для нас мир. Мы, как ураган, ворвавшийся в угольную лавку,— все перемешали, перевернули, подняли тучи пыли, через которую невозможно разглядеть, где же выход. Правда, не мы первыми начинали перестройку вьетнамского образа жизни. Почти сто лет занимались этим французы. Но французы не та нация. Они не обладают ни нашим размахом, ни нашим самомнением, ни нашим прямо болезненным сознанием, что только мы можем научить, как надо людям жить.

— Не слишком ли ты строг к нашей милой Америке, Юджин?

— Возможно, и строг, но, может быть, это простиительно. Я слишком ревностно отношусь к ней, и мне не хочется, чтобы она выглядела в глазах других народов слоном, зашедшим в такую вот фарфоровую лавку,— показал Смит на магазин, на обеих дверных притолоках которого висели старинные лаковые доски с красиво выписанными золотом иероглифами.— Здесь живет мой старый знакомый, который учил меня премудростям китайского языка. Настоящий философ и поэт, как все воспитанные старые люди.

— А что значат вот эти доски перед входом в фарфоровую лавку? Не пагода же, а магазин? — спросил Мартин.

— Ну, это просто старинный обычай вывешивать вот такие красивые доски, а кто победнее — листы бумаги с изречениями мудрецов или отрывками стихов, отвечающих вкусам хозяина. Я так часто бывал в этом доме, что наизусть знаю их содержание. На левой доске начертано: «Изысканные, будто небожители, чьи богатства и знатность бескрайни, как небеса, нахлестывают они коней, мчащихся по лазурной дороге». А на правой: «Мы растим плоды в саду, украшаем землю цветами, распиваем ароматный чай у абрикосового дерева и радуемся мудрости жизни».

— Звучит красиво, но какое это имеет отношение к жизни фарфоровой лавки?

— Да вообще-то никакого. Думаю, что эти стихи и понимает-то только самый старший представитель семьи. Если у нас останется время, я познакомлю тебя с хозяином. Очень мудрый старик, много знает такого, о чем не пишут здешние газеты.

— Спасибо, Юджин, буду благодарен. Так что же произошло в угольной лавке, в которую ворвался ураган?

— Ураган принес с собой много лишнего, да ты и сам уже успел заметить кое-что. Самое главное — он разрушил, или, вернее, старается разрушить, привычные устои. Это видно как раз на примере Сайгона. Ничем в общем-то не примечательный городок малого калибра, столица одной из трёх частей Вьетнама — Кохинхины, как раньше называли Юг французы, он с нашей помощью превратился в крупный город Азии. Его население перевалило уже за три миллиона. Думаю, что это самый тесный город в мире. На каждом квадратном акре¹ живет в нем 140 человек, а в районах бедноты — более восьмисот. Тут все замешано на преступлениях. Читал, наверное, что недавно арестован начальник сайгонской полиции, оказался главой мафии по сбыту наркотиков.

— И куда же мафия сбывала их?

— В Гонконг, Сингапур, Японию, всюду, где они пользуются спросом. Но больше всего — нашим солдатам. Ну и, конечно, через наших офицеров — в Штаты.

— Что ты говоришь?! У нас же строгий контроль.

— Дорогой Пит, может, тебе неприятно как законнику услышать, но скажу: чисто случайно удалось обнаружить, что гашиш отправляли в Штаты кощунственным образом, укладывая пакеты в животы убитых солдат.

Они остановились около художественной галереи, но, кажется, не видели ни картин в окнах, ни призывных жестов хозяина. Прошло порядочное время, прежде чем Мартин задал новый вопрос.

— Ну, а как могло так катастрофически быстро вырасти население этого грешного Вавилона? — спросил Мартин.

— Очень просто. Мы начали проводить сселение крестьян в «стратегические деревни», придуманные профессором Стэйли и генералом Тэйлором, и народ побежал в города. Остановить этого потока никто не мог, да и не хотел. И Сайгон начал расти, как раковая опухоль. Теперь это неуправляемый город. Он шумит, суетится, но не движется никуда. Ты знаешь, сколько тут иностранных банков, компаний, фирм, какие огромные ценности завезли мы сюда. И вокруг этого богатства создались крупные, хорошо организованные банды, продающие все, что можно продать.

¹ 1 Акр — 0,4 га.

— Я как-то ради любопытства ходил по бульвару, идущему параллельно этой улице...

— Бульвар Нгуен Хюе называется,— сказал Смит.

— И меня очень удивило, что у торговцев можно купить полный набор экипировки морского пехотинца — от ботинок с металлическими прокладками до портативных примусов.

— Если спросить, то, думаю, можно купить и автомат, и пистолет,— добавил Юджин.

— Ну, до этого мы вряд ли дошли,— усомнился Мартин.

— Дошли, давно дошли. Через подставных агентов Вьетконг приобретает даже пулеметы у наших, а чаще у сайгонских солдат. Мы у себя на базе обнаружили, что со складов исчезают автоматические винтовки, пулеметы, не считая ящиков с патронами. А ведь приобретают эти несъедобные вещи не крестьяне, а может быть, и вчерашние крестьяне.

— Ты, Юджин, находишься, можно сказать, на направлении главного удара в психологической войне, о которой рассказывал генерал Лэнсдейл. Как ты относишься к его планам?

— На этот вопрос трудно ответить односложно. Планы Лэнсдейла — продолжение, пусть усовершенствованное, но продолжение старого курса на умиротворение вьетнамской деревни. Теперь вместо «стратегических поселений» начали строить новые деревни. Как только их не называют: революционные, процветающие, нового быта, а содержание все то же. Понимаешь, мы хотели бы думать, что выступаем в роли благодетелей. И рассчитывали, что благодарные вьетнамцы повалят к нам толпами, чтобы рассказать, где находятся базы Вьетконга, кто из жителей поддерживает коммунистов, а кто и сам коммунист. А они не идут, за исключением тех, кто должен идти с нами, потому что слишком виноват перед своими соотечественниками.

Ты знаешь, как определил один мудрый буддийский монах наше благодеение? — после некоторого молчания спросил Смит.

— И как же?

— «Вы, говорит, вместо того чтобы вытирать слезы народу, выдавливаете ему глаза». Ну, как ты находишь?

Мартин долго молчал.

— Ты считаешь,— наконец спросил он,— что нам

следует прекратить эту попытку отколоть Вьетконг от вьетнамского крестьянина?

— Я не возражаю,— сказал Смит,— против правильной в основе мысли: надо между Вьетконгом и крестьянами проложить какую-то действительно непреодолимую зону. До тех пор пока ее не будет, пока Вьетконг будет пользоваться поддержкой населения, он будет расти. Он — дерево с корнями, глубоко ушедшими в почву. Мы же своими не всегда обоснованными и необходимыми карательными акциями, действуя по принципу: лучше убить десять невинных, чем оставить в живых одного коммуниста, удобряем эту почву, сами даем Вьетконгу оружие для борьбы с нами же.

— Ты был свидетелем таких акций, Юджин? Какое они произвели на тебя впечатление?

— Эх, Пит, лучше об этом не говорить. Я написал докладную генералу Уэстморленду и высказал мнение, что не следовало бы уж очень стремиться превратить в пепел любую вьетнамскую деревню. Написал ему, что люди, не имеющие ничего общего с Вьетконгом, призывают кары на голову американских солдат.

— Ну, и как отреагировал он на это?

— Мой друг полковник Мэрфи работает в штабе Уэстморленда и, кажется, пользуется доверием генерала, сказал мне вчера, когда мы встретились у него дома: «Ты, говорит, Юджин, воздержись от радикальных предложений или критики, а то уже за тобой начинает тянуться хвостик. Пока, говорит, мне удалось его обрезать, но будь осторожен». Вот видишь, какая реакция?

— А почему бы не отдать нам эту, мягко говоря, неблагодарную работу самим вьетнамцам? У них есть армия, пусть она и умиротворяет, успокаивает, что хочешь, то и делает со своими гражданами.

Полковник рассмеялся.

— Ну, Пит, тебе еще вариться и вариться во вьетнамском котле, пока дойдешь до всего. Если бы мы отдали все вьетнамской армии на откуп, то вот на этой улице, почти на каждом доме давно висел бы портрет дяди Хо. Для этого мы пришли сюда со своей армией, чтобы не допустить дядю Хо южнее семнадцатой параллели. Не допустить краха наших стратегических планов. Мы не можем пойти на это, слишком много мы вложили сюда, чтобы отказаться от Вьетнама. Мы прикованы, Пит, к этой стране цепью. И двигаться мы можем только в пределах, допустимых длиной этой цепи.

— Зайдем на минутку, а? — предложил Мартин, остановившись у вывески: «Книжная лавка Рахима. Предлагается также богатый выбор монет для коллекции».

— Ты чем увлекаешься — книгами или монетами? — спросил Смит.

— Книги тут не очень интересные, а монеты есть просто прелестные.

Они вошли в лавку. Из-за конторки выскочил высокий худощавый индус с густо покрытыми бриллиантовым волосами, в батиковой индонезийской рубашке. Крикнул кому-то в глубину лавки: «Два бокала апельсинового сока!»

— Что бы вы хотели посмотреть? Бриллианты, слоновая кость, древние и современные вазы?

— Есть ли у вас интересные монеты? — спросил Мартин.

— О, специально для вас, сэр, специально для вас, — он быстро вытащил из-под прилавка большого размера коробку, в которой, аккуратно разложенные по пакетам, лежали монеты, способные заставить задрожать любого нумизмата.

Мартина не интересовали монеты с портретом австрийской императрицы Марии-Терезии, рейхсмарки с изображением Гитлера и Гинденбурга, редкий английский шиллинг с изображением несостоявшегося короля Георга VI, который предпочел английской короне женитьбу на американке, в жилах которой — за что его и лишили королевского титула — не было ни одной капли голубой крови. Отстранив доллар с портретом покойного Джона Кеннеди, Пит, не сдержав волнения, пододвинул к себе наборы древних монет вьетнамских и китайских династий, разных по достоинству и форме — от круглых до монет в форме старинных воинских мечей, с квадратными и круглыми дырками посередине, с четкими иероглифами. Пит отобрал несколько наборов и, не торгуясь, расплатился. Хозяин лавки был вне себя от радости: покупатель оказался щедрым.

— А вы, Пит, ведете политику на девальвацию американского доллара, — сказал Смит, когда они вышли из магазина на улицу.

— Боюсь, что я не понял тебя, Юджин.

— Отвалить такие деньги! Ты, наверное, очень богат, Пит, а?

— Да что ты! Но посмотри, какая прелесть,— восхищался Мартин.

— Вижу. Только стоит эта прелесть не тридцать долларов, как заплатил ты, а максимум пять — семь.

— Не может быть, Юджин, ты шутишь?

— Шучу? Зайдем вот сюда.

Совсем в крошечной лавчонке, заставленной книгами на вращающихся этажерках, Юджин попросил хозяина показать старинные монеты.

— Пожалуйста, сэр. Есть очень древние, пожалуйста.

Смит отобрал несколько комплектов, примерно столько, сколько купил Мартин, взвесил их зачем-то на ладони, потом, вытащив из кармана пятидолларовую бумажку, положил на прилавок.

— Достаточно?

— Что вы, сэр?! Это невозможно.

— Ладно,— проговорил Смит,— куплю в другом месте,— и стал прятать деньги.

— Ну подождите, сэр. Специально для вас — двадцать долларов.

— Пять, и ни цента больше.

Хозяин стал горячиться, сбавлять цену, наконец дошли до семи долларов — и оба остались довольны друг другом.

До бара в отеле «Мажестик» Мартин не произнес ни одного слова. Когда, разместившись под полотняным навесом веранды, выпили по несколько глотков пива, Мартин, кажется, обрел дар речи.

— Ну, Юджин, преподавал же ты мне урок!

— А чтобы ты помнил его, я дарю тебе эти монеты на память о нашем знакомстве и нашем умении вести бизнес.

— Ты говоришь «о нашем умении вести бизнес», а ведь простаком-то выгляжу один я.

— Нет, Пит. Я не нас с тобой имел в виду. Поживешь подольше, увидишь, что так ведем себя не только мы. Не считая, бросает свои деньги Америка, и не какие-нибудь десять — двадцать долларов. А знаешь, как растаскивают наши миллионы здесь, какая драка идет за них в сайгонских верхах? — и Смит рассказал о том, как деньги, выделенные правительством США для возмещения убытков владельцам земли, отведенной для строительства базы, прилипли к рукам сайгонских чиновников.

Мартин как юрист возмутился. Но Смит его успокоил:

— Не трать нервы, Пит. Даже если бы весь Верховный суд США пытался привлечь кого-то к ответственности, он бы не нашел виновных.

Он замолчал, чтобы выпить пива, а потом с улыбкой добавил:

— Вот видишь, какие выводы я сделал из твоего промаха при покупке грошовых монет?

— Ну что ж,— засмеялся Мартин,— может, генерал Уэстморленд и прав, обратив внимание на твои слишком смелые выводы. А монеты я положу перед глазами, чтобы никогда не забывать о поучительном уроке. Я рад, Юджин,— порывисто произнес Мартин,— что мы встретились, что я узнал такое, над чем стоит подумать.

Поднявшись в свой номер в той же гостинице «Мажестик», Юджин Смит стал внимательно изучать конспект речи Лэнсдейла. Она была длинной и эмоциональной. Генерал делал экскурсии в недавно минувшие годы, анализировал курс на умиротворение вьетнамской деревни, хотя и не сказал, как об этом говорил Юджину помощник министра обороны Мактоун, о провале некоторых планов, которые он считал едва ли не гениальными.

Сейчас, сделал вывод Юджин Смит, генерал Лэнсдейл и его более высокие покровители озабочены подготовкой административных работников для сельской местности. Ненадежная эта затея, думал он, вспоминая ту часть речи Лэнсдейла, где он говорил о широком использовании дезертиров и предателей. «Они будут верными нашими союзниками,— говорил Лэнсдейл,— потому что им нет пути назад. А кроме того, знание методов, тактики, словаря Вьетконга позволит им лучше работать с населением. Перед нами лишь одна задача — перевоспитание этих людей, убедить, что у них нет иного выбора: или добросовестно работать на нас, или смерть от руки коммунистов».

Юджин Смит вспомнил, что перед отъездом в Сайгон его попросили привезти с собой список, желательно поименный, о том, сколько в районе базы насчитывается «тиеу хой» — перебежчиков — и сколько «хой тьяу» — отступников и предателей, какая с ними ведется работа, чем они помогли американскому командованию.

Таких людей на базе — пальцев на двух руках больше. Список оказался куцом, и офицер из команды Лэнс-

дейла, принимая его, неодобрительно посмотрел на Смита, и только высокий ранг, вероятно, остановил капитана от резких замечаний. Сначала Смит не подозревал, зачем нужен список людей, которым сами южно-вьетнамские офицеры предпочитают не доверять и охотно бы их расстреляли. Но Лэнсдейл, видимо, одержим другой идеей. Интересно было бы посмотреть школу, которую ЦРУ открыло в Вунгтау. Выбрали же для них такое место! — возмущался Юджин. Вместо того чтобы держать их на курорте, лучше бы нашли для них какой-нибудь необитаемый островок и там вдалбливали в их головы новые мысли.

На следующее утро в конференц-зале американского посольства на улице Тхоннят, 4 Лэнсдейл снова держал длинную речь. Он говорил, что в ближайшее время американская армия вместе со своими южновьетнамскими друзьями приступит к проведению операций, носящих разные названия — «Падающий кедр», «Феникс», «Алая роза».

— Цель этих операций, — говорил Лэнсдейл, — одна: уничтожить наконец на Юге политическую оппозицию в любом ее проявлении. Выявить и обезвредить агентов Вьетконга и вместе с тем сократить количество беженцев. Они стали доставлять слишком много хлопот. Беженцы из районов, находящихся под контролем Вьетконга, собранные в лагеря, легко поддаются дурному влиянию, среди них растут антиамериканские настроения. Люди, которым мы дали место для жизни, помогаем продуктами питания, начинают утверждать, что беженцами их сделали американские бомбардировки и дефолианты. Вместо того чтобы реально посмотреть на мир и понять, что все их беды от связей с Вьетконгом, они обвиняют нас, будто мы заставили их бежать с земли, на которой жили все их предки. Воистину безградна людская неблагодарность! — патетически воскликнул Лэнсдейл. — Поэтому я предложил командованию оставлять беженцев в зонах свободных бомбардировок. Пусть отвечают за греховные связи с Вьетконгом.

— Но ведь не все же люди, которые не хотели быть отравленными или убитыми, вьетконговцы или связаны с ними? — задал кто-то вопрос.

— Любой вьетнамец, встреченный в поле, вдали от отведенного ему места жительства, должен рассматриваться как потенциальный враг. Из этого мы должны

исходить, определяя свое отношение к нему. В ближайшие дни вы в своих частях получите инструкцию на этот счет, она сразу прояснит мозги всем, у кого они несколько затуманены,— сказал Лэнсдейл, и все догадались, что это камешек брошен в адрес офицера, задавшего вопрос.

В перерыве Лэнсдейл нашел Юджина Смита и в разговоре вспомнил, что они работали одно время вместе.

— Прошло около четырех лет,— сказал он,— а смотрите, какие тут перемены. Теперь нас уже не единицы, а дивизии. Думали ли вы, полковник, быть свидетелем нашего растущего влияния, а?

«Он не в своем уме, что ли? — подумал полковник.— О чем речь? Мы пришли не из-за возросшего влияния, а потому, что надо укрепиться здесь, удержать Вьетнам в своих руках»,— а вслух ответил вежливо:

— Конечно, не думал, господин генерал. А вы теперь взялись за глобальные вопросы социального переустройства Вьетнама, не так ли?

— Ну, это слишком громко, полковник. Но хочется помочь этой стране стать на ноги, избавить ее от угрозы коммунизма, установить здесь достойный порядок, отвечающий нашим идеалам.

— И как скоро, господин генерал, мы с вами управимся с этим? Мне уже, откровенно говоря, порядком надоело сидеть здесь. А вам?

— Эх, дорогой, если бы я знал, когда! Вы-то еще молоды, а я-то уже, посмотрите, седой.

— Но как вас красит седина, господин генерал,— выразил восхищение Смит,— да и по запасу энергии вы дадите фору любому лейтенанту.

Видно, эти слова пришлись по душе генералу. Он положил руку на плечо Юджина и доверительно, тихо, чтобы не слышали другие, сказал:

— Я сейчас чувствую так, как не чувствовал себя даже на Филиппинах в сорок шестом. Будто бы не было прошедших двадцати лет. И знаете, что я вам скажу, Юджин,— вас ведь так зовут? — чем сложнее и труднее получаю задание, тем моложе себя чувствую. Да, кстати, как там поживает мой друг Фрэнсис?

— Воюет, господин генерал. Трудный нам участок выделили, дня не бывает без нападений Вьетконга — прямых или косвенных: то патруль уничтожат, то автоколонну ошпилют, то на самой базе диверсия, то начальство атакует тяжелыми телеграммами.

— Да, нелегко Фрэнсису, не привык он к таким ситуациям. Он же эстет: красивые вещи, хорошие картины, скульптурные миниатюры, хорошие книги. Вот это по нему. И не собирался воевать, как я знаю. Думал, что уж на такой-то базе, как его, можно чувствовать себя спокойно. А выходит, оказалось наоборот?

— Еще как наоборот-то! — искренне произнес Смит. — Наша база будто магнит притягивает к себе Вьетконг.

— Она и есть — магнит, Юджин. На самом боевом месте расположена, потому и сила ей такая придана.

— Теряем постепенно силу, господин генерал. Но самое страшное: солдаты начинают терять веру. Послушали бы, что они говорят, даже не подумаешь, что это наши солдаты.

— Почему вы допускаете, что Вьетконг терроризирует вас? Нужно самим брать инициативу в руки.

— Господин генерал, прилетели бы вы к нам на несколько дней, поговорили бы с личным составом базы, вдохновили людей, я знаю, у вас на это большой талант. Посмотрите свежим взглядом, может быть, увидите то, что мы уже не замечаем, — пригляделись. Вы бы очень помогли нам.

Юджин искренне просил генерала приехать, думая, что, хотя он и выступает иногда с абсурдными идеями, дело-то он знает, если ему доверяют осуществление глобальных задач. А база действительно живет трудно. Постоянно Вьетконгом наносятся более или менее чувствительные удары.

Так бывает в прерии, когда слепни нападают на лошадей. Она и хвостом машет, и ногами бьет, и головой трясет, а они жалят и жалят. Хорошо, если есть где укрыться. Тогда она убегает. Но случается, что сильное, выносливое животное падает в судорогах. Слепни — вся величина-то с ноготь — оказываются сильнее. Не случится ли такое же с базой?

— Вы мне подали хорошую мысль, Юджин, — услышал полковник веселые нотки в голосе генерала, — вот возьму и прилечу к вам. Попробуем разобраться в ваших болезнях, поставить верный диагноз и найти способ их лечения. Передайте старине Фрэнсису от меня большой привет, и пусть готовится принимать старого друга в своей крепости. . .

Автобус с американским дипломатическим номером, проскочив мост через реку Донгнай, мчался мимо запу-

щенной земли, на которой когда-то росли сахарный тростник, маниок, кукуруза. Теперь это была земля ничейная, отданная под контроль военных, имевших право открывать огонь по любому вьетнамцу, если он забредет сюда. Километрах в двадцати от Сайгона, отходя от дороги номер один, брало начало новое шоссе, круто поворачивающее на юг. Мелькнул указатель: «Вунгтау». Невысокие деревья окаймляли недавно построенную магистраль, ведущую в курортный район, и мощную военную базу США и сайгонской армии.

Приехавших офицеров разместили в отеле «Палас», еще издали приглашавшем туристов посетить его ресторан с богатым выбором французских, вьетнамских и китайских блюд. «Помните,— обращался с большого щита краснощекий повар в белоснежном колпаке и с огромным лангустом на лаковом подносе,— наша главная особенность — блюда из морских продуктов».

На отдых, приведение себя в порядок дали сорок минут, и офицеры разбрелись по небольшому городку, лежащему на берегу голубой бухты, окаймленной кокосовыми пальмами, отороченной ослепительно белым песком, по которому, несмотря на жару, бродили загорелые до черноты и обгорелые до опасной красноты туристы в больших шляпах из пальмовых листьев. В маленькой гавани, усеянной бесчисленными рыбацкими лодками, шла бойкая торговля рыбой, креветками, крабами. Небольшие яхты с белоснежными парусами скользили по тихой, гладкой воде, будто бабочки по шелковому покрывалу. Черноклювые чайки, словно модели управляемых по радио самолетов, стремительно носились над этой гладью, замирая на секунду, прежде чем спикировать на рыбешку. Деревья, покрытые яркими красными цветами, через которые не видно было ни одного зеленого листочка, горящими факелами отражались в цветном зеркале моря. Здесь, на песке, на камнях, дымили небольшие костерки, и аппетитный запах жареных каракатиц, печеных крабов и креветок спорил с ароматом цветущих деревьев и зреющих плодов манго.

— Вот где можно жить, наверное, как в раю,— беря под руку Юджина Смита, мечтательно произнес Питер Мартин.

— Конечно,— согласился Юджин.— Тем более что рай хорошо охраняется, посмотри,— и он показал на стоящие на рейде военные корабли, которые как-то не

вписывались ни в эту голубую бухту, созданную для отдыха, ни в лирический пейзаж, окружающий ее.

— Посмотри, Юджин, какая монументальная фигура Христа на той горе. Будто он наблюдает за порядком на земле и на море, а терновый венок с шипами на челе — напоминание о страданиях рода людского.

— Да ты поэт, Пит,— засмеялся Юджин.— Ты — католик, протестант, мормон или адвентист седьмого дня?

— Ну что ты, Юджин. Ханжей хватает и без меня, и более высокого ранга.

— Ну, тогда тебе можно сказать,— это не обидит твоих религиозных чувств. Ты знаешь, что тот наблюдающий за порядком Христос напичкан электронной аппаратурой? Христос действительно видит и слышит все в окрестностях на много миль, как на суше, так и на море. Ну, а шипы тернового венца — это антенны мощной радиостанции, связанной со штабом американского командования в Гонолулу.

— Но это же кощунство, Юджин. Ты говоришь серьезно?

— Моя контора, Пит, не любит шутить такими вещами.

— Это чудовищно! — возмутился Мартин.— Разве нельзя было найти другого оформления?

— Под сенью Христа спокойней, Пит. Кстати, во внутрь статуи ведет потайная лестница, и, когда надо, оператор поднимается туда, снимает показатели датчиков и приборов, устанавливает режим их работы, вообще ведет себя как в обычной радиорубке.

— Ты меня поражаешь, Юджин. Я начинаю смотреть на все другими глазами и боюсь, что пойду дальше.

Ровно через два года, когда по инициативе английского ученого Бертрانا Рассела в Роскильде, Дания, начнет работать Международный трибунал по военным преступлениям США во Вьетнаме, на нем в качестве свидетеля выступит бывший военный следователь Питер Мартин и расскажет, как во время проведения операции «Кленовый лист» американские солдаты 173-й воздушно-десантной бригады полностью уничтожили деревню Бенсук, не пощадив ни детей, ни стариков...

Юджин посмотрел на часы.

— Мы можем опоздать, Пит, надо возвращаться.

В холле гостиницы они увидели незнакомого американского полковника, рядом с которым сидел с напы-

щенным видом майор сайгонской армии. Когда все усе-
лись, помощник генерала Лэнсдейла представил их:
майор Динь, начальник школы по воспитанию адми-
нистративных работников для «революционных дере-
вень», и советник директора полковник Крепс.

Майор Динь подробно познакомил со школой, рас-
сказал, что в ней слушатели получают представление о
методах борьбы с идеологией Вьетконга, которая своей
бескомпромиссностью и обещаниями дать беднякам все
блага привлекает не только неграмотных крестьян, но и
какую-то часть интеллигенции.

— Мы учим своих слушателей,— сказал он,— уме-
нию по пунктам опровергать коммунистическую фразео-
логию, не оставляя от нее камня на камне. . .

— И каким образом вы это делаете? — спросил кто-
то из приехавших.

— Мы берем какие-нибудь политические или эконо-
мические положения Вьетконга и убедительными приме-
рами доказываем их абсурдность.

— Значит,— не унимался тот же офицер,— ваши
слушатели получают полное представление о комму-
нистических лозунгах.

— Да,— не задумываясь, ответил майор,— чтобы
уметь разоблачать их фальшь.

Раздался смех в зале.

— Чему вы смеетесь, господа? — недовольно спро-
сил полковник Крепс.

— Вашей остроумной учебной программе, полков-
ник,— сказал майор из 25-й дивизии, вчера выступав-
ший на совещании.— Оказывается, Вьетконгу даже не
надо посылать своих агитаторов в деревни, вы для него
подготовите их сами. И представляете, как будут слу-
шать ваших воспитанников в деревнях, когда они будут
излагать программу Вьетконга? С открытым ртом.

— Не надо так примитивно интерпретировать фак-
ты, майор. Мы учим своих слушателей контрпропаганде,
умению опровергнуть ложь Вьетконга.

— Вот эти-то слова ваших пропагандистов слушате-
ли могут пропустить мимо ушей. Кстати, скажите, пол-
ковник, не было ли случаев, чтобы ваши воспитанники
переходили на сторону Вьетконга?

Полковник растерялся. Ему на выручку пришел май-
ор Динь:

— Мы не скрываем, были перебежчики, но теперь
мы усилили контроль за отбором. . .

Последние слова майора уже никто не слышал из-за гомерического хохота.

— Все ясно,— подвел итог все тот же майор,— вы готовите не только кадры для руководства переустройством деревни, но и агентов для Вьетконга.

Помощник Лэнсдейла постарался навести порядок, успокоить руководителей школы, свести дело к шутке, но это ему не удалось. Тогда он предложил съездить в саму школу.

Длинные бараки из сборного алюминия стояли, окруженные колючей проволокой. Вокруг бараков росли бананы, папайя, были разбиты грядки батата, тянулись вверх стебли маниоки. Откуда-то доносилось хрюканье и визг свиней.

— Мы учим своих студентов умению хозяйствовать, выращивать овощи, разводить свиней,— говорил полковник Крепс, но его плохо слушали.

Все взоры были устремлены на лениво расхаживающих между бараками людей в странной форме с нашивками: «деревни революционного развития». Кое-кто был с оружием, кто-то с обрубок сахарного тростника. Многие — с отрешенным выражением на лице. Видно, наркотики регулярно доставлялись в это заведение.

— И эти люди будут отвечать за строительство деревень, защищать крестьян от Вьетконга? — тихо спросил Мартин Смит.

— Они и себя-то не защитят, бросят оружие, услышав первые выстрелы, — ответил Юджин. — Неужели никто не понимает идиотизм этого замысла? — возмущенно проговорил он. — Разве с такими бандитами мы завоеваем на свою сторону людей вьетнамской деревни?

Он хотел еще что-то сказать, но осекся, потому что в группе слушателей увидел знакомое лицо. «Это же механик с дизельной электростанции, который исчез после нападения Вьетконга на базу,— подумал Смит. — Ему приписывали диверсию — снял напряжение с колючей проволоки. В суматохе он исчез незаметно — и вот теперь здесь, постигает азбуку борьбы с Вьетконгом».

Видимо, вид был у него растерянный, если Мартин заметил неладное:

— Что произошло, Юджин?

Полковник раздумывал: сказать или не сказать Питу о подозрении? «Как же фамилия механика,— мучительно вспоминал он, — Нгуен... Второе слово, кажется,

да не кажется, а точно — Фам... Нгуен Фам Ле. Да, точно».

Он решительно подошел к майору Диню, так и не ответив на вопрос Пита.

— Господин майор, нет ли у вас слушателя по фамилии Нгуен Фам Ле? Мне кажется, я видел его случайно в толпе.

— А что случилось, господин полковник?

— По-моему, я его встречал на базе, а потом он исчез при довольно странных обстоятельствах.

— Одну минуточку. Как вы говорите? — листовая толстую записную книжку с фамилиями, говорил майор. — Нгуен, Нгуен, Нгуен... Ван Тхи... Зыонг... Фам Чи... Нет, господин полковник, такого слушателя нет. Если он в чем-то замешан, ему ничего не стоило сменить фамилию. У нас это делается просто: был Нгуен Фам Ле, стал Нгуен Ван Зыонг, и никакая комиссия не определит. Он очень опасен? Вор? Диверсант? Кто он? Давайте построим весь личный состав, хотя это и нелегко сделать, и выясним.

Полковник задумался, а потом сказал:

— Впрочем, возможно, что я обознался.

— Мы же для вас все на одно лицо, — саркастически добавил майор. — Впрочем, как и вы для нас, — улыбнулся он, сглаживая невольно вырвавшуюся невежливость.

— Нет, майор, ошибаетесь. Для меня уже давно каждый вьетнамец имеет свое лицо, — перешел Юджин Смит на вьетнамский язык.

— Приятно слышать, господин полковник, — с удивлением в голосе ответил майор.

Всю обратную дорогу до Сайгона Юджин Смит был задумчив. Он думал о том, не упустил ли возможность доказать полковнику Крепсу призрачность его затей. «Очень хотелось бы ошибиться, — говорил себе Смит, — но боюсь, что Вьетконг и сюда, в цитадель генерала Лэнсдейла, посылает своих людей».

Полковник Смит долго мучился, терзая себя за то, что не проверил возникшее подозрение. Как разведчик он думал, что прав: глаз и память привыкли фотографировать и надолго сохранять отпечатки лица человека, с которым хоть раз встречался. Но все-таки как иностранец он мог ошибиться, увидев почти мельком лицо человека в сонме подобных ему лиц. На том в конце концов он и порешил: ошибся.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Генерал Эдвард Лэнсдейл прилетел на базу в самое неподходящее время: накануне силы национального освобождения обстреляли ее из тяжелых минометов, сожгли три самолета и один вертолет, разрушили два домика, в которых жили летчики. В результате обстрела погибло восемнадцать американских солдат и три офицера и пять солдат особых частей сайгонской армии из батальона, прибывшего для усиления охранной службы и борьбы с агентурой Вьетконга. Полковник Смит был на совещании в Сайгоне, когда батальон особого назначения, командование над которым принял его старый знакомый майор Тхао, разместился уже на территории самой базы, а не за ее пределами, как это было раньше. Тхао был, видимо, облечен какими-то особыми полномочиями, потому что командующий базой Фрэнсис Райт-сайд получил из штаба в Сайгоне указание, хотя и не очень строгое, но вполне заслуживающее того, чтобы его не игнорировать,— помогать командованию батальона в выполнении им особой миссии.

Командующий базой видел солдат батальона и внутренне содрогнулся: у них же на лицах было написано, кто они такие. Не люди — звери. Такие не то что партизана, отца родного ухлопают. Под стать им был и майор Тхао. Те месяцы, что генерал не видел его, майор исполнил, потяжелел, стал выглядеть для вьетнамца слишком массивным. На лице кроме рубцов и шрамов, видно полученных в пьяных драках и ставших теперь более заметными, появилось выражение плохо скрываемого презрения ко всему окружающему и всем окружающим. В разговоре с генералом он не выражал ни почтения, ни элементарного уважения. Генерал сначала хотел расспросить майора о его особой миссии, но потом отказался от этой мысли: пусть делает, что хочет, лишь бы пореже видеть его.

— Не говори мне об этом человеке, Юджин,— взмолился генерал, когда Смит, вернувшийся после полуторамесячного отсутствия, спросил, каким ветром снова занесло на базу эту неприятную личность,— ничего не говори и не спрашивай. Я не знаю, зачем он тут, чем занимается, когда его отряды уходят с базы, какие у них отношения между собой,— а хорошими они не могут быть. Черт с ним! — сердито произнес генерал.— Лучше расскажи, как ты провел время в Сайгоне.

— Познакомился с новыми людьми, встретился со старыми приятелями, немного стряхнул с себя пыль нашей родной базы, всадили в меня заряд бодрости крупного калибра, вооружили уверенностью, дали тысячу инструкций и наказов, и теперь, господин генерал, буду стараться все выполнить. Как только выполню, наша база станет недоступной для врага и будет окружена могучей стеной дружелюбия со стороны местного населения, сердца и умы которого мы завоюем.

Генерал улыбнулся.

— Заряд бодрости, видно, был действительно крупного калибра,— сказал он.— А у нас здесь происходят события, которые мало вдохновляют, но зато здорово выводят из равновесия.

Генерал Райтсайд, выглядевший всегда элегантно, что подчеркивалось и способностью красиво носить форму, и хорошей прической седоватых, слегка выющихся волос, вроде бы не положенных американскому генералу, для которого ежик или совсем гладко лежащие короткие волосы были нормой, фирменной стрижкой,— казался усталым, издерганным и нервным.

— Мне кажется, господин генерал,— сказал Смит,— вам не помешал бы отдых где-нибудь на море. Слетайте дней на десять в Гонолулу, в Бангкок, Сингапур или на Тайвань — мало ли где может приятно отдохнуть американский генерал, на плечах которого лежит такая нелегкая ноша.

— Если вы не возражаете, Юджин, я бы с удовольствием провел недельку в своем собственном доме в Калифорнии. А? — генерал грустно улыбнулся.— Отдайте распоряжение с завтрашнего числа.

Он налил в стаканы виски, положил лед.

— С возвращением, Юджин,— и почти одним глотком выпил. Раньше за ним этого не замечалось.— Так ты говоришь, что мой старый друг Эдвард — сама энергия? — спросил после того, как добавил себе новую порцию виски.

— Да, генерал чрезвычайно активен, весь бурлит, выдвигает один план за другим.

— Он всегда был переполнен идеями,— согласился Райтсайд.— Значит, обещал навестить нас? Это хорошо. Я не напоминал ему о себе, думал: вертится на виду у самого большого начальства, до друзей ли ему? Оказывается, помнит. Хорошо, Юджин, когда в трудную полосу жизни вспоминают друзья. Старайся, мой друг,

иметь побольше друзей, хотя, откровенно скажу, в наше время это непростое дело. По себе знаю, что не всегда помнишь о друзьях и спешишь к ним на помощь.

— Я замечая у вас минорное настроение, господин генерал. Оно не идет к вашему характеру.

— Что поделаться, Юджин? Я, наверное, попал в полосу неудач. Под моим началом большая сила, а я, как затравленный волк, не успеваю отбиваться от наседающих со всех сторон собак. Бомбим предполагаемый или установленный разведкой район скопления противника, а потом получаем от агентов сведения: бомбили пустое место в горном лесу. Мы бросаемся на вертолетах преследовать бандитов, совершивших нападение на автоколонну, а их тоже нет. Были ведь, еще не догорели подорванные на дороге машины, а кто поджег — неизвестно. Будто улетучились вместе с дымом. Поставили на охрану складов южнокорейских десантников. Сплошные головорезы. Но ночью раздается взрыв, охранники убиты, а через пролом стены вытащены десятки единиц оружия. И не винтовки или гранаты, а минометы и тяжелые пулеметы, причем с запасом мин и патронов. Бросаемся на поиски, опрашиваем и казим местных жителей, естественно подозревая их в связях с Вьетконгом, — никакого результата. Захватываем пленных с оружием в руках, а они уверяют, что — мирные жители, оружие нашли случайно, хотели сдать властям. Уличаем их, используя для этого самую последнюю новинку — портативный детектор лжи, они перестают говорить вообще. Расстреливаем, но так и не получаем никакой информации, — генерал снова одним глотком выпил виски. — А ты говоришь — отдохнуть, Юджин. Одно время мне казалось, а теперь появилось твердое убеждение, что я взялся играть не на том инструменте, на котором умею. Понимаешь, руководить строительством, решать вопросы снабжения — тут я всегда чувствовал себя в своей тарелке. Но когда приходится отвечать за военные операции, да еще в такой непонятной стране, как эта, я начинаю терять присутствие духа. Это не паника, Юджин, это просто нормальная реакция на ненормальную обстановку.

Юджин Смит вспомнил, что говорил о генерале Райтсайте помощник министра обороны Мактоун: денежный мешок, набитый к тому же какими-то там прописными, что ли, истинами. «Может быть, Юл говорил слишком зло, — думал Смит, — но в смысле военной

некомпетентности генерала он, пожалуй, прав. Но не скажешь же об этом генералу, он и сам понимает это».

— Мы, господин генерал,— вслух произнес Юджин,— видимо, должны приучать себя к жизни в такой, а может быть, и в еще более сложной обстановке. Она, по моему мнению, будет развиваться по известному закону физики: действие вызывает соответствующее противодействие.

— Я не хочу заглядывать далеко вперед, Юджин, мне бы управиться с положением сейчас. Но боюсь, надолго меня не хватит.

Через несколько дней после этой встречи Юджин, возвращаясь откуда-то домой, чуть не столкнулся с майором Тхао.

— Здравствуйте, господин полковник,— небрежно козырнув, произнес майор.— А я как раз хотел вас найти. Не посчитайте меня назойливым, но я бы очень просил вас уделить мне минут десять для крайне делового разговора.

— Что ж,— сказал полковник, преодолевая необъяснимое неприятное чувство,— я свободен, можно сейчас же пройти в мое рабочее помещение.

— Мне бы не хотелось, господин полковник, беседовать в помещении, боюсь, что даже здесь у стен есть уши.

— Что вы имеете в виду, майор? — сердито спросил Смит.— Не подозреваете ли вы, что здесь ведется подслушивание разговоров? Здесь проверенный офицерский корпус, и командование полностью доверяет ему.

— Извините, господин полковник, речь идет не об американском командовании, а об агентах Вьетконга. Они здесь всюду, поверьте моему слову.

— Насколько я понимаю, вы прибыли на базу именно для того, чтобы обезвреживать противника и его агентов. Не так ли?

— Не надо, господин полковник, делать из меня ответственного за все. Тут есть офицеры ЦРУ, с которыми мы в тесном контакте, действуем по согласованному плану.

— Прекрасно. Чем же я могу помочь вам?

— Дать объективную характеристику некоторым вьетнамским служащим базы, которых вы знаете. Не возникает ли у вас подозрения при общении с ними?

— Это что же, допрос, майор? Вы забываетесь. Я вас однажды, помнится, предупреждал. Если вы еще

раз попробуете вести со мной разговор подобным образом, я постараюсь принять меры, которые вряд ли будут для вас приятны.

— Ну что ж, господин полковник, я сделал все, чтобы установить с вами деловые отношения, которые в наших общих интересах. Хочу сообщить вам достоверно, что в школе по воспитанию административных кадров в Вангтау разоблачен агент Вьетконга Нгуен Фам Ле. Его опознал один из наших оперативных работников. Кстати, он раньше был здесь, на базе.

Юджин Смит величайшим усилием воли сдержал себя, чтобы ничем не выдать свое состояние: значит, его первое подозрение было правильным.

— Электрик, который работал у нас на станции? — спокойно спросил он.

— Да, вы его ведь знаете?

— Видел, как вижу и сейчас много вьетнамцев. Между прочим, доверие за доверие — я видел его в школе. Теперь я убежден, что видел именно его. У меня было сомнение, и я попросил майора Диня проверить фамилию. Он сказал, что слушателя с фамилией Нгуен Фам Ле в школе нет.

— Майор Динь оказался жертвой этого агента Вьетконга.

— Каким образом?

— Динь — дилетант в нашем деле. После разговора с вами и сообщения нашего человека он решил самостоятельно вести следствие. Его неумелая затея кончилась тем, что едва не погиб сам, а агенту удалось скрыться.

Полковник Смит понял: или за ним продолжается возмутительная слежка, или картина его поведения в школе в Вунгтау составила после того, как майор Динь упустил агента Вьетконга, и им самим занялась контрразведка Сайгона, а может быть, и отделение ЦРУ. И хотя Смит внутренне чувствовал себя виноватым за то, что не доверил своему первому чувству, обычно никогда его не подводившему, он был возмущен, что Тхао ведет себя так, будто он хозяин положения, а полковник у него на крючке.

— Вот и здесь наблюдается печальная картина, — резко заговорил полковник, — почти каждый день против базы совершаются диверсионные акты, а ваша служба, майор, хватая людей, которые не имеют к диверсиям отношения, упускает или не находит настоящих

вьетконговцев. Генерал крайне недоволен такой работой.

— Мы хватаем, как вы говорите, того, кого надо. Постепенно мы сужаем круг, и думаю, очень скоро наведем порядок, ну хотя бы на базе. Кстати, господин полковник, хочу вас предупредить, чтобы не было потом неожиданностью, в круг наших интересов уже вошли люди, которые пользуются вашим доверием, и я бы советовал вам быть крайне осторожным. Вьетконг беспощаден, а вы часто совершаете продолжительные прогулки в одиночку. И еще одно, господин полковник, чисто служебная просьба: не особенно доверяйте племяннику настоятеля Дьема, да и ему самому.

— А все-таки вам не терпится занести меня в пособия Вьетконга, майор. Опасную игру ведете. Мое терпение может кончиться. Вы просто начинаете мешать моей работе, а это уже повлечет за собой большие неприятности для вас.

— Ну что вы, господин полковник, только мое беспокойство за жизнь старшего офицера армии Соединенных Штатов заставляет меня вести себя таким образом. У меня и в мыслях нет того, о чем вы сейчас сказали. Только забота о наших общих интересах.

Полковник не обнаружил в словах майора ни капли искренности. Больше того, в них звучала ирония и плохо скрытая неприязнь.

Вечером, впервые после возвращения из Сайгона, полковник собрался навестить настоятеля пагоды Пурпурных облаков. Случайно встретившись с генералом, Смит сообщил ему об этом.

— Будьте осторожны, Юджин, сейчас здесь творится черт знает что, кажется, кругом бродят эти проклятые вьетконговцы, еще подстрелят,— но полковник заверил его, что будет бдителен и не даст себя ухлопать.

Настоятель Дьем, видимо, заметил, как Смит вошел в ворота, и встретил его у входа в жилой придел пагоды.

— Давно, очень давно не появлялись вы у нас, господин полковник,— он повел его в самую лучшую комнату, в которой Юджин бывал и раньше, но теперь комната преобразилась.

Пол комнаты был застлан толстой, скрадывающей звуки джутовой циновкой. По четырем сторонам красиво инкрустированного перламутром столика стояли низкие кресла из старого красного дерева. В их спинки

были врезаны квадратные пластины серого мрамора, на которых самой природой были созданы удивительные картины. Стоило немного приглядеться, чтоб увидеть, как на белесом предвечернем небе кучерявятся, бегут темные дождевые облака, а внизу застыли горы, покрытые чернеющим лесом, террасами, спускавшимся к широкой реке, стремительными изломами прыгающей по каменным водопадам. На другом кресле словно окутанные густым утренним туманом, а потому несколько расплывчатыми виделись две человеческие фигуры, поднимающиеся в гору. Над ними, пробиваясь сквозь облака, едва виднелся круг блеклого солнца. На третьем кресле низкое вечернее солнце, заглянувшее в проем двери, высветило и окрасило в розовый цвет деревенский пейзаж с тремя квадратами рисовых полей, а чуть в отдалении можно было различить в раннем вечернем сумраке отдельные домики горного селения.

Словно зачарованный смотрел Юджин на эти нерукотворные картины.

— Почему же вы раньше мне не показали эту красоту, преподобный Дьем? — с долей обиды в голосе произнес полковник.

— Красоту создают глаза зрителя, уважаемый господин полковник. А эту красоту, — сказал настоятель, — всего несколько дней назад доставили сюда из дома моего дяди.

— Ему стала не нужна эта прелесть? — спросил Юджин.

— Да, господин полковник. После того как ваш самолет разбомбил его дом, дяде уже ничего стало не нужно, только небольшой кусочек земли на семейном кладбище...

— Простите меня, преподобный, — искренне произнес полковник.

— Вы лично тут ни при чем, — всегда доброе, как требует вера, лицо настоятеля сделалось грустным, заметнее стали на нем морщины.

— Это произошло где-то рядом с базой, преподобный?

— Нет, в соседней провинции. Но что говорить об этом? Судьба человека заранее предопределена небом, и нет смысла искать объяснения случившемуся. Я рад вас видеть, господин полковник. И если вы не побрезгуете нами, мы приглашаем на трапезу поминовения моего дяди, который прожил долгую и безупречную жизнь.

Если небо пожелает, он воплотится в новой жизни в доброго человека. Сейчас все будет готово. Вы не возражаете, если вместе с нами сядут за стол мой племянник и бедный господин Лань, который когда-то учился у моего дяди и был его самым лучшим учеником.

Полковник поблагодарил за приглашение побыть на трапезе поминовения, а что касается того, кто будет за столом, добавил он, то скорее всего другие имеют больше основания возражать против его присутствия, чем он.

Скоро Куок и господин Лань, оказавшийся тем самым торговцем рыбой, которого полковник не раз видел на базе со своей ношей, заставили столик ароматно пахнущими блюдами: клейкий рис с орехами, секрет буддийской кухни — соевый сыр, приготовленный в виде мясной котлеты, который трудно было отличить по вкусу от настоящего куска мяса, длинная, почти прозрачная лапша с древесными грибами и рыбным соусом ныок мамом, наконец, редкостный по вкусу рыбный суп, может быть, из тех же золотистых карпов, которые приносил бродячий торговец на базу.

Торговец оказался хорошим собеседником. Он рассказал, что ему приходится видеть в деревнях, как нелегко жить народу в постоянном страхе перед гибелью, — уж очень сильны последнее время бомбежки.

— Вы, наверное, слышали, господин Лань, — ответил на это полковник, — что Вьетконг ведет крайне опасную политику, он терроризирует население, нападает на американские базы, не подчиняется правительству.

— Да, господин полковник, только при чем же здесь крестьяне, которые ни о каком Вьетконге и понятия не имеют?

— Наше командование направляет акции возмездия только против тех, кто поддерживает Вьетконг, помогает ему. Только против них.

— А вот мой учитель, дядя преподобного настоятеля этой пагоды, всю жизнь преподавал литературу и философию, а его тоже убили.

— Это печально, но в пожаре, который стараются разжечь в вашей стране коммунисты, горят и, к сожалению, будут, наверное, сгорать и невинные. Печальная необходимость войны...

— Я, господин полковник, — вступил в разговор настоятель, — боюсь за пагоду, если у вас есть силы, помо-

гите спасти ее вместе с немногочисленными обитателями, которым некуда уйти отсюда.

— А что грозит пагоде, преподобный Дьем, она же никому не мешает?

— Беспредельная злоба майора Тхао, господин полковник. Он опять заявлялся сюда и был очень сердит. Кричал, что здесь живут не последователи Будды, а пособники коммунистов, и грозил сровнять с землей пагоду, а заодно и прилегающие к ней деревни. Чем мы ему так не нравимся — не знаю.

— Ненависть, говорят у нас, не самый лучший спутник в жизни, господин полковник... Вы попробуйте вот эту рыбу, попробуйте, — сказал Фам Лань, пододвигая чашку с рыбой, зажаренной до хрустящей корочки. — Ну, как? Я же говорил. А насчет майора Тхао уже ходят в деревнях страшные рассказы. И мне, господин полковник, неприятно бывает слышать, когда говорят, что жечь и убивать его заставляют американские командиры.

— Это ложь, господин Лань, если вы наш друг — опровергайте этот недобрый вымысел, — сказал полковник, отметив про себя, что торговец рыбой не связывает разбой майора Тхао с американским командованием.

— Я и так стараюсь. Но ведь сам майор говорит, что не затем пришла сюда Америка, чтобы плодить коммунистов. Не за то, говорит, она платит мне деньги, чтобы я смотрел сквозь пальцы на пособников Вьетконга. И хватает в деревнях всех подряд, на кого укажет какой-нибудь обозленный на односельчан человек. Потом схваченные пропадают без следа...

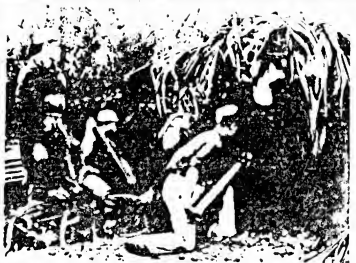
Полковник почувствовал, что засиделся слишком долго. На улице уже было темно, и возвращаться было действительно небезопасно.

— Я опять буду вашим провожатым, господин полковник, если не возражаете, — предложил Нгуен Куок. — Хотя у меня нет никакого оружия для охраны, но одно то, что нас будет двое, уже легче.

Они попрощались с настоятелем и торговцем рыбой и вышли за стену, окружавшую пагоду. Метров через пятьсот полковник вдруг резко повернулся в сторону, передернул затвор пистолета и стал всматриваться в темноту.

— Что такое, господин полковник? — тревожно спросил Нгуен Куок.

— Мне показалось, что кто-то следует за нами.

Они постояли немного, но — ни шороха, ни звука.

— Скажите, Куок, — спросил полковник, — вы знали Нгуен Фам Ле?

— Это который сбежал с базы, что ли? — ничем не выдавая охватившего волнения, произнес Нгуен Куок.

— Да, который сбежал, потому что был причастен к нападению на базу и, как полагает майор Тхао, был агентом Вьетконга.

— Знал его, конечно, как и остальных вьетнамцев на базе. Но что он из Вьетконга, он ведь никому не говорил, а на лбу у него не написано.

— А вы дружили с ним?

— Это слова майора Тхао, господин полковник, или ваше предположение?

— Не обижайтесь, Нгуен Куок, вы работаете на базе, вас могут привлечь к допросам, потому что Нгуен Фам Ле, ранив вьетнамского майора в Вунгтау, скрылся. Его опознал там один человек, который работал раньше на базе.

— Спасибо, господин полковник, за предупреждение. Поскольку я не виноват, то мне бояться нечего. Но если майор Тхао возьмет для допроса, то... — Нгуен Куок остановился и прислушался, потому что ему тоже показалось, вроде что-то звякнуло металлическое. Он постоял, но снова кругом была тишина... — если для допроса возьмет майор Тхао, — продолжил он мысль, — то можно прощаться с жизнью. У него невинных не бывает. Но, как говорят у нас, по двум дорогам сразу не пойдешь, и поэтому мне только остается ждать: что будет, то будет.

Он только кончил говорить, как откуда-то сбоку раздалась короткая автоматная очередь. Пули просвистели совсем рядом. Полковник почувствовал, что одна из них пролетела в каких-нибудь миллиметрах от него, поскольку на щеке оказалось что-то вроде легкого ожога.

— Кто-то охотится за вами, господин полковник, — сказал Нгуен Куок.

— Почему за мной, а не за вами?

— Не так я велик и заметен, чтобы кому-то понадобился.

— Вы считаете, что я мешаю кому-то? — спросил Юджин.

— Думаю, что так и есть, господин полковник.

— Вьетконгу? Его агентам? Местным крестьянам?

— Вряд ли.

— Но кто же тогда? — допытывался полковник.

— Не знаю, боюсь бросать тень, но майор Тхао опять просил меня внимательно следить за вами и ловить каждое слово.

— Хорошо! — сказал полковник. — Мое терпение не может быть беспредельным.

Больше вплоть до своей комнаты он не произнес ни слова, хотя внутри у него все кипело от возмущения. Однако, почитав немного и успокоившись, он стал судить более трезво: ничего он не может предпринять против майора Тхао. Ведь именно майор предупреждал его об опасности. И зачем майору Тхао убивать американского офицера? Только за то, что он однажды одернул и поставил его на место? Нет, это чепуха. А если Вьетконг? Тогда действительно надо быть осторожнее. Он полежал еще немного, мысленно проигрывая разные жизненные ситуации, и заснул.

Разбудили его взрывы. По стенам комнаты прыгали багровые отсветы пламени. Он вскочил, выглянул в окно, которое было обращено на стоянку самолетов, и с ужасом увидел три гигантских факела, от которых растекалась горящая река. В ярком свете угрожающего пламени маячили то вырастающие до невероятных размеров, то сникающие фигуры людей. Потом заревели противопожарные сирены — и мощные машины, заряженные пенистым составом, помчались к самолетам, мигая вращающимися синими лампочками.

Полковник Смит и выскочившие на улицу офицеры и солдаты пытались определить, откуда идет обстрел базы. Тяжелые вертолеты, по три в каждом из четырех звеньев, поднялись с базы и взяли курс в сторону гор: оттуда летели мины крупнокалиберных минометов. Вертолеты шли давно выработанным строем: один, летевший впереди, включал мощные прожекторы, освещая огромное пространство, а два других в это время сбрасывали бомбы. Потом позиции менялись. Противник, если его обнаруживали, был виден не хуже, чем днем: бомбить и атаковать ракетами с помощью лазерных прицелов не составляло труда. Только обнаруживать удавалось далеко не всегда, и чаще бомбы и ракеты выпускались по первой попавшейся деревеньке, которая впредь именовалась в донесениях как разгромленная база Вьетконга...

А в полдень прилетел генерал Эдвард Лэнсдейл. Он успокоил вконец расстроенного своего друга Френсиса

Райтсайда и занялся кропотливым изучением обстановки. Скоро ему стало ясно, что противник удачно использует и рельеф местности, и леса, вплотную подходящие к базе, и безусловную помощь Вьетконгу со стороны местного населения.

— Будем вести борьбу с Вьетконгом по-новому, — говорил генерал Лэнсдейл на совещании офицеров базы. — Я запросил командование прислать сюда четыре транспортных самолета специального назначения, предназначенных распылять сильнейшие препараты химической войны — оранжевый, белый, голубой. Они, как представляете, отличаются друг от друга не только цветом, но и воздействием на все живое. Мы должны нанести врагу такие удары, которые поставят его на колени. И в первую очередь мы лишим его продовольствия. Мы вытравим, выжжем рисовые поля, с которых Вьетконг получает продовольствие, снимем лиственный покров с леса, и он покажет нам, где прячется противник. Перед изобретением компании «Доу кэмикл» спасует любой враг. Препараты прошли серьезное испытание на специальных плантациях и теперь поступили на вооружение к нам.

Лэнсдейл говорил восторженно, будто речь шла не о сильнейших ядах, способных уничтожить все живое на земле, а о произведениях искусства. Он рассказывал, лишь изредка заглядывая в небольшую книжечку, видимо инструкцию, полученную от «Доу кэмикл», — как гибнет маниок, клубни которого выручают вьетнамских крестьян во время неурожая риса, как мгновенно погибает сладкий картофель — батат, как, сопротивляясь, уродуясь, распухая до невероятных размеров, бьются за жизнь кукуруза и кокосовые пальмы, как теряют свои вкусовые и ароматные качества бананы, хотя после опрыскивания ядами плоды вырастают до чудовищной величины. Гевея, настоящее золотое дерево, источающая каучуковое молоко, хлопчатник, бамбук и манго — ничто не может сопротивляться этой силе.

— Даже рис, если его обработать во время цветения, — говорил спокойно генерал, — наиболее стойкий злак, семена которого дают ростки, пролежав в могильниках сотни лет, погибает, как после сильного тайфуна.

Он еще долго расписывал могучую силу уничтожения, заключенную в белом, голубом и оранжевом порошках, изобретенных лучшими умами Америки.

— Против деревень, жители которых помогают

Вьетконгу, мы тоже применим новинку, она уже, думаю, на подходе — «римский плуг».

Эта новинка была хорошо известна полковнику Смитту. Он видел «римский плуг» в действии на одной из военных строек еще у себя в Америке. Полутонный нож бульдозера, заточенный до бритвенной остроты, используется для выравнивания местности, отведенной под какой-то объект. Во Вьетнаме американские военные инженеры приспособили его для уничтожения лесов вокруг военных баз, джунглей, где, как они полагали, укрываются партизаны. Мощный трактор «катерпиллер» крушит тяжелым выступом на конце ножа даже очень толстые деревья. Но особенно эффективным оказался «римский плуг» для работы в обреченных деревнях. Он проходил по ним с удивительной легкостью, валя и подминая под себя скромные хижины, дворовые постройки, колодцы, возделанные участки земли, будь на них рис, банановая плантация или фруктовые деревья. Позади оставалась ровная, хорошо прикатанная земля, будто никогда не плодоносившая.

После нескольких совещаний офицеров специальных отрядов, подготовленных не для участия в боях, а лишь в карательных походах против ненадежных селений, — непременным участником таких совещаний у генерала Лэнсдейла был и майор Тхао, — определился план операции «Феникс», который предусматривал усмирение деревень вокруг базы. Отвечая на чей-то вопрос, не слишком ли крута мера: во имя того чтобы лишить риса двадцать или пусть даже тридцать тысяч партизан, обрекать на голод сотни тысяч крестьян, — Лэнсдейл со всей свойственной ему бескомпромиссностью ответил:

— Мы никогда не одержим победы в этой стране, если будем думать о вещах, лежащих вне нашего стремления победить. Когда-то римляне посыпали почву в Карфагене солью, чтобы остановить ее плодородие и сломить сопротивление карфагенян. Мы применим для победы над вьетнамскими карфагенянами средства в тысячу раз эффективнее римской соли и покажем всем, что Америку не остановят никакие препятствия военного или морального характера.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Фам Лань, получив сообщение с базы, что готовится карательная акция против ряда деревень и отрядов сил освобождения, причем с применением самых сильнодей-

ствующих дефолиантов, оказался в тушке. Связной из штаба придет только через четыре дня, а операция, намеченная на послезавтра, заставляла действовать быстро. Он должен был предупредить своих людей, что общине Фафьонг, насчитывающей две с лишним тысячи жителей, грозит смертельная опасность. Необходимо принять какие-то меры, организовать самооборону, остановить карателей на подступах к общине и дать им бой. Если не удастся заставить их отступить, то хотя бы дать понять, что не на легкую прогулку посылают их, а на самую настоящую смерть. Дорогу, особенно ту ее часть, которая проходит по заболоченной и лесистой местности, надо оборудовать ловушками, самодельными минами, самострелами. У подпольщиков общины есть десятка три винтовок, их надо пустить в ход, задержать карателей, а потом увести жителей в горы.

Но до Фафьонга — тридцать километров, если он сам отправится туда, он не сумеет предупредить подразделения, находящиеся в лесных лагерях, на которые уже намечена атака ядами. Если батальоны не поменяют место дислокации, они могут понести тяжелые потери, и тогда все преимущества — психологические преимущества над противником, начинающим верить в неуловимость партизан, будут потеряны. «Что же делать?» — мучительно раздумывал Фам Лань, пытаясь найти выход из трудного положения. Мысль, уже давно не дававшая ему покоя, начинала снова биться в голове: надо открыться настоятелю Дьему и попросить у него помощи. Не все же думать ему о будущей жизни, надо подумать и о людях, живущих сегодня.

Был четвертый час утра, скоро настоятель начнет свою утреннюю молитву. Надо перехватить его после молитвы и объяснить.

Через час, выходя из алтаря Благодетельной Куанэм, перед которой он возжег курительные палочки, чтобы ароматный запах дыма привел богиню в благосклонное настроение и обратил ее взор на тех, кто молит ее позаботиться о них в будущей жизни, преподобный Дьем встретил Фам Ланя.

— Что вас печалит, уважаемый Фам Лань? — спросил настоятель.

— Меня, как и вас, преподобный, волнуют человеческие судьбы, но мне хочется, чтобы люди, ожидая блаженства в будущей жизни, были немного счастливее в этой.

— Люди стали слишком горды, забывают, что есть силы, которых им никогда не одолеть. Мудрое небо постоянно напоминает им об этом, а они часто остаются глухи к этим напоминаниям. Вот почему, уважаемый Фам Лань, когда небо хочет показать человеку, как он самонадеян и горд, не считаясь с высшим разумом, оно посылает на землю всю мощь своих стихийных сил, чтобы он убедился в своей слабости,— настоятель был настроен на философский лад, но Фам Лань не мог сейчас поддержать такую беседу.

— Человеку грозят не только стихийные бедствия, но и страдания другого рода,— сухо ответил Фам Лань.

— Молиться надо людям больше. Молитва, если ее услышит небо, принесет успокоение и унесет горести и заботы.

— Люди, о которых я думаю, преподобный, уже не смогут оградить себя молитвой от злых сил. Они обречены, если будут в неведении и не примут мер, чтобы защититься от грозящей опасности.

— Я не очень хорошо понимаю вас, уважаемый Фам Лань. Может быть, вы не будете так загадочны? Давайте пройдем в мою келью, выпьем по чашечке чая, и вы расскажете все, что вас заботит и тревожит. Чай открывает двери для взаимопонимания,— сказал настоятель, вводя гостя в комнату.

Настоятель подбросил в очаг сухих дров, огонь стал веселее, заплескали тени по стенам и потолку, потянуло сухим жаром. По комнате расплылся тонкий аромат цветочного чая, который так хорошо умел приготовить мудрый Дьем, познавший, кажется, все секреты этого далеко не простого таинства.

— Так что же вас заботит, уважаемый Фам Лань?— спросил настоятель, когда маленькие, на тричетыре глотка, чашечки были пусты.

— Преподобный Дьем,— начал Фам Лань,— вы ведь знаете общину Фафюнг?

— Как же мне ее не знать, если там живут многие наши родственники.

— Вот потому-то я прошу вас выслушать меня со всем вниманием и, если сможете, помочь.

— Что будет в моих силах — сделаю,— пообещал Дьем.

— У меня нет времени и возможности отправиться в Фафюнг и предупредить жителей общины, что над ними нависла опасность. Через два дня с нашей базы в

Фафюнг отправится смешанный американо-вьетнамский карательный отряд, чтобы наказать общину якобы за помощь Вьетконгу. Вы можете себе представить, преподобный, что там будет, если вьетнамскую часть карателей поведет майор Тхао.

— О святое небо! — воскликнул настоятель пагоды. — Откуда вам это известно, уважаемый Фам Лань?

— У меня есть друзья на базе, они и сообщили. Скажу еще, преподобный: в Фафюнг отправятся специальные машины для разрушения домов, американцы называют их «римский плуг». Не знаю, что это такое, но говорят, что когда машина проезжает по джунглям, то сзади остается укатанная дорога, а что останется после крестьянских домов, догадаться нетрудно.

— Что же я могу сделать в таком положении, Фам Лань?

— Найти мне подходящего человека, которого я пошлю в Фафюнг к верным людям предупредить, что им надо делать. Я бы пошел сам, но я должен отправиться еще в одно место, над которым висит еще более тяжелый и острый топор.

— Что же может быть тяжелее того, что уготовано Фафюнгу?

— Яды, преподобный Дьем, страшные яды.

— Вы хотите сказать, что американцы будут травить людей?

— Они будут травить лес, в котором укрываются честные люди, не согласные ни с ними, ни с сайгонскими властями.

— То есть те, кого они называют Вьетконгом?

— Так они называют этих смелых людей.

— Но как же вы пойдете к Вьетконгу, если вы никогда там не знаете, если вас там могут убить?

— Кто вам сказал это?

— Слышу разговоры других и делаю вывод. На то мне дан разум, уважаемый Фам Лань.

— Не бойтесь за меня, преподобный, никто меня не тронет, но зато я помогу спастись людям от страшной и мучительной смерти.

— Что ж, я не осуждаю вас. Риск во имя спасения другого зачтется на небе.

— Меня сейчас заботят земные дела больше, чем будущие небесные, преподобный Дьем. Так что же вы мне ответите?

— Если вы связаны с теми людьми, которых называ-

ют Вьетконг, я не могу не сказать, что вы, возможно, выбрали не самый правильный путь. Но, как учит всемогущий Будда, кто не знал заблуждений, тот не узнает истины. Не мне вас осуждать и не мне отказывать вам в помощи. Я дам вам надежного человека, твердого в вере и мудрого в своей доброте. Не спрашиваю, что ему надо делать, вы посвятите его в дело сами. Что еще я могу сделать?

— Сделайте так, чтобы никто, особенно из окружения майора Тхао, не узнал ни о моей просьбе, ни о вашем согласии помочь. Этим сохраним жизнь и себе, и многим нашим людям, о существовании которых мы, может быть, и не подозреваем сейчас.

— Это я вам обещаю. Но можно задать вам один вопрос, Фам Лань?

— Пожалуйста, преподобный.

— Скажите, Нуен Куок думает так же, как и вы?

Фам Лань не знал, как ответить, чтобы не повредить другу.

— Вы не бойтесь сказать правду, Фам Лань, я все пойму.

— Да, преподобный,— наконец произнес Фам Лань,— Нгуен Куок уже спас жизнь многим людям, хотя сам ходит рядом с опасностью.

— Я догадывался,— сказал настоятель,— но если Нгуен Куок вместе с вами, значит, вы вместе делаете доброе дело. Мой племянник не может поступать плохо.

Через несколько минут настоятель покинул келью, а вместо него пришел довольно молодой человек в желтом одеянии буддийского монаха. Сделав традиционный поклон, он приготовился слушать. Фам Лань заколебался: посвящать в тайну этого служителя Будды или воздержаться.

— Преподобный Дьем,— произнес монах вежливо и тихо,— сказал, что у вас для меня поручение. Не бойтесь довериться мне,— будто разгадав мысли Фам Ланя, произнес он.

И Фам Лань решился. Он рассказал, кого и где надо найти в Фафьонге, что передать. Монах слушал внимательно и, кажется, бесстрастно, только вспыхивающий взгляд, когда Фам Лань говорил, как организовать оборону, говорил, что юному монаху еще далеко до полной отрешенности от суетных дел мира, к которой призывает своих последователей Будда, обещая за это в будущей жизни все доступные блага.

— Вы поняли меня?— спросил Фам Лань, а монах вместо ответа повторил слово в слово все, что говорил Фам Лань: сразу была видна школа усвоения священного писания.

— Будьте осторожны, прошу вас,— добавил Фам Лань на прощанье.— От вас зависит судьба столь многих людей, что я не пожалел бы собственной жизни для их спасения.

Солнце вот-вот уже должно было взойти, когда Фам Лань попрощался с настоятелем и, взяв на плечи коромысло с двумя корзинами, отправился в сторону гор. Ему тоже предстоял неблизкий и нелегкий путь.

Батальон карателей начал свой поход, как и было предусмотрено планом операции. На несколько часов раньше, урча моторами, ушли с базы два «катерпиллера» с привинченными массивными ножами. По пути к Фафюнгу солдаты проведут тренировочные карательные акции против нескольких мелких деревень. Они опробуют технику в деле, прощупают крестьян, проверят, не скрываются ли у них вьетконговцы.

В маленькую деревеньку под названием Тёмой каратели пришли часов в десять. Было уже жарко.

— Надо же додуматься послать в такую даль пешком! — возмущались солдаты.— От вертолетов деться некуда, а солдат должен топтать пешком по этой чертовой жаре.

Джерри Торн, американский советник при вьетнамском батальоне особого назначения, повалился на растеленные в маленьком дворике недавно сжатые стебли риса и, сделав несколько глотков из алюминиевой фляжки, подозвал к себе американского капрала по прозвищу Бронко-негр, хотя он был настоящим белым, но из-за смуглого лица выходца с Сицилии к нему прилепилась эта кличка, к которой он уже привык.

— Ну, парень, как тебе тут нравится?

— Работа, сэр, неплохая. Где бы я столько заработал, как здесь?

— Это верно, парень. Что-то я тебя раньше не видел на базе, откуда ты привел свою команду?

Бронко-негр раздвинул в улыбке свой огромный рот с крупными, ослепительно белыми зубами.

— О, сэр, мы неделю назад еще были в дельте Меконга. Там есть где разгуляться. Вьетконговцы просто кишат кишмя, а за каждого убитого платят десять зелененьких. Приходилось трудиться на совесть.

— А к чему это вы у себя на спинах намалевали непристойщину? «Грязная дюжина»,— прочитал капитан.— Надо же придумать!

— Ребята придумали,— ответил Бронко-негр.— Работу делаем самую грязную, вот и придумали. Наш взводный, лейтенант Томас Кребс, хотел заставить нас стереть эту надпись, но ребята не послушались. Потом, когда Кребса убило, к нам уж никто не придирался. А вы-то давно тут, сэр?— в свою очередь спросил капрал.

— Э, парень, для меня это уже третья война, и, скажу тебе по секрету, не самая худшая. Мне тоже здесь кое-что перепадает.

— Вы говорите, сэр, третья война. А какая же была первой?

— Первой была в России. Я там тоже на партизан охотился.

— Но мы же с Россией были вместе, как же вы на партизан охотились?

— Это вы, американцы, были вместе, а я — был солдат фюрера. Там нам не повезло. Потом была Корея, а теперь этот Вьетнам. Здесь не снега России, можно развернуться, показать, чего стоит наше умение воевать. На, хлебни, капрал, только не все, оставь мне.

Бронко-негр сделал несколько глотков и вернул фляжку.

— И давно вы тут, сэр?

— Третий срок, капрал, но чувствую, что запас прочности кончается. Раньше сам командовал ротой, а теперь вот советником у обезьяны.

— У кого? — спросил Бронко-негр.

— У майора Тхао. Ненавидит меня, а я его. Наверное, пристрелю в суматохе.

— Вы что, сэр, как можно?

— А никак, пристрелю, и все.

— Зачем же вы вслух-то говорите? Услышат, передадут майору...

— Он и так знает, что я его пристрелю если не сегодня, то завтра.

— Вы, наверное, устали, сэр. Давно в таких переделках?

— Не вылезая, капрал. Когда приехали на базу, думал: отдохну. А вот видишь, какой отдых. Дядя Сэм — хороший бухгалтер. Он зря денег не платит, все считает,

как бы лишнюю сотню не переплатить. А я уже достаточно заработал, хватит, говорю. Последняя операция. Потом домой. Но обезьяну Тхао пристрелю.

— Он вам чем-нибудь навредил, сэр?

— Навредил? Да я бы его уже давно отправил на тот свет. Просто не нравится. Противно смотреть. Скоро увидишь, капрал, как я с ним разделаюсь.

Он выпил еще виски и стал подниматься.

— Пойдем поразвлекаемся, капрал.

Где-то позади хижин раздалась длинная автоматная очередь, потом еще одна.

— Что там происходит?— крикнул капитан, заметив вьетнамского офицера, командира взвода.

— Кажется, обнаружили Вьетконг.

Капитан бросился туда, откуда снова раздалась очередь. Там уже лежало несколько убитых.

— Кто такие? — спросил он офицера.

— Коммунисты, пытались бежать, прятаться.

— Ну, тогда все правильно,— подвел итог капитан и пошел к расположившемуся на отдых своему отряду.

Он сел, привалившись спиной к кокосовой пальме, надвинул на глаза каску и попытался задремать. Его вывел из себя старческий, умоляющий голос.

— Бинь! — крикнул капитан.— Где ты запропастился?

Переводчик выскочил из хижины, вытирая рот тыльной стороной ладони.

— Опять ковырялся в чужих горшках? — спросил капитан.— Когда-нибудь отравят тебя твои соотечественники, вот увидишь. Что это он скрипит там? — кивнул капитан в сторону старика.— И чего это твои землячки на него уставились?

Переводчик прислушался.

— Пропаганда, сэр. Коммунистическая пропаганда.

Старик с длинным, седым и редким клинышком бороды, с руками, натруженными долгими годами труда на рисовых полях, с лицом, изборожденным морщинами и похожим на кору старого дерева, стоял перед солдатами.

— Вы — хорошие парни,— говорил он им,— вижу, что вы хорошие парни, только сломали вас, исковеркали вам душу чужие люди. Вы, наверное, зарабатываете неплохо. Верно, ребята?

— Ничего, отец, зарабатываем,— отозвалось сразу несколько солдат.

— Но послушайте меня, старика. Получаете деньги, откладываете на гроб, чтоб не наваливать потом тяжесть на плечи родителей. Откладываете деньги и для своих семей. А то убьют или искалечат, кто поможет семьям?

— Что он там мелет, старый пень? — возмутился лейтенант. — А ну, прекрати, старик, свою подлую пропаганду! — крикнул лейтенант.

— Не надо на меня кричать, — спокойно произнес старик, — меня не испугаешь, у меня уже все страшное позади. Знаете, ребята, у меня было двое сыновей. Точно таких же парней, как вы. Хорошие были ребята. Взяли их в армию, а через несколько месяцев они погибли. И сейчас меня некому кормить. Вот посмотрите карточки моих ребят...

Солдаты потянулись к старику, некоторые явно сочувствовали ему.

— Вот вы, вижу, куда-то идете, кого-то убивать будете. А если ваши матери или отцы окажутся там, куда идете, что будете делать, стрелять? Ребята, бросьте вы это дело, позорно это...

Он не успел договорить, как на него налетел майор Тхао:

— Ты что это болтаешь, старик? Кто тебя научил?

— Жизнь меня научила, начальник, кто же еще? Свои были вот такие ребята, а теперь один как перст. Кто вернет мне моих детей?

— Я тебе вот сейчас верну, — майор потянулся к кобуре пистолета, — я тебя научу разговаривать.

Солдаты зароптали.

— И вы с ним заодно? — заорал майор, и его лицо, покрытое шрамами, исказилось, стало безобразным.

— Оставьте его, ребята, — сказал старик, — он забыл, какая мать родила его, какой народ был вокруг него. Но думайте, когда вам прикажут стрелять в людей, думайте, не в родную ли мать целитесь, не отца ли хотите...

Майор нервно выхватил пистолет и выпустил в старика несколько пуль. Тот ойкнул как-то жалобно и упал на землю, заливая ее кровью. Солдаты повскакали с земли, загалдели, зло глядя на майора, а тот, насупившись, бросил солдатам в лицо:

— Убью! Прихвостни Вьетконга! Выродки! Молчать!

Капитан Джерри Торн, сдвинув на затылок каску, смотрел с отвращением на все происходящее.

— Он, конечно, прав, обезьяний выродок. С такими подлецами только так разговаривать и надо. Бинь, ты слышишь, они ропщут? В пекло их, в ад! С такими разве воевать? Их всех подряд — на перекладину, — он отвинтил крышку фляжки и сделал два больших глотка, — но эту обезьяну я тоже убью. Понял, Бинь? Убью.

Часть солдат сайгонской армии явно была недовольна, но их быстро успокоили.

— Он прав, этот янки, — говорил командир вьетнамской роты, слышавший капитана, — с такими разве воевать? Всех на перекладину, заодно и его самого туда же.

Лениво, с неохотой строились сайгонские солдаты, чтоб идти дальше.

— Эй, капрал! — крикнул капитан. — Подойди на минуту.

Бронко-негр подошел.

— Будешь в бою — смотри за этим сбродом, дружок, они могут и предать, и убить. Смотри в оба.

— У меня есть свой командир, капитан, — недовольно ответил капрал. — Что творится в вашем приходе, меня не касается, — и пошел к своей «Грязной дюжине», уже двинувшейся в путь.

Километрах в семи от Фафьонга батальон ожидали бульдозеры, вышедшие с базы раньше.

— В чем дело, ребята? — спросил командир сводного карательного отряда майор Коттман.

— Постреливают, сэр, одним пробиваться трудно, нужна ваша поддержка.

— Хорошо, двигайте, мы за вами.

Километра через два один из бульдозеров подорвался на mine. Распустив шарфом по земле гусеницу, он беспомощно буксовал на месте, пока не сполз вниз и не увяз в мокроте поля. Экипаж вылез посмотреть, нельзя ли одеть гусеницу, но по нему открыли огонь с небольшой возвышенности.

Майор Коттман приказал батальону рассредоточиться и готовиться уничтожить противника.

Но противник выбрал слишком удобную позицию, чтобы его можно было легко сбить с нее: слева от шоссе тянулись рисовые поля, а справа, вплоть до предгорья, — неглубокие, но неприятные болота, поросшие суставчатым тростником. Посреди болота поднялась, будто вытолкнутая из его недр, небольшая возвышенность, удобная для круговой обороны. Защитников на

ней, видно, было немного, но они так удачно заняли позиции, а огонь был таким метким, что карателям ничего не оставалось, как залечь в болотную жижу и вести больше психологический, чем прицельный огонь. Беспомощно выглядели и мощные бульдозеры со своими «римскими плугами». Один из них, подорвавшийся на mine, утонув передней частью с широким ножом в рисовом поле, можно было не брать в расчет, а второй, временно оставленный экипажем, занял всю ширину дороги, и его ценность была сейчас лишь в том, что за ним нашли надежное укрытие два десятка солдат. Их положение было, конечно, лучше тех, что залегли в болоте, но зато пользы абсолютно никакой, они даже огонь не могли вести по противнику, лежали или сидели, обмениваясь воспоминаниями или рассказывая всякие случаи из своей боевой жизни. Они не очень страдали из-за оскорбленного самолюбия — триста человек смешанного карательного отряда были остановлены полутора десятками партизан — и ожидали, что в конце концов прилетят когда-то вертолеты, выкурят партизан из их укреплений, вот тогда они покажут, на что способны, а пока можно не спешить подставлять голову под вьетконговские пули.

Сайгонские солдаты вообще смотрели на все равнодушно и даже, кажется, безучастно: американцы затеяли все это, пусть они и расхлебывают кашу. Сами они лезть под огонь и пробираться в сторону ошетилившейся огнем горки не собирались. И хотя майор, укрывшись за деревом, кричал не своим голосом, грозил пистолетом, обещал расстрелять каждого пятого, никого это, кажется, не волновало. Лишь несколько запуганных майором солдат вскакивали время от времени и пытались продвинуться вперед, но или застревали в грязи, или падали, сраженные снайперскими выстрелами. А когда пуля врезалась в дерево в нескольких сантиметрах от майорской головы, он и сам вроде утихомирился и ждал естественного развития событий, тоже надеясь на американские вертолеты с ракетами.

— Помню, мы вот так же застряли однажды в дельте Меконга, — привалившись к бульдозеру, рассказывал сержант Вернон Кин, — после того как десять часов шли по занятой Вьетконгом территории. Тогда тоже снайперы откуда-то били на выбор. И никто не знал, чья следующая очередь. Но мы шли, не думая об этом. Нас выручали пуленепробиваемые жилеты. Ну, если, конечно,

но, выстрел был не в голову. А потом мы вышли к болоту, и тут началось. Я готов был нырнуть с головой в вонючую жижу того людоедского болота, лишь бы спастись. Я и о змеях тогда забыл думать, а их в таких вот болотах,— кивнул он туда, где, невидимые за бульдозером, лежали те, кому не хватило места в укрытии,— их хватит на всех. Да,— выстрелив с ногтя фильтром сигареты, лениво произнес сержант,— с Вьетконгом шутики плохи, если у тебя нет техники, вот как у нас сейчас.

— И ты думаешь, нам тут долго лежать? — спросил сержанта солдат, сидящий рядом.

— Ты ведь первый раз в такой переделке, Джим, а?

— Первый, сержант.

— Не напусти со страху в штаны, может, еще все обойдется. Если нас не выручат вертолеты, то вьетконговцы, может быть, тоже не нападут на нас сегодня. Они подождут, пока мы полностью завязнем в грязи, и тогда уж точно загонят нас в угол. Вот полетят из нас перья, как будто из курятника, куда забралась лиса.

— И ты думаешь, они решатся напасть на нас?

— В атаку они не пойдут, они нас и так расколошматят, мы же беспомощны, как вон тот дурак бульдозер. Он уткнулся носом в грязь и стоит. А чем мы от него отличаемся? И ты знаешь, Джим, вьетконговцы, может, и не будут убивать нас, просто прострелят одну или обе ноги и заставят лежать, пока не выручат нас с базы. Зато, когда ты вернешься в Штаты, ты будешь рассказывать об этом так, что Пентагону трудно будет сманить во Вьетнам парней, которым ты о нем расскажешь.

— А ты помнишь, Вернон,— обратился к сержанту другой солдат,— как мы в Хаузянге плавали?

— Еще бы! Ты тогда здорово накупался, а, Стив?

— И накупался, и нахлебался досыта, особенно когда провалился по пояс. Пытаюсь вырваться и чувствую, что застрял, не могу освободиться. Ну, думаю, конец. А тут лейтенант кричит: огонь, огонь! Какой огонь, когда я чувствую, что скоро захлебнусь. Всю жизнь я смертельно боюсь змей, а тогда вижу, извивается, плывет прямо на меня такая небольшая, но, знаю, страшная змея, а ничего не могу сделать, тону, все глубже засасывает меня. Ну, думаю, Стив, отходился по сухому, вот сейчас ужалит — и конец. Смотрю, змея проплыла рядом, я ее только взглядом проводил. А облегчения не почувство-

вал, все равно, вижу, конец приближается. И тут вдруг вертолеты. Одни начали бомбить Вьетконг, а другие сели прямо на дорогу, чтобы забрать раненых. Санитары вытащили меня из трясины, осмотрели и говорят: «Ну, парень, благодари судьбу, что не захлебнулся. Иди-ка, отомсти Вьетконгу». А я весь в грязи, вонючий от болотной жижи, посмотрел на них и ответил так, что у них челюсти отвалились. Рванул я к вертолету, забрался в его брюхо и сижу, не верю, что жив остался. Они хотели меня вышвырнуть, говорят, воевать надо, в вертолете место только для раненых. «Хватит!» — крикнул я чистюлям и только тогда заметил, что мои ботинки против змей остались в болоте, видно, соскочили с ног, когда меня вытаскивали. Они опять свое: выходи и выходи. Тогда я поднялся, снял с пояса гранату и говорю: «Еще одно слово — и я взорву этот летающий гроб к чертовой матери». Они замахали руками: дескать, сиди, сумасшедший, сиди. А я и двигаться не мог уже больше. Но зато знал, что вытолкнуть меня из вертолета можно было только мертвым. Дай-ка сигарету, Вернон.

Солдат закурил с видимым удовольствием, осмотрелся, прислушался и выстрелил, просто так, наугад.

— Ты знаешь, Вернон, — сказал он, — сдается мне, что мы попали не в лучшую ситуацию, чем там, в Хау-занге.

— Посидим — увидим, Стив. Ты не новичок, не дрожи.

Стив не ответил, он вспомнил свою первую операцию против Вьетконга, его тогда в патруль назначили. Неопытный был. Приемами борьбы всякими владел, мог орудовать лопатой, прикладом, кулаками. Но в дело шел первый раз. Долго, помнит, они шли, все будто вымерло кругом. Несколько часов несли службу, и наконец сержант сказал, что пора возвращаться в деревню, где их должен подобрать «джип». Темень была — глаз выколи. И туман еще с болот. Сизый, мерзкий, в горле першило. Ни одного огонька в деревне: или крестьяне керосин экономили, или все ушли под крылышко к дьяволу. Долго они ждали машину, потом узнали, шофер куклюй¹ пил с солдатами на краю деревни. Отругали его и поехали на базу. Мост по пути попался, днем ехали — вроде и не заметили его. Подступ к нему загоро-

¹ Ку к л ю й — крепкий самогон, приготовленный из риса.

жен, колючей проволокой. Растащили проволочное заграждение и поехали.

— Будем надеяться, что сейчас мост охраняют правильные парни и не обстреляют,— сказал сержант. Он имел в виду, что мост охраняют сайгонские солдаты.

Стив спросил тогда:

— А как мы узнаем, что они правильные? Может, мост уже коммунисты захватили.

— Ну, это очень просто,— ответил спокойно сержант,— если тебя или меня убьют, значит, мост действительно захватили коммунисты.

Сержант во Вьетнаме уже второй срок и все знал. Он прочитал целую лекцию, пока ехали до базы.

— Понимаешь, парень,— говорил сержант,— есть учебники, как отличить врага от своего. Но к нашему врагу не подходит ни один признак. Тут врагом может быть крестьянин, который днем по колена в воде работает на рисовом поле; продавец магазина, улыбающийся тебе, когда ты покупаешь у него какую-нибудь ерунду; учитель, который так старательно произносит английские фразы. А может быть и часовой, который охраняет мост в нашей зоне. Опасность, парень, нас подстерегает везде, даже в учебном лагере, где мы готовим вьетнамцев к войне. Мы не знаем, кого забрали в армию добровольно, а кого силой. Конечно, в конце концов их всех проверят, отсеют и будут учить в лагере, держа за колючей проволокой. Недавно рота рекрутов из корпуса самообороны, закончив учебу и получив оружие, целиком ушла к красным. Предварительно удушив ненадежных офицеров.

Надолго поселился тогда страх в душе у Стива, но постепенно он освобождался от него, потому что видел: страх — самый опасный враг. Выжить можно, конечно, и трусливому, но смелому это удастся чаще. Потом он уже притерпелся, привык, сам теперь новичков обучает так же, как его когда-то обучали другие.

— А меня война сразу оглушила, как оглушают быка на бойне в Чикаго,— услышал Вернон голос Мясника Била.

Мясником его прозвали не только потому, что он работал на чикагских бойнях, но и за дела во Вьетнаме. Допрашивать ли пленных особым способом, расстреливать ли, когда, ничего не добившись, надо было все-таки освободиться от них, усмирить ли деревенских жителей, тут с Билом поспорить немногие могли. Вот и при-

клеили ему кличку Мясник. Здоровый, с огромными руками, заросшими рыжими волосами, с постоянно красными глазами, будто сошел с рекламы чикагских боев.

— Знал ведь, что война — это когда видишь убитых. Но чтобы познакомиться с ней так, как я, надо специально, что ли, подстроить.

— Что же такое случилось, что до сих пор ты, кажется, оглядываешься, а?

— И верно, оглядываюсь. Иногда ночью, бывает, увижу сон и вскакиваю.

— Расскажи, пока живы.

— Видишь ли, я прилетел в Гонолулу, чтобы оттуда — во Вьетнам. Всякие там бумаги, расписки, знакомства — целых пять дней заняли. Вечерами — мы уже перезнакомились друг с другом — обычно заваливались в какой-нибудь недорогой кабак и провожали последние дни мирной жизни. На второй вечер к нашей компании подсел парень. Вся куртка в орденских ленточках. Мы, конечно, восхищаемся, просим рассказать о войне.

«Война, — сказал он нам, — как лотерея или лошадиные скачки: повезет — выиграешь, не повезет — рви свой несчастливый билет и бросай в урну. Я вот пока вытягиваю счастливые номера». Он был пулеметчиком на «Гончем»¹. Говорил, что на счету у него сотни солдат Вьетконга. Когда, говорил, поднимается в воздух, палец со спускового крючка не снимает. Хвалился: гильзами от патронов, которыми стрелял по Вьетконгу, можно улицу вымостить. Я на него смотрел глазами шире стакана. Через пару дней тот парень улетел во Вьетнам, кончился его короткий отпуск. Почти следом за ним и мы покинули Гонолулу. В Сайгоне я не задержался, сразу попал на чертову базу в Кантхо. Увидел там столько самолетов и вертолетов, что подумал: ну, Бил, с такими надежными крыльями тебе нечего бояться, они защитят. А через два дня нашу роту подняли по тревоге, и мы рванули сначала на машинах, а потом бегом к месту, где горели два наших вертолета. Они свалились друг от друга метрах в двухстах. Один лежал на спине, задрав лыжи, а второй на боку — в грязи на рисовом поле. У второго вертолета я и увидел того парня из Гонолулу. На этот раз спусковой крючок нажал кто-то

¹ Так называли американские солдаты один из тяжелых вертолетов.

раньше, чем мой знакомый. У вертолета было сильно распорото брюхо, будто кто рубил топором бычью тушу, пропеллер обломан. А рядом лежал тот парень. Я нагнулся, сердце у него еще билось, но из разорванного пулей горла хлестала кровь, а он тянулся рукой к ране, шевелил пальцами, будто силился что-то сказать, но был уже без сознания. Мы его подняли и понесли к дороге. До нее было метров сто. Тащим, чуть не по колена в грязи утопаем, а когда донесли до сухого места, он уже был мертв. Кровь из горла больше не текла, видно, вся вышла. Вместе с жизнью. Мне стало страшно, вечером не мог ужинать, тошнило. Думал, никогда не привыкну к ужасу, который увидел. Ничего, привык.

Бил еще закурил сигарету, взял ее у кого-то из соседей.

— А парень был, видно, не промах,— проговорил он, после того как жадно затянулся дымом.— Его уже в ящике в Штаты отправили, а письма все шли, от девчонок. А две даже сообщали, что скоро станут матерями. Вот бы попал парень в переплет, если бы не пуля Вьетконга. Представляю себе его положение,— и Бил захохотал громовыми раскатами, которые оборвались с появлением шестерки вертолетов.

Кто-то из офицеров передавал экипажам, где следует бомбить. Вертолеты развернулись, полетели вдоль дороги, потом зависли, будто осматриваясь, и пошли двумя шеренгами по три в каждой и стали бить ракетами по высотке. Старый французский бетонный дот, в котором, может, и сидели снайперы, раскололся, как яичная скорлупа, наверное, вертолетчики вlepили в него целую серию ракет «воздух — земля». Затем они начали сбрасывать на высотку бомбы. Они рвались кучно. Солдаты, еще недавно прижатые к земле огнем или скрывающиеся за бульдозером, высыпали на дорогу, потрясали автоматами, радовались поддержке с воздуха.

Вертолеты ушли на базу. Батальон стал вытягиваться в колонну вслед за ожившим и двинувшимся вперед бульдозером. Ни одного выстрела не раздалось с высоты, наверное, ее защитники погибли, если не успели скрыться в лесу.

Крайние дома деревни Фафьонг оказались пусты. Солдаты рассыпались по домам.

— Лейтенант,— кричал кто-то из «Грязной дюжины»,— тут какая-то тетка с ребенком. Что с ней делать?

— Позови кого-нибудь из группы майора Тхао, и до-

просим. Может, она скажет, куда сбежали ее односельчане.

Раздавались одиночные выстрелы, слышались крики и ругань, уже загорелись первые дома.

— Лейтенант, что делать с теткой? Она молчит.

— У тебя что, автомата нет? — закричал лейтенант. — Учить тебя надо? Сейчас проучу.

Простучала автоматная очередь, а потом взвилось пламя над хижинкой, где сидела женщина с ребенком.

Из маленького, тесного сарая вытащили старика. Может, он спал и ничего не слышал, а может, не убежал с остальными, надеялся спрятаться.

Майор Тхао подошел к старику, не соображавшему, что происходит вокруг, и ткнул пистолетом в спину. Старик ойкнул.

— Ну, говори, где прячутся вьетконговцы? — рявкнул майор.

— Я ничего не знаю, господин. Никого не знаю.

— Не скули, говори, если хочешь жить. Да поживей, мне некогда с тобой возиться. Где твои сыновья?

— Не знаю, господин. В армию забрали, а где сейчас — не знаю.

— У Вьетконга воюют, старик, а?

— Не знаю, господин, кто этот Вьетконг, они мне не пишут.

— Красным помогал? Рассказывай!

— Не знаю, господин, я такой старый, что ничего не знаю. Простите, господин.

— Лам! — крикнул майор.

Подскочил мордастый парень в гимнастерке с нашивкой СЗНТ¹.

— Слушаю, господин майор.

— Убери эту старую развалину. Погрей его хорошенько.

Мордастый парень затолкал старика снова в сарай, подпер дверь валявшейся на земле бамбуковой лестницей и поджег с нескольких сторон. Старик стал метаться, стучать в дверь, но мордастый Лам длинной очередью прошел его сквозь плетеную дверь и побежал в ту сторону, куда удалялись солдаты его роты.

¹ СЗНТ — «Сэй зынг нонг тхон» — такую нашивку с демагогическим смыслом «строительство деревень» носили офицеры и солдаты «отрядов умиротворения».

Фафьонг горела всю ночь. Большинство жителей ее скрылись в лесу, а кто отказался или не мог уходить, большей частью погибли. Солдаты нашли в деревне достаточно самогона, еды и веселились до полуночи, а потом как убитые свалились где попало. Офицерам с трудом удалось найти несколько трезвых солдат, чтобы собрать раненых и убитых в результате стычки, происшедшей на другом конце деревни. Бойцы из отряда самообороны остановили карателей, которые собрались преследовать жителей Фафьонга, убегавших из своих домов в леса. Бронко-негр, руководивший этой операцией, нашел среди убитых капитана Джерри Торна. Пуля вошла ему в затылок. «Видно,— подумал тогда Бронко-негр,— вьетнамский майор Тхао оказался более предусмотрительным». Он никому не сказал ни о своем разговоре с капитаном, ни о его угрозах, которые слышали многие, в том числе и майор Тхао, ни о своих подозрениях. «Пусть разбираются те, кому это положено,— решил он,— а то и самому можно схлопотать такую же пулю».

Утром на деревенской площади стали приземляться вертолеты и отвозить солдат на базу. Еще не пришедшие в норму после ночного разгула американские солдаты искали какое-то развлечение. Нгуен Куок боялся попасться кому-нибудь на глаза — американцам или вьетнамцам майора Тхао: могут пристрелить ради забавы.

Вечером на огромной черной доске, установленной вблизи казарм, аккуратный писарь из отряда майора Тхао, то и дело заглядывая в бумажку, полученную из штаба базы, выводил: эскадрилья № 196 обработала гербицидами «белый» и «оранжевый» шесть тысяч акров джунглей, в которых была база Вьетконга. Сводный американо-вьетнамский батальон специального назначения ликвидировал 76 вьетконговцев в селеньях Тёмой и Фафьонг, сжег несколько десятков домов, хозяева которых заподозрены в связях с партизанами.

Старик, женщина с ребенком и все остальные убитые вошли в сводку уничтоженных вьетконговцев.

Через два дня к военному врачу базы обратился за помощью капитан Пеннигтон с жалобой на недомогание, сильное раздражение кожи и частые головокружения. Капитан летал на огромном транспортном самолете С-123, оборудованном для распыления ядовитого порошка «оранжевый». На борту его самолета во всю дли-

ну фюзеляжа была выведена яркая оранжевая надпись: «Только мы можем избавиться от лесов».

Врач внимательно осмотрел капитана, проверил давление, пульс. Потом открыл сейф, полистал небольшую брошюру.

— Скажите, капитан,— спросил он наконец,— вы случайно не попадали в зону действия самолетов с дефолиантами?

— Что значит — не попадал? Мой самолет предназначен именно для распыления дефолиантов над джунглями, в которых укрывается Вьетконг.

— Так, понятно. А вы сами не чувствовали, как подверглись опылению?

— Нет, не чувствовал. Нет, погодите. Когда я заходил на цель и стал снижаться, я почувствовал себя немного неприятно оттого, что вошел в полосу, обработанную первым самолетом. Я еще подумал, что зря спустился слишком низко. Но какое это имеет отношение, доктор, к моему самочувствию? Я устал, не выношу этой жары. Дайте мне какое-нибудь лекарство и дня три отдыха от полетов.

— Боюсь, капитан, что дело серьезнее, чем вам кажется. Думаю, да вы и не отрицаете сами, что вдыхали «оранжевый».

— Ну и что? Это же какие-то молекулы.

— Это особенно опасно, капитан. Молекулярный яд быстро входит в кровь, а мы имеем дело именно с ядом, механизм действия которого еще не совсем ясен. Может, и ничего не случится, но могут быть и неприятности в будущем.

Капитан рассмеялся.

— Вы слишком серьезно воспринимаете мое простое, можно сказать, рядовое недомогание.

— Нет, капитан, я воспринимаю так, как должен воспринимать врач. Вы женаты, капитан?

— Да, женат. Но, доктор, в чем дело?

— У вас есть дети, капитан? — не отвечая на вопрос офицера, спросил врач.

— Нет, мы еще не успели с Кэрри обзавестись детьми, мы только недавно поженились. Но, доктор...

— Я бы советовал вам, капитан, пока не заводить детей,— не дав договорить Пеннингтону, строго сказал врач,— могут быть нежелательные результаты.

— По-моему, вы занимаетесь распространением

враждебных идей, доктор. И я должен доложить об этом высокому начальству.

— Ваше дело, капитан, если не хотите слушать совета врача. Вам необходимо лечь в клинику, где займутся вымыванием ядов из организма. Это единственное, что я вам могу рекомендовать сегодня. Что будет через пятнадцать лет, я не знаю...

Через десять лет Джон Пеннингтон подаст на американское правительство в суд и потребует пять миллионов долларов компенсации за то, что был отравлен ядами во Вьетнаме и двое его детей признаны умственно неполноценными в результате необратимых мутаций организма, вызванных действием гербицида «оранжевый».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Год лошади и огня¹ по лунному календарю начался для сайгонских властей благоприятно. Прошедшая в Гонолулу встреча президента США Джонсона с южновьетнамскими лидерами завершилась принятием декларации о расширении американской помощи и увеличении контингента вооруженных сил США во Вьетнаме. Американский президент посоветовал генералам Нгуен Ван Тхieu и Нгуен Као Ки — президенту и премьер-министру Республики Вьетнам действовать гибче, показывать населению не только большой кулак, но и хотя бы маленькую конфетку. В полном согласии с советами Джонсона Тхieu и Ки обещали к следующей встрече на Гавайях представить на его утверждение проект конституции, чтобы ничем не отличаться от других стран свободного мира.

Правда, результаты встречи в Гонолулу были омрачены серьезным кризисом, разразившимся сразу после проводов Тэта — нового года лошади и огня, который сулил самое благоприятное развитие событий. Некоронованный диктатор Центрального Вьетнама генерал Нгуен Тянь Тхи, отказавшись подчиняться распоряжениям Сайгона, поднял восстание. Он убрал всех, кого

¹ Каждый год малого, двенадцатилетнего цикла имеет свое название — год мыши, быка, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, козла, обезьяны, петуха, собаки и свиньи. Пять малых циклов составляют большой 60-летний цикл. Каждые пять лет цикла имеют свои повторяющиеся символы, или стихии: дерево, огонь, земля, вода, металл. Году лошади и огня соответствовал 1966 год.

считал преданными сайгонскому правительству, и вознамерился создать собственную администрацию, а в дальнейшем и, может быть, самостоятельное государство. Надо было решать — и решать самыми радикальными мерами — проблему бунта против правительства, потому что, после присоединения к генералу Нгуен Тянь Тхи оппозиционного к Сайгону слоя буддистов, восстание начинало приобретать крайне нежелательный и опасный характер.

Из сайгонского гарнизона и из дельты Меконга в Центральный Вьетнам было переброшено несколько тысяч солдат. Обращение к генералу Уэстморленду и послу Лоджу о помощи в подавлении мятежа не дало результата. После обстоятельного совещания по щекотливому вопросу посол Лодж, выражая также мнение представителей американского командования и Центрального разведывательного управления во Вьетнаме, послал на имя Джонсона телеграмму. Сообщив о том, что произошло в Центральном Вьетнаме, Лодж писал:

«Еще в 1956 году мы серьезно рассматривали возможность такого развития ситуации, которая может заставить нас пойти на отрыв Центрального плато и Центрального Вьетнама от Сайгона, сдерживая одновременно чрезмерно враждебное отношение национальных меньшинств к правительству Сайгона. Мы рассчитывали создать из местных племен отряды самообороны. Объединенный фронт освобождения угнетенных народностей, созданию и поддержанию которого службы специального назначения способствовали крупными средствами и оружием, мы планировали сделать своим инструментом и союзником в случае неблагоприятного для нас развития событий во Вьетнаме. В случае победы идеи нейтрализма или создания любого неожиданного альянса Сайгона с Ханоем наше твердое положение в Центральной части Вьетнама давало бы нам самую благоприятную возможность влиять на положение дел в этой стране. Кроме того, формирование Центральным разведуправлением диверсионно-десантных групп специального назначения из горных племен позволило бы: 1) успешно использовать лозунг об автономии национальных районов, направляя автономию в русло наших интересов в этой стране; 2) нацелить вооруженные отряды горных племен на борьбу с Вьетконгом и с жителями, ему сочувствующими, а также на широкую мобилизацию мужского населения для службы в армии.

Осложнения в Центральном Вьетнаме не представляют большой опасности для наших интересов на нынешней стадии. Поэтому следует предоставить режиму Сайгона самостоятельно подавить мятеж генерала Нгуен Тянь Тхи и буддистов и в результате этого приобрести опыт для борьбы с Вьетконгом, который сейчас крайне недостаточен.

После упорных боев с войсками генерала Тхи и отрядами буддистов, правительственные войска заняли города Дананг и Хюэ. Последовавшее после поражения генерала Тхи новое выступление «боевых буддистов» было сломлено. Премьер южновьетнамского правительства генерал Ки, усмотрев в действиях американцев, заигрывавших с Объединенным фронтом освобождения угнетенных народностей, с солдатской прямоотой задал американскому послу вопрос: долго ли американское правительство намерено вести двойную бухгалтерию во Вьетнаме: выступать совместно с Сайгоном против Вьетконга и Ханоя и поддерживать антиправительственные настроения у диких племен?

После этого американские представители получили строгое указание прекратить флирт с горными племенами, привести их под руку законного правительства в Сайгоне. На этот раз штаб генерала Уэстморленда действовал оперативно. Офицеров и солдат отрядов специального назначения из горцев автоматически зачислили в сайгонские батальоны, потом разоружили и в конце концов сформировали из них отряды носильщиков. Правда, оружие горцам возвращалось, если их вождей за щедрые подачки удавалось уговорить участвовать в общей борьбе, а чаще в отрядах самообороны против сил национального освобождения...

Фам Лань шел по горной тропе с осторожностью лесной лани, чувствующей кожей, мышцами, всем существом опасность, которая может неожиданно возникнуть в этом краю джунглей. Люди здесь издавна научились оборонять подступы к своему жилью такими хитроумными приспособлениями, что чужому человеку и в голову не придет опасаться, например, сухой ветки, оказавшейся на пути. Но стоит задеть эту ветку ногой, как словно пружина, выскочившая из тайника, на ногах захлестывается прочная петля и два невидимых бамбуковых, пригнутых к земле ствола будто срываются с крючка и забрасывают человека на высоту пяти — семи метров и оставляют висеть вниз головой. Из доклада штаба

сайгонского гарнизона, который через агентов-подпольщиков попал в руки разведчиков сил освобождения, было известно, что в американских донесениях не скрывалось паническое отношение к ловушкам и минам-сюрпризам, которые считались самым эффективным по своему психологическому воздействию оружием партизан. Особенной сложностью отличались ловушки и мины, которые изготавливали партизаны-горцы. Несмотря ни на какие усилия, морские пехотинцы, обученные сохранять хладнокровие в любой обстановке и умение разгадывать секреты противника, так и не смогли найти противоядие партизанским боевым устройствам.

Фам Лань знал, что в Тэйнине была создана специальная школа по изучению ловушек Вьетконга, через которую пропускают почти всех морских пехотинцев, прибывших во Вьетнам. И все-таки, как стало известно из того же доклада штаба сайгонского гарнизона, четверть потерь морские пехотинцы, которых чаще других бросают в самые опасные партизанские районы, несут от так и не разгаданных ловушек партизан. «Гляди в оба, Фам Лань,— говорил майор сам себе,— а то хоть и идешь к друзьям, можешь до них не добраться». Местность лежала безлюдная, ни одного человека еще не встретил он за несколько часов пути. По легкому запаху дыма, по едва различимым приметам он чувствовал, что в стороне от тропы лежат небольшие селенья, но сворачивать с нее он не мог. У него был строгий наказ идти только по ней, какие бы извивы она ни творила. К старейшине племени седанг Ин Баю он нес своеобразный пропуск-рекомендацию в виде небольшой трубки для табака с насечками на мундштуке, шифр которых знали только два человека.

— Вы, товарищ майор, не бойтесь,— говорил ему человек, передавший трубку.— Это очень надежный документ. Когда Ин Бай увидит его, он ничего не скажет, а выйдет в сарай, что стоит под горой, и принесет оттуда тыкву-горлянку с крепким самогоном. Это значит, что он тебя признал. Бойтесь попасть в какую-нибудь ловушку, особенно вблизи деревни.

Фам Лань шел осторожно, внимательно всматриваясь то в сумрачную стену леса по обеим сторонам тропы, то в саму тропу, чтобы вовремя заметить опасность.

Он вспомнил последние дни в штабе фронта, где, к своей радости, встретил полковника Ле Ханя, которого

знал еще по учебе в академии. Часто видеться не приходилось, но на вечерах в посольстве, на встречах земляков он несколько раз вел приятные беседы тогда еще с подполковником, который, как и Фам Лань, знал, что после академии будет воевать на Юге. Теперь они встретились как друзья, и разговор у них был и деловой, и дружеский.

— Ты не знаешь, зачем меня вызвали сюда? — спросил Фам Лань.

— Просто так с боевого участка не отзывают, — ответил Ле Хань, — только я не знаю. А чего ты волнуешься? Встретишься с заместителем главкома, и она сама тебе все расскажет.

Замглавкома встретила Фам Ланя приветливо.

— Рада вас видеть, товарищ Фам Лань, внимательно следим за вашими делами. Командующий говорит, что совместными усилиями разведки, боевых частей и партизан база Фусань превратилась в обороняющуюся сторону. Когда-то во Вьетнаме родилась мудрая поговорка: крепость золота проверяют огнем, человека — делами. А на вашу долю и дел, и огня хватило. Как там обстановка сейчас, я имею в виду обстановку вокруг базы?

— Даже очень сильный противник теряет на войне уверенность из-за того, что не может разгадать, какой шаг предпримет другая сторона. Так случилось с базой. Наше командование разработало правильный план: не давать ее гарнизону почувствовать себя в безопасности хотя бы на один день. Мы обстреливаем ее территорию, совершаем диверсии, снимаем часовых, уничтожаем патрули, устраиваем засады охранным отрядам. Одним словом, выводим ее командование из себя как серьезными, так и мелкими операциями. Сначала на наши мелкие нападения оно смотрело как на комариные укусы. Потом комары превратились в оводов, а сейчас каждый наш укус повергает в трепет. И американцы замечались. Обстреляем мы патруль, раним одного солдата, американцы поднимают пять, шесть, десять вертолетов с пулеметами, ракетами, бомбами и начинают обрабатывать леса и горы.

— Нам бы такую силу, — улыбнулась замглавкома, — мы бы от их базы и следа не оставили! Как думаете, Фам Лань?

— Так и я думаю. Но сейчас на базе создалась такая психологическая обстановка, что нам ни в коем слу-

чае нельзя прекращать свои акции против нее, а, наоборот, надо увеличивать их число. Пусть американцы думают, что против базы выставлены чуть ли не все наши силы. Они думали, что выбрали хорошее положение для базы. С нее летают самолеты бомбить Ханой, отсюда, как они считали, будут надежно контролировать наши стратегические пути. Но не учли, что этот район и для нас выгоден: попробуй найди нас здесь! А мы за каждым деревом укроемся!

— Да,— согласилась замглавкома,— на такой поворот событий они явно не рассчитывали. Надежались на свою техническую мощь.

— Мощь их велика, ничего не скажешь. Но ни бомбардировщики, ни сотни вертолетов не спасают. У русских есть хорошая пословица: из пушек по воробьям не стреляют. Ее часто приводил в своих лекциях один военный профессор у нас в академии, когда хотел подчеркнуть, как важно выбирать силы для наступления на врага. Нельзя бросать дивизию против одного взвода. А американцы именно так и действуют. Иногда на преследование одного человека они посылают по вертолету или самолету.

— Как, вы сказали, говорят русские: из пушек по воробьям... А тут получается даже не по воробьям, а по комарам, а? Ну что ж,— с задором в голосе сказала она,— заставим их метаться из угла в угол. Как говорится, за кем тигр гнался, тот и на картинке его боится.

Она подошла к карте, задумалась на несколько минут. Фам Лань ожидал удобного момента, чтобы спросить, когда он может возвращаться к своим обязанностям.

— Место они выбрали действительно удачное и важное,— проговорила замглавкома, будто рассуждая вслух.— Но уходить им отсюда придется, обязательно придется. Как вы думаете, Фам Лань?

— Конечно, придется, товарищ замглавкома. Только когда? Пять, десять лет потребуется?

— Я недавно была в Ханое, товарищ Фам Лань,— отходя от карты, заговорила она,— видела, как живет и борется наша страна на Севере, какую помощь ей оказывают друзья. И какую стойкость проявляет наш народ. Вы знаете, мне показывали такие документы, которые могут и пугать, и радовать. В 1965 году американцы сбросили на ДРВ триста тысяч бомб. Это, конечно, немало. Но вот послушайте,— она вынула из сумочки

небольшую записную книжечку, перелистала несколько страниц и прочитала: — «На нынешний год мы запланировали сбросить на Вьетнам 638 тысяч бомб. Это будет ровно 91 процент бомб, сброшенных на Корею в течение всех 37 месяцев войны, и 37 процентов бомб, сброшенных нами с июня 1942 по май 1945 года в Африке и Европе во время второй мировой войны». Как вам это нравится?

— Откуда оказались у вас такие данные? — спросил Фам Лань.

Она улыбнулась.

— Представьте, что эти данные добыли не разведчики. Сам Макнамара сообщил их корреспонденту «Нью-Йорк таймс». Они, как видите, не считают нужным скрывать свои намерения. Откровенны и циничны до последней степени

— Но это означает, товарищ замглавкома, что нам придется очень трудно в этом году и здесь, и там, на Севере.

— А разве нам было легко раньше? Сколько разрушений, сколько жертв несет наша страна... — она замолчала, взгляд ее стал задумчивым, будто она осматривала сейчас весь Вьетнам от севера до южной его оконечности, — очень трудно, товарищ Фам Лань. Но бомбардировки, даже самые страшные, причинив неисчислимые разрушения, не могут привести к победе. Американцам уже сейчас приходится терять много самолетов. Уже больше тысячи их сбито над ДРВ. Наши друзья дали нам хорошее оружие против самолетов. Я была на ракетных батареях. Хорошие русские парни помогают нашим ребятам управлять удивительной техникой.

Она снова полистала книжечку.

— Вот выписала, чтобы рассказывать при встречах с бойцами. Пишет майор Джеймс Каслер, который в Корее стал героем: «Мы боимся быть посланными на Северный Вьетнам. Я считаю, что при двадцати самолетовых вылетах в месяц смерть может быть отложена с одной недели на другую». А вот увидите, как они заговорят, когда потери станут еще большими...

Девушка в военной форме внесла лаковый поднос с чашечками и чайником.

— Вот и хорошо, — сказала замглавкома, — выпьем чаю и обсудим наши дела. У вас есть какие-нибудь вопросы ко мне?

— Только один, товарищ замглавкома: могу ли я возвращаться к выполнению своего задания?

— Боитесь, американцы без вашей рыбы голодать будут? — весело сказала она. — Не волнуйтесь за них, товарищ Фам Лань. Они как-нибудь без вас проживут временно. А для вас есть одно очень важное поручение. Да вы пейте, пейте.

Фам Лань сделал несколько глотков. Он с трудом сдерживал волнение, думая, какое задание выпадет теперь ему.

— Мы думаем, товарищ Фам Лань, — прервала его мысли замглавкома, — послать вас в национальные районы, идите, посмотрите на местность.

Подожли к карте. Замглавкома провела указкой по ней, сразу очертив район, в который, видимо, ему предстоит идти.

— Смотрите, здесь у американцев везде сильные укрепления, но самое мощное вот здесь, — указка остановилась на маленькой точке Центрального плато. — Оно создано с дальним прицелом. Во-первых, чтобы держать под контролем местные племена в этом горном районе, не дать им выступить против сайгонского режима на стороне партизан, а во-вторых, собирать сведения о силах освобождения. На базе более двух тысяч человек несут охранную службу. Мы поручаем вам пробраться поближе к этой базе. Вы видите, мы вас уже сделали специалистом по американским базам, — улыбнулась Нгуен Тхи Динь. — Подобраться как можно ближе, установить контакт с местным населением. Там в горных селах есть люди, с которыми наша партия поддерживает хорошие связи. Вот через них надо попробовать повлиять на солдат-горцев и нанести удар теперь по этой базе противника. Вам подскажут, куда надо держать путь, с кем связаться, на кого положиться и кому довериться. Ну, как?

— Я никогда не работал в национальных районах, боюсь, как бы не наломать дров.

— А вы думаете, я когда-нибудь думала быть в своем нынешнем положении? Когда обстоятельства заставили меня стать во главе восстания в моей родной провинции, я не могла сказать крестьянам и рабочим, что я никогда не руководила такой массой восставшего народа, что я боюсь наломать дров. Революция, товарищ Фам Лань, — это такая школа, в которой всему научат. А вы у нас с академическим образованием и, можно

сказать, с таким же опытом. Генерал Райтсайд, наверное, дорого дал бы за вашу голову. За мою голову Нго Динь Зьем обещал пятьдесят тысяч пиастров, а за вашу генерал Райтсайд дал бы столько же тысяч долларов. Не меньше. Он и не подозревает, что бедный торговец рыбой и есть тот человек, который портит ему жизнь. Понятно объяснила вашу задачу? — улыбнулась она своей открытой улыбкой.

— Понятно, товарищ замглавкома.

— Тогда очень хорошо. У меня есть товарищ, который немного поработает с вами, объяснит, как добратся до одного из самых замечательных наших людей в племени седанг — Ин Бая. Если вы дойдете до него, считайте, что наполовину ваше задание выполнено. Останется всего только половина, — сказала она, — а с половиной, я уверена, вы справитесь хорошо.

И вот он в пути уже не первые сутки. За это время миновал много опасных зон, чуть не попал в лагерь сайгонского полка особого назначения. Много чего было на трудной дороге, прежде чем подошел он вплотную к цели своего похода. И тут, как его предупреждали, надо смотреть в оба. А это что такое? Фам Лань так и замер, боясь сделать шаг вперед. Он отступил на шаг. Присел на корточки и стал внимательно осматривать тропу. И только глаз разведчика, да еще заранее предупрежденного о разных хитростях, помог ему увидеть, как под видом лианы тянулась, уходила в сторону смертельная улавка.

Фам Лань вытер густо выступивший пот со лба, ослабленно опустился на землю. «А ведь так можно и не дойти до цели, — подумал он в который раз. — Эта ловушка, возможно, сделана новичком, раз я ее заметил. Другие могут не остановить моего внимания». Он почувствовал, что не может встать с земли, что ему страшно. Страшнее, чем в бою. А идти надо. Он поднялся, осмотрелся кругом и будто через самую ядовитую змею осторожно перешагнул через «лиану». Едва ли он сделал полсотни шагов, как кто-то невидимый приказал ему остановиться на месте, не делать ни одного шага вперед. «Опять ловушка», — подумал он и увидел, как двое парней или мужчин в темном одеянии, один с винтовкой, а другой с древним арбалетом, вышли из-под полога леса. Оружие они направили на него. Дрожь пробежала по телу, когда представил, как легко спустить предохранитель арбалета, заряженного, как он знал со слов това-

рища, инструктировавшего перед выходом в путь, стрелой с отравленным наконечником.

— Кто вы такой? Куда и к кому идете? — парень, выглядевший моложе своего напарника с арбалетом, довольно хорошо говорил по-вьетнамски.

На первый вопрос Фам Лань решил не отвечать, поскольку пока не знал, с кем имеет дело. На второй ответил, что идет к знакомому своего отца, уважаемому Ин Баю.

— Что за дело у вас к нему? — все так же строго прозвучал вопрос парня с винтовкой.

— Я об этом скажу уважаемому Ин Баю, — ответил Фам Лань.

— Чтобы попасть к старейшине Ин Баю, — сказал парень, — у вас должен быть какой-то предмет со знаками Ин Бая. Без такого пропуска вам дальше не сделать и шагу.

Фам Лань вынул из кармана трубку и подал парню.

Тот осмотрел ее внимательно со всех сторон, зачем-то прижал трубку к щеке, подержал несколько секунд, а потом вернул ее Фам Ланю.

— Я — Сен Бай, — сказал он, — сын старейшины, а это мой друг. Мы охраняем подход к нашей деревне. Сейчас я вызову смену, и мы отправимся к отцу, — парень приложил горсточкой сложенную ладонь к губам и прокричал три раза голосом какой-то птицы.

Почти сразу из глубины леса донеслись четыре ответных крика.

— Вот уже смена вышла. Сейчас будет здесь.

Через несколько минут, словно темные призраки, не вышли, а будто выросли из земли еще два парня в таком же темном одеянии, как и сын Ин Бая, в тюрбанах на головах и непонятно из чего сделанных сандалиях, то ли из коры, то ли из жесткой травы. Фам Лань неожиданно вспомнил, может не совсем к месту, что вот такие же он видел однажды в Историческом музее в Москве и назывались они — лапти.

Сен Бай заговорил со сменщиками на непонятном языке, медленным скупым жестом обвел вокруг себя, а парни следили глазами за его рукой, по-прежнему сохраняя молчание и безразличие к присутствию в столь неподходящем месте постороннего человека. Но безразличие, как отметил Фам Лань, было напускным. По редко улавливаемым взглядам он понял, как хочется этим парням узнать, что же здесь произошло. Выслушав Сен

Бая, который, видимо, был у них за старшего, парни в одно мгновение исчезли с тропы, будто растаяли в воздухе, лишь долетевший до слуха треск сломанной сухой ветки указал направление их движения.

— Теперь,— сказал Сен Бай,— идите прямо за мной, не отклоняйтесь в сторону, а то можете не заметить ловушку.

Несколько раз они останавливались, Сен Бай осторожно проводил Фам Ланя стороной, хотя тот, как ни старался, не мог обнаружить ни малейшей опасности. «Будто идешь по подгнившему мосту,— подумал он.— Есть сваи, есть настил, а ступи чуть в сторону — и провалишься. Только тут, наверное, дело не кончится так легко, как на мостике через ручей или речушку». Наконец они вышли на открытую местность, и Фам Лань увидел селение. Дома на высоких сваях были беспорядочно разбросаны по склонам: то несколько их толпились на пятачке, будто нарочно собравшиеся вместе, то разбегались, оставляя между собой обширное пространство. Между домами темнели, зеленели, желтели обработанные кусочки земли. Фам Лань узнавал кукурузу, суходольный рис, широкие листья табака, маниок. Вокруг домов было много апельсиновых деревьев. Кое-где высоко взметнулись вверх пальмы. Но на них не было плодов, и Фам Лань, привыкший к кокосовым пальмам, не мог определить, что это за деревья.

Сен Бай, бросив какую-то фразу своему напарнику, сразу свернувшему в сторону, повел Фам Ланя к большому по сравнению с другими, стоявшими чуть в стороне, дому. Он ввел его в огороженный забором двор, по которому разгуливали четыре черных свиньи с животами, волочащимися по земле. Поставив винтовку под навесом, видимо специально предназначенным для оружия, потому что на боковых полках лежали принадлежности для чистки винтовок и стояла пустая коробка изпод патронов, Сен Бай извинился и скрылся за домом, откуда до Фам Ланя донесся его гортанный крик, может быть, условный сигнал отцу.

Ин Бай появился во дворе очень скоро. Он поклонился Фам Ланю, вставшему при его появлении с обрубка дерева, и медленно, будто подыскивая нужные слова из своего запаса, заговорил по-вьетнамски:

— Мой сын сказал, что вы принесли ко мне послание от моих друзей.

Фам Лань несколько опешил — никакого послания у него не было. Так он и ответил Ин Баю.

Немного жестковатое, прорезанное морщинами лицо, на котором особенно выделялись густые, сросшиеся брови, прячущие острые внимательные глаза, сделалось еще жестче. Он бросил быстрый взгляд на сына.

— Отец имеет в виду трубку, — быстро произнес тот.

— О, виноват, уважаемый Ин Бай, я не подумал, что трубка может быть посланием, — он вынул ее из кармана и подал Ин Баю.

Не произнося ни слова, Ин Бай внимательно осмотрел трубку и знаки, выжженные на ней, а потом опустил ее в карман широких черных штанов, сшитых из самотканого материала.

— Пожалуйста, проходите в дом, — пригласил он затем Фам Ланя к лестнице из десятка ступеней, ведущей на открытую площадку, за которой виднелся вход во внутреннее помещение.

Вокруг низенького продолговатого стола на этой площадке, похожей на открытую веранду, стояли совсем низенькие скамеечки. Настил из толстых расщепленных стволов бамбука покрывала легкая плетеная циновка с цветными квадратами, треугольниками и кругами по всему полю.

— Садитесь, как вам удобнее, — предложил Ин Бай и бросил вниз короткую фразу сыну, будто только и ожидавшему распоряжения.

Неторопливо, степенно, молча Ин Бай то скрывался внутри помещения, то появлялся снова, и каждый раз на столике появлялись глиняные чашки, глубокое блюдо, свертки, перевязанные тонкой бамбуковой драпкой. Движения его были легки, неслышны, кажется, он не ходил, а скользил по скрипучему настилу. Фам Лань отметил, что Ин Бай обладает немалой силой, тренирован, закален. Об этом говорила вся его невысокая, поджарая мускулистая фигура.

Наконец появился Сен Бай с запотевшим глиняным горшком в руках. На лице у него светилась улыбка, которая делала его лицо очень мягким, не похожим на отцовское.

— По нашему обычаю, — сказал Ин Бай, — гостя, который пришел из дальних краев, сначала надо угостить, а потом слушать.

Он налил из кувшина Фам Ланю, себе и сыну какой-то мутноватой жидкости, и предложил выпить за успеш-

ное завершение пути дорогого гостя, и первым выпил до дна. Фам Лань не мог не выпить, хотя он не любил и не умел пить. Но тут были обстоятельства — чужие обычаи, какими бы они ни были, нельзя нарушать или не уважать. Он почувствовал, что его горло обожгло огнем, но остановиться не мог. Поставив пустую чашку на стол, он потянулся за кусочком вяленого мяса на тарелке и поймал на себе внимательный испытующий взгляд хозяина.

— Очень крепкий куклюй,— сказал он с улыбкой.

— Только хороших гостей у нас принято угощать таким напитком,— с оттенком добродушия сказал Ин Бай, так и не притронувшийся к закуске, отчего Фам Лань почувствовал себя несколько неудобно. Хозяин заметил это.— Вы — с дороги, поешьте мяса и вот этого,— Ин Бай развернул листья, перевязанные веревочкой, и подал Фам Ланю что-то, напоминающее пирог из клейкого риса.

Он взял кусочек и ощутил во рту вкус хорошо приготовленного, нежного и приятного теста с примесью ароматных плодов и орехов.

Когда с едой было покончено, Ин Бай начал разговор.

— Вы передали мне послание,— по-прежнему называя трубку не соответствующим ее назначению термином,— от моего верного друга и брата. Он говорит, что человек, который его передаст, нуждается в моей помощи и я должен относиться к нему как к другу и брату.

Фам Лань почувствовал, как груз напряженности, тяжесть и неизвестность ожидания, волнения, пережитые в пути, — все отступило, осталось позади. На сердце стало легко и радостно. Он поблагодарил Ин Бая и стал обстоятельно рассказывать, какую задачу поставило перед ним командование и как рассчитывает оно на помощь уважаемого Ин Бая.

И потянулись дни трудной, изнурительной работы. Фам Лань вместе с Ин Баем или в сопровождении его сына обходил огромные пространства этого края, создавая отряды самообороны, укрепляя уже созданные ранее, нацеливая их бойцов на активную борьбу с противником. Фам Лань был один во многих лицах. Он и обучал владеть оружием, которое захватывали у американцев и марионеточных подразделений или покупали за крепкий куклюй и хорошее угощение у падких до развлечений сайгонских солдат из отрядов особого назначе-

ния, рассказывал, какой политики придерживается партия в национальном вопросе, показывал на примерах, во что хотят превратить Центральное плато американцы. Много сил ушло на подбор командирских кадров. Тут надо было проявить максимум такта, понимания внутренних межплеменных взаимоотношений, скрупулезно учитывать, кто и каким авторитетом обладал у своих соплеменников, кто славился как охотник, а кто — как мудрый судья. И тут Ин Бай, как-то само собой ставший во главе объединенного отряда, оказывал неоценимую помощь. Он, кажется, знал не только свое племя седанг, но и людей банар, чамрэ, эдэ и еще многие другие, со всеми находил общий язык, подсказывая Фам Ланю, кого ставить командиром, кого заместителем, кому доверить разведку, а кому дерзкие налеты на гарнизоны марионеточных или даже американских опорных пунктов. Ин Бай гордился, что Фам Лань с почтением обращался к нему как к командиру сводного отряда, но понимал своим острым, практичным умом, что такого отряда никогда бы не создать, если бы не Фам Лань. Именно он учил деревенских парней, как надо воевать. Смелые, отважные, закаленные в походах по охотничьим тропам, парни легко, с видимым удовольствием воспринимали новую науку. Они быстро овладели даже автоматическим оружием, научились метко стрелять, обращаться с гранатами. Но особенно ревностно относились к своим обязанностям минометчики. После одного налета на опорный пункт горцы притащили в свой лагерь три шестидесятимиллиметровых миномета, уж очень они им понравились по внешнему виду, и попросили Фам Ланя научить их пользоваться новым оружием. Но не было ни одной мины. Что такое мины, горцы не понимали. Тогда Фам Лань выстругал из куска дерева образец мины и показал, как, опущенная в трубу миномета, она летит на любое расстояние, в зависимости от угла наклона трубы. Парни загорелись достать мины. Отряд из десяти человек снова пошел на разгромленный опорный пункт и, к своему счастью, нашел ящики с минами нетронутыми. Захватив с собой семь ящиков с минами, смельчаки вернулись в лагерь и получили по всем воинским правилам перед строем всего отряда благодарность Фам Ланя. Гордости их не было границ. Они же и стали минометчиками. Фам Лань, восхищаясь сообразительностью горцев, в течение нескольких дней обучил их азбуке минометной стрельбы и разрешил

каждому расчету выпустить по одной мине по заранее оборудованным целям. Восторг был написан на лицах всех бойцов отряда, увидевших, каким оружием они обладают.

Когда партизанские отряды были хорошо подготовлены и в боевом отношении, и морально, Фам Лань решил, что пришло время ставить им настоящие боевые задачи. Он собрал всех командиров и рассказал им, что сейчас самое главное в боевой жизни.

— Хорошо бы, конечно, потрепать базу в Митхане,— сказал Фам Лань,— она давно как бельмо на глазу. С нее марионеточные отряды под командованием американских инструкторов совершают карательные налеты на сельские районы, угоняют с собой ваших парней и заставляют их насильно служить своим врагам.

— Сейчас там четыре тысячи горцев,— сказал Ин Бай,— правда, не у всех есть оружие. Сайгонских солдат полторы тысячи и двадцать американцев,— эти сведения были известны и Фам Ланю, их принес один рекрут, сбежавший с базы Митхань.— А если нам послать на базу нескольких наших бойцов,— вопросительно глядя на Фам Ланя, сказал Ин Бай,— пусть они поговорят с горцами и уговорят их помочь нам захватить базу, а?

— И надо обязательно захватить Хью Нгока,— добавил кто-то из командиров,— пора с ним кончать, а то житья от него не стало. Предупреждали его, посылали ему бумагу, а он как бешеный тигр мечется, и где появляется — там горе.

Хью Нгок — бывший полицейский начальник, ему действительно послали на базу предупреждение, что добром его проделки не кончатся. В освобожденной зоне жил его отец, старый почтенный учитель. Он написал сыну письмо с родительским приказом вернуться домой или прекратить бесчинства, но и это на него не подействовало.

— Ладно, Хью Нгок от нас никуда не уйдет,— сказал Фам Лань,— а вот предложение Ин Бая надо обдумать. Мне кажется оно очень мудрым, если, конечно, найдутся смельчаки в отряде, которые попробуют обратиться на базу.

— Об этом не надо беспокоиться. Когда прилетят американские гости и рекрутов выведут для охраны аэродрома, наши ребята смешаются с ними — и никто

не заметит, ведь у горцев пока нет формы, ходят в чем попало.

Фам Лань улыбнулся, представив себе, как его боевые выученики будут занимать место в охранной цепи. А охранять надо было важных гостей. Три-четыре раза в неделю на посадочную площадку базы прилетали вертолеты, и из них на зеленую траву аэродрома высыпали важные визитеры: американские сенаторы, конгрессмены, отставные генералы, видные журналисты. Но самым ярким всегда было появление известных кинозвезд, которых солдаты и офицеры видели не на экране, а живыми, расточающими ослепительные белозубые улыбки, отпускающими шутки на пределе дозволенного. Американские офицеры были обязаны показывать красоту гор, «дикарей джунглей», серебряные водопады, потрясающую прелесть горных ущелий, но при этом не забывать об охране, чтобы со знатными гостями не случилось чего-нибудь неприятного. Любознательные однодневные туристы возвращались домой и рассказывали, как прекрасно это вьетнамское плато, что никаких партизан там нет и в помине и что американским парням хорошо живется в таком здоровом горном климате.

В деревнях, прилегающих к базам и опорным пунктам, американским инструкторам с огромным усилием удалось создать отряды самообороны. Роздали тысячу десять винтовок и автоматов, а через некоторое время обнаружили, что больше половины их исчезло, часть даже вместе с владельцами. Как доносят агенты, оружие оказывается у Вьетконга, против которого оно предназначалось. А теперь вот на базе собрали четыре тысячи рекрутов. Их, оказывается, надо учить владеть оружием, воевать.

— Научим на свою голову. Этот сброд дикарей,— говорили американские офицеры, не скрывая презрения к горцам,— надо держать за колючей проволокой да под усиленной охраной.

Но еще больше поразило американских инструкторов, когда они узнали, что горцы, получившие у американцев оружие, часто отдавали его как бы взаймы партизанам, которые давали слово, когда американцы решат проверить, все ли оружие на руках,— о таких проверках местные жители узнавали почти сразу, как только принималось решение об этом,— возвращать винтовки и автоматы людям, за которыми они записаны.

— А на кого записаны?! — возмущались американ-

ские офицеры.— Ни фамилий, ни имен, ничего не разберешь, как у американских индейцев. Вот полюбуйтесь, автомат М-16 выдан человеку, который, как выяснили через переводчика, носит кличку Ободранная Голова. Оказывается, во время охоты на него когда-то напал тигр и едва не снял скальп. Попробуй найди эту Ободранную Голову. Сам голову потеряешь.

План партизанских командиров удался. Двум десяткам бойцов разных национальностей удалось внедриться на базу. Правда, один из верных слуг, сайгонский капрал, мечтавший отличиться и выслужиться, стал слишком подозрительно присматриваться к посторонним, новичкам, которых ранее не замечал, расспрашивать их, как они попали на базу, что думают здесь делать. Рвение предателя было оценено по достоинству: его нашли мертвым на дорожке, которая вела в домик представителя сайгонской контрразведки. Впрочем, это не вызвало ни особой тревоги на базе, ни переполоха: дикари не поделили добычу, решили офицеры штаба.

Переполох вызвало восстание на базе. Две с лишним тысячи рекрутов, часть которых была с оружием, окружили штаб базы. Они перебили офицеров, давно вызывавших возмущение горцев, предупредили сайгонских солдат, что их ждет такая же участь, если они попробуют сопротивляться, и что лучше будет, если они уберутся с базы вообще. Солдаты не заставили себя уговаривать, покинули базу и направились в более надежное место.

Но прежде чем их отпустить, восставшие по совету вновь прибывших партизан разыскали среди сотен солдат Хыу Нгока. Куда подевалась его заносчивость, презрительный взгляд, высокомерие. Он лебезил, падал на колени, просил простить за прошлое. Теперь он понял, что принес много бед. Отца не послушал, а он правильный совет давал. Предупреждениям не внял, а они были серьезные.

Сен Бай, руководивший допросом полицейского, испытывал отвращение, глядя на его лицо с большим, будто имбирный корень, носом и огромным жабым ртом, в котором неприятно торчали большие и неровные желтые зубы. Прыщеватая кожа лица была покрыта нездоровым румянцем, переходившим на скулах в багровый цвет.

Он просил пожалеть его родителей, которых ему надо кормить в старости,

— А почему ты не жалел людей? — спросил его Сен Бай.— Ты сколько расстрелял и ни у кого не спрашивал, надо им кормить родителей или нет.

Полицейский подполз к нему на четвереньках. По его дряблым щекам текли слезы.

— Да отпусти ты этого слизняка, смотреть противно,— сказал Сен Баю один из рекрутов.

— Ладно,— согласился Сен Бай,— уходи, чтобы глаза тебя не видели. Но если возьмешься за старое, пощады не проси.

Кланяясь, пятясь задом, то ли ушел, то ли уполз полицейский, уже не чаявший, что его оставят в живых. Едва веря в спасение, он все-таки подумал, что он бы такой глупости не сделал, его бы никто не разжалобил.

Восставшие захватили в качестве заложников американских инструкторов во главе с полковником Фрондом, заняли американскую радиостанцию и передали по ней ультиматум в Сайгон: немедленная автономия горцам. Если этого не будет, американских офицеров ожидает расстрел. Полковник Фронд начал вести маневры, чтобы выиграть время. До своего пленения он успел сообщить, что происходит на базе, и попросил выбросить десант для усмирения взбунтовавшихся дикарей.

Встретившись с комитетом, руководившим восстанием, Фронд говорил, что все беды горцев идут не от американцев, а от вьетнамцев, сидящих в Сайгоне. Если бы смелые горцы порвали с Сайгоном, то американцы могли бы платить им больше денег и лучше кормить их.

— Нам сайгонские власти нравятся еще меньше, чем вам,— проникновенно говорил полковник Фронд,— они погрязли в пороках, грабят государство. И мы тоже требуем от Сайгона предоставить горцам автономию, пусть вы сами распоряжаетесь своими землями, охотничьими угодьями. Если вы разрешите нам, американцам, покинуть базу, мы немедленно отправимся в Сайгон и посоветуем президенту Джонсону добиться удовлетворения ваших требований.

И члены комитета поверили словам полковника, одевшегося для беседы с ними в парадную форму со всеми орденами. Они разрешили американцам взять два «джипа» и один бронетранспортер и покинуть базу, чтобы быстрее добраться до Сайгона.

Через два часа после удачного спасения полковник Фронд командовал двумя батальонами десантников, брошенными на расправу с горцами. Восставшие очень

скоро поняли свою ошибку, они взорвали склады, вывели из строя два десятка вертолетов, захватили сколько могли оружия и разбежались по своим лесным селениям. Более четырехсот из них пришли в лагерь Ин Бая и попросили принять к себе.

База в Митхане перестала существовать. Американское командование решило не восстанавливать ее, а сайгонская администрация без помощи американцев и вовсе не решалась брать хлопотное дело на себя, оно не очень доверяло своим солдатам вообще, а рекрутам из горных племен — тем более. В своих отношениях к горцам оно придерживалось того же мнения, что и полковник Фронд: нельзя доверять оружие дикарям.

Еще с месяц пробыл Фам Лань в партизанском отряде горцев. Он подробно информировал штаб фронта, как выполнил поручение, сколько привлек к активной борьбе верных людей, и попросил прислать опытных командиров, потому что, как он сообщил, это крупное, хорошо вооруженное формирование может стать не просто партизанским, а настоящим воинским подразделением. Он высоко оценивал качества горцев как воинов, их смекалку, храбрость и сочувствие идеям, о которых он все это время не уставал повторять.

В ответном послании, от имени заместителя главкома, высоко оценивалась проделанная им работа, сообщалось, что группа командиров для помощи воинам-горцам будет послана в ближайшее время в район дислокации отряда. Ему было приказано вернуться в штаб фронта для получения нового задания.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Чем больше нарастал накал вооруженной борьбы от реки Бенхай на севере до дельты Меконга на юге, тем неувереннее становилась жизнь в Сайгоне. В сайгонской администрации проходили непрерывные перетряхивания министерств, смещались со своих постов военные, заменялись губернаторы провинций, за малейший намек на критику режима закрывались газеты. Особенно подозрительно относились власти к интеллигенции, открыто выражавшей свои радикальные взгляды. В канун нового, 1967 года сайгонская контрразведка провела «санитарную обработку» города. За тюремную решетку было посажено 4790 человек, именуемых опасными элемента-

ми, которые могли испортить и веселое рождество, и счастливый Новый год.

В обстановке общей неуверенности, когда люди не знали, что будет с ними завтра, необычайно бурную деятельность развили предсказатели судеб, гадалки, хироманты, астрологи. К ним стали обращаться торговцы, чтобы узнать, стоит ли им держать капиталы в местных банках или заранее перевести их в Нью-Йорк, Париж или Сидней. Как наркотическое средство успокоения принимали их прогнозы политические деятели, не знавшие, как себя вести, кого поддерживать и с кем отказаться от общения. В газетах, специально издаваемых бюллетенях появлялись самые необыкновенные объявления.

Мадемуазель Кларе, долго содержавшая увеселительное заведение в районе старого рынка, с помощью волшебных карт, хрустального шара и астрологических знаков бралась предсказывать все, что вас интересует. Единственное ее условие для успешного гадания — сообщить место и время рождения с точностью до часа и перевести предварительно на ее счет в банке определенную сумму.

Профессор магии Нгуен Тьюнг просил связаться с ним по телефону в любой день, кроме воскресенья, и не ранее, чем будет сделан перевод гонорара. Зато полная гарантия безошибочного предсказания судьбы, потому что профессор открыл невиданные возможности читать книгу жизни каждого человека по совершенно новым предметам оккультного искусства.

Мисс Фи Ван сообщала, что она принимает в своей квартире ежедневно, без выходных и перерыва, и не только предсказывает судьбу, но и дает рекомендации, как ее лучше устроить. Как бы между прочим она добавляла, что, несмотря на свою молодость и небесную красоту, что вроде бы не вяжется с представлением о гадалках, она наделена особым даром предвидения. И еще: мисс Фи Ван просит женщин не беспокоить ее.

К услугам высших чиновников сайгонской администрации были, естественно, и самые высокооплачиваемые предсказатели, способные в мелких разрозненных фактах разглядеть тот, который как раз и таит самое сокровенное, самое главное, что не могут заметить хироманты и астрологи, наделенные менее проницательным взглядом видеть сквозь время.

Премьер-министр южновьетнамского правительства Нгуен Као Ки, почувствовавший, что президент Нгуен Ван Тхиеу оказался более сильным и властным, чем он рассчитывал, по своим собственным приметам все больше убеждался, что новый год вряд ли принесет ему те лавры триумфатора, безраздельного правителя страны, на которые он нацелился и имел, кажется, все основания рассчитывать. И тут никакой, пусть даже самый титулованный предсказатель ничего не мог поделать. Он считал себя более мудрым провидцем будущего, чем все самые именитые специалисты в этой области, вместе взятые. Умение Ки читать и предсказывать будущее опиралось не на кривые или прямые линии руки или положение звезд на небе, а на закрепление своих людей на самых важных постах, на преданные воинские подразделения, особенно авиационные и воздушно-десантные, на точное знание того, что творится в окружении президента, какие вынашиваются идеи и ведутся интриги. Один из адъютантов Тхиеу, получавший большую зарплату от премьера, чем от президента, держал Као Ки в курсе всех закулисных дел во Дворце независимости. Премьер пытался нейтрализовать их вредное для себя последствие, но стал замечать, что между ним и американцами отношения понемногу расстраиваются. Внешне будто ничего не изменилось: все та же любезность, все та же реклама в прессе каждого шага премьера. Но если подумать, проанализировать отдельные разрозненные факты, картина углубляющегося раскола становится все более очевидной.

На одном из многочисленных приемов высшей знати посол Лодж, будто случайно, отвел премьера в сторону, стал схематично, не вдаваясь в детали, говорить о новой конституции, проект которой несколько дней назад премьер лично прислал на бульвар Тхоннат. Конституционная комиссия, возглавляемая фактически премьер-министром, сделала все, чтобы рядом статей усилить исполнительную власть премьера и ограничить законодательные функции президента. По проекту, который Нгуен Као Ки послал Лоджу, выходило, что премьер, игравший последние три года более активную роль в делах государства, чем президент, ничего не приобретал нового, разве самую малость. Зато протокольные функции, блеск внешних президентских атрибутов власти усиливался. На этом фоне могла оказаться не очень заметной зависимость президента от премьера.

Однако американские юристы, натеревшие в толковании законов и в распутывании самых запутанных юридических положений, быстро разобрались в новом проекте, увидев в нем подкоп под статус президента, что могло бросить тень на американскую систему правления, отвечающую самым высоким требованиям демократии свободного мира.

— Мы с глубоким интересом, господин премьер, изучили проект конституции, любезно предоставленный вами для ознакомления. Наши специалисты государственного права дают проекту самую высокую и лестную оценку.

Нгуен Као Ки почувствовал, как внутри у него поднимается радость, он был уже готов выразить благодарность послу, как тот вылил на него добрый ушат ледяной воды.

— Есть только одно замечание,— по-дружески держа премьера под руку, проговорил посол,— но оно не принципиального, скорее процедурного характера. Надо несколько четче выразить правильную мысль, заложенную в проекте,— о первичности законодательной власти. Повторяю: комиссия прекрасно поработала над проектом. Верю, что тут не обошлось без вашего, господин премьер, острого ума и глубокого понимания роли демократических принципов государства. Но небольшие уточнения формулировок сделают конституцию выдающимся документом, и ваше имя займет в истории место рядом с великими законодателями.

Лодж, с выражением преувеличенной радости направившийся к какому-то второразрядному дипломату, оставил, любезно извинившись, премьера беседовать со своей супругой, все сказал не столько словами, сколько тоном, которым они произносились. Беседуя с первой леди дипломатического корпуса, премьер будто ощутил подземный толчок. Он вспомнил полученное в канун Нового года анонимное письмо, в котором были почти пророческие слова: «В год козла и земли чрезвычайная прыть может привести к тому, что земная твердь выскользнет из-под ног». Тогда он подумал, что эта цитата из какого-нибудь гороскопа. Теперь он понял, что тут пахнет другим.

Через несколько дней после памятного разговора посол сообщил, что президент Соединенных Штатов, отмечая выдающиеся заслуги премьер-министра Республики Вьетнам в совместной борьбе за идеалы свободы и де-

мократии, удостоил его высокой награды, вручить которую президент рассчитывает лично в Гонолулу.

Принимая поздравления, Нгуен Као Ки не переставал думать, почему же все-таки стали падать его акции. Награда — это лишь оболочка горькой пилюли, сама пилюля — это ставка, видимо, на его противника — Тхиеу. Может быть, причиной этого были его высказывания в адрес американцев, подвергающие сомнению их методы ведения войны с Вьетконгом и Ханоем? Но он же критикует Вашингтон не с тех позиций, которых придерживаются даже их верные западные союзники, шокированные якобы бесчеловечностью войны, слишком варварскими ее методами. Он, премьер Республики Вьетнам, не устает повторять, что Америка должна ужесточить свои удары, стереть в порошок так называемую Демократическую Республику Вьетнам, не оставить в ней камня на камне. А когда она будет сломлена, поставлена на колени и прекратит существование как политическая сила и тыл Вьетконга, тогда не будет никаких трудностей для наведения порядка в Южном Вьетнаме, где не должно быть ни одного коммуниста. Вытравить даже мысль о коммунизме! Но делать эту нелегкую работу надо, не дожидаясь, когда Ханой упадет на колени и попросит пощады. Поэтому, как говорят все, талантливый генерал Нгуен Као Ки в прошлом году на встрече в Гонолулу бросил мысль об увеличении численности американского экспедиционного корпуса и расширении зон бомбардировок и применении отравляющих веществ для уничтожения вьетконговских баз. Но ведь такого же мнения придерживается и генерал Уэстморленд, бомбардирующий Пентагон просьбами о посылке дополнительных войск.

Вполне возможно, кое-кому из высокопоставленных американцев не нравятся его высказывания, им, вероятно, стыдно, что, бросив силы на подавление заразы коммунизма в Южном Вьетнаме, они не добились больших успехов, сами подставляют свои бока под удары обнаглевших вьетконговцев. Именно об этом Ки говорил недавно с вице-президентом США, посетившим Сайгон. Беседа была дружеской, непринужденной. Премьер старался вести ее так, чтобы вице-президент не почувствовал никаких тревожных ноток. Премьер шутил, вспоминал свою учебу в военной академии в США. Потом неожиданно спросил:

— Да, господин вице-президент, вы можете себе

представить такую ситуацию: мы сидим с вами вот в этой уютной комнате, ведем дружескую беседу, а окопавшиеся за стеной коммунисты готовятся взорвать нас с вами?

Вице-президент рассмеялся, но смех был натянутый.

— При желании представить можно даже такую ситуацию, но мы же не за этим прислали вам на помощь свои дивизии. Поэтому вашу шутку я расцениваю как крайне гиперболическую.

Нгуен Као Ки согнал с лица сладко-вежливую улыбку.

— В нескольких километрах от этого дворца, господин вице-президент, находится одна из сильных баз коммунистов — район Кути. Мы просим, чтобы американское командование взялось за ее уничтожение.

— Простите, господин Ки, — сказал вице-президент, — мы помогли вам создать сильные, прекрасно вооруженные армию и полицию. Неужели они не могут справиться с внутренними врагами, окопавшимися, как вы говорите, рядом с президентским дворцом?

— Не могут, — откровенно признался премьер, — нет у них таких сил, чтобы справиться. Мы ведем аресты, но всех не арестуешь, да и что толку в арестах?

На память Нгуен Као Ки пришли протоколы допросов арестованных, «самых заядлых коммунистических агитаторов», как писал начальник полиции в сопроводительном письме. И что же говорят арестованные? «Мой муж был на рисовом поле. Полицейские схватили его и стали спрашивать, не знает ли он, где поблизости прячутся вьетконговцы, и нет ли у него сыновей, которые ушли с ними. Мой муж — простой крестьянин, откуда ему знать о каких-то вьетконговцах? Тогда полицейские стали его пытаться, но он все равно ничего не мог сказать. И они его закололи штыком. За что?»

Нгуен Као Ки вспомнил, что на полях этой бумаги написал: «За то, что он коммунист. И жену бы отправить вслед за ним». Возможно, полицейские выполнили это распоряжение.

Или еще: «Мы тут живем с незапамятных времен. Мои отец, дед и прадед и все родственники работали на этой земле. Здесь лежат их кости и будут лежать, даже если эти дьяволы-янки и их вьетнамские прихвостники разворотят могилы своими бомбами, снарядами и танками. Я тоже буду здесь жить и ждать, когда уберутся проклятые янки. А если погибну от их бомб, то по край-

ней мере мои кости останутся на той же земле, в которой похоронены кости моих предков». Начальник полиции сделал к этому приписку: «Расстрелян как ярый коммунист». Премьер добавил: «Правильно!»

Ожили перед его глазами страницы протокола. Они вызвали серьезную тревогу. Люди, которые так думают, так говорят на допросах,— враги. Если победят, они не пощадят ни полицейского, который вел допрос, ни самого премьера. «Мы сеем столько, сколько надо, чтобы жить. У нас уже нет скота, американцы уничтожили наши плуги. Они пахут нашу землю бомбами и снарядами. Мы будем питаться травой и кореньями, будем есть землю, если придется, но никогда не оставим могил наших предков. И если надо, мы будем сражаться, и наши сыновья и внуки будут сражаться до тех пор, пока янки не уберутся с нашей земли». Старик, как сообщил полицейский, было около семидесяти лет. Его расстреляли. И правильно сделали. Разве таких можно переубедить? Полицейские и солдаты, навстречу которым выходят вот такие старики и женщины с детьми на руках, теряются, не решаются стрелять, а иногда и уходят с оружием в ряды Вьетконга. Тут только американцы могут сказать свое слово.

Эти мысли мгновенно пронеслись в голове Нгуен Као Ки, когда он отвечал на вопрос вице-президента.

— Психологический и национальный фактор, господин вице-президент,— добавил он,— еще не вытравлен из сознания солдат. Это наш недостаток, который мы стараемся исправить, внушить каждому из них, что враг — это не только вьетконговец с оружием в руках, но любой, кто заражен коммунистической идеологией. Такой, может быть, даже более опасен. Он выводит из строя солдат не винтовкой, а отравленными словами. И вы знаете, господин вице-президент, они пагубно действуют на серую массу вчерашних крестьян.

— Я вас понимаю, господин Ки. Постараюсь поговорить с нашими специалистами и помочь вам.

На совещании в штабе Уэстморленда вице-президент рассказал о беседе с премьером Ки и выразил удивление, почему американские спецслужбы и войска особого назначения до сих пор не покончили с коммунистической базой, находящейся под боком у Сайгона.

— Если мы будем равнодушно и спокойно наблюдать за событиями вокруг, то может наступить день,

когда коммунисты сброснутся даже в наших штабах,— сказал он.

— Я не уверен, господин вице-президент,— с солдатской прямотой сказал Уэстморленд,— что их нет среди нас.

— Что вы имеете в виду, генерал? Я что-то не понял вас.

— Предпринятое нами в конце прошлого года наступление на основные силы Вьетконга в зоне дороги номер тринадцать, несмотря на тщательную подготовку, окончилось неудачно. Судя по тому, как развивались события, противник не только был предупрежден о готовящейся операции, но и имел подробный план ее, включая схему расположения наших подразделений. Это позволило ему предупредить наш удар и нанести нам серьезный ущерб.

— Министр Макнамара рассказывал мне о вашей неудаче, но я не думал, что здесь сыграла роль утечка совершенно секретной информации. Вы проверили всех, кто имел к ней доступ?

— Очень ограниченный круг людей, стоящих вне всяких подозрений.

— Но тем не менее утечка произошла?

— В контакте с нами работают высшие вьетнамские офицеры, которых мы тоже не можем ни в чем заподозрить, да они и не были посвящены целиком в план операции, поскольку вьетнамским батальонам в ней отводилась десятистепенная роль.

— Тем печальнее, генерал, что сорвана операция, задуманная как чисто американская. Из этого надлежит сделать самый глубокий вывод.

— Мы сделаем, господин вице-президент, тем более что это не единственный пример.

— Что, есть и другие? — недовольным голосом спросил вице-президент.

— Да, сэр. Очень хорошо спланированная вторая операция с базы Фусань имела целью нанести сильный удар по противнику. Но авиационные силы и отряды морской пехоты попали пальцем в небо, хотя сами понесли потери. А операцией практически руководили генералы Райтсайд и Лэнсдейл. Расследование показало, что и здесь имела место утечка информации, но на каком участке — выяснить не удалось.

— Тем хуже, генерал, тем хуже. Я понимаю генерала Ки, беспокоящегося из-за того, что под боком у него,

да и у вас, генерал, находятся крупные силы противника, а вы почему-то миритесь с этим. Надо уничтожить этот нарыв, эту раковую опухоль, пока она не перекинулась на здоровое тело. Подумайте над этим, генерал.

— Конечно, господин вице-президент. Но я еще раз прошу вас — теперь вы знаете положение в Южном Вьетнаме досконально, — польстил Уэстморленд высокому гостю, — содействовать принятию решения о посылке дополнительного контингента войск. Без этого мы бьем растопыренными пальцами, а нужен мощный кулак Кассиуса Клея.

— Это я постараюсь сделать, генерал, только не ссылайтесь на чемпиона мира по боксу. Он, кажется, скоро предстанет перед судом за то, что отказывается приехать со своими кулаками вам на помощь. Придется вам обходиться без него.

После отъезда вице-президента Уильям Уэстморленд приказал бросить против мощной базы сопротивления — «железного треугольника Кути», как его называли сами жители, вторую бригаду 25-й американской дивизии. Когда командир бригады попробовал возражать, объясняя, что бригада понесла серьезные потери в последних боях и нуждается в отдыхе и пополнении, Уэстморленд не согласился с ним.

— Вот и пусть отдыхает под боком у Сайгона. Прибавим вам южнокорейский батальон, подбросим артиллерии. Но не позже чем через месяц, нет, — генерал посмотрел на календарь, — ровно через двадцать дней я хочу услышать доклад, что с коммунистами покончено. Этот вопрос может возникнуть на встрече в Гонолулу, а мне было бы очень неприятно, полковник, краснеть за вас.

Вторая бригада действительно получила мощное огневое подкрепление. Она расположила свои батареи по периметру района, взяв под прицел каждую общину, и начала планомерное их разрушение. За двадцать дней она выпустила 180 тысяч снарядов, не считая того, что при малейшем появлении признаков жизни над районом Кути появлялись вертолеты и сбрасывали свои бомбы, обстреливая каждую деревню из крупнокалиберных пулеметов.

Казалось, что нет и не может быть ничего живого на перепаханной, вздыбленной снарядами и бомбами земле. Так и доложил командир дивизии генералу Уэстморленду, отправляющемуся вместе с послом Лоджем на

совещание в Гонолулу. На второй день после прибытия на Гавайи Уэстморленд получил зашифрованную телеграмму о том, что вторая бригада подверглась нападению Вьетконга. Уничтожено 37 тяжелых орудий, убито и ранено пятьдесят девять солдат и восемь офицеров американской армии. А вся кампания карательных акций, получившая кодовое название «Падающий кедр», продолжавшаяся три недели и ставившая цель разбить силы освобождения, занимающие ключевые позиции в непосредственной близости от Сайгона, обошлась очень дорого Америке. В этой операции принимали участие солдаты 1-й и 25-й пехотных дивизий и 176-й бригады морской пехоты. Им было придано 45 артиллерийских батарей, танковые подразделения, бульдозеры, авиационные силы поддержки. Две с половиной тысячи солдат и офицеров Соединенных Штатов отправились домой в цинковых гробах. На полях сражений осталось 149 боевых машин разного назначения. Сожжено 28 самолетов, уничтожены десятки орудий. Военный обозреватель агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл писал в связи с этим из Сайгона: «Правительства Америки и Южного Вьетнама понесли одно из самых позорных на сегодня поражений. Это еще не Дьенбьенфу, однако события, имевшие место в дельте Меконга, выглядят прелюдией к нему». И далее он делал вывод, больно ударивший по самолюбию и самолюбию командующего экспедиционным корпусом: «Сейчас силы Вьетконга, как представляется, получают столь могучую поддержку народа, что кажется невероятным, чтобы какому-либо деятелю удалось пошатнуть их».

Уэстморленд опасался, что вопрос об этих потерях, которые ничем не компенсировались, будет поднят президентом или кем-нибудь из его приближенных. Но до президента, видимо, еще не дошли эти сведения, а помощники считали, что вылезать раньше него все равно что ставить самому себе подножку. Так, к удовлетворению командующего экспедиционным корпусом, неприятный вопрос не стал предметом обсуждения. На совещании, рутинном по своему характеру, снова говорилось о том, как остановить рост освободительного движения, подавить Вьетконг, захвативший огромную территорию Южного Вьетнама и начавший проводить там реформы, особенно земельную, способную оказать разлагающее влияние на настроение сельского населения, находящегося под контролем правительства.

Президент Джонсон посоветовал лидерам Сайгона предпринять какие-то шаги по завоеванию симпатий и поддержки населения. Но никому не приходила в голову спасительная мысль, которая сразу бы свела на нет сильные ходы коммунистов. Нгуен Као Ки просил усилить американский экспедиционный корпус, начать еще более решительные бомбардировки районов, находящихся под контролем Вьетконга, и усилить давление на Ханой. Президент Тхиеу сказал, что намерен начать кампанию пропаганды единства всех слоев населения в защиту свободы, религии и человеческих прав, чтобы подготовить людей к переходу к еще более демократическому правлению. Эта фраза вызвала саркастическую улыбку не только Макнамары, но и Нгуен Као Ки, увидевшего в потугах Тхиеу желание хоть чем-то выделиться на фоне генералов, требующих усиления военного фактора.

Но Линдон Джонсон поддержал Тхиеу, сказав, что проект конституции, с которым он ознакомился, отвечает духу и идеалам демократии Запада и позволит снять с правительства выдуманное врагами обвинение в нарушении демократических основ государства.

— Мы в Америке,— сказал он,— с большим вниманием следим за тем, как уважаемые президент и премьер-министр, не жалея сил, совместно и согласованно работают, чтобы восторжествовали благородные идеалы, органически присущие свободному человеку в свободном мире.

И это вызвало у Макнамары и Ки внутреннее возражение, хотя и по разным причинам. Премьер Ки считал, что, если бы не Тхиеу, он давно бы привел Вьетнам к спокойствию, пусть даже ценой нескольких миллионов жизней. Макнамара же считал, что президент Джонсон безосновательно превозносит единство президента и премьера сайгонского режима. Перед отлетом на Гавайи он прочитал большую статью известного французского журналиста в «Фигаро», который писал в связи с очередным приглашением сайгонских лидеров на переговоры в Гонолулу: «Существует только внешность государства. Административные учреждения развращены и бессильны. В правительственных органах войне против Вьетконга уделяется меньше внимания, чем гнусным интригам с целью вытеснения соперников. Всем уже ясно, что генералы Тхиеу и Ки, глава государства и премьер-министр,— заклятые враги. Каждый из них вниматель-

но следит за противником и ждет, когда тот сделает такую глупость, которая поможет вышибить его из седла и устранить от управления страной. Сейчас трудно сказать, кто из них окажется проворнее и хитрее в борьбе за власть, но несомненно, что эпоха враждебного двоевластия подходит к концу. Как писал один мудрый американец, — «Боливар» не выдержит двоих». А «Боливар» сегодня — это многострадальный народ Южного Вьетнама. И он несет не двоих. Есть еще и третий — воюющая против него Америка».

На совещании было решено начать строительство мощной оборонительной линии вдоль 17-й параллели, которая должна, с одной стороны, помешать инфильтрации Вьетконга и переброске оружия и техники на Юг, а с другой — обеспечить наблюдение за противником с помощью современного электронного оборудования, способного в кратчайший срок обнаруживать изменение обстановки по другую сторону демаркационной линии, замечать готовящееся наступление. Эта сложная система обороны получила название «линии Макнамары», поскольку ему в голову пришла мысль отгородить Южный Вьетнам от Северного непреодолимой преградой.

В течение двух весенних месяцев всеми возможными способами шло уничтожение не только лесов, но и всей растительности. Бульдозеры сравнивали с землей деревни, плантации цитрусовых, сады. На ровном месте возводились мощные многослойные заграждения из колючей проволоки. На специальных фундаментах монтировалась электронная аппаратура, создавались мощные укрепленные посты, способные перекрестным огнем и бомбовыми ударами остановить любого противника.

Когда «линия Макнамары» была сдана в распоряжение действующих войск, сразу начались самые печальные злоключения. Электронная аппаратура не могла ничего засечь: партизаны стали выводить из строя одно звено оборонительной линии за другим. Взрывались блокпосты, сносились большие секции «спиралей Бруно» — самых трудных для преодоления проволочных заграждений, гибли солдаты, несшие охрану линии стоимостью несколько сот миллионов долларов.

Силы освобождения решили ответить на усиление американского присутствия своими контрмерами. Так была разработана операция по разгрому оборонительного вала, созданного американскими инженерными войсками вдоль дороги № 4, ведущей из Сайгона на юг,

в дельту Меконга, где находились мощные военно-воздушные базы США.

Летом здесь произошли крайне напряженные события. Удержать эту дорогу во что бы то ни стало — таково было решение американского командования. Дело не только в том, что она была стратегически важной для проведения кампании по умиротворению беспокойного населения дельты Меконга, но еще и потому, что в опорных пунктах провинций Митхо, Лонган, Кантхо, Шокчанг находились военно-воздушные базы, призванные контролировать положение во всем Индокитае. Отсюда американские отряды специального назначения пытались совершать дерзкие, но безуспешные по своим результатам операции против сильных партизанских районов в лесах Уминь, бывших еще во времена французского господства базой патриотических сил Сопротивления. Эти провинции — основные житницы вьетнамского юга — стали объектами американской химической войны, рассчитанной на то, чтобы лишить отряды освобождения продовольственной базы. Население дельты Меконга, активно поддерживавшее партизан, было главной жертвой, но, несмотря на это, не сдавалось, не прекращало борьбы. Создался четкий социальный водораздел в этом богатейшем сельскохозяйственном районе: дивизии, бригады, батальоны и флотилии американо-сайгонских войск, удерживая дорогу № 4, могли чувствовать себя более или менее безопасно лишь под прикрытием укрепленных военных баз. Выход за их пределы означал всякий раз серьезные материальные и людские потери.

Генерал Уэстморленд и его штаб дивизии приняли решение укрепить гарнизоны, расположенные вдоль дороги № 4 от самого Сайгона до мыса Камау, чтобы добиться стратегической инициативы. Переброшенные две дивизии — 9-я американская и 7-я сайгонская — усилили систему обороны, но ценой ослабления позиций на других участках фронта. Уэстморленд, пытаясь создавать превосходство на наиболее важных, по его мнению, направлениях, напоминал человека, безуспешно пытающегося залатать несколькими лоскутами бесчисленное количество дыр на своем военном мундире.

Мобильные, хорошо знающие положение, получающие поддержку населения, появляющиеся словно призраки там, где их меньше всего ждут, отряды Фронта освобождения, не прекращая совершать беспокоящие

удары по ослабленным участкам фронта, тоже подтягивали силы к узловым пунктам. Оценивая создавшуюся к лету боевую обстановку в Южном Вьетнаме, когда Уэстморленд основную ставку делал на свою полумиллионную армию, предоставив сайгонским частям осуществлять охранные и карательные акции, командование Фронта приняло решение непрерывными атаками на основные пункты связать американские части, лишить их инициативы и маневренности. На военном совете Фронта освобождения, проходившем при участии прибывшего из Ханоя представителя генерального штаба, были определены как наиболее перспективные на южном участке удары по американским войскам на базах Биньдык и Митхо и по занятым в основном охраной коммуникаций частям сайгонской армии.

В приказе по войскам, находящимся в дельте Меконга, была поставлена задача: перерезать основные участки дороги № 4, возвести на ней непреодолимые для танков, бронетранспортеров и другой боевой техники мощные завалы, взорвать мосты, заминировать отдельные участки дороги и поднять их на воздух, когда на них окажется наибольшее число боевых машин.

Завершая подготовку к решающей атаке, саперы сил освобождения прорыли под дорогой шестьдесят траншей на расстоянии километра или чуть более друг от друга и заложили в них мощные заряды взрывчатки. После начала атаки эти заряды были приведены в действие и парализовали магистраль, на которой скопилось огромное количество боевой техники и транспортных средств. Попытка американцев быстро собрать людей на восстановление натолкнулась, как и было рассчитано, на непреодолимое препятствие другого рода: митинги и демонстрации населения против американских бомбежек.

Когда шоссе № 4 было выведено из строя, вооруженные отряды Фронта освобождения начали атаку на военные базы. Артиллерия и минометы сил освобождения подвергли сильному обстрелу военную базу в Биньдыке, где находился тренировочный лагерь сайгонских войск, в котором американские инструкторы готовили к боям специальные отряды, сформированные из наиболее надежных солдат, выходцев из семей богатых землевладельцев и городской буржуазии. Эти солдаты получали зарплату и в южновьетнамских пиастрах и американских долларах, на них делалась большая ставка в ан-

типартизанской войне, разработанной генералом Лэнсдейлом и утвержденной Пентагоном. Лагерю в Биньдыке был нанесен большой урон, его курсанты разбежались, и далеко не всех из них удалось собрать снова. Одновременно с нападением на базу Биньдык началась атака на 7-ю сайгонскую дивизию, брошенную американцами на восстановление дороги № 4. Солдаты дивизии оказали сопротивление американцам, считая, что они посылают вьетнамцев на самое гиблое место и хотят прикрыться ими. На нескольких участках произошли вооруженные столкновения.

Потребовалась целая неделя для того, чтобы американский штаб в Сайгоне оправился от шока и начал организованные действия против сил освобождения. Генерал Уэстморленд утвердил план пяти рейдов по прочесыванию дельты Меконга для уничтожения — уже в который раз! — баз Вьетконга. В этих рейдах участвовало 20 батальонов, одна бригада морской пехоты, ряд подразделений сайгонской армии. Уэстморленд отказался от проведения военных операций только американскими подразделениями. В прочесывании участвовало триста речных судов, вооруженных пулеметами и легкими скорострельными пушками.

Операции отводилась особая роль, о чем Уэстморленд сообщил в Пентагон, до фантастических размеров увеличив при этом силы и потери противника, чтобы оправдать свое поражение и получить новые подкрепления. «Вьетконг, — писал Уэстморленд, — предпринял в дельте Меконга самое массированное нападение на наши военные базы. По данным, полученным от пленных, в операции участвовало такое количество партизан, что наши специалисты оценивают соотношение людских сил как 6:1 в пользу Вьетконга. Это еще раз подтверждает обоснованность нашего требования увеличить экспедиционный корпус по меньшей мере вдвое, чтобы эффективнее противопоставить нашу силу коммунистам.

Американские солдаты и офицеры в отличие от солдат и офицеров наших вьетнамских союзников сражались героически. Они уничтожили тысячи вьетконговцев. Соотношение потерь 1:5 в нашу пользу показывает и мужество, и умение наших солдат. Я принял решение провести прочесывание дельты Меконга силами примерно ста тысяч человек с привлечением к этим операциям подразделений вьетнамской армии, которая в последних боях показала себя не с лучшей стороны».

Начавшееся «прочесывание» напоминало игру в кошки-мышки, в которой американская кошка все время попадала в ловушку. Когда батальоны 9-й американской и 7-й сайгонской дивизий, поддержанные танками и авиацией, начали планомерное наступление на район Кантхо, в их тылу силы освобождения снова вывели из строя сорокакилометровый участок только что восстановленной дороги, на неделю прервав связь Сайгона с базой в Митхо. Было уничтожено 16 башенных блокгаузов и 2 укрепленных поста. Но самым дерзким актом стал налет диверсионного отряда Фронта освобождения на командный пункт американцев, участвующих в «прочесывании». Бойцы диверсионного отряда, идя на риск, связались с солдатами сайгонского батальона, несущего вместе с ротой американцев охрану командного пункта, и убедили их «закрыть глаза» на час-другой, когда отряд ударит по американцам. Постоянно оскорбляемые высокомерием янки, сайгонские солдаты решили, что, оказав помощь Вьетконгу, они проучат американцев. Когда за полночь отряд патриотов вышел на исходный рубеж, охрана сделала вид, что ничего не заметила. Атака была успешной. Американская рота была разгромлена, из ее расположения исчезло более ста автоматических винтовок. Вместе с воинами Фронта освобождения ушло сорок три вооруженных солдата сайгонского батальона.

Генерал Уэстморленд, получив это сообщение, был вне себя от ярости. Он попросил президента Тхиеу принять его по неотложному делу.

— Господин президент,— нарушая весь этикет, начал генерал, едва войдя в кабинет Тхиеу,— я хочу обратить ваше внимание на крайне слабую военную дисциплину ваших подразделений, участвовавших в нашей совместной операции по прочесыванию дельты Меконга. В результате прямого сговора с Вьетконгом ваши солдаты предали нашу роту. Семьдесят шесть американских парней будут отправлены на родину в гробах. У меня нет слов, чтобы определить этот антиамериканский шаг, господин президент.

— Пройдите вот сюда, господин командующий. Вам коньяк, виски, кофе?

Тхиеу будто не замечал гнева генерала. Он действовал строго по древней традиции: что бы ни произошло, не следует выходить из себя. Ведь если произошло, пусть самое неприятное, гнев не восстановит утерянного.

Правоверный католик, президент Тхиеу уважал священные постулаты буддизма, которые предписывают сохранять спокойствие, даже если рушится под ногами земная твердь. Все предопределено небом, и человек бессилен помешать этому предопределению. Спешащий, теряющий самообладание, торопящийся человек выглядит смешным и неразумным, потому что подчиняется сиюминутному, а не вечному. Зачем торопиться и терять рассудок, когда спокойствием и трезвым умом можно легче достичь желаемого.

Рассуждая так, Тхиеу в то же время искал наилучшую форму ответа генералу.

— Так что вы выпьете, господин генерал? — снова спросил Тхиеу, будто и не слышал гневных слов генерала.

— Кофе, господин президент, но это не главная цель моего визита к вам.

— Понимаю, господин генерал. Но за чашкой кофе мы обсудим все спокойнее и, я думаю, найдем наиболее правильное решение.

«Чашка кофе» продолжалась два с лишним часа. Генерал и президент обсудили политическую и военную ситуацию в стране и действительно нашли согласованное решение.

— Спасибо, господин генерал, — горячо пожимая руку командующего, говорил Тхиеу, — именно такие меры могут оказаться самыми правильными в нынешней обстановке.

Проинформировав посла Лоджа о встрече с президентом, но ничего не сказав о принятом решении, Уэстморленд направил в Пентагон телеграмму, в которой излагал предложения, вселявшие в него большие надежды.

«Последние события в дельте Меконга показывают неэффективность действий частей наших вьетнамских союзников. Выполняя второстепенные функции в напряженной борьбе, их солдаты не чувствуют ответственности за происходящие события. Поэтому предлагаем одобрить наш план, который согласован с президентом Тхиеу, о создании на время боевых операций смешанных подразделений, в которых на одного или двух вьетнамских солдат приходился бы один американский. Это будет способствовать поднятию морального духа у союзников, повышению их военного мастерства и усилению нашего контроля за их поведением на поле боя».

Ответ, полученный из Пентагона, создал двойственное впечатление у генерала Уэстморленда. С одной стороны, Макнамара вроде одобрял его действия, а с другой — выражал плохо скрытое раздражение, требовал осуществления несвойственных командующему экспедиционным корпусом функций. Уэстморленд чувствовал, что Вашингтон недоволен сайгонской командой. «Ваши предложения о создании смешанных подразделений для ведения боевых действий представляются целесообразными, но их жизненность может быть проверена лишь в конкретных боевых условиях. Главная ваша задача состоит в том, чтобы заставить южновьетнамскую армию действовать. И не только регулярные части, но и ополчение, и национальную гвардию. Наши траты слишком велики, чтобы мы могли продолжать их без видимого результата. Убедите американское общественное мнение в том, что вьетнамцы хорошо сражаются. И еще настойчивая просьба: примите меры, все равно какие, против продажности раздутого чиновничьего аппарата».

«Видимо, Вашингтон получил донесение разведывательной службы. Надо как-нибудь поговорить с этими ребятами», — подумал генерал, но не как о первоочередном деле, а таком, которое можно обсудить в любое время. Ничего не изменится, если и не обсуждать. Главное было в том, что Вашингтон поддержал так удачно найденное решение о новых концепциях ведения войны во Вьетнаме, которые обещают дать многое, если умело их использовать.

А в Сайгоне скрытно и явно разворачивались сражения другого рода, которые не могли не повлиять на общее развитие обстановки в стране, переживающей серьезный военный и политический кризис.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Отправляясь на совещание в Гонолулу, генерал Уэстморленд испытывал некоторое беспокойство: вдруг зададут вопрос о том, почему несколько операций против Вьетконга, подготовленных с широким размахом, провалились. Особенно последняя, трагедия которой как бы бросила черную тень на все события минувшего года. Генерал даже сам себе не мог ответить на этот вопрос. В самом деле, операция под кодовым названием «Джанкшн-сити», начавшаяся в октябре наступлением на Тэйниньском фронте, в зоне дороги № 13, а затем и

на других участках, была самой крупной. В ней участвовало, не считая южновьетнамских контингентов, 45 тысяч американских солдат, 800 танков и бронетранспортеров, более пятисот самолетов и вертолетов. Потери оказались слишком неравнозначны военному выигрышу.

Главнокомандующий американским экспедиционным корпусом, наделенный неограниченными полномочиями для ведения войны как против партизан Южного Вьетнама, так и воздушной войны против Северного Вьетнама, отдавал себе отчет, что не все идет так, как он рассчитывал, принимая высокое назначение, более высокое и ответственное, чем то, которое было дано его бывшему командиру, командующему американскими войсками в Корее генералу Риджуэю. Он мог достаточно убедительно объяснить, почему воздушные силы несут потери над Северным Вьетнамом. По данным разведки, противовоздушная оборона Вьетнама оснащается все более совершенными русскими ракетами. Они, вероятно, будут поступать все в большем количестве, хотя есть и нюансы, способные ослабить оборону северовьетнамцев. По глубоко засекреченным, но достоверным каналам Вашингтон получил сообщение о том, что китайское руководство намерено закрыть транспортировку вооружения из России во Вьетнам через свою территорию. Тогда у русских останется только морской путь из дальневосточных портов в Хайфон. Но Хайфон уже сейчас подвергается жестоким бомбардировкам, а в будущем их сила может возрасти. И все-таки потери слишком велики.

Уэстморленд вытащил из-под стопки бумаг телексную ленту. «Над Северным Вьетнамом,— прочитал он,— сбито уже более двух тысяч американских самолетов почти пятидесяти ультрасовременных конструкций. Такое количество самолетов может составить мощную армаду развитой индустриальной страны. Япония, например, располагает 1104 самолетами. Во второй мировой войне Соединенные Штаты на всем Тихоокеанском театре военных действий имели всего 593 самолета».

«Японцы,— сердито подумал Уэстморленд,— не могут писать без ехидства о наших неудачах. Никак не хотят смириться с тем, что мы их вытесняем из их зон влияния. Ничего, пусть мирятся. Мы пришли сюда не затем, чтобы помогать им строить великую Азию».

Генерал повертел ленту и резко нажал на кнопку звонка. Помощник появился так быстро, будто материализовался из воздуха.

— Боб,— начал генерал, подавая помощнику телексное сообщение,— откуда японцы знают о наших потерях самолетов над Вьетнамом? Я же дал строгое распоряжение не сообщать никому об этом и опровергать сообщения Ханоя.

— Как раз этими сообщениями они и могли воспользоваться. Ведь Ханой их распространяет на весь мир.

— Подготовьте текст опровержения. Мы направим его через наши каналы в Токио. Там найдутся умные люди, которые поймут, что к чему. Действуйте в духе моего распоряжения. Мы можем указать какую-то нейтральную цифру,— генерал немного подумал и добавил: — Ну, допустим, такую,— он поднял голову к потолку, пошевелил губами,— пятьсот восемьдесят три. Да, да. Ни больше ни меньше.

Помощник удалился, а генерал стал думать, как отвечать на неприятные вопросы, если они возникнут. А они могут возникнуть, потому что и новый, 1967 год начался, мягко говоря, не очень удачно...

Однако ни президент Джонсон, ни его ближайшие помощники не подняли генерала с места и не задали ему убийственного вопроса: почему?

В канун совещания в Гонолулу Пентагон объявил перерыв в бомбардировках Северного Вьетнама. Пятидневная пауза сопровождалась широкой пропагандистской кампанией. Американские информационные агентства снабжали газеты всего мира сообщениями о том, что Белый дом дает Ханой время подумать над предложением президента Джонсона об урегулировании вьетнамской проблемы. Соединенным Штатам нужна была некоторая передышка для подтягивания дополнительных авиационных сил, мобилизации летного состава, сильно поредевшего от полетов над Вьетнамом.

Эта затея с паузой в бомбардировках не нравилась Уэстморленду. Он делал логический вывод, что с открыто пропагандистским предложением Джонсона Ханой не может согласиться, и его в этом поддержат не только русские, но и другие страны, потому что Вашингтон не очень старался скрыть, что его интересует не урегулирование, а выигрыш времени. Пойти на переговоры с Ханоем могла лишь слабая сторона. Америка себя такой не чувствовала, у нее достаточно сил, чтобы победить в войне. «Но наших политиков так и тянет поиграть в благородную игру»,— думал генерал, который был недоволен, что Вашингтон постоянно урезает его требования

на усиление авиационной мощи для нанесения ударов по Северному Вьетнаму и увеличение контингента сухопутных войск для подавления Вьетконга на Юге. И хотя его хорошо понимали те, кто знал, ради чего втянулась Америка в эту войну, у них тоже не всегда были свободными руки.

Еще не закончилась встреча в Жемчужной гавани, когда президент Джонсон объявил: поскольку Ханой отверг его предложение, бомбардировки Северного Вьетнама возобновятся. К тому времени на Тихоокеанский театр военных действий уже были переброшены новые эскадрильи бомбардировщиков. Генерал Уэстморленд получил свободу действий для любых акций стратегической и тактической авиации в полосе от 17-й до 20-й параллели шириной примерно 500 километров, где, по мнению военных специалистов, он мог создать настоящий лунный ландшафт, превратить в пыль и развалины все, что есть в этой зоне. Увеличение численности и технической оснащенности американских дивизий в Южном Вьетнаме обязывало Уэстморленда, как говорилось на совещании в Гонолулу, сломать хребет Вьетконгу, ликвидировать его главные силы, оттеснив их жалкие остатки в труднодоступные горные районы, где они погибли в стычках с враждебно настроенными племенами.

Премьер Южного Вьетнама Нгуен Као Ки прибыл в Гонолулу, тоже крайне недовольный развитием событий. Его выводила из себя очевидная ставка американцев на Нгуен Ван Тхиеу, решивших, видимо, отвести ему, блестящему генералу Нгуен Као Ки, второстепенную роль в управлении страной. Он не хотел уступать позиций, которые занимал в противоборстве со своим противником, но в то же время чувствовал, что позиции эти начинают постепенно слабнуть. Земля еще не зашаталась под ногами, но ее глубинное колебание он ощущал всем своим существом. Недоволен был он и объявленной паузой в бомбардировках Северного Вьетнама и хотел при удобном случае сказать об этом в самых решительных выражениях. Но не успел. Президент Джонсон отказался от паузы, и военно-воздушные силы снова начинали карательные операции.

К концу совещания президент Джонсон, вручив генералу Ки высокую награду США, пригласил его на приватную беседу, во время которой всячески подчеркивал дальновидность генерала, пониманье им существа собы-

тий. В конце беседы Джонсон, взяв его под руку, стал говорить, что рассчитывает на то, что генерал приложит все силы, чтобы этот год стал последним для Вьетконга.

— Нам с вами, генерал Ки, предстоит в жизни решать еще не одну трудную проблему, и потому необходимо быстрее довести до конца разгром противника.

Уходя от президента, Нгуен Као Ки испытывал возвышенное чувство: американцы, как видно, пересмотрели свои взгляды и снова главную ставку делают на него. Это вытекало из доверительного тона беседы президента Джонсона.

Генерал Ки не знал, что через несколько часов еще более секретная и более откровенная беседа в этом же кабинете состоится с Нгуен Ван Тхиеу, которому президент скажет без обиняков:

— С двоевластием, уважаемый господин президент, надо кончать. Мы не зря внесли поправки в конституцию к статусу президента вашей страны. Сделайте все, чтобы под вашим руководством Республика Вьетнам покончила с нестабильностью и распрями, стала настоящим оплотом борьбы с коммунизмом в этом районе. Генерал Ки, видно, очень храбрый человек, но ему не хватает присущей вам государственной мудрости.

Генералы-соперники вернулись в Сайгон, окрыленные поддержкой президента Джонсона.

На третье сентября были назначены президентские выборы, а за полгода до них в верхних этажах сайгонского режима уже бушевали плохо скрываемые страсти. У каждого из соперников, рвущихся к президентскому трону, перед которым, как символ мощи и величия, возвышались на резной подставке из черного дерева могучие слоновьи бивни, подаренные настоящими слонами южновьетнамской экономики — китайскими миллионерами из Шолона, — образовались свои силы поддержки, и никто не мог сказать точно, чем кончится их схватка.

Пользуясь тем, что в его руках пока еще оставались административные функции, позволяющие назначать на государственные посты людей по своему усмотрению, Нгуен Као Ки стал решительно теснить партию южан Тхиеу, заменяя, где только можно, их северянами. При чем северянами автоматически становились и те выходцы с Юга, которые переходили в стан Ки, считая его более перспективным кандидатом на роль диктатора. Застарелый антагонизм между различными кланами южновьетнамских генералов, каждый из которых оброс,

как камень ракушками, сторонниками, рассчитывающими поживиться на этом сожителстве, перерос в сложный конфликт. Даже американский посол Кэбот Лодж, выступавший долгое время в роли третейского судьи, не знал, что делать. Представители Тхиеу и Ки, а то и они сами, буквально атаковали резиденцию посла, стараясь это делать так, чтобы не заметила противная сторона. Но вокруг посольства и резиденции посла Тхиеу и Ки расставили такое количество своих агентов, что они бросались в глаза даже посторонним. Агенты, кстати говоря, довольно спокойно уживались друг с другом и даже делились информацией, чтобы получать за нее большее вознаграждение. Им было безразлично, кто из генералов одержит верх, важно было пользоваться моментом в своих интересах. Они верили, что их положение на служебной лестнице существенно не изменится, будет ли президентом Тхиеу или Ки,— агенты во все большем количестве будут нужны и тому, и другому.

У посла была своя секретная служба наблюдения за сайгонскими лидерами, сообщавшая все более неутешительные сведения. Раздор между президентом и премьером грозил вылиться в вооруженное столкновение, и тогда американские силы могут быть отвлечены от борьбы с Вьетконгом на восстановление порядка в самом Сайгоне. Кэбот Лодж послал в Вашингтон тревожную телеграмму: «Конфликт Тхиеу — Ки создает обстановку, которая в любой момент может взорваться, и развитие событий может принять самое непредвиденное направление. Вполне возможно, что она вызовет волну антиамериканизма, нежелательного вообще, а в этой стране и в нынешней ситуации — тем более. Вызывает серьезную тревогу и то обстоятельство, что сайгонская администрация сохраняет только видимость контроля над городами, да и то лишь потому, что они охраняются американскими войсками. В городах, охраняемых нами, растет недовольство режимом, который занят междоусобной борьбой и неспособен справиться с враждебными акциями Вьетконга, встречающими поддержку населения. Крах режима, маячащий на горизонте, может, если не предпринять определенных и решительных мер с нашей стороны, стать реальностью».

Но от посла требуется не только констатация факта, но и конструктивные предложения. Лодж встретился с Уэстморлендом и представителем ЦРУ в Сайгоне. Они совещались несколько часов и выработали общую ли-

нию, о которой посол сообщил в Вашингтон. Его предложение сводилось к тому, что пост президента Соединенные Штаты должны предоставить Нгуен Ван Тхиеу как человеку более уравновешенному, но вице-президентом необходимо сделать Нгуен Као Ки, генерала, который пойдет до конца в войне и против Вьетконга, и против Ханоя, не останавливаясь ни перед чем. В то же время, в случае непредсказуемого изменения позиции Тхиеу, Ки будет противовесом. Что касается поста премьера, то на него можно подыскать человека после выборов в национальное собрание. Впрямь в один дилижанс Тхиеу и Ки — значит заставить их тянуть этот дилижанс. Оформить такой союз должны южновьетнамские генералы, которые поставят Тхиеу и Ки перед выбором: или они будут вместе работать, или армия найдет других людей на высокие посты. Недостатка в желающих распоряжаться американскими миллиардами в Сайгоне не было.

Посол сообщал также, что распри в сайгонском руководстве — это лишь отражение того, что происходит в обществе. Существует непримиримая вражда между буддистами и католиками, влиятельными сектами као-дай и хоахао, между военными и гражданскими, между вьетнамцами и китайцами.

Все это составляет тугой узел трудноразрешимых проблем. «Если новой администрации,— сообщал посол,— которая будет действовать на основе конституции, не удастся организовать и направить враждующие группировки в русло борьбы с растущим влиянием Фронта освобождения, влияние которого мы уже не можем сбрасывать со счетов, то режим в Сайгоне, какую бы помощь мы ему ни предоставили, долго не продержится».

Сообщение посла вызвало в Вашингтоне серьезное беспокойство. Государственный департамент, располагающий своими источниками надежной информации, составил для президента Джонсона военно-политическое обозрение с анализом не только внутренней обстановки в Южном Вьетнаме, но и с оценкой действий американских войск и самого генерала Уэстморленда.

Государственный секретарь Дин Раск, от имени которого доклад был направлен президенту и Совету по национальной безопасности, хорошо понимал, что он идет на обострение отношений с министром обороны Макнамарой. «Но кто-то,— рассуждал Раск,— должен

сказать правду о неэффективности гигантских военных затрат, о громадных потерях в Южном Вьетнаме, о том, что надо менять и тактику и стратегию войны, чтобы завершить ее не поражением, а победой».

Президент Джонсон не успел прочитать доклада Раска в Вашингтоне и захватил его с собой на тexasское ранчо. Правда, ему предстояло проверить там нелегкое дело — и вряд ли останется время на чтение доклада, но он думал пробежать его по диагонали. Он знал, что разговор с бизнесменами города Остин будет сложным, но, используя свою власть президента и авторитет бывшего политического босса штата Техас, Линдон Джонсон рассчитывал получить контракт на расширение системы телевидения, обещавший президенту солидный доход. Вступая в Белый дом в качестве президента, Линдон Джонсон объявил, что он отдает все свои предприятия в особый фонд, распоряжаться которым будет специальный совет, не информируя президента о своей деятельности. Но тогда Джонсон хитрил, стремился выглядеть респектабельным, не связанным ни с каким бизнесом, делающим президента стороной заинтересованной в той или другой отрасли. Но Джонсон давно примирил свою страсть к деньгам со стремлением быть хозяином Белого дома. Владея состоянием в четырнадцать миллионов долларов, Джонсон, одержимый страстью к наживе, не мог умирить свои аппетиты, став президентом Соединенных Штатов. Наоборот, он решил максимально использовать этот пост для обогащения. Через тexasских юристов, чьи доходы в значительной мере зависели от его благорасположения, он установил контроль над созданным особым фондом и, как и до президентства, продолжал управлять своим разросшимся хозяйством.

На воскресный обед президент пригласил канцлера ФРГ Людвига Эрхарда, думая обсудить с ним ряд межгосударственных вопросов. Только переговорив накануне с тexasскими бизнесменами, Джонсон понял, как некстати этот визит.

Эрхард прибыл в полдень, и до обеда, показывая гостю свое ранчо, Джонсон постарался обсудить большинство намеченных проблем, оставив остальные на послеобеденное время.

Обед был обильным и изысканным. Выйдя из-за стола, хозяева и гости направились в комнату, где уже был сервирован кофе. Едва успели выпить по крошечной

рюмке дорогого ликера, как секретарь, тенью скользящий по толстому ковру, что-то шепнул на ухо президенту.

— Извините,— произнес Джонсон, поднимаясь во весь свой огромный рост над чрезмерно полным и разморенным Эрхардом,— у меня срочный разговор. Прошу вас, господин канцлер, почувствуйте себя как дома, я скоро освобожусь.

И он исчез из комнаты.

Десять, пятнадцать, сорок минут... Уже не раз подавались к столу все новые напитки, легкая закуска, свежий кофе, а Джонсона все не было. Эрхард стал волноваться: не случилось ли чего-нибудь в мире, что требует от президента Соединенных Штатов активного вмешательства. Леди Джонсон, появившаяся в комнате с обворожительной улыбкой на лице, попыталась занять западногерманского канцлера, но почувствовала, что собеседник не очень внимателен к ней, будто прислушивается к тому, что происходит за стенами чайной комнаты. Она стала расспрашивать канцлера о том, как чувствует себя фрау Эрхард, но канцлер отвечал с неохотой, односложно. Отсутствие Джонсона становилось уже неприличным, граничащим с оскорблением, и Эрхард был недалек от решения дать команду ехать на аэродром, когда с улыбкой, с красными пятнами на лице в комнате появился Джонсон. Он подошел к канцлеру, стоявшему у инкрустированного книжного шкафа, заполненного протоколами конгресса за многие годы.

— Извините, господин канцлер, за мое долгое отсутствие. Только что позвонил генерал Уэстморленд из Сайгона и сообщил о некоторых неприятных вещах. Пришлось в ходе беседы искать выход из создавшегося положения. Такова у нас с вами миссия, господин канцлер, постоянно быть наготове к самым непредвиденным событиям.

Эрхард видел следы волнения и переживаний на лице президента, и обида несколько утихла, хотя, по его мнению, президент мог бы и посвятить его в существо дела. Однако он понимал, что президент сейчас, видимо, не готов обсуждать южновьетнамские дела, поскольку о них еще будет разговор позже.

Вежливо поблагодарив Джонсона, Эрхард сказал, что настало время покинуть гостеприимное ранчо, пора возвратиться в Вашингтон. Весь путь до аэродрома президент и канцлер вели легкий разговор. Президент рас-

сказывал о своем родном штате, о том, как он во имя политической карьеры отказался в свое время от заманчивой перспективы стать владельцем акций процветающей нефтяной компании.

— Я убедился,— говорил президент,— что служение Америке и нашим общим интересам, господин канцлер, доставляет больше удовлетворения, чем занятие даже самым прибыльным бизнесом. Для меня главным делом стало сначала отстаивание в конгрессе интересов родного штата, а теперь — всей Америки на мировой арене.

Эрхард усмехнулся про себя, ничем не выдавая своего скептического отношения к высокопарным словам Джонсона: он знал, что американский президент болезненно равнодушен к богатству. Но вслух сказал:

— На вас, господин президент, лежат такие тяжкие вериги ответственности перед всем миром, что думать о чем-то другом, помимо своих высоких обязанностей, я полагаю, вам не остается времени,— канцлер Эрхард не знал, что сорок минут, которые он провел, ломая голову над тем, что произошло в мире, потребовались Джонсону для того, чтобы сломить упрямых остинских бизнесменов и добиться от них согласия на контракт, прибавляющий к состоянию президента Соединенных Штатов целый миллион долларов.

После проводов западногерманского канцлера Джонсон сыграл партию в теннис, посмотрел телевизионную программу принадлежащей ему телестанции и только тогда вспомнил про бумаги Раска. Удобно расположившись за столом, он начал чтение. Сначала думал пробежать их поверхностным взглядом, но скоро понял, что они требуют другого отношения. Раск был, как думал президент, беспощаден. Его прогнозы были неприятны. Они звучали неверием в победу, если не будет решительных перемен в политике.

На узких полосках бумаги президент делал понятные только ему, почти шифрованные пометки, кому, какие вопросы задать послезавтра, на очередном заседании Совета по вопросам национальной безопасности.

Прошло всего несколько месяцев после совещания в Гонолулу, где все было обсуждено с особой тщательностью, даны четкие рекомендации послу Лоджу, генералу Уэстморленду, сайгонским лидерам, а теперь, оказывается, развитие событий принимает совсем другое направление, чем было намечено.

Вернувшись в Вашингтон, Джонсон отдал распоряжение собрать для него досье о положении в Южном Вьетнаме. Он поручил это сделать Совету по национальной безопасности и Центральному разведывательному управлению. Доклады, которые он получил, были еще более мрачными, чем записка Дина Раска. Джонсон не представлял, что конец прошлого года прошел под знаком поражений американских войск в Южном Вьетнаме. «Значит,— думал он в крайнем раздражении,— и Макнамара, и Рейборн, и сам Дин Раск до сих пор скрывали от меня истинное положение во Вьетнаме. Генерал Уэстморленд оказался неспособным руководить крупными военными операциями. Свои провалы он скрывал, не решался докладывать. Выходит, он еще и трус. Его надо немедленно снимать с поста».

Немного подумав, Джонсон приказал помощнику собрать все донесения Уэстморленда за последние полгода. Президент хотел удостовериться в нечестной игре командующего американскими вооруженными силами во Вьетнаме. Но, ознакомившись с шифровками, Джонсон изменил свое мнение. Он увидел, что каждая из них содержала обстоятельный анализ обстановки, характеристику своих сил и сил противника, доказательства правильности действий американского штаба, инертность командования южновьетнамской армии, неспособность большого числа ее генералов и офицеров заставить солдат воевать по-настоящему. Джонсона поразила цифра, сообщаемая Уэстморлендом: сто девяносто тысяч дезертиров за один только прошедший год. Америка посылала каждый месяц примерно 16 тысяч своих солдат и офицеров, то есть такое количество, какое дезертировало из южновьетнамской армии.

Джонсона восхищала солдатская прямота и смелость Уэстморленда. Он даже подчеркнул слова генерала в одном из донесений: «В течение трех последних месяцев я особенно внимательно наблюдал за боевыми действиями одной южновьетнамской дивизии, расположенной на очень важном участке фронта. Если бы я предполагал, что между южновьетнамской армией и Вьетконгом существует какой-то сговор, то я указал бы на эту дивизию как на участника такого сговора. Дивизия фактически уклоняется от участия в боях против коммунистов. Командир дивизии, по моему убеждению, настроен антиамерикански, хотя открыто и не высказывает этого. По моему мнению, только 3 из 10 южновьет-

намских дивизий да небольшое число батальонов особого назначения, подготовленных по образцу американской морской пехоты, едят хлеб не даром. Предлагаю серьезно обсудить с сайгонскими военными властями вопрос об активизации военного участия в борьбе с Вьетконгом и потребовать от них снятия с постов генералов, неспособных поднять боевую активность и моральное состояние своих частей».

Уэстморленд сообщал об усилившейся активности Вьетконга, получающего большое количество вооружения и техники из России, а также растущей ракетной мощи противовоздушной обороны Северного Вьетнама, оснащенной эффективными ракетами, в результате чего американская авиация несет большие потери, восстанавливать которые, особенно в летном составе, становится все труднее. Как выяснил президент, Уэстморленд настойчиво просил увеличения контингента американских войск, на которые только и можно надеяться в тяжелой борьбе с Вьетконгом. Он просил также большего количества авиации для нанесения ударов возмездия по Северному Вьетнаму, чтобы он прекратил вмешательство в дела Юга. В связи с просьбой Уэстморленда, поддержанной лидерами Сайгона, вспомнил президент, на последнем совещании в Гонолулу ему была дана широкая свобода действий как на Юге, так и на Севере и обещана посылка новых сухопутных и воздушных частей.

Президент хотя и не совсем отошел от гнева, вызванного фактами неудач, о которых он узнал из доклада Раска и справок разведывательных служб, но настроение его улучшилось. Если генерал Уэстморленд так хорошо понимает свои задачи, обстановку, расстановку сил и перспективы войны, значит, он справится с трудностями, но помощь ему нужна серьезная. Джонсон, не разбираясь в военных вопросах, тем не менее начинал считать себя уже настолько компетентным, что не боялся высказывать собственное мнение по стратегии и тактике войны, маскируя некомпетентность громкими фразами или ссылками на глобальные интересы Америки. Он позвонил Макнамаре и в полушутливой форме стал выговаривать ему за то, что он не информирует президента с достаточной подробностью о том, как развиваются события в Южном Вьетнаме.

Макнамара сразу понял, что президент, видимо, получил чье-то встревожившее его донесение — от ЦРУ.

или госдепа,— которое, несомненно, острнем своим направлено на Пентагон.

— Господин президент,— сказал Макнамара,— война — это такой неустойчивый фактор, что никто не может сказать, на чью сторону может склониться непостоянная красавица Фортуна. Сегодня проигрыш на поле боя. Кажется, все кончено. А проходит несколько дней, и выясняется, что проигрыш оказывается выигрышем. Это все равно что в политике, в которой вы, господин президент, бесспорно, самый компетентный авторитет,— он сознательно бросил на весы отношений с президентом лезть.— И если вас беспокоить по каждой мелочи, то вам не останется времени на решение более ответственных мировых проблем, а военным просто нечем будет занять себя. Разве не были вы свидетелем событий, которые в корне меняли расстановку сил из-за случайного факта.

— Тут ты прав, Боб,— согласился президент, вспомнив свой собственный взлет после нескольких выстрелов по Джону Кеннеди.— Но все-таки я просил бы тебя найти время и познакомить меня во всех деталях с положением во Вьетнаме и чего нам ждать оттуда в новом году.

— Когда прикажете, господин президент, явиться к вам?

Президент посмотрел на листок, где отмечены неотложные дела на неделю, выискал небольшое «окно» и назначил время.

Президент привык доверять своему военному министру, чувствуя и зная, каким авторитетом и уважением пользуется он в кругах большого бизнеса, связывающего с Макнамарой ежегодное увлечение бюджета на десять миллиардов долларов. На войне во Вьетнаме корпорации увеличивают свои прибыли, и за это они готовы бросить на поддержку администрации Джонсона любые суммы. Это надо иметь в виду, поскольку следующий год будет уже годом президентских выборов. Необходимо будет доказать, что он, Джонсон, лично пользуется поддержкой нации как президент, а не получил этот пост по наследству от Джона Кеннеди.

Джонсон вспомнил, что во Вьетнаме началось совершенствование «линии Макнамары». Ее авторы — корпорации, занятые разработкой и производством электронной аппаратуры военного назначения. Макнамара, ознакомившись с новейшими изобретениями в этой области,

принял предложение королей электронной военной техники, а те в знак благодарности назвали район, где устанавливается эта техника, именем министра обороны.

Министр, выступая в Ассоциации американской армии, нарисовал почти фантастическую картину войны в самом недалеком будущем. Он говорил о высокой насыщенности района военных действий самой чувствительной аппаратурой, позволяющей следить за каждым шагом противника. Эта система даст возможность сократить количество солдат, занятых ныне непроизводительно на поле боя. Макнамара не сказал о потерях, но его слова были направлены всей Америке, обеспокоенной этими потерями. Министра поддержал командующий вооруженными силами во Вьетнаме генерал Уэстморленд.

— Я вижу будущие районы боевых действий,— с подъемом говорил он,— районами, где мы можем уничтожить все, что мы можем засечь, используя средства мгновенного оповещения и почти мгновенного применения высокосмертоносной мощи. Учитывая, что вероятность поражения цели с первого залпа приближается к абсолютной, а средства обнаружения позволяют вести постоянное наблюдение за противником, потребность в крупных контингентах живой силы для сдерживания врага будет уменьшаться.

Восторженность Уэстморленда не вязалась с его постоянными просьбами увеличивать именно количество солдат во Вьетнаме, но об этих просьбах Америка не знала. На распаленное воображение генерала охлаждающую струю направил сенатор Брайтсан:

— Единственная проблема с новым так называемым электронным полем боя стоимостью два миллиарда долларов,— сказал он,— о котором так восторженно говорил уважаемый генерал Уэстморленд, состоит в том, что это секретное оружие по-прежнему не может отличать вражеских солдат от мирных граждан, а, как пишут наши и зарубежные газеты, процент их гибели чрезвычайно высок. Не так ли, господин министр?

Макнамару никогда не занимал этот вопрос, ему не было дела до того, сколько гибнет мирных вьетнамцев. Как большинство американских лидеров, он считал, что чем больше, тем лучше. Поэтому на вопрос сенатора он ответил, не задумываясь:

— У нас практически нет представления ни о количестве, ни о характере потерь среди гражданского населения Южного Вьетнама. И не наше дело вести такие подсчеты. Мы пришли во Вьетнам не с благотворительными целями. Сначала нужно навести там порядок, защитить демократию и свободу от коммунистов, а потом будем думать, как помочь тем, кто оказался в орбите войны.

В интервью одному известному американскому журналисту Макнамара, не склонный обычно к саморекламе, не избежал соблазна.

— Вы, журналисты,— сказал он с довольной улыбкой,— пустили в оборот такие термины, как «антипартизанские войска Макнамары», «линия Макнамары», «бюджет Макнамары». Теперь некоторые люди стали называть даже войну во Вьетнаме «войной Макнамары». Я не возражаю, пусть будет так, хотя я воспринимаю это как простую журналистскую находку. Война во Вьетнаме — это война всей Америки, а не одного Макнамары. Если бы американский народ не жертвовал на нее свои деньги, Макнамара ничего бы не сделал.

Извительно отозвалась на это заявление министра обороны газета «Вашингтон пост»: «Макнамара выжал из рекламы собственной персоны все, что только мог. Он умолчал лишь о том, что за последние пять лет он вытащил из кармана американцев пятьдесят миллиардов долларов. И, несмотря на это, небольшая азиатская страна связала нас по рукам и ногам. Сейчас не один человек задает тревожный вопрос: что он сделал с нашими деньгами и что он может сделать с Америкой?!»

Президент Джонсон знал о наскоках на министра обороны, но относился к этому спокойно. В Америке многие стремятся в любом качестве — героем или злодеем — попасть на страницы газет, потому что это — реклама.

— Ну как, Боб,— спросил президент министра обороны,— достается тебе от газетчиков?

— Наша с вами судьба такая, господин президент,— ответил министр.— Делаем святое дело для всех, а отвечаем персонально.

Президент в течение целого часа слушал Макнамару, не перебивая вопросами. Это был доклад, выверенный до последней цифры, с серьезным обоснованием каждого шага, который будет сделан во Вьетнаме. Министр подтвердил крупные потери, но сказал, что война

и не бывает без них. Он предложил, согласившись с послом и генералом Уэстморлендом, серьезно заняться укреплением режима в Сайгоне. Это пойдет на пользу самой Америке. Если сайгонские войска будут лучше воевать, американские потери уменьшатся. Но остается еще очень важная задача — сломить Ханой. На усиление его противовоздушной обороны надо ответить еще более массированными ударами с воздуха. По каждому объекту и каждой движущейся по дороге машине. На юге надо укрепить оборону стратегических баз, особенно Фусань, находящейся в самом уязвимом месте, на стыке границ Вьетнама и Лаоса.

Когда Макнамара, кончив докладывать, собрал свои записки в папку, президент все еще сидел в глубокой задумчивости. Что-то тревожило его, несмотря на оптимистические выводы и прогнозы министра обороны. Наконец он поднял голову, едва заметная, будто смущенная улыбка тронула тонкие губы.

— Я думаю, Боб, тебе самому необходимо слетать во Вьетнам, поговорить с этими сайгонскими парнями со всей откровенностью и прямоотой. Указать каждому то место, которое мы для него отводим. Побывайте у нашего друга Фрэнсиса. Я получил от него очень мрачное письмо. Помогите ему. По-моему, в непосредственной близости от базы Фрэнсиса проходит «линия Макнамары», не так ли? — спросил Джонсон, бросив хитрый взгляд на министра.

— Так, господин президент. Но не думайте, что это я сам придумал название.

— Но и не возражал, Боб. Верно? — одарив Макнамару улыбкой, сказал президент. — Однако это налагает на тебя большую ответственность за линию. Постарайся, чтобы ее не сломали. Фрэнсис пишет, что Вьетконг подбирается к ней и даже выводит из строя отдельные участки. Нельзя рисковать двумя миллиардами долларов, Боб.

— Понимаю, господин президент, — согласился Макнамара. — В самое ближайшее время побываю во Вьетнаме и сделаю все, что необходимо. Мне кажется, господин президент, что после выборов обстановка в Сайгоне нормализуется, исчезнут распри и сайгонские парни, как вы говорите, начнут действовать целеустремленней. Я постараюсь внушить им вашу мысль. Но остается еще один вопрос, господин президент: надо вырвать у конгресса несколько миллиардов дополнительно для закуп

ки самолетов, особенно последних конструкций. Уэстморленд прав, когда доказывает, что надо дать ему больше войск. Вьетконг стал силой, с которой надо считаться. Для наших парней эта война слишком напряжена. Они, как говорят химики, живут и действуют во враждебной среде. Каждый их шаг сопряжен с преодолением непредвиденных трудностей. Земля, вода, лес, люди, сам воздух таят постоянную опасность. Солдаты ломаются в этих условиях. Участились случаи серьезных психических расстройств у солдат. Надо бы сократить срок их пребывания там, но у нас нет возможности менять целиком дивизии. Придется искать другие пути предоставлять почаще короткие отпуска, прибавить денежное вознаграждение. Это тоже требует дополнительных ассигнований. Но главное — усиление технической мощи, прежде всего самолетами.

— Конгресс потребует объяснений, Боб, ты это знаешь. Тебе надо будет подготовить убедительный документ конгрессу, чтобы даже самые ярые наши противники поняли, перед какой проблемой мы стоим во Вьетнаме.

— Этим мы займемся немедленно, господин президент.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Американская военная машина начинала все чаще буксовать на полях Вьетнама. Рушились стратегические расчеты командования, проваливались тактические планы, росли потери в живой силе и технике. Особенно в технике.

Начиная по приказу президента Джонсона открытое нападение на Вьетнам, военное командование рассчитывало психологически подавить противника авиационной мощью. Но уже из первого налета на базу не вернулись восемь «скайхоков» и «скайрейдеров». И хотя никто из высоких генералов не видел в этом ничего особенного, командование воздушных сил было удивлено: оно думало, что противник будет парализован и окажется неспособным пустить в ход противовоздушные средства.

В феврале следующего года американцы за один день потеряли над Северным Вьетнамом 22 реактивных самолета, один из которых пилотировал Роберт Шумейкер. Это был его последний вылет, после которого он должен был вернуться в Штаты, поскольку прошел от-

бор в отряд космонавтов. Через два месяца после этого — 4 апреля — на палубы авианосцев и на аэродромы Южного Вьетнама не вернулось 57 реактивных самолетов, сбитых в воздушном бою и огнем зенитной артиллерии. В доведенном до совершенства самолете «Ф-8Е-922» был сбит один из известных летчиков Америки Коллинс Хайнг, отмеченный геройским званием за войну в Корее. Это был двухтысячный самолет ВВС США, сбитый над Вьетнамом.

Военные требовали новых эскадрилий, а президент новых ассигнований. Выступая в конгрессе США, президент пытался патетическими фразами действовать на чувства законодателей.

— Без преимущества авиации,— говорил он с трибуны конгресса,— американские солдаты являются всего лишь «мучными принцами», связанной, задушенной и бессильной добычей для вооруженного перочинным ножом карлика желтой расы.

Президент приподнимался на носках, чуть не по пояс возвышаясь над трибуной.

— Неужели могучий, владеющий всем арсеналом технических средств американский народ,— спрашивал он у конгрессменов,— позволит, чтобы его сыновья, отстаивающие идеалы нашей демократии в джунглях и болотах Вьетнама, гибли из-за того, что мы, избранники народа, пожалеем денег для их боевой экипировки?

Конгресс, конечно, утвердил увеличенные ассигнования Пентагону, но потребовал от него представить обстоятельный доклад о причинах больших потерь самолетов и летчиков. Заместитель командующего ВВС генерал Хаммер с группой высших офицеров получил задание подготовить такую бумагу.

— Вам, генерал,— инструктировал генерала министр обороны,— надлежит составить такой документ, чтобы конгрессмены сами внесли предложение об увеличении ассигнований для приобретения самолетов.

— В каком направлении мне действовать, сэр? — спросил генерал.

— Конгрессменам надо показать, что Америка фактически одна воюет против всего коммунистического мира, помогающего Вьетнаму. Приводите любые цифры, берите их хоть с потолка, хоть с неба, генерал, но бейте, доказывайте, что наш военный бюджет — это бюджет поражения, а не победы. Вьетнам — это испытание нашей мощи, и мы должны выдержать испытание.

— На какие источники мне опираться, сэр?

Макнамара недовольно нахмурился. Он не любил, когда подчиненные не понимали его с полуслова.

— Я вам сказал: на любые,— сердито буркнул он.— Полагаю, у вас достаточно фантазии, генерал, чтобы не задавать таких вопросов. Для того чтобы ваш доклад звучал убедительнее, слетайте сами во Вьетнам, если давно там не были.

— Хорошо, сэр, я это сделаю, хотя на многие вопросы о потерях может ответить любой офицер, связанный с военными акциями против Ханоя. И ответ простой: у противника появилась мощная и эффективная противовоздушная оборона. Но самое главное, господин министр, мне кажется, дело заключается в том, что наша авиация была плохо подготовлена для войны во Вьетнаме.

Макнамара резко вскинул голову, оторвав взгляд от стола, на котором он старательно рассматривал какое-то пятнышко, чтобы не смотреть в глаза генералу, давая столь неприличное поручение.

— И это говорите вы, Стив? — удивленно спросил министр.— Вы — герой войны в Корее, награжденный Америкой самыми высшими отличиями, человек, о котором мне говорят, что лучше вас никто не знает авиацию? Откуда у вас такой вывод? В чем же, по вашему мнению, заключается плохая готовность наших ВВС для войны во Вьетнаме?

Генерал пожалел, что так опрометчиво и резко высказал свое категорическое мнение, о котором, впрочем, давно знали в штабе ВВС. Стивенсон Хаммер был известен среди офицеров штаба как человек, который имеет свое собственное мнение, не всегда совпадающее с общепринятым. На всех оперативных совещаниях, когда разбирался ход воздушной войны во Вьетнаме, он высказывался резко, оценки давал крайние, предложения выдвигал часто спорные, категоричные. Его выступления были интересны, придавали дискуссиям не рутинный характер полного согласия с мнением высокого начальства, а обостряли их и вызывали повышенное внимание, особенно молодой прослойки офицерского состава. Генерал сам понимал, что запальчивость выступлений вредит ему, вызывает на третьем этаже Пентагона не всегда благожелательное отношение. Но он ничего не мог поделать с собой. Вот и сейчас, зная, что министр, прежде чем поручить какое-то ответственное задание,

будет интересоваться его мнением, дал себе слово не говорить ничего лишнего, но не сдержался. Он, правда, видел, что Макнамара не столько раздражен, сколько удивлен и заинтригован, а это уже совсем другое состояние человека. С таким можно говорить более откровенно, и он, лишенный предубеждения, может легче понять, о чем идет речь. Хаммер не думал, что Макнамара, выслушав его, изменит твердо установившиеся тактические и стратегические планы воздушной войны,— в этих вопросах никто из военных Макнамару не считал авторитетом. Его высоко ценили как человека с Уолл-стрита, способного оказать давление на кого следует, чтобы военная машина не делала сбоя из-за нехватки ассигнований. Большой бизнес доверял Макнамаре, зная, что он всегда будет на его стороне.

— Я уже давно говорю, сэр,— выдержав небольшую паузу, чтобы собраться с мыслью и лучше ответить влиятельному человеку, начал генерал Хаммер,— что наша стратегия воздушной войны во Вьетнаме становится ущербной. Мы продолжаем придерживаться тех же тактических приемов, что и в Корее, но обстановка во Вьетнаме складывается по-другому.

— Попробуйте нарисовать мне картину, чтобы я увидел разницу,— попросил Макнамара, и на его лице появилась то ли гримаса недовольства, то ли улыбка поддержки,— там и там перед нами была и есть одна задача — сокрушить красных. В чем же разница, Стив?

— Прежде всего, во Вьетнаме против нас фактически два фронта — Северный и Южный. В Корее мы воевали на одном фронте. Мы уничтожали военный потенциал северной части Кореи, а заодно живую силу противника, главным образом китайцев. Если первую задачу мы практически выполнили, то вторая требовала более длительного времени и, наверное, других видов оружия.

— Как вас понимать, Стив?

— Просто, сэр. Китайское командование могло послать в Корею в десять раз больше своих дивизий, оно не считалось с жертвами. Недостаток знания в теории современной войны оно пыталось восполнить количеством живой силы. Из тех миллионов, которые населяют Китай, Пекину нетрудно было бросить в костер два, три, пять, десять миллионов человек. Отсутствие современной техники, особенно авиации, делало эти миллионы беззащитными перед нашей воздушной мощью. Потери

в авиации были невелики, и в основном наши парни гибли в воздушных боях с летчиками, которые охраняли небо Китая. Во Вьетнаме другая обстановка. Во-первых, все мощнее противовоздушная оборона. Русские ракеты чертовски неприятная штука, сэр. И вьетнамские летчики, обучавшиеся главным образом в России, не дают спуска нашим парням. Мы несем слишком большие потери, и даже трудно сказать, какие из них дороже — в технике или в людях.

— Арифметика простая, Стив,— заметил Макнамара,— современный самолет стоит от трех до шести миллионов долларов.

— Это верно,— согласился Хаммер, а затем сразу как бы перешел в наступление: — Но самолет можно построить новый. А сбитый летчик, на подготовку которого уходит около восьмисот тысяч долларов, теряется навсегда. Скоро мы начнем выскребать наши запасы пилотов из штабов и учебных центров. За последние два года мы потеряли почти полторы тысячи лучших летчиков, штурманов, радистов. А те, которые еще летают, работают на износ. Летчики не могут летать все время на боевые задания. Им нужен отдых, сэр. Очень нужен, сэр, поверьте моему опыту. Уставший летчик — легкая добыча для противника, потому что он перестает чувствовать машину, слабее реагирует на опасность.

— Тут я перед вами пасую, генерал,— изобразив на лице подобие улыбки, сказал Макнамара.— Но скажите, почему современные, усовершенствованные, хорошо вооруженные машины оказываются, как вы говорите, малоэффективными?

— Я изложил это, господин министр, в обстоятельной докладной на имя командующего ВВС,— сказал Хаммер, испытывая неудобство, зная, что командующий, как обещал, доложил Макнамаре, но министр не помнит о существовании проблемы или еще не ознакомился с запиской, а если ознакомился, то забыл, о чем в ней речь. Вполне возможно, конечно, и то, что он хочет услышать особую точку зрения из первых уст.— Думаю, что в ближайшие дни вы получите от командующего мои соображения,— схитрил генерал,— а сейчас я вам изложу их конспективно. Я понимаю, как трудно у вас со временем, сэр.

— Когда речь идет о вопросах, имеющих отношение к судьбам Америки, Стив, нам не пристало ссылаться на занятость. Я слушаю вас. И можно не конспективно,

Беседа начинала приобретать для генерала неожиданное направление. Он рассчитывал, что министр даст несколько определенных тезисов, не вдаваясь ни в какие узкоспециальные проблемы воздушной войны, — министру обороны, пришедшему в Пентагон из большого бизнеса, не обязательно знать все ее тонкости. Но то, что он проявил неподдельный интерес, вдохновляло Хаммера.

— Когда я сказал, сэр, что наша авиация была плохо подготовлена для военных действий, я имел в виду прежде всего консервативность нашего мышления.

— Кого вы включаете в этот круг консерваторов? — полушутливо-полусерьезно спросил Макнамара.

— В первую очередь самого себя, а затем уже других военно-авиационных начальников, сэр.

Макнамара впервые весело, непринужденно рассмеялся:

— Я и не знал, Стив, что вы так беспощадны даже к самому себе.

— Что вы, сэр! Так научила жизнь, а вернее, война во Вьетнаме.

— Понимаю, Стив. Но все-таки в чем же был ваш консерватизм?

— Планируя подавление противника в соответствии с новым курсом, мы исходили из того, что необходимо сосредоточить крупные силы авиации для нанесения стратегических воздушных ударов, чтобы в короткое время поразить важнейшие объекты военного и экономического потенциала противника.

— Я не вижу в этом ни ошибки, ни консерватизма, Стив. Разве это не основная наша задача?

— Конечно, основная, но нам надо было сделать очень большую поправку на Вьетнам.

— Что вы имеете в виду?

— Мы были, если говорить откровенно, застигнуты врасплох особенностью северовьетнамского поля сражения. Стратегическая авиация оказалась крупнокалиберной пушкой, стреляющей в мишень для винтовки. Сравнительно крупные объекты — электростанции, порты, мосты, ну просто, наконец, большие города — не так густо расположены на земле Вьетнама. Основными целями авиации оказались объекты небольшого размера, рассеянные по равнине и в горных районах. Мы направляли и направляем большое число самолетов на бомбежку какого-нибудь парома, бамбукового моста или

нескольких велосипедистов с грузами. И летчики идут на задание, ругаются, протестуют, дают нелестные оценки нашей военной мысли, но летят и сбрасывают на тот проклятый бамбуковый мостик десятки, а иногда и сотни бомб. Разносят его в щепки, доставляют назад хорошо отснятую киноплёнку, на которой устрашающе и убедительно выглядит наша воздушная мощь. Часть этой плёнки, самая страшная, что ли, показывается на экранах населению. И наши зрители аплодируют, гордятся своими героическими летчиками. А по правилам, сэр, нас надо отстранять за такое руководство войной.

— Почему, Стив? Ведь цель поражена, прервана транспортная цепь противника? Никто не виноват, что других, более достойных целей во Вьетнаме нет.

— В том-то и беда наша, сэр. Вылет, допустим, десятка наших бомбардировщиков, которые прервали эту транспортную цепь, стоит от трех до семи миллионов долларов, даже если все самолеты вернутся на базу. А бамбуковый мост стоит две-три сотни долларов. Но самое трагичное для нас состоит в том, что, когда на следующий день наши самолеты направляются на задание, они опять видят мост действующим. Опять по нему ползут машины, тянутся велосипедисты с грузом, идут носильщики с коромыслами. Первое время летчики, которые своими глазами видели, как мост был разнесен в щепки, не верили самим себе, думали, что это мираж или они ошиблись курсом. А теперь они знают все: сегодня мост снесен бомбами, а ночью вьетнамцы построят новый. Как видите, сэр, результаты не оправдывают понесенных расходов.

Макнамара как крупный бизнесмен, привыкший прежде всего соотносить результаты дела с затратами на него, был, кажется, поражен. Так обнаженно показал ему генерал Хаммер расточительность войны во Вьетнаме. Он, естественно, знал, что миллиарды, выделяемые на «бюджет Макнамары», дивидендов не дают. Но к этим миллиардам он относился как-то легко: раз нужно остановить красных, значит, не надо жалеть ни о каких миллиардах, ни о каких потерях в технике. Нужно смотреть на все с высот большой политической стратегии, учитывать глобальные интересы Америки. А тут вдруг боевой авиационный генерал простым сравнением стоимости бамбукового настила через реку и вылет на задание десяти бомбардировщиков показал всю нелепость, чудовищную трансформацию бизнеса. Ему пока-

залось, что в голове будто шевельнулась мысль об иррациональности политики, ведущей к таким непроизводительным тратам. Но он быстро подавил ее, в самом зародыше, потому что хорошо понимал: отступления все равно не может быть. А генерал Хаммер между тем вроде уже не мог остановиться:

— Мы посылаем, сэр, большое число наших тяжелых машин на Северный Вьетнам. А что они бомбят? Те же речные переправы, дороги, сносят кварталы бамбуковых хижин в городах. При этом мы несем потери. Вы представляете, сэр, есть в Северном Вьетнаме мост, называется Хамжонг. Мы его бомбим всеми видами бомб. Потеряли над ним уже двадцать девять самолетов. Он нам обошелся не меньше чем в сто миллионов долларов. Но стоит на неделю его оставить в покое — и он будет восстановлен. И еще одно подрывает эффективность нашей авиации, сэр. Именно несоответствие ее мощи, будем говорить, потенциалу Вьетнама. Пилот сверхзвукового самолета, посланный на задание, с трудом берет на прицел небольшую движущуюся мишень — машины на дороге, тех же велосипедистов, даже танк. Он делает разворот за разворотом, но никак не возьмет ее на прицел, нервничает, готов раздавить ее колесами. А иногда просто сбрасывает бомбы, выпускает комплект снарядов и пуль куда попало и улетает. Летчику это стоит нервов, армии — денег. А в то же время винтовые самолеты, лучше отвечающие требованиям войны, — слишком легкая добыча для противовоздушной обороны.

— Слишком мрачная картина, Стив, — сказал Макнамара, еще не пришедший полностью в себя после услышанного, не абстрактного, а действительно обнаженно реального. — Вы что, считаете наше положение бесперспективным? Мы что, должны отказываться от защиты своих интересов во Вьетнаме?

Макнамара ставил вопросы жестко, раздраженно. Генерал снова почувствовал, что слишком сгустил краски. И он поспешил изложить главную свою мысль, ради которой он и писал свою докладную записку, пока еще не дошедшую до Макнамары.

— Нет, господин министр, — решительно произнес он. — Любое наше, пусть даже малейшее послабление может быть неправильно понято и противником, и союзниками. Они могут подумать о нашей слабости. Смысл моей записки состоит в том, чтобы внести поправки в

тактическую схему воздушной войны, сделать ее более эффективной.

— У вас есть конкретные соображения на этот счет или просто пожелания?

— Я человек военный, сэр, поэтому привык всегда иметь в запасе конкретные предложения.

— И в чем же их смысл? — заинтересованно спросил Макнамара.

— Смысл их в том, чтобы не распылять нашу авиационную мощь на уничтожение каких-то мелких объектов, вроде понтонных и бамбуковых мостов, прекратить погоню за отдельными автомашинами или колонной солдат численностью не больше роты, а собрать авиационные крылья в крупные соединения и бросить их на уничтожение городов и крупных населенных пунктов, не обращая внимания, есть там военные объекты или нет. Надо уничтожать на Севере Вьетнама любую форму организованной экономики, будь то жилые массивы, промышленные предприятия, склады или кирпичные заводы. Все надо превратить в пыль, господин министр, стереть все с лица земли.

Макнамара с удивлением посмотрел на генерала. «Что-то произошло с ним,— подумал министр,— еще несколько минут назад это был рассудительный человек, трезво оценивающий обстановку, резко критичен, даже в собственный адрес. Может, правду говорят, что у авиаторов наибольший процент офицеров, сходящих с рельсов. Живет человек, разговаривает, смеется, нормально беседует, а потом на каком-то пункте будто спотыкается и становится сумасшедшим».

А генерал уже излагал свою идею дальше:

— Мы располагаем, сэр, достаточной мощностью, чтобы отбросить Вьетнам к каменному веку, чтобы предупредить других коммунистов, что их ожидает еще более мощное возмездие, если они не понимают, что такое Америка.

— Кого вы имеете в виду, генерал? — спросил Макнамара, чтобы немного отвлечь Хаммера.

— Всех, сэр. Россию, Индию, Японию, Германию...

— Позвольте, но какое отношение имеет к этому Индия, тем более наши союзники — Япония и Западная Германия?

— Это на всякий случай, сэр. Но, по правде говоря, они меня действительно мало интересуют. Сейчас для нас главное — показать свою мощь во Вьетнаме. Мощь

тотального уничтожения противника. Именно это предложение я сделал в своей докладной записке: полное уничтожение жизненного потенциала на Севере Вьетнама и путем усиления вооруженных сил — превратить в безлюдные зоны, в пустыню, во что угодно, сэр, районы, где прячутся силы Вьетконга на Юге.

— А вы подсчитывали, генерал, во сколько нам это обойдется? Нам и так приходится оказывать давление на конгресс, чтобы получать ассигнования. Вы, наверное, встречали в печати, что нас, во всяком случае многих из нас, называют ястребами Пентагона. Ваша идея, разумная сама по себе, отвечающая нашим планам, может вызвать недовольство в обществе. Вы думали над этим?

— Думал. И считаю, что идти на поводу у людей некомпетентных или не понимающих, чем грозит нам поражение во Вьетнаме, будет исторической ошибкой, сэр.

«Этот человек с несколько ненормальной или обостренной психикой, может быть, плохо кончит,— подумал Макнамара,— но его мысль о том, как заставить Северный Вьетнам попросить пощады, не лишена основания».

— Я доложу о ваших идеях, генерал, президенту,— произнес Макнамара,— а пока прошу вас изложить их в форме доклада конгрессу. Это должен быть небольшой по объему, но убедительный документ о необходимости увеличения ассигнования армии. Я вижу, у вас достаточно материала для такого документа. Правильно я вас понял, генерал?

— Совершенно правильно, сэр.

— Вам будет достаточно времени,— Макнамара посмотрел календарь-памятку,— допустим, семь дней для этой, скажу откровенно, сложной работы?

— Достаточно, господин министр,— не задумываясь, ответил генерал,— постараюсь сделать это и убедительно, и быстро.

Через несколько дней Макнамара встретился с Джонсоном, имея в своей черной папке хорошо составленный и отредактированный доклад конгрессу. Он рассказал о своей беседе с генералом Хаммером и вкратце познакомил с составленным им докладом, который, судя по настроению президента, слушавшего Макнамару с большим вниманием, произвел впечатление.

— Этот Хаммер,— сказал Джонсон, когда Макнамара кончил говорить,— действительно хаммер¹. Бьет, как по наковальне, и по своим и по чужим,— улыбнулся президент собственному каламбуру.— А смысл в его рассуждениях есть, и немалый. Как ты думаешь, Боб? Хотя что я спрашиваю? Если бы ты не был согласен, ты и не упомянул бы об этом.

— Да, это так, господин президент. Видимо, нам действительно надо кое-что изменить, скорректировать. Время — категория изменчивая. И к старым теориям надо относиться с этих позиций.

— Полагаю, что твой штат полнозвездных генералов, Боб, должен поворачать мозгами. Нагрузи их на всю мощность, пусть думают, но не слишком долго. Да, Боб,— как бы между прочим вспомнил Джонсон,— я получил приватное письмо от нашего друга Фрэнсиса. Он пишет очень мрачно и о положении вокруг базы, и даже о своем будущем. Говорит, что если не принять мер, то база может не выстоять. Будто его все время атакуют коммунисты. Контингент войск, имеющийся в его распоряжении, не может справиться с непрерывными, очень коварными и не поддающимися прогнозу нападениями Вьетконга. Неужели ничем нельзя помочь ему? — спросил президент, пристально глядя на Макнамару.

«Значит,— быстро проанализировал Макнамара,— президент еще не знает, что у Фрэнсиса новые неприятности». Направляясь к президенту, Макнамара не продумал до конца, как доложить об этом президенту, которого связывают слишком прочные и давние отношения с генералом Райтсайдом,— и отложил поиск ответа на потом, когда увидит, какое настроение у президента. Как министр обороны, Макнамара располагал достаточно обширной информацией о каждом более или менее важном человеке в своем ведомстве. Для этого и существует специальная служба, которой располагают и государственный департамент, и Федеральное бюро исследований, и Центральное разведывательное управление. В самых тайных тайниках хранятся скрупулезно собранные досье об отношениях, сложных переплетениях родственных, финансовых, деловых связей, симпатиях и антипатиях сильных мира сего, которые могут иметь влияние не только на характер личного общения

¹ Хаммер — молоток (англ.).

между людьми, но и на государственную политику. Макнамара знал, что Фрэнсис Райтсайд, принадлежащий к элите видных бизнесменов в Техасе, будучи еще совсем молодым, оказывал поддержку тоже молодому, только начинавшему свою политическую карьеру хозяину Белого дома. Став президентом, Джонсон приблизил Райтсайда к себе, сделав из него что-то вроде советника по материально-техническому снабжению армии. С согласия президента Фрэнсис Райтсайд был назначен строителем, а потом и командующим одной из крупнейших военных баз в Индокитае. И хотя «строительный генерал» не обладал ни знаниями, ни опытом командования крупными военными формированиями, он тем не менее продолжал занимать пост, для которого более подходящим был бы настоящий кадровый военный, каких немало в кабинетах Пентагона. Теперь, как видно, старый Фрэнсис рад бы был уступить свой престижный пост кому угодно, но президент об этом не заикался, а, наоборот, просил об оказании старому другу помощи. А чем ему можно помочь, когда, если говорить откровенно, у него есть все — войска, самолеты, вертолеты, танки? Ему сразу бы стало легче, если бы Вьетконг отказался от нападений на базу. Однако эта проблема была вне компетенции министра обороны США. Макнамара прокрутил несколько вариантов ответа президенту, чтобы найти мягкую форму сообщить о том, чего тот еще не знал: на базе случилось чрезвычайное происшествие.

События там развивались драматически, и подлинную картину пока не мог представить себе даже Макнамара, хотя ему довольно подробно сообщили о трагедии.

После того как на ее территорию проникли диверсанты, а возможно, они там находились давно, замаскированные под солдат батальона особого назначения, — и подорвали восемь истребителей-бомбардировщиков, на базе началась настоящая паника. Солдаты выскочили из казарм и начали палить из автоматов в сторону летающих самолетов. Офицерам не удалось навести порядок, потому что солдаты, кажется, лишились рассудка. Кто-то подбросил идею, что все это — дела вьетнамцев, которых допустили жить на территории базы, и клич: «Бей предателей!» — бросил беснующуюся, озверелую толпу к баракам, в которых жили солдаты майора Тхао. Толпа разъяренных морских пехотинцев открыла огонь по сборным алюминиевым баракам. Пули застучали по

металлу, рикошетили от тонких стен или пробивали их, как картонные коробки. Вскочивший из своего особняка стоящего домика майор Тхао сразу оценил обстановку, вмешиваться в которую означало мгновенную гибель. К тому времени южновьетнамские солдаты, хотя и не понимали, почему стали объектом атаки, заняли оборону и стали отстреливаться. Американцы были хорошо освещены кострами горящих самолетов и представляли хорошие мишени. Появились первые убитые.

— Огнеметы! Давай огнеметы! — перекричав невообразимый шум настоящего боя, подсказал кто-то толпе, потерявшей способность трезво оценивать события.

Огнемет появился очень скоро. Его установили на треногу и пустили по первому бараку огненную струю. Горящая жидкость растеклась по стене барака, и он сразу оказался будто задрапированным в шелестящее огненное пламя. Когда майор Тхао снова выбежал из своего дома, откуда он звонил прямо генералу Райтсайду и увидел барак, превратившийся в факел, он выхватил парабеллум и, не управляя собой, наугад выпустил целую обойму в шевелящихся, как противные насекомые в банке, толпу американских солдат. Он думал, что его заметят, услышат его выстрелы и растерзают на месте, но толпе было не до того, чтобы замечать какого-то одинокого человека, от выстрелов которого упало несколько солдат, — их падало сейчас немало — и от пуль отстреливающихся вьетнамцев, и просто споткнувшихся, не сумевших подняться на ноги в этом бешеном круговороте толпы, зараженной массовым психозом. Все ярче горели самолеты, и ночь казалась еще более жуткой оттого, что металась, переливалась с одного места на другое, крича и стреляя, ругаясь и нервно рыдая, большие массы людей, словно исполнявшие, освещенные трепещущими языками пламени гигантских костров, какой-то ритуальный, колдовской танец.

По внутренней громкой связи командующий базой генерал Райтсайд приказал всем старшим офицерам принять все, даже самые строгие меры для наведения порядка, вывести два батальона с полным вооружением и дивизион бронетранспортеров за пределы базы и организовать ее оборону на случай нападения противника крупными силами. Другой дивизион бронетранспортеров, ревя сиренами, с включенными мощными прожекторами был брошен срочно на ликвидацию эксцесса у барачников южновьетнамского батальона особого назначе-

ния. Командование дивизионом взял на себя начальник штаба базы, явившийся к месту стычки. Высунувшись из люка бронетранспортера, он в мощный мегафон, заглушавший все звуки, приказывал немедленно разойтись по жилым помещениям, успокоиться, взять себя в руки, обещал провести следствие, найти виновников и наказать их судом военного трибунала. Он не дрогнул, когда автоматная очередь какого-то сумасшедшего просвистела над головой.

Промелькнуло в памяти, как молодым лейтенантом он высаживался с десантом в Нормандии в июне 1944 года. Фашистские самолеты бомбили десантников. Справа и слева от прижавшегося к земле лейтенанта очереди крупнокалиберных немецких пулеметов вырыли две узкие траншейки, к счастью не задев его самого. «Но это же стреляют свои, а не фашисты», — с удивлением подумал он и сразу забыл про все, потому что новая огненная струя, с змеиным шипением вырвавшись из сопла огнемета, подожгла один из бронетранспортеров — и его экипаж в горящих комбинезонах с нечеловеческими воплями начал выскакивать из машины, превратившейся в факел.

Начальник штаба базы отдал приказ экипажам бронетранспортеров дать предупредительные очереди из крупнокалиберных пулеметов поверх голов солдат, не обращавших внимания на его распоряжения. Смертельный свист трассирующих очередей привел в оцепенение толпу, сразу притихшую и будто растерявшуюся. Кажется, наступил перелом. Мегафонные распоряжения начальника штаба заставили обезумевших от огня и крови солдат почувствовать, что генерал не намерен больше тратить слова понапрасну. Команды офицеров стали доходить до их сознания, и они медленно начали сбиваться в некоторое подобие строя. И хотя еще слышался недовольный ропот, солдаты, оттесняемые бронетранспортерами от догоравшего барака южновьетнамского батальона, шли, как стадо, к казармам. Когда был наведен порядок, генерал приказал у дверей казарм выставить часовых и под страхом применения силы никого не выпускать из помещений. Командир отряда морских пехотинцев, находящихся в прямом подчинении штабу базы, получил приказ организовать помощь раненым, подобрать убитых, подсчитать потери и доложить о выполнении приказа.

Через два часа специальные бригады пожарников, погасив огонь и оттащив в сторону все, что осталось от подорванных самолетов, навели порядок. В казармах, долго возбужденно гудевших, словно в их дюралевые стены бил упругий ветер, солдаты постепенно успокаивались. Генерал Райтсайд приказал всем старшим офицерам явиться на совещание. Шел пятый час утра, а в штабе царила напряженная и в то же время стыдливая обстановка, когда не хотелось смотреть друг другу в глаза, чтобы не прочесть немое, растерянное вопроса: «Что с нами со всеми происходит?»

Подавленным морально и физически шел на совещание полковник Юджин Смит. Ему казалось, что он был свидетелем позорного события, которое никогда не изгладится из памяти, потому что слишком рельефно показало непреодолимую пропасть между ними, солдатами Америки, пришедшими спасти южных вьетнамцев от грозящих им бед от наступающего коммунизма, и теми самыми южными вьетнамцами, которые, за исключением людей, связавших свою судьбу с Америкой ради корыстных интересов, тяготеют присутствием своих спасителей. Услужливая память в этой чрезвычайной обстановке подсовывала факты, которым, может быть, не всегда давалась правильная оценка. Пассивность южно-вьетнамской армии в борьбе с Вьетконгом, массовые дезертирства, невыполнение солдатами приказов офицеров, враждебное отношение населения и к своей, и к американской армии, одинаково жестоко преследующим народ, который они считают предателем. Предателем чего?

Юджин Смит вспоминал то одну, то другую встречу с настоятелем пагоды Пурпурных облаков мудрым Дьемом. «Вместо того чтобы вытереть слезы народа, вы выдавливаете ему глаза». Этой восточной мудрости он не мог забыть. Ведь ее говорил не коммунист, а священнослужитель самой гуманной религии, скорее даже не религии, а морально-этического учения, весь смысл которого — совершенствование человека. Как можно найти точки соприкосновения с людьми, придерживающимися противоположных мнений, завоевывать их на свою сторону, если мы не можем это сделать даже с теми, кому вложили в руки оружие, платим деньги, считаем своими союзниками или думаем, что они наши союзники? Побойтесь, устроенное сегодня, показывает непонимание положения в этой стране.

Рассуждая так, полковник Смит чувствовал, что в нем что-то надломилось. Та стройная система взглядов, с которой он взялся за выполнение порученного дела, дала трещину. «Самый большой камень преткновения,— вспомнил Юджин Смит древнюю восточную мудрость,— сомнение». Это та самая капля, служащая обычно доказательством долготерпения, которая долбит камень. Оно появилось не сегодня. Деформация началась постепенно. И присутствие на допросах захваченных в плен вьетконговцев, предпочитавших смерть предательству, их убежденность в правоте дела, за которое они воюют, и участие в карательных экспедициях, показывавших свирепую беспощадность солдат, получавших вознаграждение за каждого убитого вьетнамца, если его считали вьетконговцем,— командование закрывало глаза на то, что на самом деле это были простые крестьяне,— и с первых дней войны во Вьетнаме утвердившееся правило: чем больше будет убито вьетнамцев, тем лучше, потому что все равно — это потенциальные солдаты Вьетконга.

Он вошел в здание штаба и сразу почувствовал: не только у него надломилось что-то в душе. Майор Рифлз, с которым полковник поддерживал дружеские отношения и часто обменивался мнениями и беседовал на темы очень острые, высказывая суждения, несовместимые с официальными, дружески пожал ему руку.

— Вы не пострадали, Юджин?

— Как видите, Сид, жив и здоров, если не считать, что в голове не все в порядке.

— Думаю, это не только у вас. Это чудовищно! — так же тихо, но энергично произнес Рифлз.

— Не надо сейчас, Сид, у нас будет время поговорить на эту тему. Кажется, нас приглашают.

Дверь в небольшой, но уютно обставленный зал для заседаний штаба открылась, и помощник генерала Райтсайда приглашал офицеров входить.

Генерал Райтсайд, одетый, как всегда, строго и аккуратно, сидел на своем месте. Полковник Смит не поверил своим глазам: вместо подтянутого, хотя и немного полноватого генерала, всегда сохранявшего на холемом, моложавом лице выражение своей значимости и некоторого превосходства, что объяснялось и его близостью к самым сильным людям государства, и принадлежностью к тому кругу людей, которых из-за их богатств принято

называть настоящими хозяевами Америки, за столом сидел старый, сломленный человек. Его лицо стало одутловатым, вместо обычного румянца на щеках, будто грим, лежал серый налет, под воспаленными глазами набрякли нездоровые мешки, плотно сжатые губы отливали синевой. Сначала Юджин подумал, что это из-за освещения в кабинете. Но потом, присмотревшись, увидел, что яркий, не дающий теней неоновый свет тут ни при чем. Генерал действительно изменился. Теперь это был не человек, сохранявший бодрость, элегантность, выражение холеного довольства даже в очень трудных ситуациях, а настоящий старик, по непонятным причинам одетый в генеральскую форму. И это еще больше подействовало на полковника, чем собственные мучительные раздумья.

Когда все расселись, генерал, тяжело опираясь пухлыми ладонями о стол, поднялся. Он открыл рот, чтобы начать говорить, но слова не слетали с его беззвучно шевелившихся губ. Полковнику стало даже страшно. Ему показалось, что генерал сейчас упадет, так и не произнеся тех слов, которые, видимо, приготовил. Но генерал поднял правую руку к лицу, провел ладонью сверху вниз, будто восстанавливая ставшие непослушными мышцы, и глухо, еле слышно, заговорил:

— Наша встреча в такой поздний час,— генерал снова пошевелил беззвучно губами,— а скорее — в столь ранний час, господа, вызвана, как вы понимаете, чрезвычайными обстоятельствами. Не буду излагать своей версии происшедшего. Расследованием займутся специально выделенные для этого офицеры. Скажу только, что во время преступных беспорядков, за которые виновные понесут наказание, погибло двадцать семь американских солдат и два офицера. Потери вьетнамского батальона особого назначения, расквартированного на территории базы по приказу высшего командования, составляют тридцать шесть солдат и четыре офицера. Я не говорю о тех восьми сожженных самолетах, хотя они стоят по меньшей мере двадцать миллионов долларов,— это сделал наш противник, которому мы позволили проникнуть на базу. Я говорю о семидесяти погибших солдатах. Это преступление, за которое нам отвечать всем. Никто не может сказать, что он не имеет к этому отношения. Все — от командующего базой до последнего командира взвода — несут за это ответственность.

Генерал окинул взглядом офицеров, будто рассматривая, нет ли несогласных с его словами. Но офицеры сидели понурые, никто и не собирался возражать.

— Мне стыдно, господа,— сказал генерал,— докладывать в Вашингтон о происшедшем, но я сделаю это, не шадя ни самолюбия, ни чести.

Потом он попросил нескольких офицеров разных служб высказать свою точку зрения на совершившееся, но их выступления были пустыми, никто не располагал фактами, чтобы говорить убедительно или делать определенные выводы.

Генерал был недоволен, но, видимо, понимал, что сейчас многого не добьешься, нужно время, чтобы люди пришли в себя, проанализировали событие с разных сторон, сделали из этого анализа выводы и внесли предложения.

Первые лучи солнца ударили в окна, когда генерал закрыл совещание, которое, ничего не прояснив, внесло еще большую сумятицу в головы участников совещания.

В тот же день генерал Райтсайд, обстоятельно обсудив вопрос с представителями особых служб, особенно с офицерами Центрального разведывательного управления, послал министру обороны телеграмму, в которой было сказано лаконично и обтекаемо: «В результате нападения на базу крупных сил противника уничтожено 8 самолетов и погибло около семидесяти солдат и офицеров вооруженных сил США и союзного батальона особого назначения. Приняты меры для ответных акций против Вьетконга, дислокация частей которого позволяет начать решительное наступление с нашей стороны».

Макнамара, выслушав президента, осторожно сказал:

— Наш старый друг Фрэнсис, господин президент, находится на самом остром участке борьбы. Можно понять его беспокойство, потому что противник действительно атакует его непрерывно. Я обязан доложить вам как главнокомандующему, вчера ночью совершено новое нападение на базу, есть материальные и людские потери. Но генерал Райтсайд вместе со своими офицерами вели себя мужественно. Враг отступил, и, как сообщает Фрэнсис, командование базы установило место расположения основных вражеских сил в районе и намерено нанести по ним сокрушающий удар.

— Ты все-таки помоги ему техникой и солдатами, Боб. Пусть Уэстморленд не скупится. Я знаю, он не

очень любит нашего друга, но когда идет борьба за великие идеалы, личные симпатии и антипатии должны отступить.

— Конечно, господин президент. Я дам указание командующему перебросить часть сил на базу. Сегодня же дам это указание.

— Когда ты собираешься в Сайгон, Боб? — спросил президент, сразу забывший о проблеме базы, которую считал уже решенной.

Из-под очков в тонкой золотой оправе на президента смотрели очень острые, немного ироничные глаза министра обороны, выражающие сейчас полное довольство тем, как удалось ему повернуть разговор, — накормить волков и оставить овец целыми. Тонкие губы чуть раздвинулись в улыбке, отчего резкие линии складок, сбегающих от крыльев носа к самому подбородку, образовали четко выраженный круг, в котором разместились и широкий рот, и овальный подбородок. Макнамара провел рукой по гладко зачесанным, начинающим редеть волосам, поправил дужки очков, скрытых большими, плотно прижатыми к черепу ушами, согнал с лица улыбку, чтобы президент не спросил, что это его так обрадовало, поспешил ответить ровным, спокойным голосом:

— В самые ближайшие дни, господин президент, я зайду к вам получить указания и для нашего командования, и для сайгонских парней, как вы их называете.

Президент так и не узнал, что произошло на базе.

Впрочем, и Макнамара узнал об этом только тогда, когда побывал на ней сам, а узнав, не стал обременять президента докладом. Он по-прежнему считал, что президенту не следует вдаваться в детали войны. Но все, что порядком испортило ему настроение, когда он познакомился с делом на месте, он высказал в самой резкой форме генералу Уэстморленду в беседе с глазу на глаз.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Фам Лань обстоятельно доложил о выполнении боевой операции на территории базы и о том, какие неожиданные последствия она вызвала.

— Скажите, товарищ Фам Лань, — спросил член Военного совета Фронта, — как долго вы готовили операцию?

— Сравнительно недолго, примерно месяц. Непосредственно на базе ею руководил товарищ Нгуен Куок, создавший там хорошую и надежную подпольную организацию.

— Это не тот ли офицер, которого мы разыскивали, прежде чем послать вас на задание, связанное с базой? — спросил председатель.

— Да, тот самый, уже не раз выполнявший очень рискованные поручения.

— Не грозит ли ему опасность после всего случившегося?

— На базе прошли аресты среди вьетнамцев, работающих там. Я боялся, что Нгуен Куок окажется в поле зрения контрразведки, и приказал ему покинуть базу, но он доказал мне, что находится вне подозрений, потому что ему по-прежнему дают важные поручения по ремонту оборудования. А делает он свою работу отлично и быстро. Его ввели непосредственно в ремонтный отряд, которым командует американский военный инженер, у которого Нгуен Куок считается чуть ли не главным помощником. Он даже внес очень ценное предложение по улучшению работы электростанции и получил за него вознаграждение. Когда мы подорвали с его помощью и вывели из строя два агрегата станции — это случилось во время дежурства техников-американцев, — то Нгуен Куок восстановил машины, хотя американцы уже хотели запросить новые агрегаты.

— Убедительное доказательство лояльности и преданности, не правда ли? — с улыбкой сказала заместитель главкома.

— Это было легко сделать, поскольку именно Нгуен Куок сам готовил аварию, — ответил Фам Лань. — Для подрыва самолетов мы использовали магнитные мины с часовым механизмом, которые позаимствовали у американцев. Хорошие, безотказные мины. Правда, достали всего восемь штук.

— Скажите, Фам Лань, — задал вопрос военный комиссар, — после столь трагических для американцев событий не станет ли работа для наших товарищей значительно труднее? А может быть, и вовсе невозможной? Какие у вас на этот счет предложения?

— Да, за каждым шагом вьетнамцев, работающих на базе, будут следить. Придется быть крайне осторожными, как говорят, уйти в глухую защиту. На базе размещен батальон особого назначения, которым команду-

ет майор Тхао, человек подозрительный и злобный. Мы думали, что после того, как между американцами и солдатами батальона произошло столкновение, майора уберут, может быть, накажут. Но в Сайгоне у него есть сильная поддержка, и майора оставили на месте. Повидимому, ответственность за инцидент возложили на американцев, что подстегнет майора Тхао на новые репрессии, в том числе и против мирного населения. К этому мы подготовимся. Но к акциям против базы мы подступим с другого конца. По сведениям, поступившим из Дананга, туда пришел большой транспорт с грузом для базы. Сейчас его начинают разгружать, потом по дороге номер девять его повезут на автомашинах. Думаю, что надо позаботиться о том, чтобы серией диверсий нанести удар с этой стороны, заставить чувствовать американцев, что они находятся в мышеловке. Пусть нервничают, пусть мечутся. В обстановке неуверенности и паники каждый наш удар будет иметь сильное психологическое воздействие. Они, конечно, станут предпринимать попытки всей своей мощью атаковать наши части, проводить жестокие карательные походы. Мы должны быть готовы и к этому, хорошо вести разведку, разгадывать планы, менять дислокацию подразделений и в то же время использовать каждый удобный случай для контрударов. Устраивать засады, нападать на отдельные посты, уничтожать патрульные отряды. Но после происшедшего положение действительно может принять острый характер и борьба станет труднее.

— Мы постараемся облегчить положение наших частей, действующих вдоль дороги номер девять и в районе базы, активными боевыми действиями на других участках, начиная от дельты Меконга и до семнадцатой параллели,— сказал военный комиссар в ответ на слова Фам Ланя.— Военный совет уже начал разработку таких операций. Они в определенной мере будут нашей реакцией на предстоящие выборы президента сайгонского режима и депутатов так называемого национального собрания.

К этому времени предвыборная кампания в Южном Вьетнаме набирала силу. Закулисная борьба соперничающих группировок, о которой печать не могла обмолвиться ни единым словом, проявлялась в растущем напряжении общественной жизни. На фоне постоянных арестов людей по малейшему подозрению, репрессий против деятелей культуры, преследований религиозных

кругов, особенно буддистов, выступающих за демократизацию правления, добивающихся большего пропорционального представительства в будущем парламенте, совершались компромиссные сделки между различными течениями, не имеющими общей платформы, но объединяющимися на базе антикоммунизма. Все большее влияние получали в политическом аппарате католики — сторонники прежнего президента Нго Динь Зьема. Американские специальные службы, используя все свое влияние, стремились к образованию смешанной гражданской католико-буддистской администрации, чтобы, придав облик респектабельности и законности правлению всенной хунты, заставить ее вести более активные боевые действия против все более растущего сопротивления народа.

В штабе Фронта освобождения были хорошо известны склоки между Нгуен Ван Тхиеу и Нгуен Као Ки, каждый из которых мечтал если не окончательно похоронить своего противника, то хотя бы выбить его из седла или ограничить роль в государственном аппарате. Ставка американцев на Тхиеу, более отвечающего их интересам в данный момент, заставила их создать коалицию генералов, выступившую с решительным требованием покончить с двоевластием. Генералы, выполняя установки Уэстморленда, довольно прозрачно намекнули Тхиеу и Ки свои условия: или они выступают на выборах по одному списку — первый на пост президента, а второй — вице-президента, — с единой программой, или военные найдут других кандидатов. Тхиеу, поняв, что Соединенные Штаты сделали окончательный выбор в его пользу, сразу согласился с генеральским демаршем. Нгуен Као Ки, легко распознавшему, откуда и в какую сторону дует американский ветер, ничего не оставалось, как смириться, дать согласие «работать рука об руку со своим старшим братом и другом для сокрушения коммунизма и усиления Южного Вьетнама, оплота свободы и демократии, пользующегося поддержкой и уважением своих друзей и союзников».

— Нынешняя коалиция Тхиеу и Ки, — сказал председатель Фронта, проанализировав обстановку в сайгонской верхушке, — это временный союз двух хищников, с удовольствием бы перегрызших горло друг другу, но боящихся своего грозного укротителя, наблюдающего за ними и готового пустить в ход свой беспощадный хлыст. Кого бы ни выбрал этот укротитель для своего цирково-

го представления, дело нам придется иметь с ним самим. Поэтому все наши дела будут подчинены нанесению ударов по хозяевам сайгонской клики. Мы будем использовать для этого как военные силы, так и оружие политической борьбы, борьбы за народные массы, за усиление своего влияния на них. Наши политические лозунги ясны и понятны народу. Потому-то перспективы борьбы на нынешний год нас радуют, хотя мы предвидим и трудности, и потери в этой борьбе. Однако нас уже ничто не может остановить на пути к победе. В отличие от сайгонского режима, лишённого корней и связей со своей землей, наша революционная борьба — это борьба народа, питающего ее своими соками жизни. Дерево свободы, которое мы посадили, уже распускается, скоро оно зацветет, а потом и даст свои чудесные плоды. Плоды победы.

По донесениям агентов, в Сайгон стали поступать сообщения, что в городах и контролируемых правительством сельских районах распространяются листовки с программой Национального фронта освобождения, которая отрицательно влияет на настроение населения и вызывает сильное брожение.

Нгуен Као Ки, познакомившись с доставленными материалами, вызвал к себе начальника контрразведки и задал ему вопрос: знает ли он о подрывных листовках Вьетконга?

— Да, господин премьер-министр, — ответил начальник контрразведки, — два дня назад мы получили несколько штук и начали расследование. Думаю, что потребуется еще немного времени, и мы установим, где они печатались.

— Пока вы готовитесь, генерал, Вьетконг распространит их не только среди гражданского населения, но и среди военных. Вы представляете, какие настроения могут родиться в среде солдат? Эта коммунистическая пропаганда рассчитана на серую массу, с которой у нас и так хватает забот.

Премьер замолк на несколько минут, чтобы еще раз прочитать тексты обращения. Ему стало не по себе. Простыми словами, понятными и интеллигенту, и крестьянину, и недовольным религиозным деятелям, определялись цели, которые Вьетконг ставил: «разгром американских агрессоров и их сообщников; создание национального демократического правительства на широкой основе; проведение социальных преобразований;

строительство независимого, демократического, мирного, нейтрального и процветающего Вьетнама; подготовка к мирному воссоединению страны».

— Нет уж! — не сказал, а прокричал премьер, отбрасывая в сторону листовку. — Этого мы не допустим! Не допустим! Свернем голову! Надо, генерал, быстрее действовать, чтобы зараза не распространилась вглубь. Ищите, откуда она исходит, рубите головы, пусть вас ничто не останавливает.

— Так и будем действовать, господин премьер.

Когда начальник контрразведки ушел, Нгуен Као Ки почувствовал себя неловко: нервы сдали, показал себя слабым и напуганным. Он, Железный Ки, как его называли подобострастные подчиненные, потерял присутствие духа, вел себя как какой-нибудь американец, не умеющий держать себя в руках, когда сдают нервы. Много раз он видел безобразные сцены в среде американцев и с презрением думал о людях, которые ведут себя подобным образом. В таких случаях ему всегда хотелось сказать: «Чего бесноваться? Разве это поможет делу? Молнией ягодицы не согреешь. Надо думать, а не кричать, голова поможет лучше, чем горло». А тут сам оказался в смешном положении. Что подумает этот выскочка, выкормыш Тхиеу?

Начальник контрразведки действительно подумал, что премьер стал сдавать. Впрочем, он понимал причину этого: кончается его правление. До сентября еще покричит, а потом пойдет быстро под гору. В роли диктатора Тхиеу быстро обломает ему крылья. Потом, поразмыслив немного, проникся сочувствием к премьеру: боится будущего. «А я разве не боюсь?» — задал сам себе вопрос. Сколько он насмотрелся на допросах и пытках на вьетконговцев! Смерть стоит рядом, а они одно: все равно вам скоро конец! У самого часто сдавали нервы, и он, выхватив пистолет, выпускал в фанатика всю обойму. А что толку? Они растут, как трава. Не успеваешь срезать ее. И чем же они притягивают к себе людей? Сто девяносто тысяч дезертиров за год — это же сила, восстановить которую почти невозможно. Наверное, прав премьер, надо поострее точить нож и резать всех подряд, если не хотим, чтобы резали нас.

Когда он пришел в управление контрразведки, к нему сразу заявился подполковник, которому было поручено найти, где печатались листовки.

— Есть новости? — спросил его начальник контрразведки.

— Есть, господин генерал. Специалисты, изучив сорт бумаги и шрифты, установили, что часть листовок, вот таких, — услужливо положил листок на стол, — отпечатаны в той же типографии, где печатается газета «Луч Сайгона».

— Да ты понимаешь, что говоришь? — сурово спросил генерал.

Редактор газеты был другом генерала.

— Это же самая надежная наша газета, редактор близкий человек к правительству.

— Я не говорю о редакторе, господин генерал, я говорю о типографии, а там наверняка есть сторонники Вьетконга. Они-то, думаю, и отпечатали тайно листовки.

— Типографию закрыть! Арестовать всех! Допросить и каждого причастного к этому преступлению — к нам! С редактором я поговорю сам. Действуйте!

Допрос арестованных работников типографии ничего не дал. Их надо было или расстрелять всех, или всех освободить. Но последнее было не в правилах контрразведки. Поэтому из тридцати пяти человек двенадцать, которые на допросе вели себя слишком подозрительно и нахально, расстреляли, остальным пригрозили такой же карой и отправили работать. А листовки продолжали распространяться, появились на стенах домов. Но особенно дерзко показало себя подполье, доставив пачку листовок в зал заседаний кабинета министров и в американское посольство. Пошли аресты среди персонала, работающего в президентском дворце. Посол Лодж посетил Тхиеу и высказал удивление бездействием контрразведки, под боком у которой Вьетконг действует столь нагло.

Начальник контрразведки был смещен с должности, и его послали заместителем командира дивизии на Тэйнгуюенский участок фронта, где он был убит во время новогоднего наступления сил освобождения.

Политический удар сил освобождения во время подготовки к выборам президента повлек за собой самые серьезные осложнения: только за один месяц из сайгонской армии дезертировало восемнадцать тысяч человек. Три батальона перешли на сторону Вьетконга с полным вооружением.

Отделы контрразведки, имеющиеся в каждой дивизии, получили приказ усилить контроль за моральным

состоянием воинских подразделений, выявлять агитаторов и сторонников Вьетконга, ужесточить наказания. Еще большие полномочия предоставили батальонам особого назначения: силой, страхом, беспощадными расправами — чем угодно и как угодно! — но оторвать население от Вьетконга.

Подполковник Тхао — новое звание он получил через месяц после трагических событий на базе — долго обсуждал полученное распоряжение с ответственными офицерами Центрального разведывательного управления и представил им свои соображения по усилению борьбы с враждебным, как он говорил, населением, окружающим важный военный объект. Он высказал предположение, что в деревнях работают хорошо организованные подпольные организации, причастные к постоянным диверсиям и нападениям на патрульные группы, блокпосты и колонны автомашин. Агенты доносят, что участились случаи бегства крестьян из деревень. И бегут они к Вьетконгу. Надо прочесать леса, обработать их дефолиантами, расширить безлесную зону, чтобы подступы к деревням были более открытыми. Подполковник считал также, что монахи пагоды Пурпурных облаков и особенно ее настоятель Дьем сочувствуют Вьетконгу и, возможно, оказывают ему помощь, прикрывая свою преступную деятельность служением религии.

— Меня удивляет, — сказал он, — что полковник Смит продолжает поддерживать тесные отношения с настоятелем пагоды и часто бывает там. Он...

— Не забываетесь, подполковник, — сурово прервал Тхао руководитель ЦРУ, — полковник Смит имеет особые поручения, которые вам никто не позволит ставить под сомнение.

На Тхао это замечание, кажется, не произвело впечатления.

— У меня нет такого намерения, господин полковник. Я хочу вас поставить в известность. И только. С другой стороны, долгое общение с явно прокоммунистическими элементами должно было бы дать в ваши руки какие-то сведения, а их, насколько я понимаю, пока нет.

— Я вам сказал, что полковник Смит подчинен более высокой инстанции и ни мне, ни тем более вам не обязан представлять свои отчеты. Его заслуги высоко ценятся в Вашингтоне и в Сайгоне. Он внедрил к парти-

знам десяток ценных людей, которые помогли нашему командованию ликвидировать несколько отрядов и разоблачить опасных агентов не только здесь. Так что я советую вам выбросить из головы бредовую идею подозревать американских офицеров. Это может принести вам большие неприятности. Я знаю, что у вас не сложились отношения с полковником Смитом, но повинны в этом только вы сами, пытаясь иногда найти врага под собственной кроватью.

— Хорошо,— сухо сказал Тхао,— можно не обсуждать этой темы. Познакомьтесь с моим планом контрповстанческих акций.

План был составлен обстоятельно и предусматривал совместные одновременные действия батальона особого назначения и американских подразделений. В нем перечислялись выявленные места дислокации противника, названия деревень, которые подлежат серьезной проверке.

— Об этом,— показал Тхао на страницы со схемами,— знают в моем штабе кроме меня только четыре человека. Мы стараемся не допустить утечки информации, потому что элемент внезапности будет играть решающее значение.

— Вы, господин Тхао,— четко произнес полковник,— кажется, действительно слишком многое себе позволяете. В этом замечании я усматриваю недопустимую вольность, попытку свалить на американские службы свои ошибки. Мне придется сделать из этого надлежащие выводы и сообщить в Сайгон о вашем нелояльном поведении.

Полковник поднялся из кресла, всем своим видом показывая, что не намерен больше обсуждать с Тхао какие-либо вопросы.

— Все,— резко проговорил он,— вы свободны. Ваше поведение не позволяет мне продолжать сотрудничество с вами даже в крайне важной области. План оставьте, я не думаю, что он — результат только вашего творчества. Пришлите ко мне начальника штаба батальона.

— Что вы, господин полковник,— произнес Тхао, на этот раз с нескрываемым испугом, поняв, что перегнул палку, а с ЦРУ шутки плохи.— Я, наверное, неудачно выразился. У меня и в мыслях не было бросать хоть малую тень подозрения на кого бы то ни было. Простите, господин полковник, последние события расстроили нервы. Не ставьте под сомнение мою преданность вам,

разве я не доказал ее своими делами? Я просто информирую вас о мерах безопасности. Мы ограничили круг своих офицеров, имеющих доступ к секретной информации, потому что в нашей среде, несмотря на тщательную проверку, могут оказаться люди, через которых Вьетконг узнает о готовящейся операции. Мы проведем проверку методом дезинформации, чтобы выявить опасные элементы, если они у нас имеются. Только это я хотел вам сообщить, господин полковник, я намеревался, но не успел рассказать о своих подозрениях в отношении некоторых лиц вьетнамского военного персонала.

— Ладно,— довольно натянуто, еще не остыв от гнева, сказал полковник.— После внесения корректив я доложу командованию базы о плане. А вам,— вернулся полковник к старому,— впредь советую лучше смотреть за своими людьми. Без их помощи Вьетконг был бы неспособен осуществить диверсии, которые обошлись нам в огромную сумму. Я сообщу вам о решении командования. До свидания.

Подполковник Тхао уходил подавленный, но в нем кипела злорада и уже начали роиться коварные планы мести. Он еще не знал, как и кому он будет мстить, но знал, что сделает все, чтобы доказать обоснованность своих подозрений.

План контрповстанческой операции был утвержден генералом Райтсайдом и его помощниками без изменений, в том виде, как его доложил представитель разведывательного управления. Началась подготовка к его осуществлению.

Нгуен Куок, вызванный в штаб батальона особого назначения для ремонта системы электроснабжения, барахлившей после нападения на казармы батальона, получил от помощника начальника штаба батальона четкие указания, где и что надо исправить. Когда он кончил, капитан Кхань принял работу, сухо похвалил мастера за аккуратность. Он ни единым словом не выдал, что разговаривает с человеком, с которым его связывает опасная совместная работа. Зная, что помещение штаба напичкано подслушивающей аппаратурой, капитан говорил мало, деловито, с достаточно суровым оттенком превосходства, как и должен говорить офицер с простым рабочим. И никто не знал, что в стреляную гильзу автоматного патрона, которую Нгуен Куок взял с узкого подоконника, капитан Кхань вложил подробный план готовящейся операции.

Получив донесение Нгуен Куока, Фам Лань решил немедленно отправиться в штаб дивизии, чтобы обсудить с командованием ситуацию. Дорога по горным лесным тропам заняла трое суток, хотя Фам Лань рассчитывал пройти быстрее. Сказывалась усталость и недомогание. Приходилось чаще останавливаться на отдых. Томила жажда, а во фляжке с водой оставалось совсем немного заваренного чая, и Фам Лань берег его на тот случай, когда станет совсем неспособен. Сырую воду он пить опасался, а развести костер не хватало сил. После каждого часа пути он валился с ног и только величайшим напряжением заставлял себя вставать с земли и продолжать путь. Дважды он ловил себя на том, что теряет контроль над временем, забываясь в тяжелом сне, от которого отходил медленно, шагал, механически переставляя ноги, испытывая иногда головокружение и тошноту. Когда бойцы далеко выставленного вперед боевого охранения остановили его, он уже еле держался на ногах. Фам Лань назвал фамилии командира и комиссара дивизии, и бойцы поняли, что это свой человек, дали ему немного вареного риса, горячего чаю, посоветовали отдохнуть перед последним отрезком дороги.

— Скоро придет наша смена,— сказал один из бойцов,— и мы поможем вам добраться до штаба.

Командир дивизии, увидев Фам Ланя, удивился:

— Да что с вами, товарищ Фам Лань? На вас нет лица. У вас температура?

Вызвали врача. Тот осмотрел разведчика и определил гриппозное состояние.

— Поместите его в моем шалаше,— сказал командир дивизии,— дайте лекарства, и чтобы завтра он был здоров.

— Надо срочно поговорить,— попробовал протестовать Фам Лань,— дело не терпит...

— До утра ничего не случится,— возразил командир дивизии.— Насколько я понимаю, вы пришли сюда не ради того, чтобы повидаться со мной. Чтобы говорить серьезно, у вас должна быть свежая и здоровая голова,— и, несмотря на протесты, Фам Ланя уложили на постель из веток, накрыли легким одеялом и посоветовали уснуть.

Совет оказался как нельзя кстати. Заснул он почти мгновенно, а когда забрезжил рассвет, проснулся, сначала не понимая, где находится, но постепенно восстановил в памяти события последнего дня и только тогда

почувствовал, что хворь улетучилась, напоминая о себе лишь легким звоном в ушах. Хотелось пить. Он пошарил вокруг себя рукой и нашел фляжку. Она была тяжелой и теплой. Отвинтив колпачок, начал, обжигаясь, пить глотками показавшийся особенно вкусным кисловатый настой на какой-то ароматной траве. Кончил пить, когда понял, что во фляжке осталось на доньшке. Пропал звон в ушах, появилась свежесть, услышал пение птиц за стеной, а потом веселый голос командира дивизии.

— Хотел уже бежать за новой порцией напитка, ду-мал, что и не остановитесь. Ну как, полегчало?

— Вроде и не было ничего. А может быть, и действительно ничего не было, просто сказалась усталость. Не по асфальту ведь шел-то к вам.

— По асфальту будем ходить позже.

Емкое вьетнамское слово «шоу до» командир дивизии произнес с такой интонацией, как будто ему было точно известно, когда настанет такое время.

— Не так скоро это будет, дорогой товарищ Тиен,— сказал Фам Лань,— нам еще с вами придется для этого хорошенько поработать.

— Догадываюсь, что за этим и прибыли к нам.

После завтрака — чашка жидкого рисового супа и ватреный батат — в леу¹ командира дивизии собрались старшие офицеры штаба. Они выслушали сообщение Фам Ланя о последних событиях, особенно вокруг базы и на ее территории, внимательно изучили и обсудили бумаги, полученные от Нгуен Куока, и затем командир дивизии отдал распоряжение начальнику штаба готовить план контроперации.

— Скажите, товарищ Фам Лань,— спросил начальник штаба,— насколько достоверны эти сведения, нет ли в них элемента дезинформации?

Фам Лань задумался, прежде чем ответить. Этот вопрос не был неожиданным, потому что и сам несколько раз задавал его себе в последние дни. Но, проследив мысленно всю цепочку, он пришел к выводу, что Нгуен Куок не мог попасться на фальшивку. Фам Лань знал, что капитан Кхань, ставший активным участником Сопротивления, шел к этому нелегким путем переоценки того, к чему его готовили. Как честный человек, наблю-

¹ Леу — вид шалаша, в которых чаще всего жили и работали воины, штабы, армейские службы, находившиеся в горно-лесистой местности.

дая все, что происходило вокруг, видя, в какой тупик катилась без всяких тормозов сайгонская машина, в которой его отец — один из экономических советников президента Тхиеу — был далеко не последним винтиком, — сделал в конце концов другой выбор. Поняв это, он занял место в ряду безвестных пока, но решительных борцов против режима.

— Этим сведениям, — сказал он, — я доверяю так, как если бы я сам добыл их из самых надежных источников.

— В таком случае, — сказал начальник штаба, — будем разрабатывать свой план, исходя из этого.

— Обратите внимание на то, что противник если и не совсем точно, но знает расположение наших подразделений, которые непосредственно примыкают к дороге номер девять. Предусмотрите их передислокацию, хотя, исходя из задач, которые станут перед ними уже завтра, нам не удастся сделать в этом плане слишком многого. Нельзя роты и батальоны уводить далеко от дороги, поскольку она в самом близком времени станет объектом наших атак. Перевозка прибывших грузов начнется, как мы полагаем, дней через десять — двенадцать. Поэтому, — командир выразительно взглянул на начальника оперативного отдела, — надо принять меры к маскировке наших позиций.

— Мне кажется, — ответил на это начальник оперативного отдела, — надо создать ложные позиции, хорошо заметные с воздуха. Пусть американцы побросают на них побольше своих бомб.

— Ну, в этом-то наши саперы хорошо натренировались. Если бы американцы знали, сколько они сбросили своих бомб впустую, их бы это не очень обрадовало. И еще одно: надо, видимо, подыскать и новое место для штаба. Его расположение не указано на схеме, но это не мешает исходить из того, что противник знает о нем, и тогда после начала операции мы можем оказаться в трудном положении. Уйдя с этого места, мы оставим все нетронутым, только демаскируем позицию. Надо вырубить часть деревьев, построить на открытых местах ложные батареи и пулеметные гнезда. Пусть смотрят и радуются, что мы у них как на ладони.

Через неделю американские самолеты-разведчики действительно начали появляться в зоне дороги номер девять. Операция вступала в решающую стадию. Надо было оправдывать данное обещание Вашингтону на-

нести сокрушительный разгром Вьетконгу в районе базы.

Подполковник Тхао, получив подкрепление живой силой и техникой, выбрал для своих карательных действий, как это было и предусмотрено планом, несколько деревень, которые он считал наиболее опасными и тесно связанными с партизанами. Батальон выступил в поход после полуночи. Его поддерживали рота американских морских пехотинцев и дивизион бронетранспортеров. Каждому отряду карателей был придан взвод американцев с несколькими бронетранспортерами. Скрыть передвижение крупных сил при условии, что части национального освобождения предупреждены о нападении, было невозможно. Разведчики, наблюдавшие за жизнью базы, вовремя засекли возросшую активность на ней и по цепочке связанных сообщили об этом подразделениям, уже несколько дней назад занявшим позиции для контратаки. Тхао рассчитывал перерезать дороги и тропинки, ведущие из деревень в горы, бросить основные силы в сами деревни, провести аресты и первые допросы, выяснить степень причастности населения к Вьетконгу. И если таковое обнаружится, в чем он не сомневался, приступить к карательным акциям, которые бы надолго запомнились другим приверженцам Вьетконга.

Перед самым восходом солнца подразделения — одни позже, другие раньше — вышли на исходные рубежи в своих районах. Подполковник Тхао, находившийся со второй ротой, которой предстояло усмирять самую крупную общину Чанхо, созвал офицеров, чтобы дать последние указания. Обменявшись несколькими фразами с американским лейтенантом группы поддержки, Тхао собрался произнести речь — короткую, но полную решимости покарать предателей.

— Солдаты! — сказал он. — Мы пришли сюда, чтобы выполнить...

Он не успел договорить фразы, как утренняя тишина, нарушаемая только треском цикад и кваканьем лягушек, взорвалась: со всех сторон по солдатам роты, присевшим отдохнуть прямо на дорогу, ударили пулеметные очереди. Раздались крики раненых, началась та паника, которая страшнее любого огня противника. Солдаты вскочили, заклацали затворы автоматов и винтовок, но многие падали, так и не успев сделать ни одного выстрела. Тхао растерялся, судорожно стал расстегивать кобуру пистолета, который был бесполезен в дай-

ной ситуации, но он не соображал, что делает. Американский лейтенант нашелся быстрее, скомандовав зычным голосом ложиться, занять оборону и вести огонь по врагу.

Солдаты его или не слышали, или не понимали, где находится этот самый враг. Бронетранспортеры, стоявшие в отдалении, молчали, видимо, экипаж выбрался из машин размять ноги. Прошло несколько минут, прежде чем они открыли огонь, ориентируясь на яркие вспышки пулеметов противника. Тхао будто очнулся, залег рядом с лейтенантом и тоже стал подавать команды рассредоточиться, занять оборону, подготовиться к отражению противника. А противник не наступал, он вел уничтожающий огонь, прижимая солдат к земле. Вдруг загорелся один из бронетранспортеров, видно, в него попали из гранатомета. Лейтенант вскочил, хотел бежать в его сторону, но как-то нелепо остановился, несколько раз повернулся на одном месте и рухнул на обочину дороги, едва не свалившись в канаву с водой. Тхао подполз к нему и увидел, что помощь американцу уже не нужна. Только тут он пришел окончательно в себя, поняв, что выбраться из засады будет нелегко. На него будто снизошло спокойствие, он четко увидел все, что происходит, всю картину боя, навязанного противником. На дороге, еще влажной от росы, лежали убитые, истошно вопили, ползли, хватая землю руками, раненные.

— Всем в деревню, бегом! — скомандовал подполковник и сам с пистолетом в руке бросился к совсем близко стоявшим домам деревни, приказывая солдатам следовать за ним.

Узкая дорога сбивала их в тесную беспорядочную толпу, а огонь противника усиливался. Стали рваться гранаты то впереди, то сзади, усиливая панику и неразбериху. Когда подполковник Тхао и бежавшие за ним солдаты были совсем близко от спасительных банановых и бамбуковых рощ, окружавших деревню, где они рассчитывали укрыться, оттуда защелкали винтовочные выстрелы. Это отряд самообороны общины подготовился к встрече карателей. Тхао приказал снова залечь и открыть огонь в сторону деревни, думая заставить отступить ополченцев, чтобы вслед за ними ворваться в деревню. Из подъехавшего бронетранспортера, ошетинившегося огнем своих четырех спаренных пулеметов, вскочил американский сержант и подбежал к Тхао.

— Где лейтенант? — спросил он.

— Убит, — ответил подполковник. — Вы сообщили на базу, сержант, что мы попали в засаду? — спросил он, зная, что американцы обязаны поддерживать связь с базой и сообщать о ходе операции.

— Сообщил, — грубо ответил сержант, — скоро здесь будут вертолеты. Но дело в том, что в такую же засаду попали и остальные отряды. Американские подразделения ведут тяжелые бои с хорошо подготовившимся к нашему наступлению противником. Кто-то предупредил Вьетконг заранее, — сказал он убежденно, — и думаю, что это работа ваших людей, подполковник. Кому-то придется ответить за это. Может быть, вам лично. Не умеешь воевать — не берись не за свое дело.

Подполковник хотел одернуть сержанта за непозволительный тон в разговоре, но, увидев свирепое, злое выражение на черном лице с несколькими шрамами, проглотил готовые вырваться слова. «Такой прихлопнет из своего пистолета, не задумываясь», — мелькнула в голове мысль.

— Кто-то, конечно, ответит, сержант, но сейчас главное — выбраться из этой ловушки, вот в чем вопрос.

— Не знаю, что для вас лучше: остаться в этой ловушке или оказаться перед трибуналом, — сказал он, направляясь к бронетранспортеру, стоявшему с открытой дверцей. — Я бы тебя за лейтенанта прикончил своей рукой, грязный подонок.

Появившиеся семь вертолетов, направляемые по радиации из бронетранспортера, начали бомбить и обстреливать ракетами и пулеметами — одни предполагаемое место засады, другие — деревню. Они делали заход за заходом, обрушивая свою мощь на возможные позиции пулеметчиков Вьетконга и деревенские хижины. Горели деревья и дома крестьян. Отбомбившись, вертолеты сядились на дорогу. Американский майор, командовавший вертолетами, дал всего десять минут, чтобы собрать в один вертолет раненых, в другой — убитых. Подполковник Тхао метался между солдатами, требуя шевелиться быстрее. Раненые вповалку едва поместились в две машины, убитых складывали как поленья. На это ушло не десять минут, а целых полчаса, и вертолеты поднялись в воздух. Бронетранспортеры, развернувшись, готовились уходить, и подполковник, преодолевая зло и ненависть, подбежал к сержанту, от которого до этого услышал оскорбительные выпады.

— Сержант, прошу вас связаться с базой и запросить, что нам делать.

Тот недовольно поморщился, но защелкал тумблерами рации, и сквозь хрип, свист и треск подполковник услышал, раньше чем ему сообщил противный сержант, резкий, как пощечина, ответ:

— Пусть возвращаются на базу, черт их побери!

— Слышал? — поинтересовался сержант. — Ну, действуй, — и транспортер, обдав подполковника едким дымом, рванулся вперед.

Тхао со смертельной обидой, застилавшей глаза темной пеленой, постоял несколько минут в тяжелом раздумье, а потом, собрав остатки своих солдат, двинулся в обратный путь под защиту ставшей теперь ему ненавистной базы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Разгром батальона особого назначения, а потом и большой колонны грузовиков, доставлявших военное снаряжение на базу, тревожным эхом отозвался в Сайгоне. Генерал Уэстморленд распорядился послать в Фусань комиссию по расследованию. В беседе со своими заместителями он высказывался резко и недвусмысленно.

— Под боком у этого старого интенданта, — генерал намекал на то, что командующий базой был причастен ранее к службе армейского снабжения, — как в аквариуме, плодятся шпионы и диверсанты Вьетконга, а он, располагая гигантской военной мощью, не может уничтожить не только жалкие отряды противника, но даже диверсантов на базе.

Уэстморленд просто кипел от гнева, от гнева на все и всех — на Вашингтон за то, что снова не пошел на трехсоттысячное увеличение войск, выделив какие-то жалкие пятьдесят семь тысяч, которыми не заткнешь всех дыр, все чаще появляющихся в системе обороны; на Ханой, который и не думает прекращать своего массированного проникновения в Южный Вьетнам и поддерживать здесь враждебные элементы; на сайгонских лидеров, и в первую очередь на генералов, не способных заставить своих солдат воевать по-настоящему.

— В их штабах, — возмущался Уэстморленд, — половина — шпионы Вьетконга. Через них он получает самые секретные сведения. Генерал Райтсайд, конечно, не

та фигура, какая нужна сейчас на базе, но — надо быть справедливым — у него не сто глаз, он за всем усмотреть не может. И ваши парни, — генерал выразительно посмотрел на полковника Джима Мэрфи, ставшего заместителем представителя ЦРУ в Сайгоне, — тоже должны бы держать глаза открытыми пошире. Они же там разрабатывали план, который утвердил старый Фрэнсис, они руководили операцией по усмирению. А что получилось? От батальона особого назначения — вы знаете, сколько мы потратили на подготовку каждого солдата, почти столько же, сколько на подготовку своих «коммандос», — осталось меньше роты, и мы потеряли несколько офицеров и почти взвод морских пехотинцев. Впустую, подумайте — впустую! Соотношение потерь — я боюсь назвать точную цифру, — но если мне скажут, что оно равно один к двадцати, даже к тридцати, я не удивлюсь этому. Попали, как в мышеловку. Позор!

— Сэр, — сказал Мэрфи, — думаю, что надо поговорить серьезно с генералом Тхиеу и поставить перед ним прямой вопрос: намерены ли они заставить свою армию воевать? Я получил сообщение о настоящих фактах предательства, иначе я их не могу назвать. Мы и так берем на себя самую трудную и опасную для жизни солдат обязанность, поручая вьетнамским подразделениям вспомогательную работу. Мои люди сообщают, что не раз уже замечали: посланные на разведку вьетнамцы, видя позиции Вьетконга, подают сигнал, что противник не обнаружен, и, сидя на корточках, ждут, когда прилетят вертолеты и заберут их. Боятся говорить правду или открывать огонь.

— На месте надо расстреливать таких! Расстреливать! — рука генерала рубанула воздух.

— По нашему совету полевые суды так и поступали в нескольких случаях, но это не выход. Нужны какие-то другие меры, решающие проблему в целом.

— Я-то все понимаю, Джим. Но генерал Тхиеу и вице-маршал Ки сейчас не способны что-либо сделать. Через полмесяца выборы. Они только и видят свои высокие кресла.

— По-моему, это не должно вызывать у них особого волнения. Вашингтон уже выбрал их, определил, кому в каком кресле сидеть, — с иронией в голосе заметил Мэрфи. — Выборы выборами, а война войной. Судя по тому, как переполнены тюрьмы, противников у них уже не должно бы остаться, даже мифических.

— А они, по-вашему, еще есть? — улыбнулся генерал своей шутке.

— По меньшей мере каждый третий, живущий в этой стране, их и наш враг. Вот посмотрите, — Мэрфи вынул из папки книгу и подал генералу.

Уэстморленд взглянул на нее и брезгливо отодвинул.

— Ты что, Джим, издеваешься надо мной? Я еще не сошел с ума, чтобы учить дикарский язык. Что это значит, ты можешь объяснить?

— Эта книга, сэр, сейчас имеет очень широкое хождение. Мои ребята видели ее даже у офицеров во фронтовых частях.

— Ну и что, мало ли какую белиберду читают эти офицеры?

— Не белиберда, сэр. Книга называется «Обреченные». Ни автора, ни места издания. Мы полагаем, что отпечатана она в Сайгоне, и немалым тиражом.

— Я отказываюсь тебя понимать, Джим, — генерал еще дальше отодвинул книгу, — или ты скажешь членораздельно, или не отвлекай внимание от более важных вопросов.

— Это очень злая антиамериканская книга. Она рассказывает, каждой строкой разжигая настроение против американской армии, об одной локальной операции, которую мы проводили в октябре — ноябре 1965 года в долине Плейме-Ядранг. Там, по сложившейся боевой обстановке, наш батальон, действовавший вместе с сайгонским полком, вынужден был выйти из соприкосновения с партизанами, или, как тут пишут, — указал Мэрфи на книгу, — бросил вьетнамцев в беде, лишил их поддержки артиллерией и бронетранспортерами. Наши солдаты, которым грозило полное уничтожение, были вывезены на вертолетах, а полк остался в окружении партизан и погиб почти до последнего человека.

— Это было черт знает когда, — сказал генерал, — я об этом даже не слышал.

— В том-то и дело, сэр, что кому-то потребовалось оживить старое и сделать из него новое. Послушайте, как заканчивается книга, — Мэрфи взял ее со стола генерала и, открыв последнюю страницу, к которой был приклеен листок с переводом, прочитал: — «Солнце клонилось к закату. Последний вертолет, набитый американцами, поднялся в небо. Скоро для вьетнамских солдат наступит последняя ночь. Никто из них не спасется, они погибнут, преданные своими коварными союзниками,

для которых жизнь вьетнамца ничего не стоит». И в конце любопытный вывод-предположение. Он и вас касается, сэр.

— Интересно, какое отношение он имеет ко мне? — удивился генерал. — Ну, читай.

— «Солнце над нашей страной,— читал Мэрфи,— снова катится к закату. Сейчас генерал Уэстморленд, а после него, возможно, какой-нибудь другой янки будет делать то же самое, толкать наш народ в новую ночь гибели, но уже другого масштаба. В конце концов американцы, спасая свои жизни, все равно будут вынуждены улететь на своих вертолетах, но до этого они превратят нашу жизнь в хаос. Мы все сейчас обреченные, как те несчастные, погибшие в Плейме-Ядранг. И над этим надо задуматься всем. Всем, у кого есть совесть и любовь к своей стране».

Мэрфи закрыл книгу и посмотрел на генерала. Тот сидел, сердито насупившись. Потом он поднял голову и медленно, чеканя по-военному слова, произнес:

— Да, Джим, это не белиберда, как я подумал вначале. Это — оружие против нас. И оружие сильное.

Уэстморленд снова задумался на какое-то время, и в кабинете повисла тяжелая тишина. Щелкнула зажигалка, и этот звук, словно пистолетный выстрел, заставил генерала поднять голову. Он заговорил спокойно, но в голосе его чувствовалась решительность.

— Но что бы ни происходило здесь, какое бы оружие противник ни применил против нас, мы останемся в этой стране столько, сколько потребуется для Америки.

Потом, видимо вспомнив только что прочитанные строки, говорившие как раз об этом — сколько потребуется Америке, торопливо добавил:

— И своих друзей мы не оставим в беде. Мы вместе с ними пойдем до победы, пусть никто не сомневается в этом. На войне всякое случается. Может быть, тот, кто отдавал приказ вывезти американских и оставить вьетнамских солдат, допустил ошибку, от ошибок не существует страхового полиса, но из-за этого зачеркивать все наши исторические дела на этой земле может только враг, против которого мы и ведем здесь борьбу.

— Но все-таки, сэр,— Мэрфи постарался вернуть генерала к тому, с чего начали,— поговорить с вьетнамскими лидерами надо на эту тему. В городе, где, кажется, все находится под контролем, каждого подозрительного контрразведка берет на свое обеспечение — парни

из этой службы хорошо нами подготовлены и хорошо зарабатывают,— новые и новые подрывные печатные материалы появляются чуть ли не каждый день. Значит, пока не удастся нащупать настоящих организаторов, вылавливаются в лучшем случае мелкие исполнители.

— Ты знаешь, Джим, что по твоей информации пол-сол Лодж имел серьезный разговор с президентом, и прежний начальник контрразведки смещен. Пришел новый человек, твои ребята могли бы помочь ему и советом, и делом. Я буду говорить с руководителями военными и гражданскими, хотя от последних толку не так много, постараюсь довести до их разума то, что сейчас необходимо. Я рад, что ты решил слетать на базу и разобраться, что там происходит. Тут нужна разумность действий, обстоятельность. Передайте мой самый сердечный привет генералу Фрэнсису, подбодрите его, а то он может впасть в уныние от неудач, следующих одна за другой.

По этим словам Мэрфи понял, что, несмотря на резкие выпады в адрес старого генерала, Уэстморленд не хотел, чтобы у Райтсайда сложилось о нем неблагоприятное мнение: он знал, что генерал имеет слишком высокого защитника в лице самого президента.

Вместе с группой полковника Мэрфи на базу летела и группа сайгонских офицеров во главе с подполковником Тюеном, которого Мэрфи знал давно и высоко ценил. Тюен проходил стажировку в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли. Он был правой рукой недавно смещенного начальника контрразведки, ею же остался и у нового. Общительный, прекрасно владеющий английским языком, с острым умом и вполне современными взглядами, подполковник Тюен был как бы связующим звеном между двумя службами. Говорить с ним было легко и приятно. Мэрфи был доволен, что именно его послали разобраться в непростом деле. Он понимал, что два таких чрезвычайных происшествия на базе не могли произойти без помощи людей, работающих на ней и, что самое тревожное, имеющих доступ к самой секретной информации. На базе сильный состав офицеров ЦРУ, но они до сих пор не сумели обезвредить шпионов. Значит, враг очень надежно прикрыт, осторожен, но дерзок. И если Вьетконг действительно имеет здесь своего хотя бы одного человека, то кто бы он ни был — вьетнамец или американец,— это человек с хорошей головой. Про-

вести парней из Лэнгли не так просто. Они знают свое дело, и у них хорошая, первоклассная техника.

Мэрфи пригласил Тюена сесть рядом с собой, налил в стакан виски.

— С содовой или чистое? — спросил он.

— Сколько жил в Штатах, — с улыбкой ответил Тюен, — а пить виски в чистом виде не привык. Так что мне с содовой.

Сделав несколько глотков — сам Мэрфи мог выпить много, но никогда не злоупотреблял этим, разве только когда попадал в компанию, где нельзя было избежать выпивки, чтобы не вызывать подозрения.

— Я тоже не люблю этот напиток в чистом виде, хотя и стопроцентный американец, — сказал Мэрфи. — Но я знаю нескольких ваших соотечественников, перед которыми я — просто школьник.

— Да, у нас их стало появляться за последние годы все больше, — согласился Тюен.

— И вы думаете, что это наше разлагающее влияние? — поддразнил Тюена Мэрфи.

— Я бы все-таки отнес на счет моих соотечественников. Они очень хотят следовать за модой, не отстать от жизни.

— Но моду-то принесли мы, — не унимался Мэрфи, — наши парни здесь настолько модны, что не у одного меня часто болит голова от этого. Да вы и сами знаете.

— До вас были другие парни. Тогда мы были поклонниками «Шабли», «Бужеле», «Вдовы Клико», «Наполеона»¹. Так что мода — довольно изменчивая госпожа.

— Вы думаете, мода на виски тоже когда-то уступит место другому напитку?

— Э, господин полковник, — улыбнулся Тюен, — не ловите меня на слове. Я больше вашего боюсь, что виски уступит место чаю.

— А чаеводы сейчас в большом количестве вон там, — показал Мэрфи в иллюминатор, в который были видны проплывающие внизу зеленые джунгли.

Они закурили. Ароматный дымок струйкой поплыл в вытяжные отверстия, и Мэрфи с преувеличенным вниманием наблюдал, как он кисейной, прозрачной ленточкой исчезает из салона.

¹ Марки известных французских вин и коньяка.

— У вас уже составилось какое-то определенное мнение по делу? — спросил он подполковника.

Хотя вопрос Мэрфи не был связан с предыдущим разговором, Тюен понял его.

— Последние несколько дней — и не только дней, но и ночей, — сказал Тюен, — я перечитал все, что имеется в нашем распоряжении о базе и вокруг нее, и боюсь, что причину надо искать среди наших людей, прежде всего в штабе подполковника Тхао. Не исключаю, хотя ни на кого не могу бросить и тени подозрения, что источником утечки информации могут служить офицеры, работающие по соглашению между нашими странами, в непосредственном подчинении штаба базы, — восемнадцать старших офицеров. Я изучил личные дела всех своих людей, но ничего не выудил, хотя чувствую, что искать надо среди них. Не могу же я предположить, чтобы кто-нибудь из ваших офицеров был осведомителем Вьетконга, он не продержался бы и месяца.

— Я тоже так думаю. А что вы скажете о подполковнике Тхао?

— Это безупречный в делах службы офицер, — не задумываясь, ответил Тюен. — Он бы арестовал отца, родного брата, жену, если бы на них пало подозрение. Он не очень щепетилен, когда речь идет о личной жизни, но то, что он одержим борьбой с коммунизмом, тут ни у кого не может быть сомнения.

— Любовь к богатству чаще всего приводит на ошибочный путь, — заметил Мэрфи.

— Подполковник Тхао достаточно богат, он единственный наследник своего дяди, банкира во Франции. Он воюет беспощадно. Но я согласен с вами, любовь к деньгам может привести на такой путь. Мы уже вынесли не один суровый приговор за продажу оружия Вьетконгу, и не какой-то отдельной винтовки. Впрочем, вы ведь тоже знаете об этом.

Да, Мэрфи знал, что спекулируют не только вьетнамские, но и американские солдаты. Скольких из них наказывали за потерю оружия, хотя ни для кого не было секретом, что оно не потеряно, а продано. Специальная служба ведет сейчас борьбу с массовой контрабандой наркотиков. Совсем недавно была разоблачена банда, наживавшая огромное состояние, переправляя в Штаты наркотики самым кощунственным образом: пакеты с героином зашивали в трупы убитых, гробы с которыми отправляются на родину. Банда составляла хорошо на-

лаженный механизм. Наркотики поступали из «Золотого треугольника», расположенного на границе Таиланда, Лаоса и Бирмы. Их получали респектабельные на вид люди. В военных госпиталях врачи — соучастники банды — вскрывали трупы, аккуратно укладывали пакеты под внутренние органы, зашивали разрез, маскировали шов, и убитый солдат служил теперь гангстерам. Когда Мэрфи узнал об этом, ему стало противно. Стыдно за то, что хорошо знал нескольких арестованных, встречался с ними на приемах, пил вместе с ними, говорил о гибели солдат, не догадываясь, что солдатские трупы — чем больше, тем лучше — служили им упаковкой в преступном бизнесе.

— Да, — ответил Мэрфи, — мне, к сожалению, известны такие факты, — он не сказал какие, но Тюен понял по его помрачневшему лицу, что он имел в виду.

— Я попрошу вас, господин полковник, — сказал через некоторое время Тюен, — не отказать мне в помощи, если она потребуется.

— Об этом можно было и не говорить, господин подполковник, — тоже официально сказал он, — будем рука об руку стараться лучше сделать свое дело. Нам предстоит пройти по всей цепочке — от базы до Дананга. Работа непростая, потребует большого труда. Будем готовы к этому, — добавил он, когда самолет уже коснулся колесами посадочной полосы.

Генерал Фрэнсис Райтсайд принял полковника Мэрфи с подчеркнутой любезностью и вниманием, как давнего и хорошего знакомого.

— Рад вас видеть, Джим, рад. Хотя ваш приезд связан с не очень приятным событием, но, не будь его, я бы не имел возможности видеть вас у себя, — говорил генерал, улыбаясь своей немного мрачноватой шутке. — Все в мире тесно связано в одну цепь, одно вытекает из другого, не так ли?

— Да, господин генерал, это так. Не будь расставаний, не было бы и встреч, не будь плохого, как бы человек понял цену хорошему? Эта мысль не новая, но для меня она всегда свежа, потому что так часто приходится быть то на гребне волны, а то и под волной.

— А вот у меня в последнее время волны все время ходят над головой, и потому я рад вашему прибытию, надеюсь, вы поможете вскрыть муравейник. Очень неприятно жить, когда знаешь, что опасность затаилась рядом, но не знаешь, с какой стороны тебя ударят.

— Что-то у вас мрачноватое настроение, господин генерал, а вы, насколько я знаю, всегда были образцом оптимизма и жизнелюбия для офицеров.

— Позолота оптимизма, Джим, слезла, даже не заметил когда. Теперь смотрю на жизнь, надев очки потемнее.

Мэрфи внимательно посмотрел на генерала и нашел, что его слова о позолоте справедливы. Он очень постарел, этот всегда молодо выглядевший, преуспевающий в жизни деловой человек. Конечно, ему бы сейчас уйти с беспокойного поста, но, видимо, как все крупные бизнесмены, он не мог примириться с тем, что конкурент обставляет его, оказывается более удачливым, а это подстегивает, заставляет напрягать силы и не сходить с дистанции. Он это сделает, когда оставит соперника позади и выиграет у него хотя бы полкорпуса. Уйти не сломленным и потерявшим веру в себя, а вырвавшимся вперед.

— По-моему, у вас нет оснований для изменения жизненного кредо, сэр. Вы видели войну в Европе и знаете, как может часто меняться обстановка. С этим здесь сталкиваются наши офицеры чуть ли не каждый день.

— Вы, Джим, отличный парень. Я вас знаю не первый год и испытываю к вам и уважение, и доверие. Только потому я с вами так откровенен, что позволяю себе далеко не со всеми.

— Спасибо, сэр, я всегда считал вас образцом для себя и не раз задавал себе вопрос: а как бы поступил генерал Фрэнсис Райтсайд в той или другой трудной ситуации, которых на мою долю выпадает немало.

— Я вам скажу, Джим,— сказал генерал, не обратив внимание на последние слова Мэрфи, а отвечая на его предыдущее замечание,— нынешняя война для Америки труднее, чем война с Германией. Там был противник понятен нам. Он действовал по тем же, давно установленным нормам, что и мы: был сильнее нас — наступал, чувствовал слабость — отступал. Здесь все наоборот, Джим. Я знаю, насколько я силен, чем располагаю. Знает это и противник, но ведет себя так, будто располагает той же мощью или даже превосходящей ее. Его дерзость, безумство, презрение к смерти пугают солдат. Свою базу мы считаем мощной крепостью, а противник открывает ее двери и наносит нам удар в самое больное место. Не в открытом бою, а изподтишка. Это действует

на психику. Я осуждаю своих солдат, начавших войну против своих союзников. Безобразная, не имеющая оправдания выходка. А подумав немного, не так уж строго сужу их. Прорвалась, как нарыв, злость. Ну, не мы же сами подрывали свои самолеты! Массовый психоз — страшная вещь, Джим. Достаточно одного слова, которое как бы показывает выход, и кровь бьет в голову, толкает на жестокость и преступление. Мы разрабатываем операцию по усмирению провьетконговских деревень, соблюдая строжайшую секретность, а начав ее, попадаем в засаду, гибнет более полутора сот человек — и новый взрыв злобы: ведь кто-то предупредил Вьетконг?

— Мы постараемся разобраться в этом, сэр, разобратся самым тщательным образом.

— Верю, Джим, что разберетесь, накажете виновных, если найдете. Но ведь через месяц все может повториться. Дело как раз в том, что причина кроется в чем-то другом. Ваш друг полковник Смит, умный, образованный офицер, высказал как-то мысль — я не могу с ним не согласиться, — что, видимо, для победы здесь одного оружия недостаточно. Нужна война за сердца и умы людей, чтобы они убедились, что мы пришли сюда как их друзья. А как это сделать, никто не знает.

— Даже Юджин не знает этого?

— Даже он. Юджин — я должен выразить самое глубокое уважение к его таланту — помог нам ликвидировать несколько опасных очагов противника. Он склонил на свою сторону очень способных людей, они проникли в отряды Вьетконга, дали нам ценную информацию. Правда, в конце концов часть из них была раскрыта, другие спаслись, но их уже нужно списать со счета. Вся его работа — умная, с учетом психологии — теперь потеряла смысл. Вьетконг приговорил его к смерти. Но самое трагичное в том, что и наши союзники подозревают его, ненавидят. Известный, видимо, вам подполковник Тхао считает его чуть ли не связанным с Вьетконгом.

— Что за глупость! — возмутился Мэрфи.

— Вот именно. Но Юджин, не выступая против обоснованных репрессий, несколько раз помешал подполковнику совершить их против людей, не причастных к Вьетконгу. Подполковник Тхао придерживается на этот счет другого мнения. И теперь я не знаю, кто скорее ухлопает Юджина — Вьетконг или подполковник Тхао.

Забрали бы вы его отсюда в Сайгон, там он может принести больше пользы, а здесь его убьют.

— Боюсь, вы преувеличиваете опасность, сэр, но я поговорю с генералом Уэстморлендом,— сказал Мэрфи, почувствовав, что в словах генерала есть доля истины.

Надолго затянулась беседа с генералом Райтсайдом в ту ночь. А утром Мэрфи и Тюен, посоветовавшись, приступили к расследованию. Они изучили все случаи диверсий на базе, сорвавшихся боевых и карательных операций. Провели беседы с десятками офицеров, выслушав их мнения и предположения, выстроили разрозненные факты в одну линию и составили схему, по которой можно было определить, на каком участке и когда возможна была утечка информации, кто — только предположительно — мог быть причастен к этому. Подозрения, чему немало помогло собственное расследование подполковника Тхао, пали на нескольких человек, в числе которых был и помощник начальника штаба батальона особого назначения капитан Кхань. Его арестовали вместе с другими офицерами-вьетнамцами. Зная, каким пыткам подвергаются люди, попавшие в контрразведку, капитан Кхань застрелился, оставив короткую записку: «Пусть моя смерть будет обвинением врагам моего народа». Ее посчитали протестом против оскорбления чести офицера, и дело против него прекратили. Чтобы не разразился скандал, отцу сообщили, что капитан Кхань героически погиб в бою и представлен к награде. Трое вьетнамских служащих базы, работавших в ангарах, были признаны виновными в совершении диверсии и расстреляны. Нгуен Куока допрашивали несколько раз, но за него вступился руководитель американской ремонтно-технической службы, и его в конце концов освободили. Аресты были проведены в порту Дананг, и тоже нескольких человек расстреляли. На этом и закончилась миссия полковника Мэрфи, считавшего в душе, что она не дала ожидаемого результата. Но в этом он признался только одному человеку — Юджину Смит.

Лишь накануне отлета в Сайгон Мэрфи выкроил вечер, чтобы посидеть с другом и поговорить по душам.

— Ты что-то плохо выглядишь, Юджин,— с дружеским участием сказал Мэрфи, когда выпили по бокалу вина.— Устал?

— Если честно говорить, то устал. Устал от сознания бесполезности своей работы,— с грустью сказал Смит,— устал от окружающего безумного мира и от попыток

что-то познать и изменить в нем. Это страшная вещь, Джим,— усталость интеллекта. А как ты себя чувствуешь, дружище?

Мэрфи улыбнулся:

— Помнишь, как отвечал на подобный вопрос наш преподаватель французского языка месье Жюстен?

— Конечно: «Не так хорошо, как думают мои друзья, но зато и не так плохо, как хотели бы мои враги». Где-то он теперь, наш добрейший Жю?

— Я не впадаю в такую липкую меланхолию, как ты, но и не заразился тем бурным оптимизмом, какой навязывал нам генерал Лэнсдейл. «В суматохе, тревогах, в попытках разгадать завтрашний день проходит, оставляя пепел надежд, день сегодняшний»,— писал кто-то из английских поэтов, кажется, семнадцатого века. И я порой думаю, что он описывал мое состояние.

— Значит, и тебе достается? А я думал, что у вас там, в Сайгоне, жизнь имеет бóльший смысл. Стоишь на другой вершине и видишь с нее дальше и лучше.

— Но оттого, что стоишь выше, не всегда видишь дальше. А вот постоял на твоей горке, увидел кое-что получше.

— И что же ты увидел, Джим?

— Наши с тобой фирмы, Юджин, меньше всего заинтересованы, чтобы их работники философствовали. Они предпочитают стойков пессимистам. И стратегически — я стоик и оптимист, но тактически становлюсь, ну, если не совсем, то наполовину пессимистом.

— Ты имеешь в виду положение базы?

— Да. По тому, что я узнал и увидел, сомневаюсь, что она устоит под ударами Вьетконга. Генерал Фрэнсис считает, что база переживает худшие времена, а у меня предчувствие, что худшие времена — впереди.

— Не знаю, кто решал строить базу здесь,— сказал Юджин Смит,— но он был не очень хороший стратег. Надо было ничего не знать о Вьетнаме или быть абсолютно уверенным, что война будет серией легких побед, чтобы создать базу в таком уязвимом месте, где она полностью зависит от единственной, ненадежной транспортной линии, находится во враждебном окружении, в местности, удобной для партизанских действий.

— Мышеловка,— определил Мэрфи.

— Вот так и я подумал в ту ночь, ради которой ты приехал сюда.

— Я доложу генералу Уэстморленду свои соображения, но не думаю, что он сможет чем-то помочь. Сил тут и так достаточно, а эффект от них — мизерный.

— Ну и как, ты думаешь, будут развиваться события?

— Вообще?

— И вообще, и в частности.

— Думаю, что генерал добьется увеличения войск и техники, и тогда предпримем более широкие военные действия, чтобы добиться решительного перелома хода войны в свою пользу. Будем надеяться, что это облегчит положение базы, хотя надежды не слишком радужные. Но у нас нет другого выхода, как наращивать силы и добиваться победы. Поражение было бы слишком тяжелым для Америки. В глобальном плане. Если предположить — чисто умозрительно, — что это может случиться, мы потеряем слишком много, не только в материальном смысле.

— Да. В нашем обществе появится вьетнамский синдром, который долго будет сказываться на престиже Америки в мире.

— А не лучше ли, дружище, нам отвлечься от обсуждения гипотетических вопросов: а что, если... — и, не заглядывая так далеко, поговорить на более приятные темы?

— У меня их не так много, Джим.

— Ну, например, когда я буду иметь честь быть на твоей свадьбе? — с улыбкой спросил Мэрфи.

— Наверное, скорее я погуляю на свадьбе твоего Боба.

— Э, дорогой, ты слишком мрачен. И что это за уголок земли?! — с напускным возмущением произнес Мэрфи. — Только и занимаюсь тем, что рассеиваю мрачные настроения — от генерала Фрэнсиса до полковника Смита.

— Ты должен радоваться, что сам рассеиваешь, а не у тебя рассеивают мрачные настроения, Джим. Твое положение выгоднее нашего.

— Что ты молчишь о своих сердечных делах, Юджин? Как твои отношения с Джулией?

— Никаких отношений больше нет, Джим. Был в отпуске, имел серьезный разговор с ней. И теперь свободен. Но лучше не будем говорить об этом, давай-ка еще выпьем, а потом к столу.

— Как хочешь, Юджин, как хочешь, — смущенно

проговорил Мэрфи,— прости, что не очень удачно задал вопрос.

— Ну что ты, мы же с тобой слишком хорошо знаем друг друга, чтобы быть щепетильными. Тем более, мы с тобой не англичане, чтобы постоянно думать, как бы не вторгнуться с вопросом в святая святых — личную жизнь, и ответить так, чтобы собеседник не понял слишком много, но и не остался бы недоволен чрезмерной скрытностью. К счастью, мы, американцы, более раскованно ведем себя в жизни. И в доказательство этого тезиса скажу: Джулия выходит замуж за какого-то английского лорда.

Мэрфи удивленно уставился на приятеля, а потом расхохотался:

— Так вот почему ты пустился в анализ характера англичан. Выпьем!

Они выпили. Поставив на столик стакан, Мэрфи спросил:

— А теперь хочешь начистоту?

— Конечно.

— Не завидую бедняге лорду. Джулия устроит такую жизнь, что ему ничего не останется другого, как постоянно скрывать свои истинные чувства. А вот тебе завидую, Юджин, и радуюсь за тебя.

Смит оторопел от удивления.

— Ну, что окаменел? Да ты просто не знаешь, от скольких ты бед в жизни избавился. Я эту сумасбродную девчонку видел с тех пор, как она сделала свои первые шаги.

— Еще бы,— сказал Смит,— я же и познакомился с ней у тебя дома.

— Помню, очень хорошо помню. Ей тогда было лет семнадцать, не так ли? Подожди, а сколько же ей сейчас?

— Двадцать три.

— Все-таки наследие моих английских предков крепко сидит во мне,— неожиданно произнес Мэрфи.— Нет, я — настоящий англичанин, о котором ты говорил.

— Ты к чему это?

— А к тому, что чопорная щепетильность, как бы не вторгнуться непременно в чужую жизнь, мешала даже мне, твоему другу, заставить тебя отвлечься от смазливового личика и посмотреть на нее трезвым взглядом. Джулия — это стихийное бедствие, а не женщина. Эх, представляю,— весело захохотал Мэрфи,— как будет

лорд терять свою традиционную выдержку, когда Джулия начнет устраивать ему концерты в семейной жизни. Вот увидишь, ее имя не раз будет фигурировать в газетах старого Альбиона, приводя лорда и его родных в шоковое состояние.

— Ты несправедлив к ней, Джим. Да, она немного сумасбродна, по-своему смотрит на установившиеся нормы, но она добра, красива, остроумна, общительна.

— Вот-вот, общительна, даже слишком. И тебе бы именно на эту общительность надо было пораньше обратить внимание. Она два раза убегала из дома с какими-то модными мальчишками, а потом возвращалась как ни в чем не бывало. Когда за спиной стена из папиных миллионов, можно вести себя как угодно, все будет восприниматься в виде невинной шалости девчонки избранного общества.

— Ладно, Джим, оставим и эту тему, уже потерявшую актуальность.

— Хорошо, оставим. Но, отступая от своей наследственной английской осторожности, скажу, что мы все-таки погуляем на твоей свадьбе. . .

Они ужинали, говоря о всяких мелочах, вспоминая друзей, разбросанных по всему свету. Кому-то повезло в жизни, кто-то провалился — работа такая.

— Только тут мы играем в открытую, — сказал Мэрфи, — и ничто не грозит нам. Я имею в виду провалы, — добавил он.

— Тут нам действительно повезло, — сказал Смит, и Мэрфи услышал в его голосе и иронию, и горечь, и усталость. Хотел что-то сказать, но остановился.

Только уходя, пожимая руку, сказал:

— Генерал Фрэнсис сказал мне, у тебя тут много врагов. Ты уж будь осторожнее, Юджин.

— У нас у всех здесь много врагов, Джим. На все опасности в жизни осторожностью не запасешься. Лучше об этом не думать.

— Не надо с такой фатальностью относиться к самому себе, Юджин. Как ты согласишься на переезд в Сайгон? Я поговорю с генералом Уэстморлендом.

— Я бы расценил это как бегство с трудного участка.

— Ну, ладно, это будет решать шеф. Я желаю тебе успеха, дружище.

Они расстались, надеясь на скорую встречу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Деревянный домик с выдвинутой вперед открытой площадкой с настилом из расщепленного бамбука стоял на высоких сваях и от этого казался повисшим в воздухе. Впечатление усиливалось тем, что прямо за его задней стенкой начинался крутой спуск, а в пространстве между землей и основанием дома, ограниченном сваями, как в раму, вписывался квадрат синего неба, волнистые горы, затянутые постоянной дымкой, и одинокая пальма с широкими листьями. В нескольких метрах от свай сбегал вниз неширокий, но шумно прыгающий по отполированным валунам прозрачный пенистый поток, где-то там, под глубоким обрывом, растворяющийся в коварной Шонгбе, берущей начало в отрогах хребта Чыонгшон, или, как он именовался на старых картах времен колониальных завоеваний, Аннамских Кордильер. Домик разве только чуть большим размером отличался от других, причудливо и живописно разбросанных по склонам гор и сливающихся с густой зеленью. Их вообще было бы трудно заметить, если бы не крыши, сплетенные из пальмовых листьев, высохших и побелевших от дождей и солнца. Правда, помимо размера, было еще одно, что отличало его от своих неказистых собратьев,— по двум сторонам домика, развернутые в сторону восхода, хорошо замаскированные на искусно сооруженных помостах, стояли спаренные зенитные пулеметы.

Время от времени по едва заметной тропинке, петляющей по склону между деревьев и высокого кустарника, к домику спускались одетые в зеленую форму командиры и, поднявшись по грубо связанной из слегка отесанных толстых обрубков лестнице на выдвинутую вперед площадку на уровне второго этажа, скрывались в темном дверном проеме. Внутри просторного помещения они рассаживались на широких скамьях вокруг продолговатого массивного стола с расстеленной на нем топографической картой, склеенной из многих листов.

В торцевой части стола, у самого оконного проема сидел командующий северным участком Тэйниньского фронта полковник Ле Хань. Свет, падавший из окна, освещал его молодое лицо с высоким лбом, на который спадала прядь смоляных волос. Он ее отбрасывал рукой, но она возвращалась, упрямая, непокорная. Полковник улыбнулся чему-то, а потом, спрятав улыбку, на-

клонился над расстеленной картой, будто проверяя, со всех ли отмеченных на ней точек собрались те, с кем предстояло поговорить о самом важном. Он поднял голову и, встретившись взглядом с командиром батальона Туаном, улыбнулся, вспомнив его вчерашний рассказ о нападении на один из лагерей американской пехотной дивизии.

— Понимаете, товарищ командующий,— рассказывал Туан,— докладывают мне разведчики, что как-то странно ведут себя последние дни американские солдаты: в самый полдень, когда солнце поднимается над головой, они начинают такое вытворять, что трудно поверить. Может, они с ума сошли от нашего солнца? «Да что же там такое происходит-то? — спрашиваю. Мало ли вы видели странного в их поведении?» — «Да нет, говорят, такого не приходилось. Представляете, они все раздеваются догола и выбегают из своих казарм на улицу». — «Совсем голые?» — «Совсем, товарищ командир,— в один голос говорят мои ребята,— и начинают какой-то дикий танец. А над ними вертолет висит. Они ему машут руками, будто радуются чему-то. Не поймем, товарищ командир, посмотрите сами». Ну, думаю, надо проверить. Взял бинокль и пошел. Ребята говорят, что ждать немного, весь уже батальон в казармах и скоро янки покажут свой номер. А мне все не верится, думаю, может быть, мои разведчики фантазируют. Слышу, вертолет летит, со стороны Бадыка, там, вы знаете, у них аэродром. Прилетел и повис над площадью. И тут я своим глазам не поверил: три с лишним сотни голых людей, белотелых и чернокожих, выскочили на площадь и начали кричать, бесноваться, махать вертолету руками. Навожу бинокль — и все видно до мельчайших подробностей, даже смотреть неудобно. А через минуту все стало ясно. В вертолете, оказывается, большие баки с водой. Открыл летчик краны — и полился на солдат дождь. Душ они себе такой придумали. Нет, товарищ командующий, не могу передать словами, что там было. И тут мне пришла в голову мысль испортить им купанье. На следующий день перебросили мы поближе минометный расчет — и дал я команду: как только душ включится, открыть огонь. Но это был уже другой номер, товарищ командующий. Совсем другой. Голые солдаты заметались в панике, в дверях толкучка, все стараются попасть в казарму. Вертолет сразу вверх — и

назад, даже перекрыть краны забыли. Так и летел, как облако с дождем.

— Ну, а потом что было? — спросил Ле Хань.

Туан замялся:

— Потом было плохо. Прилетели три новых вертолета и начали поливать уже нас и пулями, и снарядами. Мы, правда, сразу в укрытие, но пришлось тяжело. Однако пляски голых американцев на этом кончились, жаль, что вы не видели их.

Полковник знал, что скоро в этом районе начнутся не столь веселые события.

Он рассказал собравшимся командирам о положении на участке фронта, познакомил с планом предстоящих боевых действий.

— Наши бойцы уже отдохнули после летних боев, — сказал он, — настало время воевать.

Хотя летние бои в сезон дождей носили местное значение, но они потребовали большого напряжения. За последние полтора месяца части фронта получили подкрепление оружием. Из отрядов самообороны в них пришло хорошее пополнение. Насколько было возможно в этих условиях, бойцов обучали тактике, владению оружием. Комиссары проводили с бойцами большую политическую работу, рассказывали, что обстановка в стране обостряется, нарастает недовольство народа. Проведенные недавно выборы сделали Нгуен Ван Тхиеу президентом, как и было задумано американцами, и теперь он пытается придать видимость законности своему режиму. Расчет на то, что выборы снимут острые противоречия в обществе, не оправдался. Продолжались мощные выступления студенчества, религиозных кругов, крестьянские волнения. В этой обстановке командование сил национального освобождения, ожидая, что американско-сайгонские войска могут предпринять наступление на освобожденные районы, чтобы доказать способность вести более успешно боевые действия на многих фронтах, поставило задачу сорвать эти планы.

Командование сил освобождения решило провести атаку на военную базу Бодык и расположенные вокруг нее крупные гарнизоны в Кандоне, Ботыне, Зайсыоке и особенно американский аэродром в Бара, где постоянно находилось два десятка вертолетов и столько же истребителей-бомбардировщиков. Пехотные части американцев в этом районе насчитывали примерно четыре тысячи

человек с двумя дивизионами бронетранспортеров и несколькими батареями артиллерии.

— С этими силами нам придется считаться,— сказал командир полка, который располагался недалеко от Бодыка.— Их просто так не возьмешь.

— А кто говорит — просто так? — возразил начальник штаба северного участка фронта.— Просто так и на охоту в лес не ходят, а не то что воевать против американцев. Но если нам удастся скрытно подготовить к наступлению все свои силы, а затем неожиданно для врага нанести удар, то мы сразу получим выигрыш. Надо подготовиться к контратаке бронедивизионов и авиации. Значит, заранее надо продумать и незаметно провести минирование дорог, найти лучшие позиции для артиллерии, наметить для нее цели. И конечно же не забывать о зенитных точках.

Полковник Ле Хань, внимательно слушая, наблюдал за командирами. Это были разные по характеру, темпераменту, военному опыту, способности схватывать на лету изложенное или усваивать его после обстоятельного обдумывания, но всем было свойственно одно общее — понимание идеи борьбы. Еще во время разработки плана, учитывая возможности командиров, штаб предусмотрел одним из них поставить задачи посложнее — они решат ее, потому что были уже много раз проверены в боевых делах, другим определить вспомогательные операции, которые тоже нелегкие, но не требуют широты мышления. Таким командирам еще надо многому учиться. Исходя из этого, штаб передислоцировал подразделения, как бы создал для каждого из них наиболее выгодные условия. Порой некоторые командиры выражали удивление, почему им надо менять место дислокации, совершать трудные, скрытые переходы по горам и лесам, чтобы занять рубеж, почти ничем не отличающийся от прежнего. Но после обстоятельных разборов идеи такого перемещения сомнения отпадали.

В эти же дни серьезные разговоры шли и в штабе американской дивизии, куда из Сайгона прибыл заместитель начальника оперативного отдела штаба командующего экспедиционным корпусом генерал Гарднер.

— Мы полагаем, что на вашем участке фронта,— говорил он,— сосредоточено достаточно сил, чтобы нанести по Вьетконгу ощутимые удары. У нас есть возможность поставить его здесь в безвыходное положение

и разгромить. Такая установка дана и союзным войскам. Президентские выборы отвлекали внимание наших друзей на политический фронт. Какое-то время он был для них самым важным. Вьетконг воспользовался этой ситуацией и совершил ряд крупных акций, особенно против военной базы Фусань, где обстановка продолжает оставаться сложной и напряженной. Поэтому активность на вашем участке не только облегчит положение там, но и может повлиять на развитие событий и здесь, и в дельте Меконга, где нам тоже приходится выдерживать упорный натиск вьетконговских частей, получающих всевозрастающую помощь.

— А какие меры, господин генерал, мы намерены предпринять, чтобы воспрепятствовать этому? Моя фамилия Холден, сэр. Майор Холден.

— Самая главная, самая действенная мера — это наращивание наших ударов по Вьетконгу и акций возмездия против Ханоя, чтобы заставить его пойти на переговоры, но на наших условиях. Абсурдные требования северовьетнамских коммунистов о выводе американских войск из Южного Вьетнама, что якобы приведет к мирному урегулированию в этой стране, не имеют под собой почвы. Это обычная пропаганда. Мы пришли сюда, чтобы защитить своих друзей и идеалы Америки, и будем здесь столько, сколько потребуется для сокрушения коммунизма.

— Разрешите, сэр, задать еще один вопрос?

— Пожалуйста, задавайте, — генерал еще не остыл от только что произнесенной высокопарной речи.

— У многих офицеров, сэр, — и я отношусь к ним — есть мнение, что мы распыляем свои силы, не используем свою мощь с достаточной эффективностью.

— Что вы имеете в виду, майор? — с оттенком недовольства отозвался генерал.

— Скажу о положении на нашем участке, где по меньшей мере треть дивизии занята охраной «стратегических деревень», в которых живут полудикие горные племена. Огромный контингент южновьетнамских войск тоже занимается в основном охранной службой. Вместо того чтобы энергично бороться с Вьетконгом, батальоны и полки охраняют лагеря, как бы из них не разбежались горцы. Не лучше было бы открыть ворота — и пусть они бегут, куда хотят, а хорошо вооруженные батальоны направили бы свои силы против Вьетконга?

— Вы, майор, хотите обеспечить резервы для Вьет-

конга? — ядовито спросил генерал. — Мы создавали «стратегические деревни» и безлюдные зоны, чтобы лишить Вьетконг возможности использовать местное население для своего пополнения.

— Я советник командира вьетнамского полка особого назначения, господин генерал. Мы проводим карательные акции против деревень, поддерживающих Вьетконг. Это нелегкая работа, сэр. Лучше воевать с противником в открытую, чем делать то, что не приносит большой пользы. Когда мы пришли в этот район, тут, говорят, понятия не имели о Вьетконге. Теперь к нему бегут даже из «стратегических деревень».

— Вы паникуете, майор Холден, или устали? Вы давно во Вьетнаме?

— Три года, сэр. Вполне достаточно, чтобы чему-то научиться и в чем-то разочароваться.

— Срок немалый, — проговорил генерал после минутного молчания, — значит, у вас богатый опыт, много наблюдений. Напишите свои соображения, изложите их обоснованно и веско, а я доложу о них генералу Уэстморленду, он с большим вниманием относится к предложениям опытных офицеров.

— Спасибо, сэр, — сказал майор, — я учту ваше желание.

— Вот и хорошо. А сейчас перейдем к более конкретным делам. Перед вашей дивизией и действующими вместе с ней частями наших друзей стоит сейчас задача нанести чувствительный удар по Вьетконгу. План операции таков...

В течение четверти часа генерал изложил общую установку, показав хорошее значение театра военных действий.

— Операция должна начаться не позже пятого декабря, таков приказ генерала Уэстморленда, — закончил генерал свое выступление.

За неделю до установленного срока, в четыре часа утра по расположению первого батальона американской дивизии, уже выдвинутого на рубеж, с которого должно начаться наступление, ударила артиллерия сил освобождения. Завыла сирена тревоги. Командир батальона по внутренней связи приказал командирам рот и приданному дивизиону бронетранспортеров приготовиться к возможной атаке Вьетконга, выводить солдат из казарм на оборонительную линию, не допускать паники. Солдаты поспешно, беспорядочно, ничего толком не понимая,

что произошло, выбегали из казарм под разрывы снарядов и мин, поднимающих столбы земли, пронизанные багровыми сполохами. С трудом воспринимая смысл команд, то и дело заглушаемых взрывами, солдаты инстинктивно прижимались к строениям, пытаясь около них найти хотя бы призрачную защиту. Им казалось, что лагерь окружен сотнями орудий и каждый ствол нацелен не куда-то в темное, непроглядное пространство, а в них во всех и в каждого в отдельности.

Когда начался штурм Бодыка, в двадцати километрах от него батальон капитана Туана атаковал укрепленный пост сайгонского полка особого назначения, несшего охрану «стратегической деревни», где за прочной оградой и колючей проволокой содержались под неусыпным надзором две тысячи горцев. Пока солдаты поста отражали нападение, горцы разорвали колючую проволоку и разбежались. Утром в погоню за ними были брошены две роты «гражданской гвардии» и поддерживающие их четыре американских бронетранспортера со взводом морских пехотинцев. Американские вертолеты совершили несколько вылетов, забрасывая беглецов бомбами и обстреливая из пулеметов. «Гражданские гвардейцы» отрезали им пути отступления, гонялись за безоружными, расстреливали на месте, кого удавалось задержать.

Штаб полковника Ле Ханя, получив сообщение об этом, отдал приказ выйти на защиту горцев. Батальон, находившийся ближе других к месту событий, устроил засаду, подорвал три бронетранспортера и начал уничтожение карателей. Штаб американской пехотной дивизии, посчитав, что именно здесь находятся основные силы противника, бросил сюда свой свежий батальон и полтора батальона южновьетнамского полка. Полковнику Ле Ханю пришлось тоже укрепить свои подразделения. На небольшом участке почти вплотную друг к другу оказалось несколько тысяч человек. Близость позиций обеих сторон лишила американское командование возможности применить авиацию, и это сразу уравнило шансы сражающихся. А лучшее знание местности и опыт ведения боев в горно-лесистом районе давали преимущество силам освобождения, к которым присоединилось несколько сот горцев. Добыв хотя и примитивное оружие в виде охотничьих ружей, луков и арбалетов, они — меткости их мог бы позавидовать любой снайпер — стали выбивать американских и южновьетнам-

ских солдат и офицеров. Попытка карателей выйти из боя, оторваться от противника была не очень успешной. Стрелой из арбалета был убит и майор Холден, которого обнаружили потом на поле боя. В его полевой сумке нашли незаконченное донесение на имя генерала Уэстморленда с изложением мыслей и наблюдений о необходимости изменить тактику ведения боевых действий против Вьетконга на этом участке. «Я не берусь судить о том,— писал он,— как следует вести войну вообще, но то, что мы здесь делаем, ведет нас в тупик».

Больше недели продолжались упорные бои. Потери, понесенные в них, заставили американское командование отказаться от дальнейшей попытки продолжать наступление. Под прикрытием плотного авиационного огня остатки американско-сайгонских частей отступили, бросая убитых, технику и тяжелое оружие — пушки и минометы. Только раненых удалось эвакуировать вертолетами, и то лишь в основном американцев. Полторы сотни раненых южновьетнамских солдат попали в плен и были отправлены в полевые госпитали сил освобождения.

Наступление в районе Бодыка привело к ликвидации сложной системы хорошо оснащенных боевой техникой блокпостов, державших под контролем обширную территорию. Для американско-сайгонских войск создавалась опасность полной потери крайне важной зоны, закрывавшей подступы к военным базам на Центральном плато. Уэстморленд вызвал к себе генерала Гарднера и, не скрывая недовольства, потребовал отчета, почему приказ штаба о наступлении, которому придавалось большое значение, оказался невыполненным. Гарднер чувствовал, что оправдания, ссылки на непредусмотрительность командования пехотной дивизии, явно упустившего из виду изменение в боевой обстановке, не будут приняты командующим в расчет, стал говорить о плохо проведенной разведке.

— Мы посылали вас для руководства боями, надеясь, что вы учтете все факторы. У вас были опыт и достаточно полномочий, чтобы вести дело к успешному развитию наступления,— прервал его командующий.

— Кроме того, что нам были даны неполные разведданные, господин командующий, была и еще одна причина неуспеха: командир дивизии и его штаб были слабо связаны с сайгонскими частями, даже не брали их в расчет.

Такое отношение невозможно было исправить в короткое время.

— Я подписал приказ о снятии с поста командира дивизии, — резко произнес Уэстморленд, — как неспособного руководить вверенными ему войсками, и командование возлагаю на вас. Я даю вам шанс доказать, генерал, что работник моего штаба, укомплектованного лучшими офицерами и генералами, какими только располагают наши вооруженные силы, может вести боевые действия так, как требуют этого наши интересы.

Гарднеру ничего не оставалось, как поблагодарить Уэстморленда за доверие, хотя он считал, что это жестокое наказание.

Генерал Уэстморленд в последние месяцы много думал над тем, как переломить ход войны в свою пользу и реабилитировать себя в глазах Пентагона. Он нервничал из-за того, что Макнамара, а порой и сам президент все чаще стали слать указания, в которых читался намек на недовольство им лично, без учета складывающейся во Вьетнаме все более напряженной обстановки. Он доказывал, просил, требовал существенно увеличить численность экспедиционного корпуса, но ему постоянно отказывали или урезали заявки. Министр обороны как-то сказал ему при встрече в Вашингтоне:

— Дорогой Уильям, ни я, ни даже президент не можем всю американскую армию перебросить во Вьетнам. И так сделано столько, что вызывает критику в адрес администрации. И есть один способ приглушить ее — это добиться перелома в войне. И делать это придется вам.

Пятисотсорокатысячная армия США и семисоттысячная сайгонская, находившаяся практически в прямом подчинении Уэстморленда, увязали все глубже в боях, не имеющих решающего значения, были все время обороняющейся стороной. Уэстморленд стал терять уверенность, поспешно принимал решения о переброске дивизий с одного участка фронта на другой, будучи уверенным, что нынешними силами ему не справиться с поставленной задачей.

Завершался еще один трудный год войны, который американское командование думало сделать годом победы, но оказалась невыполненной ни одна из двух стратегических задач. На Юге сильнее разгоралось пламя войны Соппротивления, погасить которое не было сил. Не сломен, становился все крепче Северный Вьетнам.

В его распоряжении появилось мощное современное оружие, крепла международная поддержка борющегося Вьетнама, с чем Вашингтон не мог не считаться.

Отказываясь от проведения переговоров об урегулировании вьетнамской проблемы на разумной основе, предложенной правительством ДРВ и Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама, Вашингтон вынужден был лавировать. Одним из доводов, к которому он прибегал в своей пропаганде, было обвинение ДРВ во вмешательстве во внутренние дела Юга, в военном проникновении в Южный Вьетнам. Но этому уже плохо верили даже в самой Америке. Трудно было убедить людей, что будто северовьетнамцы вмешиваются в дела своей расколотовой родины, а войска США, вторгшись в Южный Вьетнам за десять тысяч миль от своих берегов, охраняют его независимость и свободу.

На фоне неустойчивого военного положения американской армии в Южном Вьетнаме и непопулярных шагов Вашингтона на международной арене Политбюро ЦК партии трудящихся Вьетнама одобрило инициативу южновьетнамского Бюро ЦК партии и Национального фронта освобождения выступить с рядом крупных внешнеполитических акций, которые создадут еще более благоприятные условия для развертывания борьбы, поставят Вашингтон перед необходимостью пойти на переговоры на разумных условиях и в конце концов вывести свои войска из Вьетнама.

В освобожденные районы Юга Вьетнама прибыл представитель Центра.

— Прежде чем выступить с внешнеполитическими предложениями,— сказал он,— надо будет нанести врагу такие удары, которые ни у кого не оставили бы иллюзий в том, кто настоящий хозяин положения в этой стране.

— Может быть, подобные тем, какими было отмечено наступление нового года,— добавил командующий войсками сил освобождения.

— Да, было бы неплохо завершить год именно так, как начали. Вы сорвали американскую операцию «Падающий кедр», а ведь американцы возлагали на нее большие надежды. Какими силами они рассчитывали ее провести? — спросил член Политбюро.

— Только в районе Сайгона действовало тридцать тысяч американских солдат,— сказал главноком.— и почти сто тысяч солдат сайгонской армии. Наступление та-

кой массы пехоты, поддержанной техникой, представляло большую угрозу. Бои, вы помните, были трудными для нас: враг наступал, используя все виды оружия, включая химическое. Да, мы несли потери, иногда сдавали отвоеванные ранее позиции, иногда уходили в глухие, недоступные для врага горные районы, в плавни Долины тростников, даже в Кампучию. Испытывали нехватку оружия, голодали. Но, выдержав первый натиск, мы собрали силы, перестроили тактику борьбы и нанесли врагу тяжелый урон. Американское командование оказалось в затруднительном положении. Представляете, оно было вынуждено взять из резерва более четырех тысяч гробов, чтобы отправить всех убитых на родину.

— Вы это говорите серьезно? — спросил представитель Центра.

— Совершенно серьезно, у нас есть копия распоряжения заместителя командующего экспедиционным корпусом на этот счет.

— Послушайте, как это звучит, — сказал представитель Центра, — резерв гробов! А? Такое не может не действовать угнетающе на солдат противника. Кому из них захочется лезть в пекло, если он знает, что ему уже запасли гроб, только он находится в резерве. И можно думать, что чем сильнее будут наши удары, чем больше будет гробов отправляться за океан, тем быстрее среди военных здесь и среди гражданского населения в Америке будет расти недовольство политикой Вашингтона. Поэтому Политбюро, рассматривая ваши предложения о боевых действиях, сочло необходимым отметить, что они в нынешних условиях будут иметь не только военное, но и международное политическое значение.

— Нам нельзя сбрасывать со счетов и того факта, — сказал председатель Фронта освобождения, — что будущий год — это год президентских выборов в США. Партия Джонсона наверняка будет стараться удержать свои позиции в Белом доме. Но это будет во многом зависеть от событий во Вьетнаме.

А в войсках в это время уже шла кропотливая подготовка к предстоящим боям.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Приближение рождества и нового, 1968 года нарушило устоявшийся порядок жизни американского экспедиционного корпуса — от его главнокомандующего до

последнего солдата аэродромной службы. Все вдруг закружилось, приобрело особую значимость, важность, неотложность. Люди, каждый день занятые войной, только и говорившие о смерти, опасностях, храбрости или трусости, стали чаще пускаться в воспоминания, с восторгом рассказывать, какими хлопотами, радостями, огорчениями обычно сопровождалась эта жизнь дома, когда удачно или неудачно купленный подарок мог поднять или испортить настроение, помирить или поссорить. Мелочи, которым раньше не придавалось ни малейшего значения, всплывая в памяти, неожиданно приобретали особый смысл, важность. Солдаты, принесшие столько бед и горя на эту многострадальную землю, влетавшие во вьетнамские деревни огненным валом и оставлявшие после себя трупы и развалины, становились сентиментальными, обсуждали, какие бы подарки сделали своим близким сейчас, окажись дома, и что бы хотели получить сами. В казармах на военных базах, на блокпостах, обнесенных «спиралями Бруно» из колючей проволоки, на наблюдательных постах и в патрульных группах только и разговоров было о приближающемся празднике, который придется встречать на чужой земле, среди чужой и недружественной природы...

Предстоящими праздниками жили не только солдаты на фронтовых позициях, но и штаб в Сайгоне. Генерал Уэстморленд подписывал в эти дни заявки, приказы, распоряжения, отпускные документы, телеграммы, и все из них в той или другой мере были связаны с Вьетнамом, которому он готовил свои «праздничные подарки».

— Пусть Ханой лучше почувствует, что его ожидает в новом году,— сказал он, энергичным росчерком исправляя заявку командования бомбардировочной авиации на двадцать тысяч бомб разного калибра,— я вам разрешаю сбросить на пять тысяч бомб больше, но чтобы каждая из них попала в цель. А что вы приготовили для Вьетконга?

Генерал взял вторую заявку.

— Ну что ж, согласен,— ставя подпись, довольно проговорил он,— пятнадцать тысяч штук? Неплохо. А это? Пять тысяч литров «оранжевого» и «голубого» коктейля? — улыбнулся своей шутке, назвав коктейлем отравляющие вещества повышенной токсичности, поставленные концерном «Доу кэмикл» специально для уничтожения лесного покрова и посевов риса, маниоки и

кукурузы.— А эти парни из «Доу» с головой. А? Все время что-нибудь придумывают новенькое.

Авиационный генерал, пришедший с заявками, согласился с командующим:

— Конечно, с головой. Теперь на уничтожение ста акров леса «оранжевого коктейля» требуется уже в два раза меньше, чем прежде. Они свои деньги получают не зря.

— Вы все согласовали с отделом психологической войны, генерал? — спросил Уэстморленд.

— Согласовал, — с явным неудовольствием ответил генерал, — только нам это лишняя работа, сэр.

— Вы не правы, генерал, ничто не может быть лишним в этой стране. Бомбы бомбами, а нам еще надо воевать и за то, чтобы у молодого поколения Вьетнама оставить добрую память об Америке. Понимаете, пройдут годы, забудется все плохое, а вот то, что к рождеству Америка присылала вьетнамским детям подарки и спускала их на маленьких парашютах с неба, останется в памяти, — с несвойственной ему сентиментальностью в голосе произнес Уэстморленд. Он нажал кнопку и, обращаясь к вошедшему помощнику, спросил: — У вас, Боб, есть образец подарка вьетнамским детям?

— Да, сэр.

— Покажите-ка его генералу Дайтону.

Помощник вернулся через минуту с ярким пластмассовым пакетом, в котором была игрушечная новогодняя елочка, модель американского танка, кулечек конфет и яркая, отливающая глянцем открытка, с которой розовощекий, широко улыбающийся Санта Клаус, нарисованный на фоне звездно-полосатого флага, желал вьетнамским детям «Merry Christmas and Happy New Year»¹.

Даже выдавший виды генерал почувствовал что-то вроде угрызения совести.

— Как-то неудобно, сэр, после бомб и «коктейля» разбрасывать вот это, — показал он на пакет. — Может, найти какой-то другой способ?

— Мудрость именно в этом, — назидательно произнес Уэстморленд, бывший автором идеи разбросать над южновьетнамскими селами, прилегающими к районам, занятым Вьетконгом, новогодние подарки для детей, — мы умеем карать, но и умеем быть добрыми.

¹ «Веселого рождества и счастливого Нового года» (англ.) — традиционное рождественское поздравление.

— И все-таки, сэр... — начал генерал, но Уэстморленд не дал ему договорить:

— Может быть, оттого мы пока не завершили дело победой здесь, что недооцениваем роли христианской доброты Америки, генерал. Нам ведь надо не только сломить врага, но и завоевать на свою сторону народ, который мы спасаем от красных. Доброта, генерал, тоже оружие, и, может быть, иногда посильнее ваших бомб.

— Но не это же, сэр...

Уэстморленд снова перебил его:

— И это — тоже, генерал. Сто тысяч подарков, которые принесут хоть небольшую радость бедным детям, — это сто тысяч выстрелов по нашему противнику.

— Ну что ж, — неохотно согласился генерал, — раз вы считаете, наше дело — выполнять. Сбросим все — и бомбы, и «коктейль», и новогодние подарки Санта Клауса.

— Только не перепутайте, генерал, — кому что, не перепутайте, — Уэстморленд был явно в хорошем настроении. Ему предстояло обсудить с интендантами еще одну проблему, и он отдался со всей энергией, показывая, какой он заботливый и внимательный отец своим солдатам.

Интендантский генерал пришел с таким списком, что Уэстморленд, не удержавшись, заметил:

— Я вижу, генерал, что вы заставили поработать свою команду на всю мощь, но зачем же меня-то мучить?

— Вы, сэр, лучше всех понимаете, что нужно солдату, — сказал интендант, — поэтому уж разрешите оторвать вас от важных дел.

— На войне все дела важные, генерал, а забота о солдате — самая важная.

Он неожиданно нахмурился, вспомнив, как однажды, когда шла война в Корее, в одной из частей произошло безобразное событие: при распределении рождественских подарков началась перестрелка между солдатами. Те, кто считали себя обделенными, прибегли к простому способу восстановить справедливость: открыть стрельбу по своим же товарищам. Правда, как потом выяснилось, «недовольные» перед тем, как идти за подарками, опорожнили слишком много бутылок из-под виски. Воспоминание об этом на минуту испортило настроение. Интендант, подумавший, что это он стал при-

чиной недовольства командующего, что-то забормотал, но Уэстморленд отогнал не вовремя пришедшую картину из прошлого. Он взял список в руки, подержал его, будто определяя на вес.

— Ну, давайте посмотрим, генерал, чем мы порадуем наших героев.

— Мы посчитали, сэр, что нам потребуется не менее девяноста тысяч индеек, — начал интендант.

— Девяноста тысяч? Одна индейка примерно на шесть солдат, если учесть, то из этого числа мы возьмем тысяч пятнадцать на офицерский состав. Так?

— Да, сэр, вполне достаточно. Мы исходим из того, что у себя дома мы обычно готовим одну индейку на семью. Это же не основная еда, а что-то вроде символа.

— Но наши парни здесь, генерал, несут на себе такую тяжесть, что мы можем позволить себе сделать этот символ для них более весомым. Давайте закажем, — Уэстморленд, как всегда в раздумье, поднял голову и беззвучно пошевелил губами, — давайте закажем сто двадцать тысяч индеек. Согласны?

— Согласен, сэр, но тогда потребуется больше транспорта.

— Ничего, у нас есть на чем доставить к рождеству радость солдатам. Один транспортный самолет больше, один меньше, разве это так важно при нашем бюджете, а?

— Хорошо, сэр, — согласился интендант. — А теперь вот это посмотрите.

И они углубились в подсчеты, сколько потребуется новогодних елок, правда не живых, пахнущих лесом, а синтетических, но все равно выходило, что и для них потребуется не один транспортный самолет. Потом рассматривали заявки на соки, свежее калифорнийское молоко в консервных банках, пудинги, крепкие напитки, сигареты, пиво, компоненты для приготовления мороженого — список в несколько страниц на тысячи тонн контейнеров, ящиков, банок, бутылок, коробок, которые надо доставить кораблями 7-го Тихоокеанского флота с военных баз на Гавайских островах и на западном побережье Америки.

До отлета в Гонолулу, где он собирался провести рождественские праздники, Уэстморленд не давал отдыха ни себе, ни своему штабу. Он хотел, чтобы его помощники, проанализировав ход боевых операций в уходящем году, извлекли из них уроки, разработали пред-

варительные планы на будущее, обсуждение которых он намечал провести где-то в середине января уже нового года. Сам он совершил короткие инспекционные поездки по важнейшим фронтовым зонам, встречаясь как с американскими, так и высшими южновьетнамскими офицерами. Но самыми главными он считал поездки в дельту Меконга, на базу Фусань и военно-воздушную и военно-морскую базу Дананг.

Поездка не дала удовлетворения. И все началось с посещения воинских частей, расположенных в дельте Меконга. Накануне он прочитал полученное от полковника Мэрфи донесение офицера разведывательного управления, прикомандированного к штабу 25-й сайгонской дивизии. Офицер ЦРУ писал, что командир дивизии, на пассивность которого уже не раз указывали американские советники, провел совещание офицеров и открыто подверг осуждению методы, какими пользуется американское командование. «В нескольких операциях нынешнего года,— приводил офицер слова командира дивизии генерала Таня,— нам заранее отводилась роль смертников, потому что союзники лишали нас надежной огневой поддержки. Наши солдаты часто были вынуждены вступать в бой с сильным противником при крайне неудачно складывающейся обстановке. Когда положение становилось критическим, командование союзников бросало на спасение солдат большие отряды вертолетов. Но солдат своих, про наших в такой обстановке или забывали, или приходили на помощь, когда она уже была бесполезной. Тактика, которую принял генерал Уэстморленд, создавать для проведения операций смешанные боевые подразделения, чтобы наши солдаты смелее действовали, чувствуя рядом плечо союзников, не оправдала себя, потому что союзники в трудных случаях первыми оставляли позиции, чтобы не сходиться в ближнем бою с солдатами Вьетконга. Вместо ободрения они порождали панику. Лучше бы мы действовали самостоятельно, сами по себе, потому что наши друзья надеются только на технику, а она в здешних условиях очень часто не дает эффекта. Танки и бронетранспортеры могут продвигаться только по хорошим дорогам. Они не могут сблизиться с противником, которого спасают рисовые поля, болота. Американские бронетанковые части выпускают тысячи снарядов впустую. А их авиация бросает бомбы и стреляет ракетами по деревням, которые представляют хорошую цель, но не грозят зенитным ог-

нем. С такой установкой на ведение войны мы никогда не победим».

Разговор с командиром дивизии, который встретил Уэстморленда на базе в Кантхо, был неприятным. После доклада о положении на участке дивизии генерал Тань попросил американского командующего сделать замечания и дать указания. Это была ни к чему не обязывающая вежливость, и Уэстморленд не обратил на нее большого внимания, сразу перейдя в наступление.

— Ваша дивизия, генерал,— особая. Ее численный состав и техническое оснащение позволяют вам проводить военные действия более активно, с инициативой.

— Если бы кто-нибудь из моих командиров полков, господин генерал, возгордившись, начал действовать самостоятельно, без моего приказа, я бы сместил его с поста немедленно. Так вправе поступить со мной командующий зоной, если бы я стал поступать по-своему. На войне все должны быть подчинены высшему командованию,— это был прямой выпад, почти оскорбление, но Уэстморленд сдержался, хотя готов был взорваться.

— Мне стало известно, генерал, что ваш штаб,— он решил смягчить атаку и не обвинять прямо командира дивизии,— не всегда с должным вниманием относится к рекомендациям наших советников, часто игнорирует их. Надеюсь, вы понимаете, что мы делаем общее дело. Чем же тогда объяснить такую политику вашего штаба?

— Обязанность советников, господин генерал, советовать, а не командовать. Я думаю, вы их ориентируете именно на такое понимание своей роли. Командует и отдает приказы командир дивизии и его штаб, учитывая, конечно, все полезное, что рекомендуют ваши советники, чьи знания и опыт мы высоко ценим. Но противник, с которым я воюю уже полтора десятка лет, мне известен лучше, и я иногда позволяю себе действовать так, как считаю целесообразным в сложившейся обстановке.

— Не слишком самоуверенны ваши офицеры, генерал? — сурово проговорил Уэстморленд.— Хотя, судя по результатам боевых действий, они должны бы оценивать свои поступки строже.

Присутствовавший на беседе заместитель министра обороны в сайгонском правительстве генерал Хоан, молча сидевший все время, посчитал необходимым вмешаться:

— Как вы разговариваете, генерал Тань, с командующим американской армией? Это непозволительная вольность!

— Я генерал своей армии, а не американской, господин заместитель министра, и даю ответы такие и в такой форме, какие требуют задаваемые мне вопросы. И ответственность я несу перед своим высшим командованием, а не перед господином Уэстморлендом, как бы высоко я его ни ценил.

Уэстморленд знал, что говорил о нем этот заносчивый генерал, и он решительно встал со своего стула.

— Нет смысла, господин заместитель министра, продолжать разговор дальше. Он ничего не прояснит, только обострит наши отношения. До свидания,— бросил он всем и направился к своему вертолету, не подав никому руки.

Уже в салоне персонального, со вкусом оборудованного вертолета Уэстморленд, немного успокоившись, сказал генералу Хоану, чрезвычайно любезному человеку, помогавшему штабу Уэстморленда получать ценную информацию о настроениях в среде сайгонского генералитета:

— А вы не думаете, генерал Хоан, что этот командир дивизии может пойти на альянс с Вьетконгом?

— Что вы, сэр,— ответил Хоан, обращаясь к Уэстморленду так, как обращались к нему американские офицеры,— генерал Тань не может рассчитывать на помилование. За ним числится слишком много грехов.

— Ну, ладно,— уже спокойно проговорил Уэстморленд, открывая банку кока-колы,— оставим эту тему, но скажу вам, что я уже не буду чувствовать себя спокойно за тот участок фронта, где будет находиться генерал Тань.

— Я учту это, сэр,— подобострастно сказал Хоан.

Не получил Уэстморленд морального удовлетворения и после посещения базы Фусань. Выслушав доклад генерала Райтсайда и облетев вместе с ним примыкающие к базе районы, Уэстморленд оценил уязвимость позиции. Он ничего не сказал Райтсайду об этом, но решил серьезно проинформировать Макнамару об этом и попросить его усилить базу людьми и техникой. А вслух посоветовал:

— Сейчас, дорогой Фрэнсис, вам, думаю, следует сосредоточить главные усилия на укреплении обороны базы и до получения дополнительной военной мощи не

увлекаться широкомасштабными операциями: защита подступов к базе, точные бомбардировки с воздуха обнаруженных позиций противника, охрана в пределах ваших границ дороги номер девять. Решительные действия против Вьетконга будет целесообразнее начать на более поздней стадии, когда развернется наше общее наступление.

— По старой дружбе, Уильям, прошу тебя обратить внимание на наше положение. Я замечаю, что у наших офицеров появляется чувство, что база слишком уязвима и при крупных акциях Вьетконга может не устоять.

— Ну, что ты, Фрэнсис! — горячо воскликнул Уэстморленд. — База — это символ Америки. Мы послали сюда могучую технику, а в ближайшее время еще усилим вас. Отборные войска и наши и южновьетнамские, хорошие, грамотные офицеры... Не стоит неудачи, которые обрушились на вас, и не только на вас, в этом году расценивать как фатальные. Войны состоят не только из побед. Будь так, они бы не были столь продолжительными. Главное, ясно видеть основную цель — победу. А в ней вашей базе будет принадлежать почетное место, — закончил Уэстморленд, по-дружески обняв генерала. А про себя подумал, что именно сейчас бы надо заменить старого Фрэнсиса на более энергичного генерала. Но поскольку он об этом молчит, Уэстморленд не собирался предпринимать что-либо со своей стороны.

После изысканного обеда со старшими офицерами, на котором Уэстморленд произнес речь, еще раз назвав базу символом Америки — это найденное сравнение ему самому понравилось, — главнокомандующий вылетел в Дананг.

Он много видел за годы службы сильных военных крепостей, но Дананг он считал одной из лучших. Бесконечные ряды железобетонных капониров и ангаров, в которых под надежной защитой стоят сотни боевых самолетов и вертолетов, огромные подземные и наземные склады боеприпасов, горючего, продовольствия, совершенная электронная служба навигации и разведки. Уэстморленд, выйдя из вертолета, залюбовался идеальными взлетными полосами, проложенными в неширокой долине, окаймленной с одной стороны цепью невысоких гор, а с другой — удобной морской гаванью. Сейчас в нее боевые и транспортные суда всенно-морского флота доставляют войска и бомбы, контейнеры с танками и

самолетами, сигарообразные ракеты и шариковые бомбы, ядовитые «коктейли» и тысячи галлонов виски.

Совещание на базе в Дананге было непродолжительным, но деловым, энергичным. Здесь командовали люди, хорошо знающие свое дело и понимающие, какое значение имеет Дананг для всей американской армии во Вьетнаме. Если Фусань, как любил говорить Уэстморленд, — символ военной мощи Америки, то Дананг еще и ее военный арсенал в Индокитае. Несколько испортившееся после встречи с генералом Райтсайдом настроение заметно улучшилось. Уэстморленд укрепился во мнении, что после получения дополнительных армейских частей — он рассчитывал в новом году увеличить свою полумиллионную армию на двести тысяч человек, а еще через пару лет довести до миллиона — можно начать такие военные операции, которые приведут к полному усмирению Южного Вьетнама, а Северный Вьетнам будет поставлен на колени невиданными еще по масштабу бомбардировками.

Правда, командование объединенных сил в Дананге сообщило и неприятные факты: растет количество диверсий в порту, на дорогах номер один и номер девять, по которым идет миллионнотонный поток грузов. Совершаются нападения на укрепленные районы южнее 17-й параллели. И это — несмотря на то что охранные части не останавливаются ни перед чем, когда речь идет о карательных акциях. Однако Уэстморленд считал, что эти неприятности будут устранены, когда начнется генеральное осуществление плана подавления недовольства и сопротивления.

— Я бы советовал вам, полковник Гендерсон, — сказал Уэстморленд, обращаясь к командиру бригады из дивизии «Америкэл», которого знал еще по Корее, — провести одну-две показательных карательных акций, чтобы они заставили обезуметь от страха перед неминуемостью возмездия каждого, у кого могла появиться в голове мысль о сопротивлении Америке.

— Мы это сделаем, сэр, — с готовностью ответил Гендерсон, и на его крупном лице с дряблой, обвисшей складками кожей появилось что-то вроде улыбки, больше похожей на злорадную гримасу. Из-под толстых стекол очков в массивной черепаховой оправе смотрели на командующего бесцветные холодные глаза человека с властным и жестоким характером.

Через три дня Уэстморленд улетел в Гонолулу. Встреча рождества и Нового года прошла даже лучше, чем он ожидал: хорошие старые друзья, полезные беседы, синее, как море, небо и небо, похожее на море, хоть не полная, а временная, но отстраненность от беспокойных повседневных дел и забот — все создавало ощущение праздничности и отдыха. В Гонолулу, обмениваясь мнениями с генералами и адмиралами своего ранга, Уэстморленд почувствовал разницу в тяжести груза, положенного на плечи каждого из них. Даже командующий Тихоокеанским военным театром, под рукой которого огромная разрушительная мощь Америки, не обладал той практической силой, способной влиять на ход чуть ли не всех мировых событий. Ни один полководец в мире, думал он с гордостью о себе, не посылал после второй мировой войны в бой полумиллионную армию, поддержанную тысячами самолетов, танков, орудий. Ему Америка доверила утверждать свои идеалы и принципы на важном в глобальном плане участке. Он почти физически ощущал, как въезжает на танке в историю, которая отведет ему на своих страницах достаточно много места.

С таким чувством своей необыкновенной значимости собирался Уэстморленд на встречу в офицерском клубе, когда ему позвонили из штаба и сообщили, что из Сайгона пришла на его имя срочная шифрограмма. Он знал, что его не стали бы беспокоить по мелочам, и почувствовал тревогу.

Телеграмма была короткой. «6 января партизаны атаковали позиции третьей бригады девятой дивизии и артиллерийские позиции сайгонской армии в Лонгане. Убито и ранено более ста американских солдат и офицеров, потеряно двадцать 105-миллиметровых орудий». И больше никаких подробностей, но Уэстморленд зрительно представил участок фронта разгромленной бригады, потому что побывал в ней, совершая инспекционную поездку в дельту Меконга. Он помнил беседы с офицерами бригады, похвалил их за грамотно построенную оборону, за хорошую боевую готовность и пожелал им успехов на будущее. И вот он, неожиданный результат. Уэстморленд долго сидел, угрюмо уставившись в голубой листок расшифрованной телеграммы.

Он уже собрался отдать распоряжение немедленно вызвать к нему командира девятой дивизии, чтобы спросить, как он мог допустить такое, но, вспомнив, где на-

ходится, встряхнул головой, пододвинул чистый лист бумаги, размашисто написал несколько фраз.

— Немедленно передайте в Сайгон,— сказал он явившемуся на вызов шифровальщику и быстро вышел.

Зайдя в кабинет командующего флотом адмирала Шарпа, он сдержанно поприветствовал своего бывшего начальника и сказал, что вынужден отменить выступление перед офицерами, потому что немедленно вылетает в Сайгон.

— Какие-нибудь неприятности, Уильям? — спросил сочувственно адмирал Шарп, делая вид, что ничего не знает о телеграмме.

Уэстморленд разгадал этот нехитрый ход адмирала и в другое время среагировал бы на него соответствующим образом, но сейчас ответил достаточно корректно:

— Война всегда готовит какие-нибудь неприятности. Я прошу вас принести мои извинения офицерам флота и передать, что при первой возможности я с большим удовольствием встречусь с ними. А сейчас я вынужден покинуть вас, адмирал. До свиданья!

Генерал вышел из штаба хмурым. И все, что еще совсем недавно радовало его яркими красками и безмятежным спокойствием — голубая вода бухты, синее небо, листья вечнозеленых деревьев, нежные цветы джакаранд и бугенвиллей, — все показалось потерявшим свои краски или вызывающим раздражение.

На аэродроме Таншоннят в Сайгоне его встретил только заместитель начальника штаба экспедиционного корпуса генерал Сайрус Филиппс. И это вызвало раздражение Уэстморленда, поскольку он думал прямо у трапа устроить встречающим разнос. Но в штабе сидят хорошие психологи. Генерал Филиппс совсем молоденьким лейтенантом пришел служить в воздушно-десантный батальон Уэстморленда в самом конце войны в Европе, потом под его начальством был командиром батальона, а потом и полка во время войны в Корее. Это их давно сблизило. А самое главное, пожалуй, в том, что отец Сайруса был близким сподвижником отца командующего в сфере бизнеса. Штабисты хорошо понимали, что командующий сразу обрушит свой гнев на любого, кого увидит на аэродроме, кроме генерала Филиппса, и послали именно его для встречи начальства.

Уэстморленд ответил на приветствие Сайруса и, хлопав по плечу, с улыбкой спросил:

— Я рад тебя видеть, Сайрус. Надеюсь, у тебя все в порядке?

— Да, сэр,— Филиппс, несмотря на давние годы дружбы, сохранял в отношениях с Уэстморлендом почтительность младшего брата к старшему,— все в порядке.

— Ну, а как же ты, мой старый друг, допустил, что Вьетконг снова пощипал наши перья? — спросил генерал, садясь в огромный бронированный автомобиль.

За десять минут езды от аэродрома до штаба генерал Филиппс успел в общих чертах познакомить, как развивались события.

— На третий день нового года, сэр, батальон двадцать пятой дивизии генерала Таня, занимавший оборону перед фронтом артиллерийской бригады сайгонской армии, взбунтовался. Солдаты двух рот, убив нескольких офицеров, которые пытались навести порядок, в полном составе и с оружием перешли на сторону Вьетконга. Они, как мы полагаем, сообщили противнику дислокацию артиллерийских позиций, и тот на рассвете начал атаку. Сами артиллеристы не смогли отбить ее, и командир нашей девятой дивизии бросил часть сил третьей бригады на выручку союзников. Но пока парни готовились — дело-то было ночью, вертолеты не могли приземлиться в темноте,— время было упущено.

— А что же подполковник Кеннеди не послал своих солдат броском вперед?

— Он послал, сэр, но семь или восемь километров пешком для наших ребят оказались трудными. Они прибыли на артиллерийские позиции слишком поздно. Противника там уже не было, а двадцать орудий валялись подорванными. Но самое-то главное началось, когда часть бригады покинула свои укрепления. Вьетконг будто ждал этого, сразу начав нападение на базу бригады. И хотя оно в конце концов было отбито, потери оказались серьезными. Они стали еще большими, когда возвращающиеся отряды неожиданно попали в засаду, под сильный пулеметный и автоматный огонь. Внезапность породила панику, пока с ней справились, пока вызвали на помощь вертолеты, противник успел вывести из строя много наших солдат.

— Всего две недели назад я был в бригаде Кеннеди — и она произвела на меня хорошее впечатление своей готовностью встретить любую атаку врага.

— Сечение неблагоприятных обстоятельств, сэр. Кстати, подполковник Кеннеди погиб в ночном бою.

— Черт возьми! — с сердцем произнес Уэстморленд. — Такой опытный офицер, ведь за его плечами опыт корейской войны.

— Да, сэр, он еще там показал себя храбрым и грамотным офицером.

Уже подъезжая к штабу, Уэстморленд высказал мысль, которая сверлила его, как только он услышал первые фразы Филиппса:

— А ведь я был прав, когда говорил, что этот гордец, а может быть, и хуже, генерал Тань производит впечатление ненадежного человека.

— Но, сэр, в его положении мог оказаться любой, — Филиппс попытался объективно подойти к оценке действий генерала, но Уэстморленд прервал его:

— Не защищай, Сайрус, я не изменю своего мнения.

В этот день, проведя совещание с небольшой группой генералов и офицеров, Уэстморленд пригласил к себе начальника генерального штаба сайгонской армии Као Ван Виена. Не выбирая выражений, он высказал ему неудовольствие обстановкой в частях, ненадежностью не только солдат, но и офицеров, если они довольно часто переходят на сторону противника.

— До тех пор, — сказал он, — пока на самых ответственных участках будут находиться такие люди, как командир двадцать пятой дивизии, мы с вами, генерал, будем постоянно иметь неприятности.

— Приказ о смещении генерала Таня, сэр, будет подписан сегодня, — сказал Као Ван Виен, уже знавший от генерала Хоана о том, как нелояльно разговаривал с Уэстморлендом командир 25-й дивизии.

— Нам надо, господин генерал, — сказал несколько удовлетворенный сообщением Уэстморленд, — немедленно приступить к разработке плана стратегических ударов по противнику. Этот год должен стать решающим в нашей борьбе с Вьетконгом.

— Наше командование, сэр, готово хоть сегодня к этому, — ответил начальник генштаба.

— Сегодня, может быть, слишком рано, но через пару дней можно начинать работу, чтобы к концу месяца у нас с вами было полное представление о том, где, когда, какие боевые действия мы будем проводить.

И штабы заработали. Они учитывали все: какие и где расположить части, какие районы подвергнуть бом-

бой, а какие химической обработке, сколько потребуется боеприпасов, использовать ли только авиацию, дислоцированную в Южном Вьетнаме, или привлечь с баз, находящихся за его пределами. Обстоятельно были проанализированы результаты карательных ударов по Северному Вьетнаму и базам Вьетконга южнее 17-й параллели. 28 января Уэстморленд со своим генералитетом и министром обороны сайгонского правительства Нгуен Ван Ви, начальником генерального штаба Као Ван Виеном обсуждали, не вдаваясь пока в детали, общую схему военно-стратегического плана на сухой сезон первой половины года.

По чисто случайному совпадению в этот же день состоялось заседание Военного совета сил национального освобождения, на которое из Ханоя прибыл заместитель начальника генерального штаба Вьетнамской народной армии.

Главком сил национального освобождения был подтянут, строг, сдержан, хотя и ему, уже много лет сражающемуся на Юге, сейчас было трудно сдержать волнение.

— Товарищи,— начал он,— мы долго готовились и еще дольше мечтали о том, когда наберемся сил, чтобы начать такое наступление на врага, которое покажет всему миру нашу мощь и нашу решимость добиться полного освобождения нашей родины. Этот момент настал.

По лицам присутствующих было видно, что волнение главкома захватывает каждого человека, наполняет и гордостью, и радостью, и естественной тревогой, потому что большая операция, как бы ни была она хорошо разработана, всегда таит в себе элемент неизвестности. Главком как бы разгадал настроение своих боевых товарищей:

— У нас нет оснований проявлять тревогу за судьбу предпринимаемого наступления, хотя от каждого бойца и командира оно потребует напряжения всех сил. В эти дни идут серьезные бои в районе Локниня в провинции Биньлонг. Руководящий боями товарищ Ле Хань, которому по предложению президента Хо Ши Мина присвоено звание генерал-майора, докладывает, что американцы перебросили на его участок свою двадцать пятую дивизию. Вы знаете, эта дивизия носит название «Тропическая молния». Перед ней была поставлена задача оборонять подступы к Сайгону, и, если Уэстморленд ре-

шил перебросить ее в район Локниня, значит, он думает, что там и разворачиваются главные события. Вместе с двадцать пятой дивизией туда была перебросена и сто девяносто шестая бригада под командованием генерала Эдварда де Соссюра, которая проводила до этого вместе с марионеточной армией карательные акции по усмирению сельских районов. Могу вам сообщить, что этой бригады уже не существует. Два из трех ее батальонов уничтожены полностью, а третий батальон, охранявший командный пункт бригады, понес большие потери. Генерал де Соссюр плохо управлял боевыми действиями, и он снят с должности, а бригада выведена с фронта на переформирование. Ее заменяют сейчас другими подразделениями. Это также означает, что Уэстморленд, ослабив оборону Сайгона, не ожидает нашего удара с этой стороны. Тем более что наши войска приступили к плотной осаде одной из крупнейших американских баз Фусань, завязали бои в районах Плейку и Дакто, начали наступательные операции в районе Дананга. Это заставляет Уэстморленда нервничать, тасовать свои и марионеточные войска, как колоду карт, затыкать образовавшиеся дыры на одном участке, ослабляя при этом другие. Можно сказать, что противник уже утратил способность охватить всю картину происходящего, потерял перспективу. Это создает благоприятные условия для нашей инициативы.

Обрисовав военно-политическую обстановку, сложившуюся перед тем, Новым годом по лунному календарю, который вступал на землю Вьетнама 1 февраля, главнокомандующий перешел непосредственно к боевым задачам.

— Командование Фронта освобождения, — сказал он, — разработало план наступления на сто сорок крупных и мелких городов. В каждом из них намечены для атаки и захвата наиболее важные объекты. В общем плане нашего наступления будут и такие объекты, атака которых будет носить отвлекающий характер. В Сайгоне, например, таким отвлекающим, но психологически мощным будет нападение на американское посольство, объединенный штаб американских вооруженных сил и дворец президента Тхиеу. Это заставит противника бросить свои силы на их защиту, а в это время мы перейдем к захвату стратегически и экономически важных целей — арсенала оружия американской армии рядом с военно-воздушной базой Таншоннят, сайгонской радио-

станции, мостов, центра по переработке риса в Шолоне и складов готовой продукции, чтобы и пополнить свои продовольственные ресурсы, и помочь населению города. Большое значение будет иметь захват ключевых транспортных узлов — мостов и магистралей в городах, чтобы парализовать передвижение вражеских войск, изолировать хотя бы временно города, дать возможность нашим силам самообороны укрепить свои позиции, создать очаги сопротивления. Таковы общие направления нашего плана, а детали его мы обсуждали со всеми командирами, руководителями подпольных организаций и боевых групп, и потому о них я говорить не буду. После этого совещания все товарищи должны действовать на своих участках с максимальным вниманием, не упускать из виду никаких мелочей. Мы поставили перед собой трудную и большую по масштабам задачу, поэтому надо сделать все, чтобы выполнить ее наилучшим образом. Пожелание успеха прислал нам президент Хо Ши Мин, об этом сейчас скажет заместитель начальника генерального штаба народной армии.

Главком не назвал фамилию товарища, прибывшего из Ханоя, но большинство из присутствующих знали его по битве под Дьенбьенфу.

— Президент Хо Ши Мин, — сказал заместитель начальника генерального штаба, — в своем послании товарищу Нгуен Хыу Тхо, председателю Национального фронта освобождения Южного Вьетнама, пишет: «В то время как армия и народ в обеих частях нашей страны непрерывно добиваются славных побед в деле антиамериканской борьбы за спасение родины, Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама опубликовал свою Политическую программу. Это программа великой солидарности всего народа, программа, выражающая решимость сражаться до полной победы над американскими агрессорами и их продажными приспешниками. За семь последних лет население и бойцы вооруженных сил героического Юга нанесли тяжелые удары более чем миллионной армии США и их сателлитов. Американские агрессоры оказались в безвыходном положении. Закрепляя одержанные победы, армия и народ Южного Вьетнама повсюду и непрерывно атакуют врага. Наш вьетнамский народ, вся наша страна гордятся героическим Югом — «Гранитной стеной Отечества».

Опираясь на непобедимую силу великой солидарности, мы обязательно добьемся победы! День воссоедин-

нения Севера и Юга будет днем радости для нас. С любовью шлю всем вам пожелания дальнейших побед».

Наступила такая тишина, что даже стало слышно, как шелестят за стеной жесткие листья пальм, трещат цикады.

— Хочу добавить,— сказал после некоторого молчания заместитель начальника генштаба,— что мы все понимаем значение предстоящего наступления, а план атаковать американцев и режим Тхиеу в их логове — в Сайгоне — получит широкий отзвук во всем мире и вызовет настоящий переполох в Вашингтоне и в рядах его союзников. Успешное проведение операции поставит администрацию Джонсона перед крахом, и она начнет маневрировать, искать пути, как спасти свое лицо, но действовать ей придется уже в невыгодной позиции, когда военная и политическая инициатива будет в наших руках. Вы знаете, что еще в сентябре прошлого года Джонсон запустил пробный шар в этом направлении. Он потребовал — пока он еще требует,— чтобы в ответ на его обещание прекратить бомбардировки Северного Вьетнама мы взяли на себя обязательство о взаимной деэскалации, проявляли сдержанность и прекратили, как он говорит, инфильтрацию на Юг. Но мы отвечаем на это просто и понятно: нам нечего деэскалировать, потому что мы защищаем свою родину и добиваемся ее освобождения. Но до тех пор пока Соединенные Штаты будут вести агрессивную войну, мы будем сражаться. Сражаться до полной победы. Поэтому Центральный Комитет нашей партии и одобрил план новогоднего наступления, которое может стать переломным моментом в нашей борьбе. Из этого мы и исходим, начиная массированные удары по противнику.

В ночь с 30 на 31 января посол США Элсуорт Банкер, совсем недавно сменивший Генри Кэбота Лоджа, положив в сейф последние бумаги, над которыми засиделся столь поздно, услышал сильную стрельбу прямо у ворот посольства. Он погасил свет, отдернул занавеску и выглянул в окно. Картина, которая разворачивалась перед посольством, заставила его закрыть на мгновение глаза, чтобы прогнать видение, вызванное, наверное, усталостью. Но видение не исчезало. В свете сильных ламп он увидел, как вооруженные люди, сломав запоры главных ворот, ворвались на территорию посольства. Банкер снова задернул штору, включил настольный свет и набрал номер телефона Уэстморленда. Занято. Банкер

положил трубку, подошел к окну и, чуть приоткрыв штору, выглянул на улицу. Как раз в это время в кабинет ворвался командир морских пехотинцев, охранявших посольство.

— Господин посол,— начал офицер, тяжело дыша, и слова вырывались из горла хриплые, еле понятные,— партизаны атакуют посольство. Ворота сломаны, входная дверь разбита, они ворвались в здание. Дежурная охрана ведет бой, но силы неравны.

— Спокойно, капитан,— сказал посол,— надо поднять по тревоге всех наших людей и направить сюда.

— Это я уже сделал, но партизан слишком много. Зазвонил телефон. Посол поднял трубку.

— Господин посол,— услышал он голос Уэстморленда,— мой штаб под огнем противника. Охрана ведет бой, но сам штаб подвергается сильному обстрелу.

— И что вы предлагаете, генерал? — спокойно спросил посол.

— Я прошу вас прислать роту морских пехотинцев, охраняющих посольство.

Банкер прислушался: стрельба внизу стала еще более частой.

— Этого я никак не могу себе позволить, генерал.

— Но почему? На нас же совершено нападение.

— Потому что морские пехотинцы ведут бой уже внутри посольства. Вызывайте какую-нибудь часть из казарм.

— Есть, господин посол,— растерянно произнес Уэстморленд и положил трубку.

По внутренней связи послу сообщили, что партизаны уже захватили второй этаж. Рвутся на третий, но охрана перекрыла вход металлической дверью.

— Постарайтесь задержать любой ценой. Ни в коем случае нельзя допустить до секретной части.

Он повесил трубку и по прямому проводу соединился с президентом Тхиеу.

— Господин президент, вы можете сказать, что происходит в городе? Американское посольство, штаб наших вооруженных сил под сильным огнем партизан. Бой идет внутри здания посольства.

— Господин посол,— дрожащим голосом произнес Тхиеу,— Дворец независимости тоже под огнем. Я приказал министру обороны принять срочные меры, поднять по тревоге войска и бросить их на помощь.

— Кому на помощь? — не удержался посол.

— Вам в том числе,— неуверенно произнес Тхнеу. Из динамика раздался панический голос:

— Докладывает командир взвода лейтенант Вольт, партизаны ворвались на третий этаж. Что делать, господин посол?

— Обороняться изо всех сил. Сейчас подойдет помощь.

Снова звонок Уэстморленду. Тот будто ожидал его, так быстро отозвался.

— Что можете сообщить нового, генерал?

— Вызвал десантников. Через несколько минут они будут в посольстве. Думаю, господин посол, надо связаться с президентским дворцом и поставить президента в известность.

Банкер даже удивился своему спокойствию, будто все, что происходило здесь,— лишь нелепые кадры кино, настолько все чудовищно неправдоподобно.

— Президентский дворец тоже атакуют партизаны, а сам президент, кажется, перепуган до последней степени. Теперь вы, генерал, несете за все ответственность,— и повесил трубку.

Бой шел, кажется, на всех этажах. Здание, резонируя, гудело от стрельбы и взрывов. Партизаны взламывали междуэтажные двери, легко занимали новые позиции, продвигаясь все дальше и выше.

Банкер вытер лоб, покрывшийся испариной. Он понимал, что до его кабинета нападающим добраться невозможно. Он защищен стальными массивными дверьми, с которыми не справиться легкими зарядами взрывчатки. Еще труднее будет овладеть секретными отсеками, однако, если помощь не подоспеет в самое ближайшее время, посольство может целиком оказаться в руках нападающих, а выбить их из него будет не так легко. Но главное, что волновало посла,— какая завтра будет сенсация в мире и какой переполох в Вашингтоне.

— Господин посол,— доложили послу с базы Таншоннят,— партизаны взорвали емкости с горючим и помещение диспетчерской службы.

Обороняющиеся американские морские пехотинцы стали вызывать по рациям поддержку с других военных баз, но все крупные базы вокруг Сайгона сами подвергались нападению и не могли оказать помощи. Весь день 31 января бои продолжались с нарастающей силой. Командование американских и марионеточных войск оказалось неспособным организовать контратаку, по-

сколько наступающие перерезали дороги, вывели из строя связь, взорвали несколько мостов, лишили штабы противника способности маневрировать, свободно перебрасывать войска.

Посол Банкер направил в Вашингтон тревожную телеграмму. «Положение в Сайгоне критическое. Захват партизанами американского посольства, нападение на штаб наших вооруженных сил, дворец президента Тхиеу, взрыв радиостанции, разгром армейских и полицейских штабов наших союзников, серьезные разрушения на военно-воздушной базе Таншоннят и многие другие акты диверсии показывают, что противник хорошо подготовился к массированным атакам на важные объекты, располагает глубоко достоверной разведывательной информацией. Командование наших экспедиционных сил, как и командование наших союзников, не заметили этой подготовки, а когда наступление стало фактом, оказались неспособными отразить его. Все их действия были полностью парализованы противником. Только какие-то иные, пока еще неясные нам цели Вьетконга спасли город от полного захвата, хотя в пяти из десяти его районов администрация президента Тхиеу ликвидирована. По мере прояснения обстановки мы будем вносить свои предложения о том, какие шаги предпринять нам в Южном Вьетнаме. Сейчас же — я это делаю после обсуждения с военными — прошу министерство обороны в срочном порядке рассмотреть вопрос о доставке в эту страну дополнительного контингента войск, пока еще есть возможность спасти положение».

Через пять дней, когда обстановка прояснится, американский посол и штаб Уэстморленда увидят, что выигранная «битва за Сайгон», как сообщил Уэстморленд министру обороны, хотя и нанесла Вашингтону огромный морально-политический урон, была лишь частью стратегического плана сил освобождения.

Несколько позже полковник Мэрфи в обстоятельном донесении директору Центрального разведывательного управления адмиралу Рейборну нарисовал более объективную картину происшедшего. «Новогоднее наступление сил Национального фронта освобождения, — писал он, — превзошло все предыдущие акции противника. Из сорока провинциальных центров было атаковано 37. Только в Сайгоне нападению и частичному разрушению подверглись 18 важных объектов, включая штаб ге-

нерала Уэстморленда. Было совершено нападение на 11 из 14 главных авиабаз и 30 аэродромов. К моменту новогоднего наступления произошло еще одно наше крупное поражение: полностью окружена, блокирована и подвергается непрерывным артиллерийским обстрелам база Фусань. Возможности для ее деблокировки минимальны. Если не предпринять срочных и решительных мер, база может стать добычей противника и окажется нашим настоящим Дьенбьенфу на Юге Вьетнама».

И далее, отбрасывая в сторону свои личные отношения с командующим американской армией, полковник Мэрфи давал свою оценку всему происходящему: «По масштабам поражения главной пострадавшей фигурой надо считать генерала Уэстморленда. Имея в своем распоряжении более миллиона прекрасно вооруженных солдат, современную авиацию, неограниченное количество артиллерии разных калибров и разного назначения, мы проиграли сражение крестьянской армии. Генерал Уэстморленд вынужден был перебрасывать соединения с одного участка фронта на другой, ведя войну фактически без стратегического резерва. Переброска 25-й дивизии из Сайгона под Локнинь обнажила оборону самого Сайгона, что привело к столь драматичным последствиям. Только ценой резкого увеличения военной мощи, пересмотра не отвечающих нынешнему этапу концепций ведения войны можно достичь спасения администрации президента Тхьеу, оказавшейся на грани полного краха, и нашей собственной политики в Южном Вьетнаме».

Радикальные меры, а главное, политические оценки, данные полковником Мэрфи, не понравились в Вашингтоне. Однако пройти мимо того, что произошло в феврале — марте, было невозможно. В Вашингтоне не прекращались совещания на самом высоком уровне. Линдон Джонсон, в настроении которого произошел какой-то сдвиг, то впадал в апатию, то в гнев, который он обрушивал на всех — на Макнамару, Раска, Рейборна, своих союзников, обвиняя их во всех смертных грехах. Совершенно аналогично повел он себя, когда Макнамара пришел к нему с подготовленным приказом о замене Уэстморленда и Фрэнсиса Райтсайда другими, более подходящими для нынешней стадии войны генералами.

— Ты, Боб,— сердито говорил Джонсон,— ищешь легкий путь для оправдания нашего поражения. Ты можешь поручиться, что, если я пошлю тебя командовать

нашей армией во Вьетнаме, ты выправишь положение или спасешь базу от захвата ее Вьетконгом?

Макнамара счел нетактичным этот вопрос президента и не ответил на него.

— Вот видишь, не можешь ты сказать этого. А ведь я помню, что Уэстморленд все время обращался к нам с просьбами увеличить наши военные силы во Вьетнаме, а мы, в том числе и я, не без твоего совета, ограничивали ему помощь.

— Господин президент,— решился Макнамара перебить Джонсона,— обстановка сейчас такова, что мы не можем позволить себе посылать во Вьетнам слишком большие контингенты войск. Мы и так находимся под огнем конгресса, подвергаемся критике со стороны наших союзников в Европе. Печать раздувает наши неудачи до космических размеров, что накаляет общество, вооружает наших противников. Массированное наступление ведет оппозиция, стали расти акции Ричарда Никсона, а ведь он будет главным соперником на президентских выборах. Мы стоим на пороге сложных внутренних и внешних испытаний, и нам сейчас необходимо выработать такой курс, который позволит нам устоять на ногах.

Президент посмотрел на Макнамару так, будто увидел его впервые, с каким-то растерянным выражением на лице, и надолго замолчал, обдумывая услышанное. Нельзя сказать, что он не знал того, о чем говорил Макнамара. Знал, но думал, что это не так страшно. Макнамара все предельно обострил и породил в его сердце предчувствие, что дорога, которую он всю жизнь так старательно для себя прокладывал в историю, не останавливаясь ни перед чем, свернула в тупик. Под сердцем разрасталась тупая, ноющая боль, лишавшая способности действовать с той же безоглядной решимостью, как он делал это, заняв впервые кресло президента. Он понимал, что в мире вокруг него и вокруг Америки произошли какие-то не замеченные им ранее перемены, которые лишают его как президента врученной ему силы.

Макнамара не прерывал раздумий президента, но своим жестким, рационалистическим умом понимал, что президент надломлен и вряд ли будет способен вести тяжелые бои, которые ему предстоят.

Джонсон неожиданно вскинул голову и с прежней,

хорошо знакомой Макнамаре манерой, с оттенком иронии спросил:

— Ну, и что же предложит для решения проблемы мой министр обороны, а? Надеюсь, Боб, в твоей знаменитой папке, кроме просктов распоряжений о снятии нескольких генералов, есть более радикальные предложения. Не подумай, Боб, что я не согласен с тобой, но снятие с поста сейчас двух — или сколько ты там предлагаешь? — генералов не поправит дело. Это усугубит наши трудности и даст лишние козыри нашим противникам у себя в стране и за рубежом.

— Объединенный комитет начальников штабов, господин президент, — Макнамара с удовлетворением заметил происшедший перелом в настроении президента, — внимательно проанализировал обстановку за последние месяцы и пришел к выводу, что спасти и улучшить наше положение вполне возможно.

— Вот с этого и начинал бы, — оживился президент еще больше.

— Мы предлагаем действительно укрепить нашу армию во Вьетнаме, перебросив туда часть войск из стратегического резерва, находящегося внутри страны. О деталях я говорить не буду, чтобы не отрывать у вас время.

— Хорошо. А что с базой?

— Считаем необходимым перебросить в тот район первую воздушно-десантную дивизию со всем положенным по штату вооружением и попробовать деблокировать базу. Положение ее сейчас критическое, но я думаю, что десантники помогут ей. Однако, господин президент, если не удастся изменить соотношение сил в этом районе серией наших наступательных операций, боюсь, что базу придется оставить. К этому надо быть готовым, господин...

— Не верю своим ушам, господин министр обороны! — сердито перебил президент Макнамару. — База, которую мы все считали символом мощи Америки, эвакуировать?! Это будет крушение не базы, а нас всех, Боб. Ты разве не понимаешь этого?

— Я не думаю, что это будет крушением, господин президент. Эвакуировав базу — я говорю об этом в высшей степени предположительно, веря, что этого не придется делать, — мы лишь высвободим зажатые в тиски силы для оперативного использования на других участках.

— Нет, Боб, я не могу обсуждать проблему базы в такой плоскости. И пожалуйста, не поднимай передо мной этого вопроса. Делайте что хотите, предпринимайте любые меры, но меняйте положение во Вьетнаме в нашу пользу. И усильте удары по Ханюю. Сделайте их самыми беспощадными, надо заставить его принять наши предложения о деэскалации. Новый год начался для нас неудачно. Это так. Но кончиться он должен иначе.

Линдон Джонсон, как больной неизлечимой болезнью, то впадал в глубокую меланхолию, то загорался надеждой. Он часто думал, что события во Вьетнаме со дня на день круто изменятся и победа в этой стране вознесет его на гребень мировых событий.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

К началу марта американское командование оправилось от потрясения, вызванного новогодним наступлением сил национального освобождения. В спешном порядке во Вьетнам было переброшено кораблями и транспортными самолетами сорок шесть тысяч новых солдат и большое количество техники. Уэстморленд, так настойчиво просивший подкреплений, несколько растерялся, поскольку не знал, куда их направить: силы Вьетконга, как доносили агенты и воздушная разведка, после так успешно проведенного наступления непонятно по какой причине снизили активность и большая их часть будто растворилась в зеленом море джунглей и горных складках. Обнаруженные с помощью электронной аппаратуры небольшие лагеря представляли собой ненадежные цели, потому что они легко снимались с места, меняли дислокацию. Самолеты-бомбардировщики, вылетавшие на задание, как правило, не обнаруживали того, что засекли электронные разведчики, и вынуждены были сбрасывать бомбы куда попало: не возвращаться же с ними назад. По автоматическим регистраторам выходило, что бомбы были сброшены точно по квадратам, указанным разведкой, но что квадраты были к тому времени уже пустыми, летчики за это не отвечали.

Теперь только одно не давало покоя Уэстморленду: база. Полученное распоряжение министра обороны было строгим, не допускающим какого-нибудь иного толкования; командующий экспедиционным корпусом должен обеспечить деблокировку базы, для чего ему было приказано перебросить в распоряжение генерала Райт-

сайда 1-ю воздушную десантную дивизию и нацелить ее на противника. Дивизия переброшена, начинает капитально обживатьсь, вести разведку, но в прямые контакты с противником пока не вступала, хотя уже понесла первые потери. Одна ее рота, расположившись в нескольких километрах от базы вдоль дороги номер девять, подверглась нападению партизан.

Подполковник Тхао, ставший уже командиром полка особого назначения, получил распоряжение провести расследование этого случая и покарать местных жителей, которые, несомненно, замешаны в подготовке нападения на американских солдат. Помня поражение, которое потерпел его батальон в широко задуманной, но умело кем-то сорванной операции, подполковник повел дело хитрее. На «джипе» с охраной из четырех человек он объехал район, в котором ранее дислоцировалась американская рота, и наметил две деревни, показавшиеся ему подозрительными: уж очень недружелюбными взглядами встречали их жители.

— А почему это у вас так много разрушенных домов? — спросил он старосту одной деревни.

— Это надо спросить солдат «гражданской гвардии», — ответил староста, — налетели как тайфун, требовали самогона, мяса. А где у нас самогон? Ну, они и начали безобразничать. Кричали, что мы помогаем коммунистам, что мы — вьетконговцы. Ну, скажите, господин подполковник, — вежливо спросил староста, — неужели мы похожи на вьетконговцев? Да мы даже и не знаем, как они выглядят.

— Вот так и выглядят, — указал Тхао на мужчину с печальным лицом, стоящим чуть в стороне.

— У него солдаты дочку убили, — сказал староста, — и дом сожгли.

— А за что убили дочку?

— За что может убить солдат девушку, господин подполковник, вы и сами знаете. Сопротивлялась.

— Чего же он остался тут? — опять показал Тхао на печального крестьянина. — Дочку у него убили, дом сожгли, а он остался.

— Податься некуда ему.

— Ну, а куда подевались остальные, чьи дома сожгли солдаты?

— Кто куда, — ответил староста, — одни разбрелись по родственникам в соседние деревни, а большинство

взял к себе в пагоду мудрый Дьем. Доброе сердце у Дьема, господин подполковник.

Но Тхао уже не слушал больше старосту. Он сел в «джип» и резко бросил шоферу:

— В пагоду к Дьему. Только быстро.

Прямо на машине он въехал во двор пагоды и остановился у флигеля с богиней Куанэм. Там шло какое-то моление. Старый Дьем читал нараспев каноны, а мужчины, поджав под себя ноги, сидели на циновках и то ли повторяли его слова нараспев, то ли пели что-то свое. Тхао прошел между сидящими прихожанами, раздавая по пути удары своими тяжелыми, тупоносими американскими ботинками. Старый Дьем заметил, как несколько человек скорчились от боли, и, закрыв каноническую книгу, встретил Тхао суровым, осуждающим взглядом.

— Значит, как я и предполагал,— уставившись немигающими глазами в настоятеля пагоды, угрожающе произнес Тхао,— под твоей святой обителью укрываются вьетконговцы. Так?

— Побойтесь неба, господин офицер! — сказал настоятель.— Это несчастные, бедные крестьяне, им принесли столько горя злые люди.

— Кто же эти злые люди? Уж не наши ли солдаты, которые защищают вас от коммунистов? — злобно спросил Тхао.

— Я не знаю, кого и от кого они защищают, но этим они принесли только страдания.

— А ну, встать,— строго скомандовал Тхао,— и марш отсюда на улицу, я с вами поговорю там.

Прихожане стали быстро подниматься и торопливо выходить из храма.

— Что вы делаете? — строго спросил настоятель.— Разве так ведут себя в храме, перед ликом Благодетельной Куанэм?

— Это не храм, а прибежище пособников Вьетконга,— произнес Тхао, выходя на улицу.

Он подошел к присмиревшим напуганным мужчинам, внимательно оглядел их и, вырвав из толпы человека, показавшегося ему подозрительным, злорадно засмеялся.

— Наконец-то ты попался мне,— выкручивая мужчине руку, произнес Тхао. Он впервые видел этого человека, но решил проверить свой обычный метод психологического давления.— Это, значит, твои сыновья ушли к

партизанам и нападали на американских солдат? Я сразу тебя узнал. Ну, рассказывай все начистоту,— он вытащил из кобуры пистолет и уперся дулом в горло крестьянина.

Тот, кажется, потерял дар речи от страха. Он что-то пытался сказать, но из горла вылетали лишь отдельные звуки, не складывающиеся в слова.

Старый Дьем вышел во двор и твердой походкой пошел к Тхао.

— Прекратите безобразие,— сказал он сурово,— у этого человека было два сына, и обоих убили ваши солдаты.

— А я что говорю? Значит, они были вьетконговцами, а иначе они служили бы в нашей армии. А ну, рассказывай! — надавливая дулом пистолета на горло, кричал Тхао, отвернувшись от настоятеля.

Но тот стоял на своем. Потянув Тхао за рукав, потребовал:

— Прекратите сейчас же.

Тхао медленно повернулся к настоятелю и коротким, без размаха, ударом рукояткой пистолета свалил его на землю. Кровь лилась из рассеченной головы мудрого Дьема. Люди оцепенели.

— Вот так будет с каждым из вас, если не расскажете, где скрываются... — он не успел договорить фразы, как выскочивший из толпы мужчина ударил его по голове булыжником.

Подполковник рухнул, как подрубленный. Пистолет, упав на камни, выстрелил. Все произошло так быстро, что охрана не успела ничего сделать. Солдаты стояли недалеко от машины, разговаривая, к тактике Тхао они давно привыкли. Мужчины, еще минуту назад казавшиеся подавленными и запуганными, не сговариваясь, бросились на солдат, вывернули им руки и повалили на землю. Шофер, воспользовавшись тем, что все мужчины были заняты солдатами, включил мотор и, не разворачиваясь, задом выскочил из ворот. Только пыль закружилась за пятнистой машиной. Через несколько минут солдаты, крепко связанные, лежали рядом со своим бездыханным офицером.

Крестьяне подняли с земли бесчувственного, с залитым кровью лицом настоятеля пагоды и внесли в помещение. Появился чайник с водой. Промыли рану, забинтовали полотенцем голову и осторожно положили мудрого Дьема на циновку. Через несколько минут настоя-

тель пришел в себя. Все кружилось вокруг, но постепенно красная пелена, мешавшая разглядеть что-либо, стала таять, и он увидел склонившихся над ним людей.

— Расскажите,— медленно произнес настоятель,— что тут произошло?

Они наперебой стали говорить ему, как они разделились с офицером, связали и обезоружили солдат, только одному удалось сбежать, потому что он был на машине.

Настоятель закрыл глаза. Он понял, что уехавший шофер поднимет тревогу.

— Друзья,— медленно и тихо проговорил настоятель,— вам надо быстрее уходить. Сейчас сюда приедут другие солдаты, и тогда никому не спастись.

— У нас есть оружие,— сказал молодой мужчина,— только,— смущенно добавил он,— не знаем, как из него стрелять.

— Послушайте меня,— сказал настоятель несколько окрепшим голосом,— уходите. Куда угодно, но уходите — в лес, в горы, в другие деревни, а то будет поздно.

— А что делать с солдатами? — спросил кто-то неуверенно.

— Отпустить их,— предложил настоятель,— или пусть лежат, пока за ними не приедут.

— Мы не можем оставить вас, мудрый Дьем,— сказал мужчина с автоматом,— они вас убьют. Уйдем вместе.

— Куда я пойду? Меня и ноги-то не держат. Да и бояться мне нечего. Не все же такие сумасшедшие, как тот офицер. Разберутся, поймут.

— Нет, теперь они будут убивать всех подряд, мы вас заберем с собой.

Они быстро соорудили носилки и, положив на них настоятеля, двинулись в сторону гор. Связанные солдаты так и остались лежать на земле. Мужчина, что убил Тхао, предложил прикончить и солдат, чтобы они не рассказали, что тут было, но его отговорили.

Гибель командира полка Тхао, о которой, дрожа от пережитого, рассказал шофер, всполошила на базе всех. Генерал Райтсайд попросил командира первой дивизии послать отряд десантников на усмирение взбунтовавшихся крестьян.

— Эту операцию надо хорошо подготовить,— ответил командир дивизии,— и провести внезапно, чтобы

никто не ушел от возмездия. Я думаю, сэр, что ничего не случится, если мы это сделаем через два дня. Сейчас я поручу своим парням пролететь над этими деревнями, как они там называются-то? — Он посмотрел на карту. — Нашел. Так. Май-первая и Май-вторая. Ну, мы их объединим в одну. Вы не возражаете против такого плана?

Генерал Райтсайд не возражал. Последние два месяца он жил в подавленном нервном состоянии. Он тяжело переживал каждый налет на базу, каждую диверсию на дороге номер девять, которую противник перерезал в нескольких местах и не давал автоколоннам доставлять грузы из Дананга. Несмотря на жесточайший режим охраны, диверсанты проникали на базу и взрывали то вертолеты, то склад, то самолеты. Каждый раз специальная служба вела самое тщательное расследование, снова и снова проверяла всех работающих на базе, а результата не было. Прекращались диверсии на базе, зато активизировались на дороге. Командование базы чувствовало себя так, будто находится в стеклянном доме, стены которого прозрачны.

После каждой диверсии обозленные, издерганные летчики поднимали свои самолеты и вертолеты в воздух и устраивали ад за пределами базы. Бомбардировки превращали обширные территории джунглей, кустарниковых зарослей, полей в широкую, ровную полосу мертвой земли. Самолеты вели непрерывный обстрел лесных массивов ракетами и поливали их отравляющими веществами. Таким же путем обрабатывались русла рек и ручьев.

Иногда вертолеты появлялись над джунглями совсем с другими целями. Зависнув в воздухе над квадратами, где, предполагалось, находятся лагеря Вьетконга, летчики включали мощные динамики, из которых раздавались томные девичьи голоса: «Героические солдаты Вьетконга! Вернитесь к нам, своим любимым, вернитесь на сторону правительства. Мы будем заботиться о вас, лелеять вас. Я вижу вас, мои дорогие. Неужели вам не хочется обнять мое стройное тело? Подумайте сами: разве джунгли место для любви? Выходите из них, и вы узнаете, как соскучились по вашим ласкам девушки». Потом начинались бомбардировки...

Командир 1-й воздушно-десантной дивизии вызвал командира 2-й бригады подполковника Хантинга.

— Тебе предстоит, Стив, со своими парнями провер-

нуть одну деликатную операцию: усмирить, понимаешь, Стив, навсегда усмирить две партизанские деревни.

— Это дело знакомое, сэр. Когда?

— Как будешь готов,— генерал развернул карту местности и показал эти деревни. Хантинг внимательно изучил карту.

— Ну что ж, место очень удобное. Завтра перед восходом солнца можно начать.

— Перед восходом? — спросил генерал. — Отлично, вот и дадим заданию кодовое название «Розовый восход». Как?

— Прекрасное название. Главное, будет иметь не только переносный смысл.

Как и было решено, двадцать пять вертолетов поднялись в воздух, когда солнце еще было за горизонтом. Только с высоты пятисот метров десантники увидели в иллюминаторы поднимающийся над землей розовый шар. Один за другим вертолеты стали приземляться на сухом в это время года поле, лежащем между двумя деревнями. И тут первые лучи солнца коснулись верхушек кокосовых пальм, облив их широкие листья розовым светом. Как везде во Вьетнаме, в деревнях уже началась жизнь. Взрослые были заняты хозяйственными делами, и только дети еще спали. Но раздражающий тишину рев моторов и их поднял с постели. Жители стали робко сходитья поближе к тому месту, где садились вертолеты, чтоб увидеть, зачем они так рано пожаловали.

Командир бригады подполковник Хантинг из своего вертолета через мощный динамик передал команду:

— Операцию начинают две роты «Зиппо». За ними остальные.

«Зиппо» — марка популярной американской зажигалки, но за плечами десантников были огнеметы, заправленные горючей жидкостью типа напалм.

Выскочив из вертолетов, солдаты устремились к домам, и вот уже запылали костры. Один, другой, третий... сороковой. Бело-розовое пламя вздымалось ввысь мощными языками, гудело, перекидывалось на деревья... Женщины бросались в горящие хижины, чтобы вытащить спящих малышей, но, не добежав до дверей, падали, сраженные очередями из автоматов. Жители не понимали, что происходит, пытались подойти к солдатам и выяснить, но тоже падали под пулями. Из небольшого католического храма с серебряным распяти-

ем на темной сутане вышел местный священник. Он направился к лейтенанту роты «Зиппо». Из кармана сутаны он вытащил какой-то документ и протянул его офицеру, быстро объясняя что-то то на вьетнамском, то на французском языке. Лейтенант повертел документ, но ничего не понял, бросил его под ноги.

— Господин офицер, вы же крещеный человек, — начал священник, старательно подбирая английские слова, — разве можно так вести себя? Вы же убиваете ни в чем не повинных людей, — и вздрогнул от неожиданности. Из зависшего вертолета, будто с неба, прогрехотал суровый голос, от которого священник пришел в ужас.

— Парни, — грохотало небо, — смотрите, чтобы никто не сбежал.

— Разве у вас нет бога? — попытался пробиться к душе лейтенанта священник.

Лейтенант захохотал.

— Вон мой бог, — показал он дулом автомата на вертолет, кружащийся над деревней, — это он приказал покарать грешников, святой отец. Поэтому не вмешайтесь в дела моего бога, уйдите в свой храм, может быть, это спасет вас. Идите, идите, — подтолкнул он священника дулом автомата.

Священник с обнаженной седой головой, с покрасневшими от бушующего огня щеками, по которым катились слезы, продолжал что-то бормотать, но лейтенант, не слушая его, направился в ту сторону, где солдаты сгоняли в кучу всех жителей деревни. Приказав крестьянам усесться на землю рядами, они окружили их и взяли на прицел. Подошел лейтенант.

— Сколько вы собрали в этот крааль? — весело спросил он.

— А кто их считал, сэр.

— Вот и посчитайте, сержант, и доложите по форме. Солдаты смеялись, будто смотрели веселое представление.

— Сто восемнадцать голов, господин лейтенант, — доложил сержант, — больших и маленьких.

— Пять шагов назад, — скомандовал лейтенант. Солдаты выполнили команду. Лейтенант посмотрел еще раз на обезумевших от страха женщин, прижимающих к себе плачущих детей, на суровые лица мужчин, на ничего не понимающих подростков и, набрав полные легкие воздуха, выкрикнул: — Огонь!

Поднялся душераздирающий крик, люди пытались вскакивать, бежать, искать укрытие, но скорострельные, безотказные автоматы делали свое дело. Криков становилось все меньше, теперь слышалась только дробь стрельбы. Стоны, раздававшиеся в груди наваленных тел, обрывались одиночными выстрелами.

Солдаты вытирали рукавами пот со лба, меняли опустевшие обоймы на полные, закуривали сигареты, бросали в рот квадратики жевательной резинки, делали все так, будто ничего особенного не произошло, обычная работа.

— Смотрите, смотрите, — крикнул кто-то, — сам Христос идет на нас с крестом!

Солдаты обернулись и увидели старого священника с обезумевшими глазами, всклокоченными седыми волосами. В правой руке он держал высоко поднятое над головой распятие, а левой, со сложенными перстами, собирался осенить себя крестным знамением или оборониться от нечистой силы, возникшей перед его глазами. Он шел прямо на растерявшихся солдат и посиневшими губами шептал: «Проклинаю! Проклинаю!» Он шел, кажется не видя перед собой ничего, прямо на солдат, и те вдруг испытали панический страх, заставивший их раступить перед человеком, вооруженным только крестом.

Лейтенант заметил, что его солдаты растерялись, и поспешил им на помощь.

— Что, не видели сумасшедшего старика? — закричал он. — А ну-ка, Джим, — толкнул он шутливо плечом рослого солдата, — прошей его очередью из своего автомата.

— Что вы, сэр, это же священник, у него в руках крест, разве можно? — ответил солдат.

Лейтенант сердито сплюнул.

— Не думал, что у меня во взводе такие слабонервные. Эй, старик, — он подошел к священнику, — я сказал тебе, чтобы ты убирался отсюда, почему ты шатаешься, где не следует?

— Ты сатана в человеческом образе, — громко крикнул священник, — тебя надо казнить здесь, на земле, а на небе тебе гореть в огне. И тебе, и всем твоим солдатам. Убийцы! Я вас проклинаю!

— Уходи, старик, повторяю последний раз, — сердито сказал лейтенант, вынимая пистолет из расстегнутой кобуры, — убираться!

Старик будто не слышал его. Осенняя крестом расстрелянных односельчан, он читал над ними молитву, мешая латинские, вьетнамские и французские слова, потом заговорил так, будто это были живые еще люди, которые могли его услышать.

— Простите меня, простите,— говорил священник, и слезы лились по его щекам.— Простите, что не сумел защитить вас, дал на растерзание диким хищникам в человеческом облике. Простите, что не могу воздать за вашу смерть смертью вашим убийцам. Слаб и немощен я. За вашу гибель гореть им,— старик повернулся к солдатам, показывая на них крестом,— этим проклятым убийцам. Проклинаю! Проклинаю!

Солдаты попятились: очень страшен и грозен был этот, видимо, теряющий последние остатки разума человек.

— А ты,— грозно ткнув крестом лейтенанта в грудь,— будешь вечно гореть в пламени, убийца!

Лейтенант поднял пистолет и спокойно выпустил в священника несколько пуль.

Старик упал рядом со своими односельчанами.

— А ведь я предупреждал тебя, сумасшедший,— проговорил лейтенант, вкладывая пистолет в кобуру. И, обращаясь к солдатам, скомандовал: — Проверьте, не укрылся ли кто-нибудь из этого осинового гнезда в кустах.

Солдаты медленно стали разбредаться по горячей деревне, испытывая никогда ранее не посещавшее их чувство страха за совершенное. Они считали, что убивать вьетнамцев, которые помогают Вьетконгу,— не грех, да они не думали о грехе, о своей вине, пока не увидели обезумевшего священника и его смерть. Командир роты сзывал свой личный состав на небольшую, хорошо утопанную площадку посреди деревни, куда приходили когда-то крестьяне поговорить о своих делах. Чуть в отдалении собирались другие роты. Стрельба уже кончилась. Только слышно было, как оглушительно лопались занявшиеся огнем бамбуковые стволы.

— Работа сделана хорошо,—сказал, довольный собой, командир роты,—сейчас по вертолетам и — назад. Можно будет отдохнуть и выпить добрый стаканчик виски.

— Не все хорошо сделали, господин капитан,— вдруг вмешался какой-то солдат.

— Что не так?— удивился капитан.

— Священника с крестом убили. Нехорошо это.

— Эту вину я беру на себя, не волнуйся. Тут все были сделаны из одного теста и жалеть некого. Они не жалели наших парней.

— А может быть, эти люди действительно не виноваты? Священник же говорил об этом.

— Ладно, Кей, не терзай свою душу, ей еще предстоит увидеть немало и другого. Это — война.

— Но мы же не со священниками воюем? — не унимался солдат.

— С самым господом богом будем воевать, — резко отозвался капитан, — если он сделает ставку на Вьетконг. Понял, Кей? Ну, по машинам!

Через год, демобилизовавшись из армии, солдат первой воздушно-десантной дивизии Кей Рейнолдс с трудом найдет журналиста, которому расскажет о кровавом событии, в котором сам принимал участие, и осудит и свое поведение, и поведение всех, кто был вместе с ним во Вьетнаме. Он несколько раз будет повторять, что священник с крестом в руке не дает ему спокойно жить, что он постоянно видит его глаза и слышит проклятия. «Это не смоешь ничем», — заключил он свой рассказ. Ровно через неделю после этого Кей Рейнолдс покончит с собой, так и не узнав, что в тот же мартовский день произошла еще одна такая же трагедия, которая, став достоянием гласности, всколыхнет волну ненависти во всем мире, — трагедия общины Сонгми, где по приказу командира дивизии «Америкэл» генерала Карстера его солдаты, предводительствуемые подполковником Гендерсоном и лейтенантом Уильямом Колли, уничтожат более пятисот человек, в основном женщин и детей. И только девочка Во Тхи Льен случайно останется в живых — одна из всех жителей Сонгми — и подробно расскажет о кровавом мартовском дне.

Полковник Юджин Смит только к вечеру узнал о том, что произошло в деревнях Май-первая и Май-вторая, в которых он бывал.

Чувствуя душевную подавленность, он пошел к генералу Райтсайду в его резиденцию.

Генерал обрадовался его приходу, сам достал бутылку виски, лед, стаканы.

— Давно мы не сидели с вами, Юджин, за приятной беседой и добрым виски, — сказал генерал.

— Слишком мало оснований для приятных бесед, господин генерал, — ответил Юджин.

— В этом ты прав, Юджин, прав. И чем дальше, тем, думаю, их будет меньше, в этом наше несчастье.

— И в этом несчастном положении вы, господин генерал, как говорил небезызвестный супермен нашего экрана Джеймс Бонд, вы сами щедро раздаете «пароль на убийство»,— сухо проговорил Смит.

Генерал заметил наконец, что полковник пришел сильно расстроенный.

— В чем дело, Юджин? Упомянутый вами супермен, насколько я помню, проходит по вашему ведомству. А при чем тут я?

— При том, господин генерал, простите за резкость, но, если бы я вас не уважал, я бы не пришел к вам и вы бы не слышали от меня ни слова. Но доверительный характер наших отношений позволяет мне, смею надеяться, говорить с вами прямо и откровенно.

— Совершенно верно, Юджин,— уже с тревогой в голосе произнес генерал,— но что же произошло?

— Господин генерал, вы сегодня своей рукой убили почти пятьсот невинных людей.

— Бросьте, Юджин. Я в жизни не убил своей рукой ни одного человека. Вы что-то путаете.

— А сегодня убили. Скажите, вы дали разрешение провести карательную акцию против деревень Май-первая и Май-вторая?

— Да, я попросил командира первой дивизии усмирить взбунтовавшихся вьетнамцев. Они же убили вашего друга, подполковника Тхао,— саркастически улыбнувшись, сказал генерал,— а до этого нескольких десантников. Вот я и приказал разобраться, усмирить, наказать виновных.

— Вы во Вьетнаме не один год и знаете, что слово «усмирить» означает поголовное истребление? Как же вы позволили расстрелять пятьсот человек ни за что?

— Но они же взбунтовались, убили подполковника, солдат первой дивизии... — растерялся Райтсайд под напором Смита.

— Кто вам сказал, что это они убили?

— Кто-то сказал, не помню.

— Тхао убили не в деревне, а в пагоде Пурпурных облаков, защищая самого уважаемого в этих местах буддиста, известного под именем Мудрый Дьем. Наши солдаты погибли в результате налета Вьетконга. Крестьяне двух деревень, которых расстреляли сегодня, не причастны ни к тому, ни к другому. Я несколько раз

бывал там. Скажу больше, именно в одной из этих деревень я нашел двух своих лучших агентов, которые оказали нам неоценимую помощь, но их родителей тоже убили. И после этого вы еще рассчитываете, что вьетнамцы будут нас любить?

— Я, Юджин, в этой стране уже ни на что больше не рассчитываю. Но вы тоже драматизируете события. Вы взволнованы тем, что убили несколько вьетнамцев...

— Не несколько, а почти пятьсот человек,— перебил его Смит.

— Пусть пятьсот. А что-то я не слышал вашего взволнованного обвинения, когда гибли наши парни. Им устраивали засады, ставили ловушки, били из-за угла. Почему же вы молчали тогда?

— Мне было жаль тех парней, но ведь то было сражение солдат с солдатами. Одни оказались находчивей, может, даже храбрее, потому что шли против сильного противника. Но здесь другое дело: бросить всю мощь против безоружных крестьян, которым нечем было на нее ответить.

— Ладно, Юджин,— примирительно сказал генерал,— давай немного выпьем и поговорим спокойно,— он подал ему стакан.— Я вас понимаю, вы знали этих людей, но сколько гибнет в этой войне тех, кого вы никогда не видели в глаза. А сколько подвели под пули агенты, которых вы заслали в отряды Вьетконга? Почему же вы не скорбите о тех погибших?

— Потому что я действовал против вооруженного врага,— как-то неуверенно ответил Смит.— Я перехитрил его...

— Э, Юджин, не надо вести себя так, будто вы страус, а не старший офицер военной разведки, которая как раз и выдает тот самый «пароль на убийство». Выпьем, Они выпили.

— Садитесь, друг мой,— предложил генерал.— Мне кажется, мы имеем сейчас больше права поскорбеть о своей участи, она мне представляется не очень завидной. Я не уверен, удастся ли нам выбраться отсюда или нет. Мышеловка захлопнулась слишком плотно, а вы роняете слезы по каким-то вьетнамцам.— Он снова приложился к стакану, сделал несколько глотков и, глядя на Смита из-под сдвинутых на кончик носа очков, сказал: — Недавно генерал Уэстморленд дал интервью одному журналисту. Очень любопытное интервью, Юджин. Как

будто не было ни тяжелых боев, ни тяжелых потерь — материальных и моральных. Как будто не партизаны были хозяевами положения даже в Сайгоне, а он, Уэстморленд, атаковал Ханой. От вопроса, как могло случиться, что партизаны захватили американское посольство и сам генерал мог оказаться их пленником, наш главнокомандующий отмахнулся, как от мелкого и незначительного. Он ответил фразой, рассчитанной на историю: «У Вьетконга уже никогда не будет сил для повторного нападения».

— А куда же они делись? — поинтересовался Смит.

— Об этом надо спросить командующего.

— Наш командующий прибыл во Вьетнам победить, как он сам говорил не один раз, в том числе и здесь, на базе. Но, по-моему, ни один американский генерал не терпел таких поражений, как Уэстморленд. А ведь его поражения здесь — это поражения Америки в глазах всего мира. Мы долго будем ощущать их. Как вы думаете, господин генерал, где он черпает свою непомерную амбицию?

— Внутри себя, Юджин, внутри себя.

— Но это не очень надежный источник.

— Что делать, если нет другого. Он упивается собственным величием и, кажется, действительно верит в него. Но кончим говорить об этом. Тем более что завтра Уэстморленд будет здесь и вы можете задать ему несколько вопросов, — улыбнулся генерал.

— Что за цель его визита, если это не секрет?

— Какой секрет? Макнамара возложил на него ответственность за деблокировку базы, а дело не продвигается.

— Шуму много, а толку мало. Не так ли? — сказал Смит.

— Да, шуму много. Вот перебросили сюда мощное подкрепление — воздушно-десантную дивизию, а она увязла в мелких стычках с противником или занимается тем, чем занимался ваш друг Тхао. Вы что-то морщитесь, когда я называю Тхао вашим другом? И сожаления по поводу его убийства я от вас пока не слышал, — генерал явно повеселел после того, как отвел душу в беседе с человеком, которого любил.

— Убийство Тхао, хотя это конечно же и не очень гуманно, несколько поднимает состояние моего духа. Если мы будем связывать себя с такими людьми, то нам

никогда не завоевать расположения народа, которому мы пришли помогать.

— Эх, Юджин, вы — умный, мыслящий человек, а говорите, простите, глупости. А где же мы возьмем других людей? Работа тут грязная, и нужны для нее соответствующие люди. И своим солдатам мы платим за нее деньги, которые в иных странах не получают государственные деятели. А за что? За то же самое. Вот вы пришли ко мне в возмущенном состоянии. А ведь зря. Я ничем не мог помочь. Машину остановить нельзя. Дело все равно было бы сделано.

— Но, господин генерал, когда-то и с кого-то должны спросить: почему так много побед над крестьянами и мало над солдатами Вьетконга?

— А давайте допустим, что к такому ответу призвут меня или вас, вы ведь тоже причастны ко всему, что здесь происходит, и должность у вас соответствующая. Как бы вы ответили на это? Молчите? — сказал генерал, подливая в стакан виски. — Вот и я бы не нашел точного ответа. Взвалили на себя тяжесть, надо нести. Если победим, все простится, все обернется почетом и наградами. Не победим... Но об этом лучше сейчас не думать.

Где-то совсем недалеко раздался взрыв снаряда.

— Вот о чем надо думать, Юджин, — генерал подошел к селектору и нажал несколько кнопок. — Что там происходит? — спросил он. И пока он проделывал эти недолгие операции, еще два снаряда разорвались на территории базы.

— Кажется, Вьетконг начинает очередной артиллерийский налет, господин генерал. Один снаряд разорвался рядом с ангаром.

Смит понял, что докладывал дежурный по базе, находившийся на специальной вышке.

Генерал нажал еще одну кнопку.

— Леви, подними-ка несколько своих машин и попробуй нащупать противника. Я сейчас буду в штабе, докладывай туда.

— Есть, сэр, — узнал Смит голос полковника Леви, командира вертолетов.

— Прервали нашу беседу, Юджин. Но мы еще с вами побеседуем.

По коридору, собранному из бронированных плит, они направились к штабу базы. Обстрел был не очень сильный. Вертолеты уже поднимались в воздух. Однако

обстрел скоро прекратился. Через полчаса, выпустив несколько ракет и обстреляв темную, без единого огонька землю, вертолеты вернулись. Но спокойствие людей на базе уже было нарушено. Теперь только те, у кого железные нервы, будут способны заснуть, другие будут ожидать нового налета.

Кончился восемьдесят седьмой день осады.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Я повторяю,— Уэстморленд энергично рубанул рукой воздух,— что база символ военной мощи Америки, основная наша линия обороны на западном направлении, и в этом заключается стратегическая важность данного пункта. Шесть тысяч морских пехотинцев, тридцать тысяч солдат наших союзников, а на дальних подступах, вдоль дороги номер девять, оказывают хотя и невидимую отсюда, но очень большую помощь базе тысячи южнокорейских десантников. Здесь имеются мощные авиационные силы, бронетанковые подразделения, совершенная служба обнаружения противника, входящая в систему, которую мы называем линией электронной обороны. Теперь вы получили одно из лучших соединений нашей армии — первую воздушно-десантную дивизию, располагающую всем необходимым для успешного ведения контрповстанческой борьбы. Так почему же мы так пассивны? Почему мы стали обороняющейся стороной?

Уэстморленд оглядел присутствующих тяжелым взглядом, как бы требующим немедленного и точного ответа. Но никто не проронил ни слова.

— Мне представили отчет, который показывает, что за семьдесят пять дней на противника сброшено семьдесят восемь тысяч тонн бомб и выпущено сто тысяч снарядов. Этого достаточно, чтобы уничтожить если не все, то по меньшей мере половину сил Вьетконга, находящихся в этом районе. А, судя по всему, этого не хватило даже для того, чтобы подавить его огневые точки. Каждую ночь противник предпринимает прямой артиллерийский обстрел базы, а вы, располагая электронной разведкой, не можете обнаружить не только людские массы, но и артиллерийские позиции. Я хочу спросить летчиков: на какие цели вы сбрасываете бомбы?

— Которые указывают разведчики,— отозвался авиационный генерал.

— Ну, а что на это скажет разведка?

Поднялся довольно молодой, высокий полковник со шрамом через всю щеку.

— Мы засекаем противника, сэр, особенно крупное скопление людей и техники с абсолютной точностью: плюс-минус двести метров.

— Я не знаю, с каким плюсом вы это делаете, но минусов достаточно. Почему же тогда летчики сбрасывают бомбы в пустоту?

— Видимо, противник имеет много запасных позиций и удачно пользуется этим,— предположил полковник.

— Я понимаю, что страх наделяет врага преувеличенной силой, но приписывать ему наличие крыльев — это уже слишком... Как можно в течение короткого времени не только сменить место расположения людей, но и переместить технику? Или вы фиксируете ложные позиции, или ваша аппаратура имеет совсем другое назначение,— возмущенно сказал Уэстморленд.

— Господин командующий...— начал недовольным голосом полковник, видимо желая оправдаться.

— Садитесь, полковник. Я еще займусь вашей службой, и призывайте бога, чтобы он помог вам привести в порядок игрушки стоимостью в миллионы долларов. Садитесь! — прикрикнул Уэстморленд, увидев, что полковник продолжает стоять, будто окаменел.— Мы уже совещаемся слишком долго,— продолжил он уже спокойно,— выслушали разные мнения, и теперь остается одно — разработать хороший план операции по деблокировке базы. Сил у нас достаточно, надо их правильно использовать.

Уэстморленд посмотрел на часы.

— Завтра в это же время мы соберемся здесь, у генерала Райтсайда, и выслушаем командира каждого рода войск и их конкретные планы. Повторяю: конкретные. Со схемами, цифрами, сроками. А сейчас — все свободны.

В кабинете помимо генерала Райтсайда остались генералы и офицеры, прибывшие вместе с Уэстморлендом. Командующий погрузился в глубокую задумчивость, которую никто не решался нарушить. Но он сам, почувствовав неожиданно наступившую тишину, очнулся.

— Дорогой Фрэнсис,— несвойственным ему вкрадчивым голосом спросил Уэстморленд,— не кажется ли вам, что далеко не все офицеры, находящиеся в вашем подчинении, имеют необходимое для успеха настроение?

У одних я слышал это в голосе, у других было написано на лицах.

— Не кажется, господин главнокомандующий,— не поддержал Райтсайд фамильярного тона в присутствии подчиненных,— так оно есть на самом деле.

— Но скажите, почему? — выразил тот удивление.

— Прежде всего в результате анализа обстановки. Третий месяц продолжается осада базы. Ее площадь, как вам известно, девяносто квадратных километров, и она вся простреливается. Только недостаток дальнобойных орудий у Вьетконга и железобетонные укрытия для техники спасают нас от более ощутимых потерь. Но зато частые обстрелы влияют на психику не только солдат, но и офицеров. Далее: ни тридцать тысяч вьетнамских солдат, которые по идее должны обеспечить безопасность базы, ни те южнокорейские десантники, о которых вы говорили, ни наши собственные морские пехотинцы не могут поддерживать нормальное движение на дороге номер девять, а это важнейшая артерия, по которой мы получаем не только боеприпасы, но и продовольствие. Мы пробовали охранять колонны грузовиков бронетранспортерами, танками, вертолетами и даже самолетами. Но самолеты вообще оказались неэффективными из-за разницы в скорости с наземным транспортом. Вертолеты со своим грозным вооружением хороши, если слабо вооружен противник, тогда они с бреющего полета легко подавляют его. Но если он хорошо вооружен, а сейчас у него уже есть противовоздушные мобильные ракеты, вертолеты становятся сами легкой добычей. Танки неуклюжи на этих дорогах, вывод из строя одного из них приводит к заторам, и весь транспорт оказывается беззащитным. Вьетконг устанавливает на дороге мины, которые не обнаруживают наши приборы. И получается, что восемьдесят километров дороги от побережья до базы стали могилой для техники и людей. Вы пролетали над ней и видели, по каким местам она проходит. Чтобы сделать ее безопасной, нужно поставить железобетонные блокпосты по три-четыре на каждом километре, а это не под силу даже Америке. Когда-то наши ночные патрули на «джипах» прекрасно справлялись с охраной подступов к базе и дорог в пределах наших границ. Сейчас с этим не справляются дивизионы бронетранспортеров.

— По вашим словам, генерал, противник представляется мне в виде огромной армии, способной безнака-

занно действовать и бесследно исчезать в случае опасности. Но ведь такого же не может быть! Мы располагаем страшной огневой мощью, в нашем распоряжении средства химии, позволяющие делать джунгли прозрачными, и мы ничего не можем сделать? По отчету командования бомбардировочной авиации, каждый день сбрасывается в районе базы тысяча, а то и больше тысячи тонн бомб. Тут ничего живого не должно бы остаться, а база все-таки в осаде. Что же делают самолеты бомбардировочной авиации?

— Те парни, которые летают сюда с тайландских баз, сэр, бросают свои бомбы с высоты двадцать, а то и тридцать тысяч футов. Ниже они не спускаются. Вы понимаете, что это бомбежка не целей, а территории. Я удивляюсь, как они еще ни разу не сбросили свои бомбы на нас. Наши воздушные разведчики обязаны проверять эффективность этих бомбардировок. Но я сам пролетал над обработанными районами и пришел к выводу, что бомбы сброшены впустую. Специальное фотографирование не зафиксировало ни разрушенной техники, ни убитых людей. Боюсь, Уильям, что вам придется сделать представление командованию стратегической бомбардировочной авиации, чтобы оно пересмотрело свою тактику.

— Хорошо, Фрэнсис, это мы с вами еще обсудим. Может быть, действительно надо вмешаться. Но скажите, чем объяснить, что мы никак не можем засечь перемещения крупных отрядов Вьетконга, ведь должны же люди оставлять какие-то следы. Не духи же они, в самом деле. Ведь если засечь следы, то легко выйти к месту новой дислокации.

— Иногда нам это удастся, и тогда мы бросаем крупные силы на уничтожение противника — все возможные силы, включая химическое оружие. И Вьетконг несет большие потери. Но вообще его умение маскироваться поразительно. Полковник Смит, чьи агенты давали нам очень полезные сведения, специально занимался этим вопросом, составил на основании агентурных данных обстоятельное описание действий противника. У Вьетконга существует строгое правило: прежде чем покинуть старое место расположения, надо или полностью уничтожить следы своего пребывания, или, наоборот, хитро демаскировать их, чтобы наша авиация смогла хорошенько поработать. При умелой маскировке с воздуха не определишь, есть в лагере люди или нет.

Наша авиация — это тоже сообщают агенты — часто расходует свою мощь напрасно. Особенно строгие правила маскировки у вьетконговских разведчиков. Они часто идут на задание или в носках, или в такой мягкой обуви, которая, сколько ни ищи, не оставляет на земле следов. Когда они переходят реку, то, чтобы опять-таки не оставлять следов, не наступают даже на камни, а идут по воде. Они стараются не мять траву, разравнивают за собой землю. Тратят, как видите, много сил. И, к нашему сожалению, мы не обнаруживаем их следов даже тогда, когда они проникают на базу.

— Этот Смит не ваш ли друг, о котором вы мне говорили, Джим? — спросил Уэстморленд полковника Мэрфи.

— Тот самый, сэр.

— Наблюдательный офицер, надо его способности использовать получше, — сказал генерал, но было непонятно, кто это должен делать.

— Мы их учитываем, сэр, — отозвался на это Райтсайд.

— Извини, Фрэнсис, но я думаю о нем применительно к Сайгону. Может быть, там он принесет больше пользы. Подумайте об этом, Джим. А сейчас я хотел бы облететь район базы, может, мне удастся увидеть что-нибудь интересное. Вы составите мне компанию, Фрэнсис?

— С удовольствием, только хочу предупредить вас, господин командующий, что надо соблюдать осторожность. Возьмем для этого вертолет «хог», все-таки — сорок восемь ракет по бокам, будет чем отбиться в случае опасности.

— Последний раз я был под огнем противника больше двадцати лет назад, когда высаживался в Италии, но тогда я был всего лишь капитаном. Интересно будет узнать, как чувствует себя под огнем генерал, — засмеялся Уэстморленд.

— Я вам могу рассказать об этом, Уильям, по самым достоверным источникам, поэтому, если вас интересует только это, можно и не лететь, — улыбнулся Райтсайд.

— Нет, Фрэнсис, не лишайте меня удовольствия.

Громоздкий, неуклюжий на вид «хог» был маневренной и послушной машиной. Уэстморленд держал на коленях подробную топографическую карту и давал командиру экипажа указания лететь то в одном, то в дру-

гом направлении. Иногда вертолет зависал над каким-нибудь местом, и генерал в мощный бинокль пытался что-то рассмотреть в зеленом море джунглей. Но в общем полет проходил без всяких осложнений. Лишь однажды, заметив внизу дымок, Уэстморленд приказал ударить в тот участок ракетами, больше для того, чтобы понаблюдать точность стрельбы. Со страшным свистящим звуком вылетали ракеты из своих гнезд, и их огненные стрелы устремлялись к цели. Столбы огня, потом грохот взрывов, начавшийся пожар создали у генерала хорошее настроение.

— Неужели Вьетконг устоит против такой карающей руки судьбы? — с оттенком довольства в голосе прокричал Уэстморленд на ухо генералу Райтсайду.

— Пока стоит, Уильям, пока стоит, — ответил тот, не разделяя ни восторга, ни самоуверенности своего командующего.

Отдавая на следующий день приказ о решительном наступлении всех войск, сосредоточенных на базе и вокруг нее, Уэстморленд чувствовал, что у него в душе, где-то за пределами логических рассуждений о выверенности каждого шага, таится смутная, беспокоящая мысль. Может, она появилась после осмотра местности? Она могла появиться, потому что он увидел всю ее невыгодность для наступающих: горно-лесистый пейзаж, с бесконечными глубокими ущельями или выстроившимися друг за другом невысокими, поросшими лесом холмами, где удобно обороняться, но невыгодно наступать. Предстоит много работы авиации, причем (это Уэстморленд тоже хорошо понимал) работы ненадежной, неэффективной, потому что бомбить эти нагромождения гор — все равно что бомбить океан. Где он там прячется, противник? Он теперь лучше представлял, почему противник так неуловим и может уходить из-под ударов авиации: ему помогает его собственная земля. Тут, конечно, помогла бы химия, но залить отравляющим веществом всю землю не может даже американская индустрия с ее работающими на войну концернами. Выгодность позиции противника была очевидной. Морские пехотинцы, десантники, поддерживающие американцев южновьетнамские войска наверняка превосходят по силе Вьетконг, но как они пойдут против него? Один солдат с автоматом в окопе на склоне горы остановит десятки наступающих, это бесспорно.

Ночью, пережидая в железобетонном бункере дол-

гий артиллерийский обстрел базы, Уэстморленд неожиданно нашел, как ему казалось, простое и наиболее верное решение избежать больших потерь при прочесывании лесистых холмов и высот: он высадит сюда всю первую воздушно-десантную дивизию. Десантники зароятся в землю и начнут охоту за солдатами Вьетконга. Располагая сильным личным вооружением — автоматами, скорострельными легкими пулеметами, огнеметами, десантники будут сталкивать противника с занимаемых им позиций вниз, где его будут поджидать морские пехотинцы, единственные части, хорошо владеющие искусством ближнего боя. Десантники и морские пехотинцы зажмут солдат Вьетконга в клещи, из которых им не выбраться. А отряды «коммандос» в одежде крестьян и горцев, высадившись в непосредственной близости от артиллерийско-минометных позиций противника — воздушная и агентурная разведка должна потрудиться, чтобы определить эти позиции, — начнут уничтожать главную огневую мощь врага.

Утром, после беспокойной ночи, Уэстморленд еще раз обдумал свой план и остался им вполне доволен. А между тем его не покидало тревожное сомнение. Он стал анализировать, откуда эта неясная тревога, и в конце концов остановился на том, что ее вызвал ночной артиллерийский налет. В нем, в этом налете, крылось, пожалуй, все: как и почему мощнейшая база оказалась богатырем со спутанными руками и ногами? Созданная как крепость, как плацдарм для победоносного наступления, тактика и стратегия которого определялась четкой и ясной формулой «поиск и уничтожение», она попала в блокаду, и сейчас вопрос поставлен однозначно и беспощадно: или блокада будет снята, или база прекратит свое существование. О последнем он не хотел даже и думать, потому что такой исход приведет к непредсказуемым последствиям как для него лично, так и для всей американской политики во Вьетнаме. Он верил, что с той военной силой, которой располагает в этом районе, и с планом, рожденным его военным талантом, он одержит победу.

Командир первой воздушно-десантной дивизии генерал Гарри Томас, выслушав приказ командующего, остался доволен. Дивизия фактически выходила из подчинения генерала Райтсайда, в полководческий дар которого Томас не очень верил, и обретала свободу рук. Полгода назад, получив генеральское звание и нынеш-

нюю должность после выполнения ответственного задания в Латинской Америке, Томас по достоинству оценил возможности лучшей дивизии американской армии. Весь ее личный состав в течение максимально короткого времени мог быть переброшен на любой участок с помощью вертолетов, имеющих в его подчинении. Огневая мощь дополнялась пятьюдесятью танками и семьюдесятью пятью бронетранспортерами. Правда, прибыв на новый театр действий, Томас очень скоро обнаружил, что бронетранспортеры и особенно танки не имеют ни тактического, ни тем более оперативного простора. Пока они выполняли патрульную службу без какого-нибудь заметного успеха. В конце концов генерал перестал учитывать их силы и поставил почти все машины на прикол, рассчитывая, что если они и пригодятся, то, видимо, лишь когда будет необходимо развивать успех или закрепить отвоеванные у врага позиции. Но это будет на более поздней стадии операции, к которой он вместе со своим штабом начал самую деятельную подготовку.

На командирском вертолете с бронированным подбрюшьем генерал Томас облетал весь район, куда будет высажена дивизия, отмечая на карте наиболее удобные пункты приземления вертолетов, расположения взводов и рот, места для штабов бригад и собственный командный пункт. Он решил основные силы штаба дивизии оставить на старом месте, в Хыонгхоа, а самому перебраться в местечко Хоантан, а вернее, в его окрестность, оборудовав пункт связи и командный пункт на высоте с отметкой 430 метров. Доложив генералу Уэстморленду о своем плане и получив одобрение, Томас стал готовить дивизию к высадке. Никакая мелочь в боевом снаряжении не была для него мелочью, он вникал во все и во все вносил разумные поправки и дополнения. В солдатские ранцы он приказал положить запас продуктов и боеприпасов, хотя и было определено, что в соответствии с заведенным распорядком дня вертолеты будут доставлять в специальных контейнерах пищу и напитки, фрукты и мороженое. Война войной, а привычный образ жизни не будет нарушен.

Несколько дней потребовалось на то, чтобы все войска — более пятидесяти тысяч человек — подготовить к решающим боям. Хотя в этой предварительной операции были потери — солдаты Вьетконга сбили два вертолета, а один уничтожили, когда он приземлился, — они не обескуражили ни командира дивизии, ни штаб генерала

Уэстморленда, на который была возложена вся ответственность за общее руководство. Дивизия генерала Томаса легко заняла боевые позиции, причем заняла, как он считал, удачно, в непосредственной близости от противника. Десантники, освободив от чехлов, напоминающих патронные подsumки, универсальные саперные лопаты, начали рыть неглубокие ячейки. Их не тревожило, что они иногда подвергались обстрелу, — значит, противник не очень далеко и не надо будет тратить часы, чтобы выследить его и заставить принять бой.

Заняли свой рубеж и морские пехотинцы, и южновьетнамские подразделения, и батальоны особого назначения, которым предстояло проводить карательные акции, если местное население окажет сопротивление.

Готовились к предстоящим боям и силы национального освобождения.

Генерал Ле Хань, принявший командование новым участком фронта незадолго до того, как Уэстморленд утвердил свой план, имел приказ главного командования сжать кольцо блокады вокруг базы и заставить американское руководство или перебрасывать в этот район новые части, ослабляя оборону на других направлениях, или эвакуировать базу. Военный совет сил освобождения не сомневался, что база обречена, надо было только усилить удары по ней, заставить постоянно обороняться, подрывать боевой дух ее гарнизона, настойчиво пробивать брешь в американской обороне южнее 17-й параллели.

Генерал Ле Хань, поставив задачу перед всеми разведчиками не упустить из виду ни одной мелочи, скоро стал получать сообщения из различных источников, что противник готовит какие-то меры, видимо, наступательного характера.

Об этом говорила переброска сюда целой воздушно-десантной дивизии. Однако в первое время дивизия не была активной силой, ее подразделения использовались лишь в карательных операциях, не имеющих решающего значения.

Данные, полученные от Фам Ланя, заставили Ле Ханя по-другому посмотреть на события. «На базу прибыл генерал Уэстморленд, — сообщал Фам Лань. — Идут секретные совещания высшего офицерского состава. Из случайно подслушанных разговоров и наблюдающейся активности на базе можно сделать вывод, что готовится крупная операция. Необходимо усилить наблюдение за

размещенными в разных местах частями воздушно-десантной дивизии генерала Томаса, которой, видимо, отводится в этой операции основная роль. Я беру на себя штаб дивизии, откуда рассчитываю получить надежные сведения».

«Старый друг,— тепло подумал Ле Хань о разведчике,— никогда не даст непроверенных данных». Он вызвал к себе начальника разведки, и они вместе наметили, куда и кого из разведчиков направить немедленно. Бригады и батальоны американской дивизии не были обойдены вниманием и до этого, но теперь требовалось знать по возможности больше о намерениях противника.

Когда вертолеты начали переброску дивизии в пункты, заранее выбранные генералом Томасом, пришло новое донесение Фам Ланя: «Дивизия полностью меняет дислокацию. Как мне стало известно, штаб второй бригады будет размещаться в Таконе. Где-то там же, точных координат установить не удалось, будет находиться командный пункт командира дивизии. Поэтому со своей стороны предлагаю предусмотреть атаку на штаб дивизии, остающийся в Хыонгхоа, и постараться разгромить его. Конкретные соображения сообщу после более точного изучения обстановки».

А события на рубежах, занятых американо-сайгонскими подразделениями, сразу пошли развиваться не так, как рассчитывали те, кто их планировал. Когда стало ясно, куда переброшены основные силы противника и его намерения, штаб генерала Ле Ханя предпринял контрмеры. Несколько полков, державших под контролем дорогу номер девять или находившихся в резерве, получили приказ подтянуться скрытыми горными дорогами и тропами к месту сосредоточения вражеских частей. К тому времени разведчики совершенно точно нанесли на карты, такие же, какие были у противника, позиции его бригад, батальонов, рот и даже взводов. Бойцы сил освобождения получили приказ занять рубежи на максимально близком расстоянии от противника и сделать это так, чтобы атака и огневой налет на его позиции были для него полной неожиданностью.

Надо было обладать бдительностью, умением искусно маскироваться, бесшумно отрывать по ночам окопы и ячейки, незаметно переносить в вещевых мешках, в собственных гимнастерках, в пробковых тропических шлемах вырытую землю, а на день, замаскировавшись, за-

мирать, ничем не выдавая себя, обходясь за весь день лишь горсточкой жареного или скатанного в колобок клейкого риса, страдая от жары и жажды, чтобы оказаться хитрее, а значит, и сильнее противника! Для отвлечения внимания где-нибудь в тылу, на какой-нибудь ничем не примечательной высотке вдруг начиналась стрельба, рвались мины. Наблюдатели американских подразделений сразу засекали «позиции Вьетконга», вызывали вертолеты, и те, ориентируясь «точными» данными, обрушивали на них мощный огонь.

В штабе базы к концу дня собрались обнадеживающие донесения. Все шло к тому, что объединенные американо-сайгонские подразделения прочешут, как гребень волосы, эти покрытые лесом холмы и горы и вытолкнут солдат Вьетконга под огонь морских пехотинцев и южновьетнамских полков. Генерал Томас в соответствии с указанием штаба по руководству всей операцией отдал распоряжения командирам бригад, а те командирам батальонов: с восходом солнца приступить к уничтожению противника.

Но противник, не зная об этом общем приказе, ночью начал свою атаку. Воины Фронта освобождения, которым уже было невозможно скрываться, терпеть лишения, вырвались на свободу и пошли на ничего не подозревавшего врага. Они забрасывали его окопы гранатами, завязывали рукопашный бой в его линии обороны. Полностью, конечно, внезапного удара не получилось — противник был начеку, — завязались затяжные бои, но все равно всюду американские и южновьетнамские подразделения оказались в невыгодном позиционном и психологическом положении. Весь день шли бои с переменным успехом, но ряд важных опорных пунктов оказался в руках сил освобождения.

Генерал Томас растерялся, не ожидая такого поворота событий. Получив тревожные, а от некоторых офицеров просто панические сообщения о наступлении Вьетконга, он вызвал авиацию для отражения атак противника. Летчики, ориентируясь на указания офицеров наземных войск, начали сбрасывать свой груз. Однако значительная его часть пришлась на линию обороны американских десантников, которые стали просить и летчиков и командира дивизии прекратить бомбардировки. Это сломило генерала Томаса, он не знал, что делать. Передав командование начальнику штаба и приказав ему навести порядок в частях, организовать обо-

рону и отразить атаку, вылетел на базу, рассчитывая получить там более полную картину того, что произошло на фронте.

Генерал Райтсайд совещался в своем кабинете с группой старших офицеров. У пульта связи сидел начальник оперативного отдела перед расстеленной картой. То с одного, то с другого участка приходили донесения, дающие представление о том, что массированное наступление Вьетконга идет по всем направлениям. Почти все командиры докладывали, что противник наступает во много раз превосходящими силами и сдерживать его становится все труднее.

— Страх бугорок превращает в гору, — недовольно сказал Райтсайд, выслушав доклад начальника оперативного отдела. — Какое положение на вашем участке? — спросил он командира десантников. — И почему вы прибыли сюда, а не руководите боем? Или у вас все тихо и спокойно?

Райтсайд знал, что генерал Томас был о нем невысокого мнения, и сейчас был как раз такой момент, когда можно было указать ему, чего он стоит сам, но не воспользовался этим, видя, в каком расстроенном состоянии находится командир дивизии.

— Я прилетел, чтобы узнать общую картину и посоветоваться, как действовать дальше.

— Главное — отразить атаку, закрепиться на занятых рубежах, а потом думать, что делать дальше. Вы проводили разведку или понадеялись, как другие, что Вьетконг ничего не заметит.

Генерал Томас был уверен, что его парни быстро сомнут противника, если войдут в соприкосновение с ним, не подозревал, что противник окажется хитрее. Он собрался что-то ответить на вопрос командующего базой, но тот, не дожидаясь, пока он соберется с духом, продолжил, видимо, старую мысль:

— Силы противника вряд ли превосходят наши, и поэтому они не смогут долго удерживать инициативу. На его стороне внезапность и привычка уверенно действовать ночью, что и вызвало растерянность в наших рядах. Думаю, что к концу дня наши офицеры преодолели неуверенность, вызванную неожиданным нападением, и поведут бой более грамотно и уверенно.

Щелкнул микрофон рации. Послышался чуть искаженный голос, по которому генерал Томас узнал своего начальника штаба.

— Господин генерал,— докладывал он,— на участках воздушно-десантной дивизии положение восстановлено. Атаки противника отбиты, но напряженность сохраняется.

— Спасибо, полковник,— сказал Райтсайд,— мы не сомневались, что десантники быстрее всех наведут порядок в своей обороне. Генерал Томас присутствует у меня на совещании. Думаю, что мы совместно выработаем оптимальный вариант действий. Надо сделать все, чтобы не повторилось того, что произошло ночью. Предупредите всех офицеров, подготовиться к возможному повторному нападению. Усилить наблюдение за противником.

К вечеру первого дня объединенные американо-сайгонские войска действительно справились с положением и в некоторых местах даже перешли сами в наступление, но развивать его не решились, боясь новых неожиданных ударов.

Ночь прошла спокойно, а с утра возобновилась перестрелка, которая не приносила никому ни особого вреда, ни позиционного выигрыша.

Уэстморленд, узнав о неожиданном нападении Вьетконга, сорвавшем план наступления, который он утвердил, был раздражен. «Ну, хорошо,— рассуждал он сам с собой,— противник мог действовать по своему плану в узко ограниченном секторе, но чтобы так, на всем участке фронта предпринять массированную атаку, ожидать было невозможно. Значит, разведка подвела снова». Его раздражение усиливалось, ведь он доложил Макнамаре, что лично принял участие в разработке плана деблокирования базы. Больше всего он корил себя за то, что точно сообщил дату начала его осуществления и делал предположение, что в течение десяти дней или максимум двух недель осада будет снята. «Теперь жди вопросов из Вашингтона,— думал он,— а что отвечать?»

Через две недели безуспешных боев он был вынужден сообщить, что наступление натолкнулось на невиданное сопротивление Вьетконга, который стянул в район базы свои главные силы и продолжает их наращивать. «Мы рассчитываем перегруппировать подразделения, придать им дополнительные технические средства и овладеть инициативой, а потом и сломить противника». Но к концу месяца положение оставалось прежним. В мае силы освобождения, продолжая наращивать ак-

тивность, предприняли несколько дерзких налетов. Часть подразделений, выделенных под командование Фам Ланя, напала на штаб воздушно-десантной дивизии и разгромила его. Разбив узел связи, захватив ценные документы, крупную сумму денег и много оружия, атакующие отошли в горы. В Таконе партизаны обстреляли пункт оперативного управления генерала Томаса, совершили налет на штаб бригады. Постоянным вооруженным и психологическим атакам подвергались марионеточные войска. Бойцы пропагандистских отрядов по работе среди войск противника, в которые входили представители мирного населения, проникали в расположение укрепленных районов и объясняли солдатам, на чьей стороне им следует воевать. За месяц боев из сайгонских войск дезертировало шестнадцать тысяч человек.

В середине мая был совершен новый артиллерийский налет на базу. Под его прикрытием на ее территорию, пользуясь темнотой — теперь на базе действовал строгий приказ о соблюдении маскировки, — проникли диверсанты и подорвали электростанцию, воздухозаборники системы кондиционирования воздуха в штабе. Магнитными минами было выведено из строя шесть самолетов и тринадцать вертолетов.

Генерал Райтсайд написал личное письмо президенту Джонсону и рассказал в нем всю правду о том, что происходит вокруг базы. Джонсон несколько раз прочитал письмо, а потом пригласил к себе министра обороны Макнамару, государственного секретаря Раска и нового директора ЦРУ Хэлмса.

Сухо поздоровавшись, президент начал без всякого вступления.

— Я полагаю что мои самые ближайшие помощники, — сказал он, бросив короткий взгляд на каждого из них, — самой нашей системой обязаны держать президента в курсе важнейших событий, помогать ему вырабатывать и проводить политику в интересах Америки. Теперь я вижу, что я ошибался.

— Господин президент, — робко вмешался Макнамара, но президент не дал ему договорить.

— И прежде всего вы, министр обороны, ведете непозволительную игру, скрывая то, что происходит во Вьетнаме.

— Господин президент... — опять начал Макнамара, но снова безуспешно.

— Скажите, господин министр,— президент был сухо официален,— почему вы не докладываете мне, верховному главнокомандующему, что гордость нашей военной мощи база Фусань находится накануне захвата противником? Почему вы, дорогой Ричард,— обратился президент к директору ЦРУ,— не располагаете необходимыми сведениями, а если располагаете, то почему не информируете меня, как обстоит дело в действительности?

— Мы считаем, господин президент,— воспользовавшись наступившей паузой, сказал Макнамара,— что положение там не является критическим,— не веря своим словам, но боясь сказать правду, произнес министр.— Я полагаю, и это мнение разделяет генерал Уэстморленд, что обстановка будет восстановлена, мы посылаем туда срочные подкрепления, чтобы сломить сопротивление противника.

— Я признаю, что ошибся, Боб,— неожиданно мягко проговорил Джонсон,— не согласившись с твоим предложением заменить Уэстморленда другим человеком. Эта ошибка дорого обходится Америке. Теперь я требую немедленно вернуться к этому вопросу и в самом ближайшем времени найти более подходящую кандидатуру на пост командующего войсками во Вьетнаме, который может спасти нас от надвигающегося краха. А пока,— президент посмотрел на календарь,— даю тебе, Боб, минимальное время на сборы, лети во Вьетнам, посмотри все своими глазами и привези мне сообщение, что база не станет добычей коммунистов. Не откладывай, Боб. У нас слишком мало времени.

Макнамара, попросившись, вышел.

— Что мы можем и должны предпринять, друзья,— сказал президент, обращаясь сразу к обоим руководителям важнейших служб,— в политическом плане внутри страны и за рубежом?

— Больше месяца назад,— сказал Дин Раск,— объявляя о прекращении бомбардировок Демократической Республики Вьетнам севернее 20-й параллели, мы вместе с тем высказали согласие приступить к переговорам с представителями Ханоя. Северный Вьетнам дал согласие назначить своего представителя для контактов.

— Это я знаю, Дин. Как развиваются события теперь?

— Я собирался доложить вам, господин президент, на сегодняшнем заседании после обеда. Получено сооб-

щение министерства иностранных дел Франции о том, что ему удалось привести точки зрения сторон к обоюдному соглашению: 13 мая в Париже начнутся официальные встречи нашего представителя с представителем Ханоя. Тем самым мы выбиваем почву из-под ног тех наших критиков, которые всю вину за продолжающийся конфликт валят только на нас.

— Положение сейчас складывается так, — начал Джонсон, выслушав Раска, — что я принял окончательное решение отказаться от выдвижения своей кандидатуры на очередной президентский срок. . .

— Господин президент, — с умело разыгранным удивлением воскликнули оба его собеседника, хотя хорошо знали по настроению в стране, что у Джонсона нет ни единого шанса одержать победу на выборах, — это невозможно, господин президент. . .

— Только это и возможно, друзья, — сказал Джонсон, тоже скрывая, что ему известно их настоящее мнение по этому вопросу. — Мы с вами сделали все, что могли, и еще сделаем многое в оставшийся срок, чтобы поднять престиж Америки и передать ее в руки нового президента процветающей и пользующейся высоким уважением всего мирового сообщества.

Джонсон не мог удержаться от привычки говорить возвышенно, если перед ним был хотя бы один слушатель. Он понимал сам, что ему не победить на выборах, поэтому решил играть в благородство. Одно угнетало его — что кандидатом на пост президента от демократической партии все чаще называется имя ненавистного Джонсону человека из клана Кеннеди — Роберта, бывшего министра юстиции при Джоне Кеннеди. Слишком много вынес он оскорблений от братьев, чтобы желать отдать нынешнее кресло одному из них. «Никсон, конечно, авантюрист, выскочка, от него можно ждать любой выходки, — думал наедине с собой Джонсон, — но уж пусть республиканцы возьмут бразды правления Америкой, только не Роберт Кеннеди». Чем чаще фигурировало имя Роберта в числе претендентов на пост хозяина Белого дома, тем мрачнее становился Джонсон и тем больше желал, чтобы произошел какой-нибудь скандал, непредвиденный случай, авария — что угодно! — лишь бы Роберт не занял президентского кабинета.

А во Вьетнаме события продолжали развиваться самым неблагоприятным для Америки образом. Огромные войска, брошенные на спасение базы, сами нуждались в

спасении. Морская пехота, обученная и натренированная совершать впечатляющие десанты где-нибудь на морском побережье, как это было в Латинской Америке, оказавшись вдали от моря, без поддержки с авианосцев и крейсеров, увязла в позиционной войне в джунглях, несла большие потери и никак не могла не только сломить противника, но даже оторваться от него.

Десантники 1-й воздушно-десантной дивизии, прославившиеся в кампании по умиротворению вьетнамских деревень, умевшие выглядеть героями перед телевизионными камерами, без поддержки вертолетов, которые должны бомбами, напалмом, ракетами обеспечивать им безопасность, оказавшись под прямым огнем противника, боялись высовываться из траншей и ячеек.

А к тому же был сломан заведенный порядок жизни: ни тебе супа из аспарагуса, ни отбивных, шипящих в масле, ни горячих сосисок, ни пива, ни мороженого. Как будто жизнь пошла по другому кругу. И рядом ходит смерть, вырывая из рядов то одного, то другого. Днем, если представлялась возможность, авиация бомбила и поливала огнем позиции противника, где, кажется, не могло остаться ничего живого, а ночью он как ни в чем не бывало совершал дерзкие вылазки. А воевать ночью — против всяких правил. Но что поделаешь с этими дикарями — они на все способны.

Все чаще стали повторяться случаи то тихого, то буйного помешательства. В 3-й воздушно-десантной бригаде «Черный Геркулес», сержант Поль Чаттерсон, кажется самый спокойный и разумный из всей бригады, неожиданно проявил странности.

Вечером, когда в укрытой ложбинке приземлился вертолет с горячим обедом, Поль непонятно ухмыльнулся, взял свою автоматическую винтовку М-16, спокойно вставил целую обойму и так же спокойно открыл по вертолету огонь разрывными пулями. Пока вытаскивали сраженного пилота, Поль вложил новую обойму, уже с зажигательными патронами, и, безумно улыбаясь, поджег вертолет. Солдаты хотели его скрутить, но он стал стрелять в них. Пришлось командиру взвода прикончить «Черного Геркулеса» выстрелом из пистолета.

Макнамара, прибывший в Сайгон, вел себя с Уэстморлендом подчеркнуто сухо, доклад слушал с таким выражением, будто у него болят зубы. А когда Уэстморленд сказал, что восстановление контроля над захваченными Вьетконгом сельскими районами потребует в са-

мое ближайшее время довести численность экспедиционного корпуса до 730 тысяч человек, Макнамара не выдержал:

— Для этого вам будет мало и миллиона солдат, генерал.

Макнамара побывал на базе, выслушал мнения многих людей, ознакомился с обстановкой и пришел к выводу, что спасти ее невозможно. Все оставшиеся дни, находясь в Сайгоне, он занимался не столько организацией боевой помощи базе, сколько поиском формы, в которой надо доложить президенту, что ее необходимо оставить. Он проигрывал разные варианты, но все они были одинаковы по смыслу: чтобы не допустить захвата базы коммунистами, ее надо эвакуировать, а потом разрушить.

Наконец он пришел к мысли: перед отлетом из Сайгона дать президенту телеграмму. Возможно, что она приведет Джонсона в шоковое состояние, но зато будет легче разговаривать с ним потом. И такая телеграмма ушла. Подробно описав сложившуюся обстановку, Макнамара сообщил, что нет другого выбора, как оставить базу. «Эта мера,— писал он,— продиктована тем, что коммунистические силы значительно окрепли в данном районе. Эвакуация базы позволит высвободить в общей сложности свыше 40 тысяч солдат для укрепления других важных участков».

Генерал Райтсайд выслушал мнение Макнамары довольно спокойно. К тому времени он чувствовал себя слишком усталым. Было горько сознавать безысходность положения, крушение его тщеславных планов. Он вспомнил, будто это было только вчера, последнюю, двухгодичной давности встречу с президентом Джонсоном в его Овальном кабинете. Тогда еще не было ощущения столь быстро надвигающегося краха. Крупное, грубовато вылепленное лицо президента с массивным тяжелым носом, с глазами, упрятанными под мохнатые брови, красные прожилки, расходящиеся веером от крыльев носа, глуховатый голос...

— Мы прошли с тобой, Фрэнсис, большой путь. И я рад, что сейчас, когда мы решаем задачи глобального масштаба, мы по-прежнему вместе. Я верю тебе, Фрэнсис, как самому себе. Несмотря на временные неудачи,— президент намекал тогда на несколько неудачных шагов генерала, о которых ему стало известно,— мы поможем укрепить и высоко поднять престиж Америки.

И вот приблизился конец базе, которой отдано столько сил. Если говорить откровенно, то на базе для Райтсайда не сходилась свет клином. У него были его миллионы, ему всегда будет место в большом бизнесе. Было обидно, что крушение базы, символа современной военной мощи, будут связывать с его именем.

Подавленным был и генерал Уэстморленд. Он понимал, что конец базы будет означать и его конец как полководца. Принимая пост командующего американской армией во Вьетнаме, он ни на минуту не сомневался, что во всей Америке не найдется такого человека, который по своим личным качествам и военному опыту мог бы сравниться с ним. Он видел в этом назначении мудрый жест providения, которое решило сделать его имя славнейшим из славных. Уловив в замечаниях, сделанных Макнамарой по разным поводам, что его судьба решена, он пожалел не себя, а Америку, которая не смогла оценить его по достоинству, и осудил всех — от Макнамары до Джонсона — за то, что они, постоянно ограничивая его требования, помешали добиться Америке победы во Вьетнаме.

Макнамара улетал из Сайгона с предчувствием надвигающихся грозных перемен. Он понимал, что если во Вьетнаме и будет победа, то она будет пирровой. Но и бросить Вьетнам Америка не может, чтобы не потерять, как говорится, своего лица. Макнамара вспомнил, как на приеме у президента Тхьеу к нему подошел какой-то профессор или писатель и стал, не стесняясь, хотя и в корректных выражениях, говорить, что Америка ведет неправильную политику.

— В чем же ее неправильность? — спросил Макнамара.

— В чрезмерной жестокости, о которой сейчас говорят во всем мире и которую осуждают. У нас говорят, — сказал тот профессор или, может быть, писатель, — что даже тигр боится зацепиться за лиану, чтобы не потревожить всего леса. Вы потревожили лес и вызвали гнев на себя. Вам это не кажется, господин министр?

— А вы вроде к этому не причастны, так я понимаю?

— К сожалению, господин министр, такие, как я, по мере своих сил тоже дергали за эту лиану. . .

Через несколько дней, уже в Вашингтоне, поздно вечером у Макнамары в кабинете раздался телефонный звонок. Сняв трубку, он узнал голос Дина Раска.

— Боб, у меня есть подозрение, что ты ездил во Вьетнаме со специальной миссией и особыми поручениями, о которых даже мы, твои близкие друзья, ничего не знали. Не так ли?

— Тебе, Дин, лучше многих известно, зачем я ездил туда и какую миссию выполнял.

— Нет, Боб, я имею в виду не поручение помочь милому Райтсайду. Это обычное дело для министра обороны.

Голос у Раска был какой-то странный, Макнамара даже усомнился, в самом ли деле это звонил государственный секретарь.

— Я что-то тебя не очень хорошо понимаю, Дин. Да ты ли это у телефона?

— Видишь ли, дорогой мой друг,— не отвечая на последний вопрос, сказал Раск,— мне только что сообщили — источники самые достоверные,— что где-то в Южном Вьетнаме готовится провозглашение нового государства — Республики Южный Вьетнам. Слухи, правда, об этом ходили давно, а теперь они, кажется, подтверждаются. Как ты на это смотришь с военной точки зрения, а?

Макнамара помолчал немного, обдумывая услышанное, а потом серьезно ответил:

— Думаю, что мы вступаем совсем в другой этап войны во Вьетнаме. И очень серьезный.

Раск был согласен с этим.

Но дни Макнамары на посту министра обороны подходили к концу. Скоро он уступит свой кабинет в Пентагоне процветающему адвокату Кларку Клиффорду, не менее Макнамары известному в кругах большого бизнеса.

30 июля 1968 года после 160 дней напряженных оборонительных боев командованию американского экспедиционного корпуса удалось осуществить эвакуацию военно-воздушной базы Фусань. Чтобы не дать противнику использовать ее военные объекты, самолеты стратегической авиации США подвергли территорию базы, все ее сооружения и постройки самой жесточайшей бомбардировке.

На следующий день генерал Уильям Уэстморленд был снят с поста командующего экспедиционными силами. Его заменил генерал Крейтон Абрамс.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Захватив в самом начале года инициативу в боевых действиях, силы национального освобождения, продолжая наносить удары то на одном, то на другом участке фронта, загнали американско-сайгонскую армию в глухую оборону. Это произошло не с какими-то небольшими формированиями, а с полуторамиллионной армией, оснащенной по последнему слову техники.

Инициативы Демократической Республики Вьетнам и Национального фронта освобождения о путях завершения войны и восстановления мира во Вьетнаме на условиях немедленного прекращения бомбардировок территории ДРВ и вывода всех американских войск из Южного Вьетнама создавали совершенно новую ситуацию на международной арене. Это болезненно чувствовала администрация Джонсона, столкнувшись с резкой критикой своей политики как внутри собственной страны, так и за ее пределами. Американская война, долгое время прикрывавшаяся ширмой помощи Сайгону в отражении «коммунистического проникновения с Севера», предстала перед всем миром не как частный, а как международный конфликт.

В заявлении большой группы американских ученых, направленном в Организацию Объединенных Наций и Международный трибунал, говорилось: «Война в Индокитае превратилась в раковую опухоль американской жизни без малейшей надежды на излечение. Средства войны, использованные против гражданского населения, показали способность не только уничтожить город, население, среду одного государства, но и саму планету, Землю. Хотя оружие, применяемое во Вьетнаме, в известном смысле и кажется «ограниченным», в своем эффекте оно отнюдь не менее ужасно, чем бомба, сброшенная на Хиросиму».

Профессор Солливан еще более сурово осуждал администрацию Джонсона.

— Вот она, наиболее мощная страна в мире,— говорил он студентам Калифорнийского университета, показывая на огромную карту Америки, рядом с которой висела карта Вьетнама,— пытающаяся подчинить себе отсталый крестьянский народ путем массированного использования всех современных средств уничтожения и все-таки не способная ни победить, ни ликвидировать войну. Вот он, чемпион «свободного мира», который

охраняет народ Южного Вьетнама от коммунизма путем уничтожения самого народа. Такими предстали Соединенные Штаты в 1968 году всему внешнему миру, и в результате их престиж никогда не падал так низко, как сегодня,— в голосе профессора зазвучали не только ядовитая насмешка, но и глубокое возмущение, решительный протест, и это поняла американская молодежь, проводив оратора бурей аплодисментов.

Но, несмотря на серьезные политические провалы и военные поражения, несмотря на растущие разногласия о политике во Вьетнаме, большой бизнес требовал идти дальше — наращивать военную мощь и силу ударов. Губернатор Калифорнии Рональд Рейган, как бы возглавивший «ястребов», в годовом экономическом обзоре требовал увеличения военных расходов. «В силу большого значения оборонной и космической индустрии,— писал он,— наш штат превратился в важнейший источник новейшего вооружения для ведения современной войны в любых масштабах. Калифорния играла и готова играть еще большую роль в деятельности, вытекающей из вьетнамской войны, в которой Америка может согласиться только на один исход — победу».

В начале 1968 года американское командование в Сайгоне имело в своем распоряжении двух солдат на каждые одиннадцать жителей Южного Вьетнама: более чем полумиллионная армия собственно американская, пятьдесят девять тысяч южнокорейских, австралийских и других солдат, почти миллион составляли южновьетнамские военные формирования. В Южном Вьетнаме в это время было больше американских дивизий, чем на всем тихоокеанском театре во время второй мировой войны. Соединенные Штаты ежегодно расходовали в полтора раза больше средств, чем за все тридцать семь месяцев войны в Корее. Военные ассигнования США на войну во Вьетнаме на 1968 год были почти равны годовому бюджету такой страны, как Великобритания.

Война обострила противоречия в американском обществе. Первоначально провозглашенные ее цели, отравившие шовинистическим угаром целое поколение американцев, постепенно вырисовывались в другом свете. Десятки тысяч убитых, более трехсот тысяч раненых и искалеченных, исковерканные людские судьбы.

И вот он, надвигающийся, ощущаемый каждым нервом провал, бездонный провал.

Линдон Джонсон, быстро сдавший физически, сломленный, угрюмый, с набрякшими мешками под глазами, тяжело поднялся со своего кожаного кресла с высокой спинкой и, будто слегка приволакивая левую ногу, прошелся по кабинету, останавливаясь то перед картинами на стене, то перед широким окном, глядя на бисер огней, вспыхнувших в начинающихся сумерках. Вот так, вспомнил, стоял он у этого окна, когда из кабинета было все убрано, что напоминало о Джоне Кеннеди.

Джонсон любил стоять у этого окна, думать о своей роли в истории Америки.

«Неужели прав этот борзописец? — вспомнил Джонсон сегодняшний фельетон в газете. — Как он там пишет? — президент подошел к столу, вынул газету из среднего ящика и, отставив подальше руки, негромко прочитал: — «Франклин Рузвельт доказал, что президент нужен Америке, Дуайт Эйзенхауэр убедил своим правлением, что Америка может обойтись без президента, Джон Кеннеди — живое свидетельство того, что Америка нужна президенту, а Линдон Джонсон показал, что президент может быть страшен для Америки». Он бросил вырезку с отвращением и почувствовал, как нервный тик начал дергать правую щеку и глаз. Он вышел в ванную комнату, приложил к лицу пахнущую лавандой влажную салфетку, успокоился немного, а потом взглянул в зеркало. На него смотрел уставший старый человек с крупным лицом, изрезанным склеротическими жилками, и с печальным взглядом глаз, в которых читалась смутная тревога.

Джонсон вернулся к столу, скомкал и выбросил в корзину газетную вырезку, посмотрел на дневник-памятку. Через два часа — обед с заместителем премьер-министра Японии. Не нужен ему был этот обед, но Дин Раск убедил: Кисиро-сан не просто заместитель премьера, он вроде символа Японии. У него огромный авторитет мудрого политика и реальная сила в делах экономики.

Улыбающийся после каждой фразы, вежливый, подвижный Кисиро-сан выглядел моложе своих лет и моложе самого президента, хотя был старше его на целых восемь лет. Они говорили о жаркой погоде, о растущих ценах на нефть, о предстоящих президентских выборах в Америке и правительственном кризисе в Японии.

— Очень, очень жалко молодого Роберта Кеннеди, господин президент, — говорил Кисиро-сан, испытующе

глядя на Джонсона сквозь узкую прорезь глаз.— Очень, очень. Он мог бы принести победу вашей партии на выборах. Не так ли, господин президент?

— Конечно, очень жаль,— ответил Джонсон своим густым, ставшим в последнее время хрипловатым голосом, не испытывая на самом деле в душе никакого сожаления.— Нелепая выходка экстремиста,— добавил он.

— Да, да, нелепая,— отозвался Кисиро-сан,— какая нелепая: сначала президент Кеннеди, а теперь и его брат. Очень, очень жаль.

Подали кофе, сигары, коньяк. Лицо Кисиро-сан улучало высшее блаженство, когда он сделал несколько глотков кофе и пригубил коньяк, хотя ни того, ни другого он не выносил:

— Очень, очень хороший кофе, очень хороший.

Постепенно беседа становилась свободнее, президент Джонсон почувствовал, как спадало внутреннее напряжение, появлялось ощущение легкости. Он объяснял это и хорошим обедом, и не напряженным, светским разговором, и прекратившейся головной болью, которая досаждала ему в последнее время.

— Разрешите, господин президент, задать один вопрос вашему министру иностранных дел, уважаемому господину Раску. Я очень хотел бы получить компетентную консультацию по одному вопросу.

— Конечно, господин Кисиро, попытайте-ка его, попытайте,— ответил президент с улыбкой.

— Господин Раск, скажите, что это за вещь — Республика Южный Вьетнам, о провозглашении которой пишут за рубежом как о близком событии. Каков ее статут, какие цели, намерения? Извините, пожалуйста, господин Раск, но я действительно не понимаю. Я полагаю, что мы, старые друзья, не будем прибегать в данном случае к дипломатии.

— Я думаю, Кисиро-сан, это серьезный шаг южно-вьетнамских коммунистов. Вполне возможно, что они хотят нейтрализовать сайгонский режим, заставить его пойти на переговоры с ними, а потом, если все пойдет удачно, создать нейтральное коалиционное правительство. Возможно, независимое ни от нас, ни от Ханоя.

— Вы говорите серьезно, господин Раск, или все-таки прибегаете к языку дипломатии? Я знаю, вам не чужда психология восточного человека, изучение Востока и его философии не могло пройти бесследно. Но я вас

спрашиваю серьезно, — на лице Кисиро-сан уже не было милой улыбки, из-под нахмуренных бровей пристальные, пытливые глаза.

— Что вы, Кисиро-сан! — воскликнул Раск. — Я и не думал играть в дипломатию, так я думаю. А какое мнение у вас на этот счет? Как вы думаете, кто стоит за этим — Пекин или Ханой?

Заместитель премьер-министра сосредоточенно откусывал щипчиками кончик сигары, щелкнул золотой зажигалкой с вделанными в нее маленькими часиками, закурил.

— Очень, очень хорошая сигара, господин Раск, — проговорил он наконец, пуская вверх струю голубого ароматного дыма. — Когда вы уйдете из Вьетнама, господин Раск...

— Ну, что вы, Кисиро-сан, об этом не может быть и речи, — перебил его Раск.

— ...когда вы уйдете из Вьетнама, господин Раск, — не обратив внимания на возражение, продолжал Кисиро, — а вы уйдете оттуда... Извините, господин президент, — обратился он к Джонсону, — что я буду говорить, может быть, неприятные слова, но они ведь не решают дела, мы только обсуждаем проблему с разных сторон.

Джонсон тяжело повернулся в кресле, почувствовал, как мгновенно тупая злость к этому самоуверенному японцу заполнила все его существо, но силой воли он заставил себя сдержаться.

— Нам очень интересно узнать ваше дружеское мнение, господин Кисиро, — с натянутой улыбкой произнес он, — продолжайте, пожалуйста.

— Спасибо, большое спасибо, — опять расплылся в улыбке Кисиро-сан и, будто посыпая свежую рану солью, жестко повторил: — Вы уйдете оттуда, потому что Америка уже сейчас требует этого. Вот тогда и станет ясно значение этого шага. Я думаю, что Пекин очень хотел бы подчинить себе новое правительство.

— Зачем? — прямолинейно спросил Раск, не удержавшись в дипломатических рамках.

— Затем, господин Раск, — улыбнувшись невыдержанности хозяина, сказал гость, — чтобы помешать объединению Севера и Юга Вьетнама. Ему, как и вам, нужны два Вьетнама, хотя цели у вас несколько разные. Вы хотите твердо стоять в Юго-Восточной Азии, и Южный Вьетнам для вас только один из плацдармов. Пекин хо-

чет владеть Юго-Восточной Азией, а единый Вьетнам будет ему помехой на этом пути. Вы еще увидите, какую хитрую политику поведет он. Очень, очень хорошая сигара, господин Раск.— Кисиро неожиданно оборвал начатую тему разговора. Он сделал две неглубокие затяжки, положил сигарету на край пепельницы и как ни в чем не бывало продолжил: — И коалиционного правительства не будет.

— Но о возможности этого говорится в заявлении Фронта освобождения,— проговорил Раск как можно более спокойно.

— Думаю, что мы являемся свидетелями очень мудрого шага Ханоя,— сказал Кисиро.— И Север и Юг населяет один народ. Вам, мне, всему миру известно, что Ханой ведет борьбу за объединение Вьетнама.

— Тогда зачем ему надо создавать новое государство?

— Чтобы облегчить борьбу с вами. Вам уже будет трудно говорить, что воюете с какими-то инсургентами, перед вами будет самостоятельное государство, которое, как я думаю, признают не только коммунисты.

— Но раз будет государство, значит, будет и правительство этого государства.

— Обязательно будет, господин Раск, обязательно. Да оно, пожалуй, уже существует де-факто. Я имею в виду Фронт освобождения. Потом будет и де-юре, обязательно будет.

— Готов согласиться с вами, Кисиро-сан. Но тогда это правительство вряд ли откажется от своих прав в пользу, допустим, Ханоя. Это был бы беспрецедентный шаг, не так ли?

— Почему же? Прецедент был, и что, может быть, самое неожиданное для вас, господин Раск, я был его свидетелем и участником.

— Что вы имеете в виду, господин Кисиро? — не выдержал Джонсон, про которого, кажется, забыли и собственный государственный секретарь, и японский заместитель премьера.

— Я имею в виду, господин президент, хитрый шаг русских большевиков в 1920 году. Мы тогда занимали Дальний Восток, и наше положение в России было схоже с вашим нынешним во Вьетнаме. Большевики создали Дальневосточную Республику, и она просуществовала два с половиной года, пока мы держали часть русской территории. Я, тогда молодой лейтенант импера-

торской армии, был переводчиком у нашего главнокомандующего, и нам не раз приходилось беседовать с военным министром господином Блюхером. Потом мы ушли, так сложились обстоятельства, и Дальневосточная Республика объединилась с Советской Россией. Очень похожая ситуация, очень, очень, господин президент.

— Сейчас другие времена, господин Кисиро,— сказал президент,— и я думаю, что ваш вариант не повторится.

— Буду только рад, господин президент, буду очень, очень рад. Ваше здоровье, господа,— поднял Кисиро рюмку с коньяком и сделал вежливый поклон в сторону хозяев.

Поставив рюмку на стол, Кисиро оставил в покое политику.

— Я был в вашем родном штате, господин президент. Он мне очень, очень понравился. Очень хорошие бизнесмены, очень хорошие, господин президент, показали мне свой телевизионный центр. Он мне тоже очень, очень понравился, только, господин президент, я посоветовал заменить оборудование. Наши фирмы сейчас начали выпуск прекрасных устройств, очень прекрасных, господин президент.

— Спасибо, господин Кисиро,— искренне поблагодарил Джонсон, поняв, что его друзья подсказали хозяину японской электроники, как можно снискать расположение президента.

— Полная замена оборудования стоила бы вашему прекрасному городу примерно два с половиной — три миллиона долларов, но у нас хорошие деловые отношения с вашим городом, и мы можем пойти на небольшие жертвы. О, ничего, ничего, господин президент,— произнес Кисиро, заметив, что Джонсон хотел что-то возразить,— это совсем, совсем небольшие жертвы ради нашей дружбы. Вместе с монтажом это обойдется вам всего в полтора миллиона долларов.

Внутри у Джонсона разлилось тепло, ведь телецентр — его личная собственность. Он быстро подсчитал в уме: около миллиона чистой прибыли. Но что потребует эта хитрая лиса взамен?

— Я рад, господин президент, очень, очень рад сообщить, что наши представители подписали очень важный контракт на поставку электронной аппаратуры одной вашей знаменитой фирме.

— Позвольте узнать, что это за фирма, господин Кисиро?

— О, господин президент, это очень почтенная фирма, — улыбаясь, произнес Кисиро, — раньше ее возглавлял господин Макнамара, а теперь тоже очень, очень уважаемый человек господин Кларк.

«Ну что ж, — подумал Джонсон, — все стало на свои места».

— Будет время, господин президент, сделайте любезность, познакомьтесь с условиями контракта, а также с номенклатурой изделий.

— Конечно, конечно, господин Кисиро, я обязательно познакомлюсь и поддержу министра обороны, — с готовностью ответил президент, поняв, что не зря этот Кисиро пошел на скидку: подарок в миллион долларов будет возмещен за счет военного ведомства. Там можно скрыть и не такие суммы.

Возникшая вначале неприязнь к Кисиро растаяла, и президент тепло проводил до дверей своего гостя, пожелав ему успешного пребывания в Соединенных Штатах.

На следующий день президент принимал генерала Крейтона Абрамса, назначенного командующим американским экспедиционным корпусом во Вьетнаме. Джонсон хорошо знал Абрамса, но протокол требовал официального представления. Это сделал Кларк Клиффорд.

— Господин президент, — несколько торжественно начал министр обороны, — вы приняли решение назначить генерала Крейтона Абрамса ответственным за проведение нашей военной политики во Вьетнаме. Разрешите представить вам главнокомандующего, отбывающего к месту службы, и попросить вас высказать ему свои пожелания.

— Я с радостью и гордостью подписал ваше назначение, Крейтон. Зная ваши редкие личные качества, верность идеалам Америки, боевой опыт, надеюсь, что вы сделаете все необходимое для изменения нынешнего положения.

— Благодарю вас, господин президент, за доверие, которое вы мне оказываете. Я не пожалею сил, чтобы оправдать его, — с чувством произнес Абрамс, и это понравилось президенту.

— В нынешнем году, — продолжал президент, — мы столкнулись во Вьетнаме с непредвиденными трудностями, преодолеть которые предстоит вам. Там создалась

сейчас новая обстановка. Мы добились все-таки того, что Ханой дал согласие на начало переговоров.

Услышав это, Клиффорд испытал что-то вроде стыда за президента, потому что его администрация только под давлением союзников в Европе и своего народа вынуждена была согласиться сесть за стол переговоров с представителями Ханоя, а несколько дней назад пошла дальше: согласилась начать четырехсторонние переговоры в начале будущего года с Ханоем и Фронтом освобождения Южного Вьетнама. Но президенту очень хотелось даже перед лицом посвященных людей разыграть вариант своей победы.

— Ханой требует полного прекращения бомбардировок Северного Вьетнама. Мы, проявляя свою добрую волю и готовность к диалогу, ограничили район бомбардировок территорией южнее двадцатой параллели. Этим мы показали всему миру, что теперь дело не за нами. Если Ханой будет упорствовать, мы можем снова бросить против него свои воздушные силы.

Принесли кофе и три бокала шампанского.

— Разрешите мне, господа, поднять бокал за успех того дела, которое мы поручаем генералу Абрамсу. Ваше здоровье, Крейтон! За ваши успехи. За твое здоровье, Кларк!

Выслушав благодарность за добрые пожелания, Джонсон пригласил Абрамса и Клиффорда за маленький столик выпить кофе. Сделав глоток, он вернулся к делу.

— Я хочу посоветовать вам, Крейтон, изменить тактику военных действий во Вьетнаме с учетом всего, что там произошло. Я считаю целесообразным в нынешней ситуации отказаться от не оправдавшей себя идеи «поиска и уничтожения». Ошибка генерала Уэстморленда состояла прежде всего в том, что он разбросал имеющиеся в его распоряжении силы, распылил их и в результате оказался на всех участках слабее своего противника.

Новую тактику разработал Объединенный комитет начальников штабов, и Клиффорд познакомил с ней президента. В изложении министра обороны она выглядела веско и убедительно, и Джонсон одобрил ее.

— Я думаю, господин президент,— предложил тогда Клиффорд,— будет в высшей степени полезно и целесообразно, чтобы вы лично изложили ее генералу Абрамсу.

И с этим Джонсон согласился, и сейчас чувствовал себя в роли крупного военного авторитета, видя, с каким вниманием, как откровение, слушает его Крейтон Абрамс. Ему и в голову не могло прийти, что Абрамс получил все инструкции от председателя Объединенного комитета начальников штабов, уточнил все детали и возможные шаги в случае изменения обстановки. Но, направляясь к президенту, Клиффорд посоветовал Абрамсу сделать вид, что впервые слышит о новой тактике именно от президента Джонсона. Глядя сейчас на Абрамса, он усмехался в душе и боялся, что Крейтон переигрывает. Но президент уже чувствовал прилив сил и вдохновения, а внимание генерала Абрамса только прибавляло ему пафоса и красноречия.

— Отныне ваша задача будет состоять в том,— продолжал Джонсон,— чтобы защитить от атак Вьетконга крупные города, в первую очередь Сайгон, аэродромы, военные базы, наиболее важные пути коммуникаций. Пусть Вьетконг пока будет заперт в своих сельских районах. Настанет время, и мы, укрепив города, перестроив сайгонскую армию на новой основе, поможем ей одержать победу.

— Сэр,— спросил генерал Абрамс, давая возможность президенту время еще на один раунд красноречия,— какой линии придерживаться впредь в отношении бомбардировок территории Северного Вьетнама южнее двадцатой параллели и как поступить с высвобождающейся частью самолетов?

— Дорогой Крейтон, бомбардировки должны быть такими же интенсивными, как и раньше, ведь мы оставили для них район, по которому проходят основные коммуникации Ханоя. По ним он направляет на юг и живую силу, и оружие, и боеприпасы. Поэтому удары должны носить характер самый разрушительный. А что делать с освобождающимися самолетами? Кларк, как ты думаешь? — спросил Джонсон Клиффорда, так и не вспомнив, шла ли речь о самолетах раньше.

— Думаю,— ответил министр,— их можно направить на подавление сил Вьетконга южнее семнадцатой параллели.

— Понятно, Крейтон? — спросил Джонсон.

— Спасибо, господин президент, теперь мне все ясно,— горячо ответил генерал, снова поражая Клиффорда своими артистическими способностями. Он вызывал

умиление у президента. Прощание их было сердечным и теплым. Джонсон положил руку на плечо Абрамса.

— Итак, Крейтон, желаю тебе успеха. Ты получил нелегкое наследие, но я и Америка надеемся, что ты справишься с порученным делом.

Перед отлетом в Сайгон генерал Абрамс подвергся настоящей атаке журналистов. Не привыкший к шумной славе, к вспышкам фотоламп, к свету телевизионных юпитеров и к микрофонам, которые ему едва не засовывали в рот, Абрамс растерялся. Он неэффективно отвечал на вопросы, мялся, боялся сказать лишнего, и это настраивало против него наиболее рьяных газетчиков. Но один ответ пришелся по душе всем, и он стал крупным заголовком американских и сайгонских газет: «Я знаю, как сокрушить красных»,— уверенно сказал генерал Крейтон Абрамс, улетаая в Сайгон».

В конце июля генерал Абрамс принял командование американской армией, а в августе вооруженные силы Фронта освобождения перешли в наступление на многих участках, выбили американо-сайгонские отряды из большинства укрепленных постов вдоль дороги номер девять, атаковали штаб дивизии морской пехоты, эвакуированной с базы Фусань в лагерь Хнеудык недалеко от Дананга, потопили сторожевой военный корабль на реке Сайгон. Весь август они держали в своих руках инициативу, не давая новому командующему американской армией возможности разобраться в обстановке, начать организованное стягивание своих сил к узловым пунктам обороны, как было предусмотрено планом, утвержденным в Вашингтоне.

Неудачи на фронтах во Вьетнаме тревожным эхом отзывались на авеню Клебер в Париже, где начались официальные встречи представителей Ханоя и Вашингтона. Послу со специальными полномочиями Авереллу Гарриману все труднее становилось находить аргументированные возражения на обвинение главы вьетнамской делегации Суан Тхюи в том, что Соединенные Штаты ведут двойную игру, хотят и вести переговоры для обмана мирового общественного мнения, и в то же время продолжать варварские бомбардировки территории Демократической Республики Вьетнам.

— Господин Гарриман,— говорил Суан Тхюи,— вы человек, много поживший, много повидавший. Скажите, неужели вам доставляет удовольствие быть ширмой для нечестной политики вашей администрации, которая по-

шла на переговоры с нами, держа за спиной остро наточенный нож. От имени моего правительства я прошу передать в Вашингтон следующее: если Соединенные Штаты действительно хотят прийти к прочному миру, то вьетнамцы готовы вести искренние переговоры. Если же они хотят продолжать войну, то народ Вьетнама готов вести ее столько, сколько потребуется. Неужели все то, что произошло даже в последнее время, еще не убеждает американское правительство в бессмысленности расчетов поставить Вьетнам на колени?

Несмотря на свой долгий и богатый опыт дипломата, Гарриман растерялся, он испытал глубокий укол совести, потому что этот невысокий плотный человек с открытым лицом будто поймал его на неблагоприятной махинации.

— Господин посол,— ответил он наконец, не прибегая к переводчику, на французском языке, на котором говорил глава вьетнамской делегации,— я прошу вас не сомневаться в моей искренности. Я немедленно доведу наши слова до сведения моего правительства. Благодарю вас, господин посол.

Телеграмма Гарримана в государственный департамент и президенту Джонсону вызвала что-то вроде шутки. Сподвижник Рузвельта, Гарриман требовал в самых резких выражениях прекратить бомбардировки Северного Вьетнама, пока идут переговоры в Париже, или он немедленно, не ожидая замены, снимает с себя возложенные на него обязанности.

...Было около пяти часов вечера, когда в кабинет президента вошли государственный секретарь Дин Раск, министр обороны Кларк Клиффорд, директор ЦРУ Ричард Хэлмс и командующий американской армией во Вьетнаме Крейтон Абрамс, срочно вызванный из Сайгона. Президент сидел, положив крупные руки со сжатыми кулаками на стол. Посмотрел на вошедших, с которыми вместе и порознь виделся сегодня не один раз.

— Итак,— произнес Джонсон глухим голосом,— вы располагаете всей информацией, которая есть у меня. В свете того, что вы знаете, есть ли у вас какие-то возражения против немедленного прекращения бомбардировок Северного Вьетнама?

Президент оглядел каждого из присутствующих, еще надеясь, что хоть кто-нибудь из них найдет такие возражения,— пусть не Раск, но Клиффорд, Хэлмс, на худой

конец Абрамс. Но в гнетущей тишине, как камни, тяжело упали слова:

— Нет, сэр.

— Нет, сэр, абсолютно никаких возражений.

— В создавшейся ситуации, сэр, это единственный выход.

— Тогда, Дин,— медленно, будто силой выталкивая из себя слова, проговорил Джонсон,— передайте Гарриману в Париж, что с первого ноября мы прекращаем бомбардировки Северного Вьетнама.

Произнеся с трудом давшееся ему распоряжение, он вдруг напрягся, тупо, немигающе уставился перед собой, чувствуя, что еще немного — и ему станет плохо. Сердце будто тисками сжала противная ноющая боль. Осторожно, боясь сделать резкое движение, дрожащей рукой он налил стакан минеральной воды и выпил медленными, небольшими глотками. Стало немного легче.

— Вы понимаете,— снова с натугой произнес Джонсон,— какое роковое решение мы принимаем в этот час, господа? Рушится так долго и с такой настойчивостью проводимая нами концепция — карательными акциями возмездия сломить упорство Ханоя и заставить его прекратить вмешательство в дела Южного Вьетнама. Я бы мог выбрать более мягкое определение, но я сознательно избежну его: мы оказались перед крахом, господа, и нам, нашей администрации нечего сказать американскому народу в свое оправдание. Сейчас поздно искать причину, где мы ошиблись и какие факторы не учли в своей политике, но одно очевидно — что мы передадим новому президенту целую гору нерешенных вопросов, и они будут длительное время служить ему оправданием его собственных просчетов.

— Господин президент,— сказал директор ЦРУ с необычной для него торжественностью, к которой так часто любил прибегать сам Джонсон,— американский народ не может обвинить нашу администрацию в том, что мы не старались отстоять его интересы...

— Э, Ричард,— как-то безнадежно махнул рукой Джонсон,— сейчас не время прибегать к громким фразам, когда дела говорят сами за себя. Только победителей не судят, а мы с вами не сумели стать ими. Вчера Никсон в своем предвыборном выступлении сказал, что если война во Вьетнаме будет продолжаться в январе будущего года, то его правительство может лучше всего покончить с нею, потому что оно не наделало столько

ошибок, как нынешнее, и не связано амбициозными комплексами.

— Вы лучше нас знаете, господин президент,— вступил в разговор Дин Раск,— что Ричард Никсон не очень разборчив в средствах, он не остановится ни перед подлогами, ни перед махинациями, если почувствует, что ему кто-то стоит поперек дороги. Поэтому не стоит обращать на его слова много внимания, да еще накануне выборов.

— Все это правильно, Дин, только он — сторона нападающая, а мы — обороняющаяся, и в нашей обороне очень много уязвимых мест. Может быть, у него их будет потом еще больше, но сейчас он сильнее. Крейтон,— повернулся Джонсон к Абрамсу,— тебе, насколько я знаю, нелегко приходится во Вьетнаме, но теперь, когда мы приняли сегодняшнее решение, сфера твоих обязанностей несколько сужается. Безразлично, кто будет президентом,— ты облечен доверием американского народа и должен делать все, чтобы оправдать его.

— Я постараюсь, господин президент, иначе я не принял бы этого поста.

— Итак, господа, я хочу еще раз напомнить, что обязательства, оказавшиеся сильнее нас, заставили меня пойти на уступки, противоречащие моим убеждениям. Я благодарю вас всех за то, что постоянно находил у вас поддержку и понимание. Пусть горечь разочарования, неосуществленных планов и надежд не отравляет вам жизнь в будущем и не ослабляет вашего служения нашим общим идеалам,— не удержался Джонсон от пафоса.— Еще раз благодарю вас, господа.

Оставшись один, Джонсон долго сидел, крепко сжав голову руками, потом поднялся и вышел в комнату отдыха, примыкающую к Овальному кабинету. Он снял пиджак, ботинки и тяжело лег на широкий диван. Закрыв глаза и почувствовал страх. Этот страх мучил его с детских лет. Когда-то, давным-давно,— ему было лет восемь, а может, девять,— в небольшом городке, куда его взял с собой отец, он увидел напугавшую его скульптуру. Может, это был памятник мустангам, уступившим просторные прерии городам и пашням, может, какому-то знаменитому скакуну,— неизвестно. Огромная глыба мрамора стояла посреди площади, а на ней большая голова лошади с растрепанной гривой. Прямо, как живая, голова смотрела на Линдона, и он не мог отвести от нее взгляда, стоял, оцепенев от ужаса: ему

стало чудиться, что лошадь застряла в камне и старается, напрягая последние силы, вырваться. С Линдоном случился нервный припадок. Он упал, забился в конвульсиях, и подоспевший врач сразу определил причину: эта лошадь и на многих взрослых производила гнетущее впечатление. Больше он никогда наяву не видел страшной мраморной глыбы, но в трудные минуты она сама стала являться к нему, вызывая нервный озноб и суверенный страх.

Джонсон поднялся с дивана, прошел в ванную комнату, умылся холодной водой и сел в глубокое удобное кресло перед темным экраном телевизора. Он не стал включать его, отдался воспоминаниям.

Услужливая память унесла его в 1940 год. Бедный 32-летний конгрессмен, выбранный в палату представителей финансовыми воротилами Техаса из компании «Браун энд Рут инкорпорейтед» за то, что Джонсон обещал узаконить их сделку сомнительного свойства, страстно рвался к деньгам и политической карьере. Он здорово помог своим покровителям, мог бы сразу стать состоятельным человеком, но отказался «купить» доходную нефтяную вышку у братьев Браун.

— Я не могу стать нефтепромышленником, — сказал Линдон после мучительного раздумья. — Если общественность узнает о моих связях с нефтяной компанией, это сделает меня политическим трупом.

Старший Браун рассмеялся:

— Разве можно стать политическим трупом, если будешь в Техасе нефтяником?

Но все-таки Джонсон справился с соблазном, подчинил свою страсть к деньгам политической карьере. Потом он нашел способ примирить эти два честолюбивых стремления. Через 23 года он вошел в Овальный кабинет Белого дома самым богатым президентом из всех своих предшественников. Его личное состояние оценивалось в 14 миллионов долларов, хотя многие считали, что эта цифра занижена.

Джонсон с трудом вырвался из цепких воспоминаний прошлого, подошел к столу и снова прочитал телеграмму Гарримана, чтобы убедиться, что не пропустил в ней какого-нибудь скрытого смысла. Телеграмма была составлена в резких выражениях, и Джонсон, будь это даже годом раньше, отнесся бы к ней иначе, но в нынешнем своем положении он проглотил оскорбительный тон послания — со старым Авереллом нельзя было не

считаться. Джонсон хорошо знал, что даже Рузвельт прибегал к помощи Гарримана, когда надо было обсудить что-то деликатное с самым сложным и так до конца не понятным человеком — маршалом Сталиным. И тут же, по ассоциации, Джонсон вспомнил одну из неприятных бесед с покойным президентом.

Шел 1944 год. Война в Европе близилась к своему победному завершению, а в Америке, так и не услышавшей ни воздушных тревог, ни свиста бомб, все вращалось в обычной колее. Война была далеко, и Америка, пользуясь этим, наживалась. Наживался и конгрессмен Джонсон, научившийся к тому времени всеми способами сколачивать капитал. Нефтяная компания братьев Браун выложила несколько миллионов, чтобы Линдон по-прежнему оставался ее защитником в конгрессе. Джонсон был счастлив и не замечал, что его финансовыми махинациями заинтересовалась налоговая служба. Нарастал грандиозный скандал. Вот тогда-то и вмешался в дело сам президент. Он вызвал Джонсона в свой Овальный кабинет и о чем-то долго беседовал с ним с глазу на глаз. В то время Рузвельту и во сне не могло присниться, что на редкость жадный до денег, услужливый и заискивающий перед сильными личностями конгрессмен, не проявивший особого ума, но тем не менее настырно рвущийся вперед, станет когда-нибудь сам хозяином этого кабинета. Рузвельт только бы улыбнулся этому как не очень остроумной шутке. Он стал на защиту Джонсона, не желая, чтобы его партию обвинили в том, что ее члены используют войну для личного обогащения.

Рузвельт сначала переговорил со своим молчаливым, но всесильным адвокатом Элвином Виртцем, который по совпадению был первым политическим «крестным отцом» Джонсона. За могущество в мире бизнеса Виртца за глаза называли вице-королем Техаса. После разговора с ним Рузвельт позвонил начальнику управления внутренних доходов и попросил его закрыть расследование дела Джонсона. Начальник управления сказал, что это будет трудно сделать, поскольку махинации приняли слишком крупные размеры, но Рузвельт умел уговаривать людей, особенно тех, кто ему был чем-то обязан. Много позже один из биографов тридцать шестого президента напишет: «Линдон Джонсон покинул президентский пост, дожил жизнь и умер, а американский народ так и остался в неведении о размерах его алчности».

Сейчас, читая послание Гарримана, Джонсон только на минуту вспомнил своего покровителя, спасшего его от политического краха.

— Крах? — вслух произнес Джонсон, будто спрашивая кого-то, притаившегося в этой комнате.

Он вскинул резко голову, отбросил листок, который держал в руке, и быстро подошел к широкому окну кабинета. Как и пять лет назад, когда он впервые вошел сюда как хозяин Белого дома, вот так же ярко горела цепочка огней, весело убегающих вдаль и призывно манящих за собой вперед. Неожиданно ощущение тупой боли и страха пронзило Джонсона, и он, наклонившись к подоконнику, закрыл глаза. Потирая рукой левую сторону груди, он вдруг понял, почему ему невыносимо трудно в эти дни: ведь он — та самая лошадь, раздавленная гранитной глыбой событий, которыми он намеревался повелевать.

Наконец Джонсон открыл глаза, посмотрел в окно. Огни уже не сияли так ярко, как раньше. Они никуда не звали и ничего не обещали. Они напомнили о несбывшихся мечтах и рухнувших надеждах.

*Ханой — Москва — Ханой,
1979—1982*

Конец первой книги

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	47
Глава четвертая	63
Глава пятая	73
Глава шестая	87
Глава седьмая	104
Глава восьмая	115
Глава девятая	126
Глава десятая	142
Глава одиннадцатая	157
Глава двенадцатая	168
Глава тринадцатая	181
Глава четырнадцатая	191
Глава пятнадцатая	202
Глава шестнадцатая	215
Глава семнадцатая	224
Глава восемнадцатая	243
Глава девятнадцатая	256
Глава двадцатая	275
Глава двадцать первая	293
Глава двадцать вторая	311
Глава двадцать третья	327
Глава двадцать четвертая	345
Глава двадцать пятая	362
Глава двадцать шестая	377
Глава двадцать седьмая	387
Глава двадцать восьмая	411
Глава двадцать девятая	427
Глава тридцатая	447

Михаил Георгиевич Домогацких

ЮЖНЕЕ РЕКИ БЕНХАЙ

М., «Советский писатель», 1984, 464 стр.
КБ—3—25—84

Редактор *В. С. Рагов*

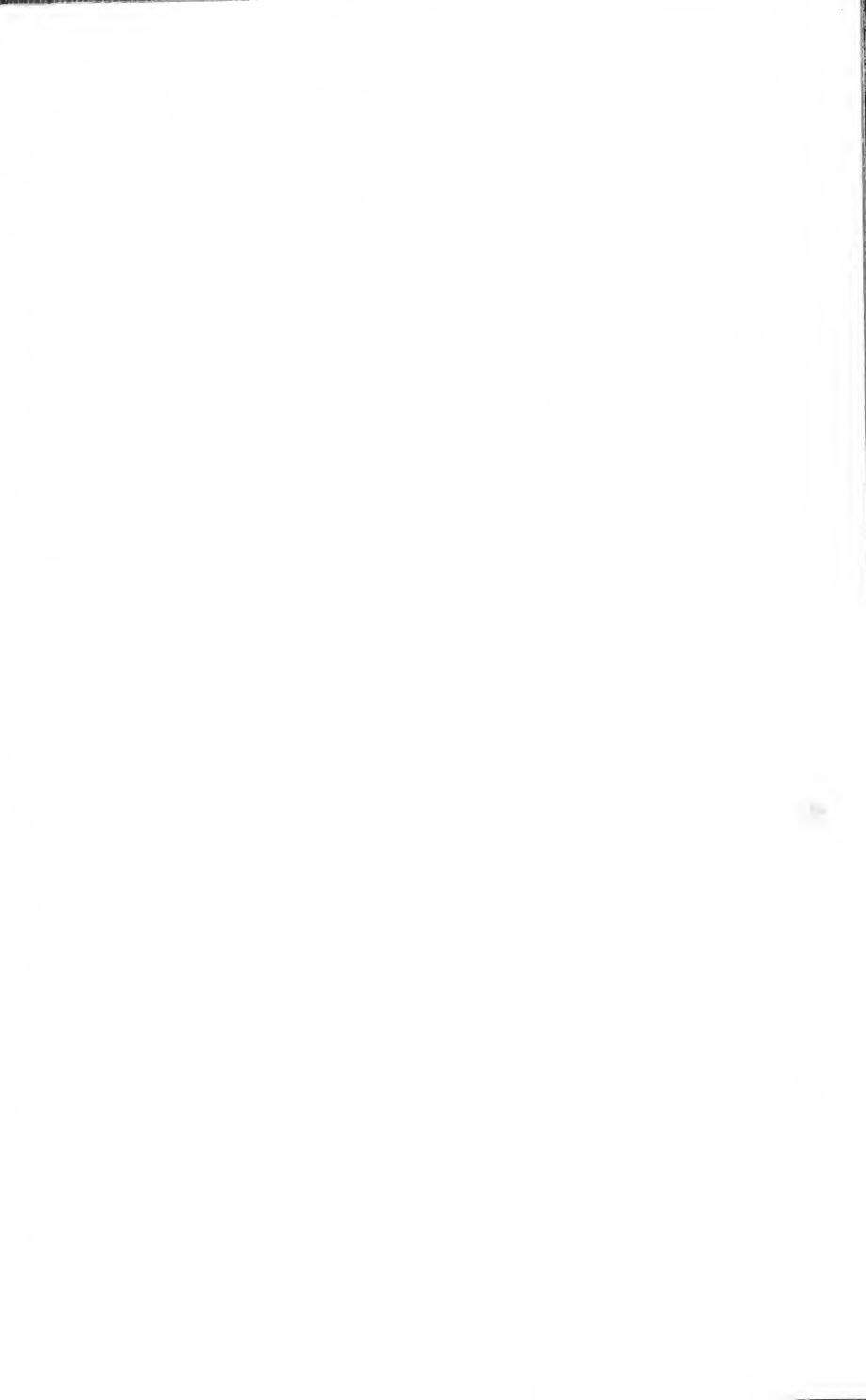
Худож. редактор *Е. Ф. Капустин*

Техн. редактор *Е. Ф. Шарова*

Корректор *Н. П. Задорнова*

ИБ № 4406

Слано в набор 16.02.84. Подписано к печати 31.10.84. А 02563. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 25,74. Тираж 100 000 экз. Заказ № 120. Цена 2 р. 10 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». 121069, Москва, ул. Воровского, 11. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

2p.10m

MINXMANIA BOOKS LONDON XXIX THE XXIX